

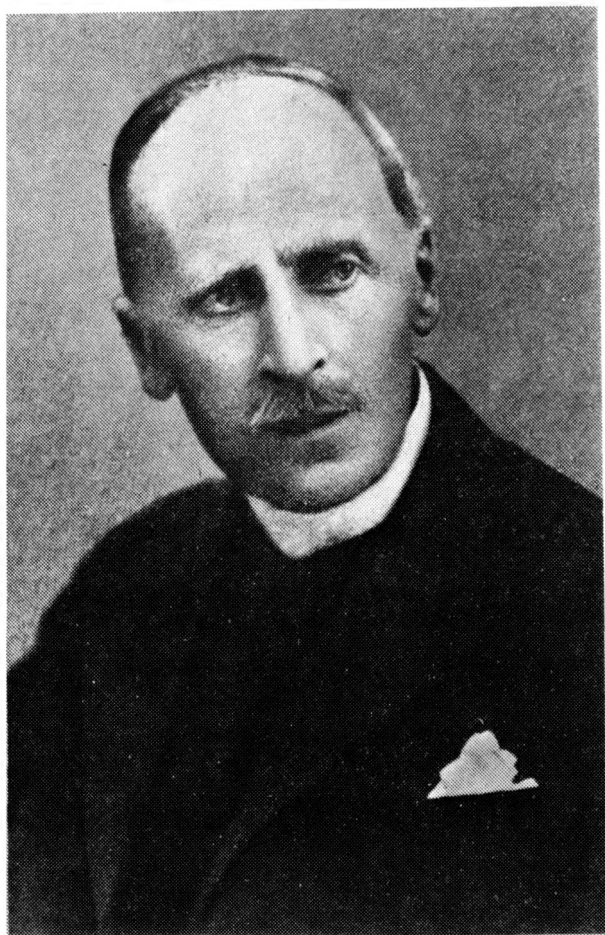
**РОМЕН
РОЛАН**

**Четырнадцатое
июля**

Дантон

Робеспьер

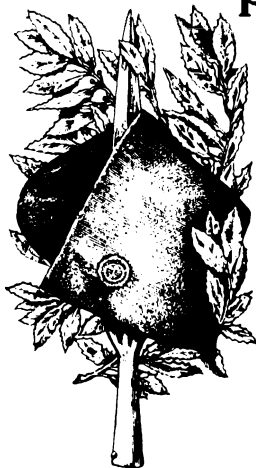

РОМЕН РОЛАН

Четырнадцатое
июля

Дантон

Робеспьер

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1989

ББК 84.(4Фр)

Р 67

Перевод с французского

Статья *Т. Мотылевой*

Комментарий *Т. Динесман*

Художник *Е. Гольдин*

Роллан Ромен.

Р 67 **Четырнадцатое июля. Дантон. Робеспьер. Драмы/Вступ. ст. Т. Мотылевой; Коммент. Т. Динесман. — М.: Искусство, 1989. 416 с., портр.**

Все три пьесы посвящены событиям Великой французской революции 1789—1794 годов. Художественное оформление книги основано на подлинных документах эпохи.

Р $\frac{4703010300-095}{025(01)-89}$ 48—89

ББК 84.(4Фр)

ISBN 5-210-00401-5

© Статья, комментарий.
Издательство «Искусство», 1989 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ДРАМАХ РОМЕНА РОЛЛАНА

Ромен Роллан широко известен — и во Франции, и в нашей стране, и во всем мире — прежде всего как автор романов «Жан-Кристоф», «Кола Брюньон», «Очарованная душа». Менее широко известно, что он дебютировал как драматург и на раннем этапе своей писательской деятельности хотел работать именно как драматург. Его с юных лет привлекал театр. И вместе с тем в нем рано сложилось, и с годами возрастало, чувство оппозиции ко всем влиятельным направлениям французской драматургии конца XIX — начала XX века: это чувство выражено и в его цикле статей «Народный театр» (1900—1903), и особенно резко — в пятой части романа «Жан-Кристоф» — «Ярмарка на площади». Он отвергал театр символизма, изысканный и далекий от жизни; современные социально-бытовые пьесы, даже наиболее выдающиеся, казались ему гнетуще мрачными; и уж вовсе неприемлемы были для него развлекательные сценические поделки, созданные на потребу буржуазной публике. Образцы наиболее близкие его сердцу он находил у Шекспира и Гюго. Он считал, что зрителю современной эпохи, насыщенной общественными и национальными конфликтами, предвещающей еще более острые конфликты в недалеком будущем, настоятельно нужна драматургия, обращенная к широким массам, способная побудить публику к действию, вызвать в ней гражданские эмоции. Именно на этих путях виделось ему грядущее обновление французского театра.

Роллан говорит в своей работе «Народный театр»: «Наши драматурги пренебрегали сокровищами драмы, заключенными в истории французского народа... Наш народ имеет, быть может, самую героическую после Рима историю... От Аттилы до Наполеона, от Каталонских полей до Ватерлоо, от крестовых походов до Конвента — судьбы мира разыгрывались на французской земле»¹. В своих ранних драматур-

¹ Роллан Р. Собр. соч. в 14 т. М., 1954—1958, т. 14, с. 245.

гических опытах он неизменно обращался к прошлому — французскому, иногда и не только французскому.

Молодой Роллан писал одну за другой пьесы на сюжеты из эпох античности, средневековья, Возрождения: в них бушевали сильные страсти, действовали незаурядные характеры; но эти торопливо написанные ранние вещи не могли пробиться ни на сцену, ни в печать, несмотря на поддержку такого видного артиста, как Мунэ-Сюлли. В 1897 году была напечатана наконец его пьеса о короле-крестоносце Людовике Святом; год спустя была поставлена, но быстро сошла со сцены его драма «Аэрт».

Первым драматическим произведением Роллана, которое привлекло к себе внимание, явилась пьеса «Волки» (1898). Сюжет ее был подсказан злободневным событием — борьбой вокруг судьбы безвинно осужденного капитана Дрейфуса, — но персонажи, время и атмосфера были взяты из эпохи французской революции. И у Роллана возникла счастливая идея: создать пьесы, посвященные этой эпохе. Отсюда берет свое начало цикл «Драмы революции», работа над которым растянулась — с перерывами — на сорок лет.

В этот цикл вошло восемь пьес. Перечислим их в том порядке, в каком они были опубликованы: «Волки» — 1898, «Торжество разума» — 1899, «Дантон» — 1899, «14 июля» — 1902, «Игра любви и смерти» — 1925, «Вербное воскресенье» — 1926, «Леониды» — 1928, «Робеспьер» — 1939.

Понятно, что в этом цикле, написанном со столь длинными паузами, отразилась, и не могла не отразиться, идейная эволюция писателя, трудный ход его поисков. На протяжении десятилетий он размышлял над острыми проблемами времени, над путями исторического развития народов. В отдельных пьесах цикла в разной мере сказались противоречия мировоззрения Ромена Роллана, его колебания в таких сложных вопросах, как оценка конечных результатов революции, соотношение в ней цели и средств. Иной раз именно трагические аспекты эпохи, издержки и жертвы на революционном пути народа выступали у него на первый план (так случилось, например, в наименее удачной части цикла, пьесе «Торжество разума», где жирондисты, отступившиеся от революции и преследуемые якобинской диктатурой, показаны в мученическом ореоле). Но в «Драмах революции», взятых как целое, переворот, сокрушивший одну из самых сильных феодальных монархий в Европе, предстает в свете высокой героики — как переломный момент мировой истории. Каковы бы ни были трудности, лишения, испытания, жертвы на пути восставшего народа, француз-

ская революция XVIII века всколыхнула глубинные слои нации, неизмеримо подняла самосознание масс, оказала мощное влияние на судьбы соседних с Францией народов, на поступательное движение всего человечества. В этом Ромен Роллан никогда не сомневался.

Глубокий интерес писателя к французской революции, желание ближе узнать весь ее ход, характеры и жизненные пути ее участников — все это берет свое начало еще в юношеских занятиях Роллана-студента, избравшего в Высшей Нормальной школе специальность историка. В последующие годы он углубленно, увлеченно изучал все доступные ему материалы и документы о людях революции (об этом свидетельствуют многие его письма к разным лицам) и в своих драмах старался — не в деталях, а в главном — не отступать от правды исторических фактов. В пяти драмах цикла эти факты представлены, так сказать, косвенно, преломлены через личные судьбы и взаимоотношения вымышленных персонажей. А в трех пьесах — «Четырнадцатое июля», «Дантон», «Робеспьер» — воспроизводятся подлинные исторические события, и главные герои там — реальные исторические лица. Эти три пьесы и составляют наиболее весомую, идейно и художественно значимую часть всего цикла.

В драме «Четырнадцатое июля» только одно заметное отступление от исторической точности. Роллан вводит Марата и Робеспьера в круг прямых участников штурма Бастилии, хотя они ими не были. Ему это, очевидно, было нужно, чтобы более отчетливо установить связь между взятием Бастилии и последующим ходом революции. Зато два персонажа, на которых возложена роль идеологов, комментаторов событий, Лазар Гош и Пьер-Огюст Гюлен, действительно были в тот день в толпе революционных парижан и впоследствии выдвинулись, стали видными военными деятелями Республики, а Гюлен — и империи Наполеона. Дальнейшую судьбу Гюлена Роллан досказывает в авторской ремарке; досказывать судьбу Гоша ему не нужно — прославленный генерал Республики остался в памяти французского народа, его именем названа одна из парижских улиц. И именно Гошу доверяет писатель наиболее дорогие свои мысли. Конечно, Гош — в момент взятия Бастилии двадцатилетний капрал — вряд ли мог обладать таким красноречием и такой зрелостью мысли, какие даны ему в пьесе. Но Роллан тут идет на художественную условность, заставляет юношу произносить увлекательно-страстные монологи о грядущем торжестве социальной справедливости. Есть своя правда — Роллан видит это — и в суждениях скептика

Гюлена: народ темен, ненадежен, это «одержимый слепец»; поддающийся стихийным страстям. Но Гош горячо возражает ему: «И все же в этой темной массе больше силы и здравого смысла, чем в любом из нас. Даже и нравственно она выше. Без народа мы — ничто». «Пусть только народ свершит то, что он в состоянии свершить, и ты увидишь, что мир можно переделать».

Именно в этой пьесе Ромен Роллан впервые попытался реализовать те принципы героического общедоступного зрелища, которые он утверждал в своей книге «Народный театр». «Четырнадцатое июля» не сюжетная драма, а, скорее, историческая хроника; главный герой действия — сам народ, согласно авторской ремарке — «все классы общества — голодные нищие, рабочие, буржуа, аристократы, солдаты, священники, женщины...». «Отдельные личности растворяются в народном океане».

Драматург поставил тут перед собой крайне трудные задачи. Он изобразил толпу, но вместе с тем и людей, выделяющихся из толпы, способных выразить волнения «народного океана». В пьесе множество эпизодических лиц — иногда они названы просто «рабочий», «студент», «оборванец». И действительно, толпа получилась у Роллана очень живой, разнообразной. Поочередно выдвигая на первый план различных персонажей, передавая нить диалога то одному, то другому из них, писатель добился большой четкости и согласованности действия. Особенно — в начале второго акта, где реплики парижан, строящих баррикаду, чередуются и сливаются в разноголосом и все же согласном хоре.

Пьеса, поставленная Фирменом Жемье в театре «Ренессанс» в 1902 году, прошла с успехом 29 раз: потом спектакли пришлось прекратить ввиду материальных трудностей, с которыми театр не мог справиться. Но все-таки эта удавшаяся постановка дала Роллану подтверждение, что его новаторские принципы осуществимы в театре и могут найти отклик у зрителей.

В цикле «Драмы революции» пьеса о взятии Бастилии занимает особое место. В ней, и только в ней, действие безраздельно окрашено историческим оптимизмом: все в ней возмемлено к финалу — победе народа. Эта победа оказалась возможной, потому что народ в тот момент действовал как единое целое. В других драмах цикла (из них, не забудем, три были написаны до драмы «Четырнадцатое июля») на первый план действия выступает уже не борьба народа с феодально-абсолютистской монархией — борьба, в которой

участвовали разные общественные силы, — а противоречия внутри революционного лагеря, оказывающиеся непреодолимыми, приводящие к трагическим для революции последствиям.

Чем были вызваны эти противоречия? Когда Роллан начинал работу над своим циклом, он очень неясно представлял себе классовую основу событий, разнородность социальных элементов, входивших в якобинский блок. Коллизии, превращавшие вчерашних союзников и друзей в непримиримых врагов, представлялись ему результатом иррациональных роковых сил или выражением различий в темпераментах деятелей революции.

На первых порах существования якобинской Республики у нее было три вождя, которые действовали согласованно и пользовались авторитетом в народе: Робеспьер, Дантон, Марат. Но Марат был убит жирондисткой Шарлоттой Корде еще летом 1793 года. А между Робеспьером и Дантоном стали обнаруживаться глубокие разногласия. Они привели в конце концов к суду над Дантоном и его казни в жерминале (апреле) 1794 года. Об этом и идет речь в «Дантоне» Романа Роллана.

Дантон представлял умеренное течение в якобинстве — в противовес Робеспьеру, более решительному и последовательному. Однако в трактовке Роллана вражда между двумя лидерами понята и раскрыта прежде всего в психологическом плане — как личное соперничество, личное противостояние двух резко различных характеров. Дантон, «Гаргантюа в шекспировском вкусе», грубоватый, напористый, жизнелюбивый, в момент, когда начинается действие драмы, поддается настроениям апатии и усталости; он предлагает даровать «полную амнистию всем друзьям и недругам», и в этом сказывается не столько забота о благе Франции, сколько нарастающее равнодушие, желание «пожить для себя». Робеспьер, суровый, непримиримый, не жалеющий своих сил во имя революционного дела, — человек принципиально иного склада, в психологическом плане он прямая антитеза Дантону. Сопоставляя героическое самоотречение Робеспьера, который живет впроголодь, наравне с трудным людом Парижа, и эпикурейство Дантона, который хвастает своими кутежами, Роллан дает почувствовать моральное превосходство Неподкупного. Нравственная сторона его конфликта с Дантоном яснее писателю, важнее для него, чем сторона идейная, политическая. Вместе с тем Роллан улавливает и передает главное: Робеспьер преданно служит ре-

волюции, в то время как Дантон, по сути дела, охладел к ней.

На заседании революционного трибунала, которое составляет содержание третьего акта, против Дантона выдвигается обвинение, будто он участвовал в заговоре против якобинской республики с целью восстановления монархии, — поэтому он и приговаривается к смертной казни. Но читатель и зритель вправе усомниться, что Дантон, каковы бы ни были его прегрешения и злоупотребления, хотел восстановить монархию, свергнутую при его активном участии. В драме ясно показано, что казнь Дантона была предрешена еще до суда, — обвинительное заключение готовилось Робеспьером и его сторонниками именно с таким расчетом, чтобы раз и навсегда опорочить Дантона перед народом, привыкшим ему доверять. А на заседании суда прокурор Фукье-Тенвиль, нарушая все нормы законности, лишает Дантона и его сторонников возможности защищаться. (В изображении суда над Дантоном Ромен Роллан, как установлено исследователями, широко, местами дословно использует подлинные документы.)

На чьей стороне сам Роллан? В последующие годы он несколько раз, по разным поводам разъяснял: как бы то ни было, он на стороне Робеспьера. В июле 1922 года Роллан, полемизируя с историком Матъезом на страницах журнала «Кларте», писал по поводу своей давней пьесы о Дантоне: «Я восхищаюсь Робеспьером, я всегда восхищался им, и (я, вероятно, удивлю Матъеза) еще тогда, когда я писал «Дантона», я считал Робеспьера гораздо более великим человеком, чем Дантон, считал его самым великим человеком нашей революции, самым зорким и самым дальновидным. Мой «Дантон» лишь обрубок прерванной эпопеи, в которой несколько песен (или драм) должны были быть посвящены Робеспьеру. Но, воздавая ему почет, я тем не менее знаю в 1922 году, точно так же как в 1900 году, что, если бы Робеспьер завтра стал хозяином Франции, я пошел бы на казнь с Шенье, а не с Робеспьером».

Упоминание об Андре Шенье, крупном поэте, погибшем на гильотине в последние дни якобинской диктатуры, тут не случайно: Роллана глубоко тревожила и в послевоенные годы продолжала тревожить проблема революционного террора. О ней не раз говорится в его публицистике и письмах двадцатых годов.

Еще раньше, в статье «Привет свободной и несущей свободу России», датированной 1 мая 1917 года, Роллан попытался соотнести русскую революцию с французской:

«...Наша революция была делом великих буржуа, порода которых вымерла. У них были опасные пороки и суровые добродетели. Нынешняя цивилизация унаследовала от них только пороки: фанатизм и жадность. Желая, чтобы ваша революция была революцией великого народа, здорового, братского, человеческого, способного избежать крайностей, в которые впали мы!

Главное, оставайтесь едиными! Пусть наш пример будет поучителен для вас! Помните о французском Конвенте, пожиравшем, подобно Сатурну, своих детей!.. Наши отцы хотели в 1792 году принести свободу миру. Это им не удалось, возможно, они не очень хорошо взялись за дело. Но намерения у них были высокие. Пусть же и у вас они будут столь же высокими. Несите Европе мир и свободу!»¹

В двадцатые годы, которые были для Роллана периодом мучительно трудных поисков, у него возникло желание продолжить свой драматический цикл. Но он не торопился реализовать свой давний замысел пьесы о Робеспьере. Он написал драму «Игра любви и смерти», отмеченную известной двойственностью по отношению к якобинской диктатуре; написал также пьесу-пролог «Вербное воскресенье» и пьесу-эпизод «Леониды». Там встают персонажи-антагонисты: принц де Куртене и революционный разночинец Матьё Реньо. В пьесе-прологе они яростно спорят. В пьесе-эпизоде, действие которой происходит в 1797 году, бывшие противники встречаются в Швейцарии. Оба они — эмигранты, история пошла непредвиденными путями для них обоих, и это примиряет их. Но бывший принц за годы изгнания многое понял, многому научился, а бывший депутат Конвента по-прежнему твердо верит в правоту революционного дела. Матьё Реньо, связующий воедино начало и конец цикла, появится, как мы увидим, и в «Робеспьере».

Как известно, тридцатые годы ознаменовали для Роллана высокий подъем антимилитаристской, антифашистской деятельности, укрепление дружбы с французскими коммунистами и с Советским Союзом, где он побывал в 1935 году. Большим, радостным для него событием стала новая постановка, в 1936 году, пьесы «Четырнадцатое июля» в театре «Альгамбра»: в условиях успехов Народного фронта во Франции пьеса обрела новую, неожиданную активность. В «Комеди франсез» была поставлена в 1939 году «Игра любви и смерти»; Роллан внес в нее добавление, где усилил аргументацию в поддержку якобинской политики.

¹ Роллан Р. Собр. соч., т. 13, с. 78.

Летом 1939 года во Франции было торжественно отмечено 150-летие Французской революции. Ромену Роллану было бы, наверное, нетрудно встретить эту дату новой пьесой, в которой преобладал бы оптимистический, праздничный колорит, как в драме «Четырнадцатое июля». Но он пошел более трудным путем: завершил свою давно задуманную драму, в сущности, трагедию о гибели Робеспьера и крахе якобинской диктатуры. В этом монументальном произведении Роллан сделал то, что не удавалось до того ни одному писателю: проанализировал причины поражения революции, показал это поражение в разных ракурсах, суровыми рембрандтовскими красками, озарив трагическую картину прошлого идеей величия революции, бессмертия ее принципов.

Роллану и раньше было ясно, что революция XVIII века была «делом великих буржуа». Но лишь в «Робеспьере» он впервые высказал истину, которую ему было нелегко художественно осознать: Робеспьер, Сен-Жюст и их единомышленники не дали народу Франции обещанной свободы, обещанного счастья не потому, что не хотели или не сумели, а потому, что исторически не могли. Пусть в кратком предисловии Роллан по привычке ссылается на «неотвратимый рок», — на этот раз в художественном изображении событий торжествует конкретно-историческое, реалистическое их истолкование.

Роллан теперь гораздо меньше, чем прежде, расположен искать причины исторических событий в характерах их участников. Робеспьер и Сен-Жюст, а тем более их единомышленники Кутон, Леба не такие неумолимо суровые догматики, какими представлены якобинские лидеры в «Дантоне». Им от природы присуще и умение радоваться жизни, и чувства дружбы и любви и даже милосердия. И если они властным усилием воли подавляют в себе эти чувства, тому виною прежде всего та историческая ситуация, в которой они оказываются.

Роллан идет по линии наибольшего сопротивления, показывает якобинскую диктатуру в необычайно сложный, кризисный период ее существования — после казни Дантона.

Именно в это время, говорит советский историк, «Робеспьер явственно ощутил, что руль государственной власти, который так послушно поддавался его сильной руке, перестает ей повиноваться... Якобинская диктатура обеспечила решение задач буржуазно-демократической революции, действуя плебейскими методами. Но как только главные задачи революции были разрешены, враги ее повержены, непосредственная опасность реставрации устранена, все внутренние

противоречия, заложенные в самой природе якобинской власти, немедленно всплыли на поверхность»¹.

За пять лет, прошедших со времени взятия Бастилии, в социальной структуре Франции произошли существенные изменения. Взамен старой аристократии, уничтоженной или ушедшей в эмиграцию, возник новый слой богачей — те, кто покупали по дешевке опустевшие поместья, спекулировали, наживаясь на инфляции и продовольственных трудностях. В седьмой картине «Робеспьера» эта новая буржуазия представлена наглядно, зримо: перекупщики и торгаши, пирующие в кафе Пале-Рояля, откровенно говорят о своих делах, жалуются на Робеспьера — он «не понимает священных прав богатства», его пора свалить.

На другом полюсе французского общества — беднейшее население, которому революция пока что ничего не дала. Старуха крестьянка упрекает Робеспьера: «Теперь пошли новые богачи. А бедняки так и остались бедняками...» У неимущих горожан, особенно жителей столицы, свои обиды на диктатуру, которая подавила левое крыло якобинцев, казнила Эбера и Шометта, закрыла популярную газету «Папаша Дюшен». Еще в начале 1794 года были провозглашены так называемые Вантозовские декреты, направленные на то, чтобы улучшить положение бедноты: они предусматривали бесплатный раздел собственности врагов революции среди неимущего населения. Но эти декреты так и не были проведены в жизнь.

Все это вызывает резкие разногласия в правительственной верхушке. Прямодушный Сен-Жюст настойчиво рекомендует прибегнуть к экспроприации новых собственников: «Я требую ввести в действие Вантозовские декреты... Для того ли Революция отняла привилегии у знати, чтобы даровать привилегии богатству?» Но ему возражают. В руках богачей и торговля и государственный кредит, от них зависит снабжение армий, а ведь Франция находится в состоянии затяжной войны с могущественной монархической коалицией...

Робеспьеру удается до поры до времени разрешать спорные вопросы силою своего личного авторитета. Ромен Роллан настаивает, опираясь на документы, на собственные высказывания Робеспьера: он не хотел единоличной власти, не хотел стать диктатором. Но силою событий становился им.

¹ Манфред А. З. Максимилиан Робеспьер. — В кн.: Манфред А. З. Три портрета из эпохи Великой французской революции. М., «Мысль». 1978. с. 344—345.

Он иной раз бывал вынужден положить на чашу весов именно свой личный авторитет, игнорируя возможное сопротивление даже своих убежденных сторонников. Картина деятая открывается возмущенными репликами видных якобинских деятелей: «Он стал невыносим!», «Он мнит себя неограниченным монархом». Повод к таким суждениям о Робеспьере, произносимым за глаза, — Прериальский декрет, упростивший процедуру рассмотрения дел в Республиканском трибунале и широко открывший дорогу судебному произволу. Этот декрет вызвал глухие возражения в правящих кругах якобинцев, но Робеспьер и Кутон, внесший его в Конвент, с ними не посчитались — это было, конечно, их трагической ошибкой. Результатом Прериальского декрета стало резкое увеличение числа арестов и казней — именно перед падением якобинской диктатуры.

В «Робеспьере» проблема террора встает с особой остротой, причем ставится более точно, более диалектично, чем в прежних пьесах Роллана. Драматург тут далек, конечно, от абстрактного отрицания любого кровопролития. Он показывает состояние непрерывной, отчаянной самозащиты, в котором находилась юная Французская республика, — в этих условиях политика снисхождения к врагам была бы невозможной и губительной. Но он заставляет читателя размышлять: всегда ли справедливо, всегда ли в нужном направлении действовал карающий меч якобинской диктатуры? Он судит о терроре прежде всего с позиций революционной целесообразности — и дает возможность убедиться, что эксцессы террора приносили делу революции глубокий вред. В условиях массовых скорых расправ иногда именно шпионы и заговорщики ускользали от правосудия, а погибали честные граждане и мало-помалу подрывалась вера народа в справедливость революционного дела.

Характерен эпизод из сцены в Пале-Рояле. Там среди случайных посетителей оказывается генерал Гош — тот самый, который пять лет назад активно участвовал во взятии Бастилии. Он только что отозван с фронта и уже знает, что над ним сгущаются тучи. И действительно, его берут под стражу прямо на глазах у обнаглевших богачей. Роллан в послесловии сообщает, что он тут намеренно допустил неточность — изменил дату и обстоятельства ареста Гоша. Об излишествах и злоупотреблениях при проведении террора не раз упоминается по ходу пьесы, о них с тревогой говорит сам Робеспьер. Но писателю было важно показать зримо, конкретно, на живом человеческом примере, как совершались эти злоупотребления. Необоснованный арест храброго

полководца Республики с особенной силой сигнализирует об ошибках якобинской диктатуры.

У Ромена Роллана были актуальные поводы для таких размышлений. В Советском Союзе он побывал, как мы помним, в 1935 году и вынес оттуда много ярких положительных впечатлений. Но от него не укрылись и некоторые тревожные явления, связанные с культом личности, — об этом свидетельствуют опубликованные фрагменты его московского дневника. Роллан с глубоким волнением следил за трагическими событиями внутренней жизни СССР последующих лет, — он оставался другом нашей страны, но в 1937 году в его дневнике появилась запись: «Я защищаю не Сталина, а СССР»¹. В «Робеспьере», конечно, нет никаких прямых аналогий или аллюзий. Однако нетрудно предположить, что Роллану в ходе работы над «Робеспьером», в 1937—1938 годах, не раз вспоминалось предостережение, сделанное им когда-то друзьям из революционной России: «...помните о французском Конвенте, пожирившем, подобно Сатурну, своих детей...»

В соответствии с исторической истиной Роллан показывает, что власть Робеспьера поддерживалась, конечно, не только силой страха. Даже и незадолго до своего падения он пользовался немалой популярностью в народе. В сцене празднества 20 прериаля в честь Верховного существа население восторженно приветствует Робеспьера, женщины бросают ему розы, в толпе раздаются возгласы: «Ты наш добрый пастырь. Счастлив народ, который ты ведешь!» Драматург дает нам почувствовать нечто нездоровое истораживающее в этом истерическом преклонении перед главой государства. Культ Верховного существа, введенный Робеспьером взамен христианской религии, незаметно оборачивается культом самого Робеспьера. Народ, безоглядно веривший свою судьбу «доброму пастырю», — это уже не тот народ, который штурмовал Бастилию и брал на себя ответственность за будущность страны. Французский народ уже не тот — этот мотив несколько раз звучит в диалогах. Растерянность, апатия, колебания парижан в момент термидорианского переворота подтверждают, что в сознании, в настроениях жителей столицы за пять лет произошли перемены — далеко не к лучшему.

Ход подготовки и проведения переворота воссоздан Ролланом с максимальной исторической конкретностью. Среда заговорщиков разнородна. Тут и авантюристы и спекулянты

¹ Pèrus J. Romain Rolland et Maxime Gorki. P., 1968, p. 335.

из сцены в Пале-Рояле, те, кто готовы продать родину за английское золото; тут и преступные типы, втершиеся в органы государственной власти, вроде Межана или Коллено; тут и разложившиеся, переродившиеся якобинские деятели, вроде Барраса или Тальена. Тут, наконец, и субъективно честные, но недалёковидные якобинцы — Билло-Варенн, Колло д'Эрбуа, — дающие себя использовать в интересах контрреволюции из ненависти к «тирану» — Робеспьеру. Беспощадно и убедительно обрисован Жозеф Фуше, режиссер термидорианского переворота, — «гений предательства», как назвал его Стефан Цвейг. Именно ему удается, действуя то лестью, то подкупом, то угрозами, то ложными слухами, сбить в единый клубок очень разных людей — нуворишей и оборванцев, ультралевых и роялистов. И даже наиболее передовые парижские рабочие не в состоянии приостановить действий этого пестрого сброда: они дезориентированы. «Все запуталось, такая неразбериха!» — говорит один из них. «Две трети посланы на гильотину. А те, кто остались, уничтожили друг друга. В такой свалке и не разберешь, за кем идти».

Роллан старательно вникает в мотивы, побудившие иных честных якобинцев приложить руки к уничтожению Республики, которую они сами создавали. Он сознательно допускает домысел, касающийся Гракха Бабефа. Как известно, Бабеф, пламенный революционер, уцелевший после термидора, уже при Директории пытался организовать «Движение во имя равенства» и был казнен в 1796 году. Но что делал он в роковые дни — 8 и 9 термидора? «Потеряв направление в шквале событий, этот неустойчивый человек яростно ополчался в те дни на Максимилиана Жестокого, которого прежде превозносил и чьей памяти после термидора воздал должное» — так пишет Роллан в послесловии к пьесе, а в самой пьесе вводит Бабефа в круг активных — честно заблуждающихся — участников переворота.

В этот же круг вводит он и своего любимого героя, единственное вымышленное действующее лицо «Робеспьера» — Матьё Реньо. По отдельным репликам, разбросанным в разных сценах, мы можем воссоздать его путь, понять логику его поступков. По неопытности, по свойственной ему горячности он допустил перегибы у себя в провинции — «действовал круто» против аристократов, богачей, церковников — и был разжалован. Он обижен тем, как с ним поступили, и верен памяти своего друга, казненного Шометта. Фуше нашептывает ему, что Робеспьер замышляет тайное соглашение с роялистами. И Реньо готов поверить...

Матьё Реньо отведена важная роль в последней картине. Это самое спорное, что есть в пьесе. «Вся реакция сразу подняла голову, она страшна в своем неистовом, разнузданном натиске». Вид беснующейся, злорадствующей толпы действует отрезвляюще на лучшую часть якобинцев, участвовавших в перевороте. Им сразу становится ясно, что, послав на казнь Робеспьера и Сен-Жюста, они уничтожили Республику. В послесловии Ромен Роллан приводит высказывания нескольких видных участников термидорианского переворота, которые много времени спустя раскаялись в своих действиях. Но раскаялись не внезапно, а после долгих размышлений. Мгновенное прозрение честных термидорианцев, конечно, художественная условность. И понятно, что Роллан тут дает волю вымыслу — выдвигает на первый план Матьё Реньо и Бабефа. Именно они, сокрушаясь о содеянном, зовут на помощь погибших борцов революции — Марата, Шометта, Дантона, Сен-Жюста, Робеспьера... Реалистическое изображение событий прошлого здесь переключено в план символики. Можно спорить, удачно ли это сделано. Но неверно утверждать (как утверждалось в критике), что Ромен Роллан здесь «амнистирует» врагов якобинства. Напротив, он ускоряет раскаяние левых термидорианцев, для того чтобы их недавняя вина стала более очевидной. Он прибегает к художественной условности именно для того, чтобы в доходчивой форме утвердить идею необычайно для него важную: завоевания революции, единство сил революции надо беречь как зеницу ока.

Отчасти именно этот финал помогает утвердить тот элемент исторического оптимизма, который, несмотря ни на что, заключен в трагедии «Робеспьер». Он воплощен и в таких образах, как Реньо и Бабеф. Он воплощен и в заключительной реплике Сен-Жюста, идущего на казнь: «Декларация прав человека... наше создание... Она победит», и в конечном счете во всей атмосфере действия: в символических видениях Робеспьера накануне смерти, в музыкальной концовке, где, согласно ремарке, мелодия «Марсельезы» должна перейти в мелодию «Интернационала».

Трагедия «Робеспьер» своеобразно отразила сложность того исторического момента, в который она создавалась: подъем Народного фронта во Франции и начало его заката, остроту продолжавшихся и надвигавшихся схваток антифашистских сил с силами реакции. Роллану, несомненно, хотелось утвердить величие революции, представить судьбу Робеспьера и его сподвижников так, чтобы сама их гибель заключала в себе нравственный апофеоз и вместе с тем

передавала динамику и напряженный драматизм поступательного движения истории. В этом смысле «Робеспьер» — завершение и итог всего цикла «Драмы революции».

В высшей степени примечательно, что концепция этой пьесы, которая так точно отвечала ситуации конца тридцатых годов, в сущности, намечалась у Роллана в самом начале его работы над циклом. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо к старшему другу, немецкой писательнице Мальвиге фон Мейзенбург, от 7 ноября 1898 года. Роллан здесь энергично берет под защиту Робеспьера, опровергает легенды, порочащие его память: «...Робеспьер был наделен еще и человеческой душой, которая глубоко проникалась страданиями человечества и гораздо больше, чем другие, была склонна им сочувствовать. Он вовсе не был вдохновителем Террора; он был вовлечен в него против воли... Великолепна последняя речь Робеспьера, произнесенная 8-го; видишь, как он разоблачает гнусность своих противников, совершающих жестокости и приписывающих их ему, чтобы сделать его ненавистным народу; он отвергает брошенное ему обвинение в диктатуре и заявляет о своей решимости, невзирая на любые опасности и на возможную гибель, добиваться справедливости даже ценою собственной жизни. Кое-какие устаревшие обороты и риторические и сентиментальные длинноты в духе времени не отменяют величия этих речей, полных энергии и страсти»¹.

Перечитывая сегодня «Драмы революции», мы, конечно, замечаем в них и спорные моменты, и длинноты, и риторику в духе давно минувшего времени. Но мы в состоянии оценить в них то, что не устарело: зоркость писателя-гуманиста, который в лучших своих драмах — ценою нелегкой внутренней борьбы — сумел пробиться к передовым идеям века двадцатого и найти для них оригинальное сценическое решение.

Т. Мотылева

¹ Роллан Р. Статьи, письма. М., 1985, с. 127. Ряд писем Ромена Роллана, отражающих его суждения о Французской революции и ход работ над циклом «Драмы революции», опубликован в этом издании, а также в статье: Мотылева Т. Трагедия Ромена Роллана «Робеспьер». — В кн.: Французский ежегодник. 1972. М., 1974.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

Народу Парижа

Прическа
"Очарование свободы"

N°. II
REVOLU
DE PA
DÉDIÉES A I
ET au District des Pet
Extrait de quelques

Les grands ne noi
Que parce que ne
Levons - noi

Пале-Рояль 12 июля 1789г.

Газеты
времен Революции

I.
TIONS
RIS,
A NATION

is Augustins; avec un
papiers de la Bastille.

is paroissent grands,
ous hommes à genoux;
IS.....

No. XXVI.
L'AMI DU PEUPLE,
ou
LE PUBLICISTE PARISIEN,
JOURNAL POLITIQUE, LIBRE ET IMPARTIAL,
PAR UNE SOCIÉTÉ DE PATRIOTES.

Trédig... T, Auteur de l'OFFRANDE
AL... TTEUR, & du PLAN
DE... &c.

itam impendere vero

ET PARIS

1789.

— Мог
— I
— lignes

ан-Поль Марат

*Пропуск, выдававшийся
разбивавшим Бастилию*

*Взятие Бастилии
14 июля 1789г.*

Чтобы нация стала свободной,
ей нужно только захотеть этого.

Лафайет (11 июля 1789 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор стремился здесь не столько к точному описанию событий, сколько к раскрытию моральных истин. Изображая борьбу, овеянную поэтической легендой, он считал возможным свободнее обращаться с историей, чем когда писал «Дантона». В «Дантоне» автор ставил себе задачу как можно точнее обрисовать психологию нескольких действующих лиц, — там вся драма сосредоточена в судьбах трех или четырех великих людей. «Четырнадцатое июля» — полная противоположность: здесь отдельные личности растворяются в народном океане. Чтобы изобразить бурю, нет надобности выписывать отдельно каждую волну — нужно написать бушующее море. Точность в передаче деталей не так важна, как страстный и правдивый охват целого. Есть что-то фальшивое и даже оскорбительное в несоразмерном значении, которое придается теперь маловажным событиям — мельчайшей пыли истории — за счет живой человеческой души. Оживить силы прошлого, все то, что в них сохранилось действительного, — вот в чем наша задача. Мы отнюдь не собираемся предлагать вниманию десятка избранных ценителей старины одну из тех бесстрастных миниатюр, где чувствуется скорее стремление воспроизвести костюмы и моды времени, нежели внутренний мир героев. Разжечь пламенем республиканской эпопеи героизм и веру нации, достичь того, чтобы дело, прерванное в 1794 году, было возобновлено и завершено народом более зрелым и глубже понимающим свое предназначение, — вот к чему мы стремимся. Мы недостаточно сильны для того, чтобы это осуществить, но мы полны твердой решимости продвигаться вперед к намеченной цели. Искусство призвано служить не мечте, а жизни. Под влиянием зрелища, изображающего действие, должна родиться и воля к действию.

Июнь 1901

Ромен Роллан

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Л а з а р Гош, 21 года. — Высокий, худой; волосы и глаза черные; с правой стороны лба легкий шрам до середины носа; небольшой рот; прекрасные зубы. Выражение серьезности отличает задумчивое, с оттенком печали лицо, на котором, как и на всем облике Гоша, лежит отпечаток сильной воли. Печаль едва заметна — он скрывает ее. («Человек этот умрет молодым, изнуренный непосильной работой, неудачами, подозрениями и недугом, который исподволь подтачивает его могучий организм»). Бодрость и отвага берут верх, и в тяжелые минуты он изумляет всех своим юношески звонким смехом.

П ь е р - О г ю с т Г ю л е н, 31 года. — Очень высокий, широкоплечий блондин. Флегматичен, молчалив, медлителен, смеется беззвучно, не приемлет доводов рассудка, невозмутимо упрям, подвержен припадкам необузданной ярости. Он остался бы в стороне от борьбы, если бы его не заставлял действовать пример его друга Гоша, а также врожденная порядочность и потребность дать выход своей богатырской силе. («Человек этот хотя и не проявляет собственной инициативы, но ни перед чем не отступит. Выйдя из ничтожества, достигнет всего и все примет как должное. Впоследствии — граф империи, дивизионный генерал, кавалер ордена Почетного легиона, губернатор покоренного Милана, Вены, Берлина, комендант Парижа, председатель военного суда, который вынес смертный приговор герцогу Энгийенскому».)

Ж а н - П о л ь М а р а т, 46 лет. — По происхождению испанец, родился в Швейцарии. Очень мал ростом (меньше пяти футов), крепкого сложения, но не толст. Фабр д'Эглантин набросал чудесный его портрет. «Мощная шея, широкое, скуластое лицо, нос изогнутый, приплюснутый, как бы перебит, с длинным кончиком, нависающим надо ртом; небольшой рот часто искривляется судорожным подергиванием; тонкие губы; большой лоб; серо-желтые живые глаза, от природы добрые и проницательные; взгляд уверенный; редкие брови; цвет лица — нездорового, свинцового оттенка; волосы темные, всегда в беспорядке, растительность на лице темнее волос... Ходил он быстро, мерным шагом, слегка враскачку, высоко подняв откинутую назад голову. Руки обычно держал крепко скрещенными на груди, но стоило ему начать говорить, как жесты становились порывистыми. Подчеркивая свою мысль, он выставлял вперед ногу, постукивал ею о землю и вдруг поднимался на носки, как бы желая дотянуться до высоты высказываемых им мыслей. Сила его голоса, мужественного и звучного, потрясала. Дефект произношения, мешавший точно выговаривать звук «с», который у него получался, скорее, как «з», и некоторая связанность речи — из-за чрезмерно тяжелой нижней челюсти — искупались убежденностью и энергией, с какой он говорил. Одевался он

не считаюсь с условностями моды и вкуса, настолько небрежно, что производил впечатление человека неряшливого». Крайне обостренное восприятие всего окружающего держало его в постоянном напряжении, которое разряжалось иногда неистовыми взрывами. Он обладал редкостным здравым смыслом, глубоко развитым нравственным чувством и был по-настоящему добродушен, хотя и пытался это скрывать. Страстная любовь к истине, стремление к душевной чистоте заставляли его, не лукавя, признавать свои ошибки, когда он их сознавал.

Камиль Демулен, 29 лет. — Адвокат при парламенте. Его портрет дан в «Дантоне». В ту пору, о которой идет речь, он моложе, чем в «Дантоне», но выглядит старше: счастье еще не улыбнулось ему. Он похож на поджарую борзую собаку. Парижский озорник — смелый и бесшабашный: лицо пожелтело, преждевременно увяло от нужды, бессонных ночей и рассеянной жизни; улыбающийся, гримасничающий рот, неправильные черты лица.

Максимилиан де Робеспьер, 31 года. — Депутат Национального собрания. Его портрет смотри в «Дантоне». Но сейчас лицо Робеспьера округлее и мягче, на нем еще нет отпечатка суровости, который наложат на него впоследствии усталость и сознание ответственности. Безмолвно возгорающееся яркое пламя. Душа еще не знает, какая таится в ней сила. Но сила эта уже зреет, хотя она и проявляется пока только в его высокомерном, холодном, пессимистическом стоицизме, в том, что, не веря в успех своего дела, он пожертвовал ему всем.

Гоншон-Патриот, 40 лет. — Содержатель игорных притонов в Пале-Рояле. Маленького роста, коренастый; большое, одутловатое, изрытое оспой лицо. Тщеславный фигляр, хвастун и лжец; старается казаться грозным, неуклюже пародируя Мирабо.

Феликс-Юбер де Вентимиль, маркиз де Кастельно, 60 лет.

Бернар-Рене Журдан, маркиз де Лоней — губернатор Бастилии, 49 лет.

Де Флюэ — командир отряда швейцарцев, 50 лет.

Бекар — инвалид, 70 лет.

Луиз-Франсуа Конта — актриса «Театр франсэ», 29 лет. Напоминает женские образы Буше. Полная блондинка, хохотунья, с насмешливым ртом, глазами немного навывкате, покатым лбом и мягкими очертаниями подбородка; дерзкая и чувственная. «Глаза говорят, взгляд жалит» (Гонкур). Эльмира из «Тартюфа» или, скорее, Сюзанна из «Фигаро». Талия из «Театр франсэ».

Анна-Люсиль-Филиппа Ларидон-Дюплесси (Люсиль Демулен), 18 лет. — Смотри ее описание в «Дантоне», а также прелестный ее портрет работы Буальи в музее Карнапале. Нежна, чувствительна, ребячлива, романтична и насмешлива.

Маленькая Жюли, 9—10 лет, — юная дочь народа, голубоглазая, хрупкая, тоненькая, бледненькая.

Мари-Луиз Бужю — торговка овощами, за 60 лет.

Народ, жители Парижа:

Женщина из народа — мать Жюли.

Мальчик 7 лет.

Носильщик.

Маньяк.

Студент.

Владелец столярной мастерской.

Нотариус.

Продавцы газет.

Торговцы из Пале-Рояля.

Девушки из Пале-Рояля.

Солдаты французской гвардии.

Инвалиды.

Швейцарцы.

Зеваки, гуляющие, щеголи.

Рабочие, голодранцы, женщины из народа, дети.

Все классы, все возрасты.

Действие происходит в Париже 12—14 июля 1789 года.

Первое действие — в Пале-Рояле, воскресное утро 12 июля.

Второе действие — в Сен-Антуанском предместье, в ночь на вторник
14 июля.

Третье действие — в Бастилии и на площади Ратуши, во вторник
14 июля, между четырьмя и семью часами пополудни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Воскресенье, 12 июля 1789 года, около 10 часов утра. Из кафе «Фуа» открывается вид на сад Пале-Рояля. В глубине сцены — «Круг»¹. Направо — бассейн с бьющим фонтаном. Между «Кругом» и галереями Пале-Рояля — аллея. Торговцы стоят, не решаясь отойти ни на шаг, у порога своих лавок с патриотическими надписями на вывесках, прославляющими «великого Неккера» и Национальное собрание. Девушки, с обнаженной грудью, с голыми плечами и руками, с букетами цветов, точно султаны, торчащими в прическах, прогуливаются в толпе, вызывая оглядывая встречных. Разносчики выкрикивают названия газет. Содержатели и горных домов (и среди них Гоншон) спуют, в домашних халатах, в сопровождении людей, вооруженных дубинками. Банкометы, со складными табуретами под мышкой, подходят то к одной, то к другой группе, останавливаются на минуту и тут же, на открытом воздухе, располагаются со своей игрой, сворачиваемой, как географическая карта, достают мешки с деньгами и исчезают так же внезапно, как и появляются. Оживленная, беспоконная толпа, еще не знающая, что предпринять. Люди то рассаживаются перед кафе, то вскакивают и убегают при малейшем шуме, становятся на стулья и столы, приходят, уходят. Толпа мало-помалу растет и к концу акта заполняет весь сад и галереи, — многие даже влезают на деревья, цепляются за ветки. Тут все классы общества — голодные нищие, рабочие, буржуа, аристократы, солдаты, священники, женщины. Дети продолжают играть, путаясь под ногами прохожих.

¹ Так называлась огороженная трельяжем терраса, нечто вроде цветущего грота посреди сада. — Р. Р.

- Продавцы газет. Раскрыт крупный заговор! Голод!
Настает голодуха! Душегубы под Парижем!
- Голоса из толпы (*подзывая их*). Эй!.. Сюда!..
- Человек из народа (*с тревогой, к буржуа, читающему газету*). Ну, что там?
- Буржуа. Вы только послушайте, друг мой! Они идут! Немцы, швейцарцы... Париж окружен! С минуты на минуту они будут здесь!
- Человек из народа. Король не допустит этого.
- Оборванец. Король? Так ведь и он там, с немцами, в Саблонском лагере!
- Буржуа. Король — да. Но не королева. Австриячка нас ненавидит. Ее маршал, старик де Брольи, — разбойник, он поклялся раздавить Париж. Мы — в тисках между пушками Бастилии и войсками Марсова поля.
- Студент. Войско не тронется с места. Господин Неккер в Версале — он печется о нас.
- Буржуа. Да, пока господин Неккер — министр, еще не все потеряно.
- Оборванец. А почему вы знаете, что он еще министр? Они уже убрали его.
- Все. Нет, нет, он остается!.. В газете сказано, что он остается!.. 'Ах! Не будь господина Неккера, все было бы потеряно!
- Девицы (*прогуливаясь*). Сегодня ни от кого никакого проку! Все словно рехнулись! Версаль да Версаль, только и разговору!
— У меня был один мальчишка, тот тоже все твердил о Неккере.
— Подумать только! Неужели и вправду эта потаскуха австриячка засадила наших депутатов в тюрьму?!
- Банкометы (*таинственно позвякивая под носом у гуляющих мешками с монетами*). Крепс, десять да десять, тридцать одно, бириби... Попытаем счастья, господа, попытаем счастья!
- Торговцы. Еще только десять, а в саду полно народу. Вот что значит воскресенье и хорошая погода, — к вечеру тут и вовсе не пройдешь.
— Снаружи густо, а внутри пусто. Все приходят сюда, просто чтобы разузнать новости.
— Неважно! Надо только уметь взяться за них!
- Гоншон (*торговцам*). Ну, как, друзья мои? Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь! Обделывать свои делишки — это еще не все! Разумеется, и о делах не следует забывать, но сейчас надо прежде всего быть добрыми патриотами.

А главное, не зевайте, черт подери. Имейте в виду, каша заваривается.

Торговцы. Вам что-нибудь известно, господин Гоншон? Гоншон. Будьте начеку! Шторм надвигается. Все по местам! А в нужный момент побейте этих болванов и горланьте вместе с ними, не жалея глоток...

Торговец. Да здравствует Нация!

Гоншон *(дает ему тумака)*. Замолчи, олух!.. Да здравствует герцог Орлеанский!.. А теперь можешь горланить и за нее и за него. Так он у нас незаметнее проскочит!

Камилл Демулен *(выходит из игорного дома; он возбужден, смеется, бормочет что-то)*. Ободрали! Обчистили! Предупреждал я тебя, Камилл, что обворуют. Ну и хорошо: все потеряно. Значит, терять больше нечего! Я всегда предвижу свои безумства, но, благодарение богу, это не мешает мне совершать их... Как-никак убил два часа. Где же курьер из Версаля? Неужели до сих пор не прибыл? Мошенник! Все они спелись, как ярмарочные воры. А ты здесь жди, умирай от нетерпения! Тебя подстерегают жулики в своих притонах. Вот и заходишь туда, лишь бы провести время. Надо же чем-нибудь занять руки и все остальное. На то ведь и существуют карты да женщины. Они сумеют избавить вас от лишних денег. У меня в карманах гуляет ветер. Кошелек — новехонек! Не желаете ли убедиться? Вот! Ни одной монетки!

Девицы *(подсмеиваясь над ним)*. Тебя обчистили, — чистили, чистили... и еще почистят.

Камилл Демулен. Нашли чем гордиться, летучие мыши Венеры! Обобрали голяка! Ну, да черт с вами со всеми, я на вас не в обиде.

Будь у меня что просадить,

Я просадил бы снова.

Старый буржуа. Кошелек игрока — всегда настезь.

Гоншон. Молодой человек! Я вижу, вы нуждаетесь в деньгах. Я готов ссудить под вашу цепочку три экю — только из уважения к вам.

Демулен. Великодушный Гоншон, тебе не терпится содрать с меня последнюю рубашку и, как святого Иоанна, пустить по миру нагишом... Прядоставь это здешним девицам — они сумеют управиться и без тебя.

Гоншон. Ах, процельга, да знаешь ли ты, с кем говоришь?

Демулен. Ты — Гоншон; этим все сказано. Ты — ювелир, ростовщик, часовщик, кабатчик, сводник. Ты — все. Ты — Гоншон, король притонов.

Гоншон. Что ты там мелешь? Какие такие притоны? Я основал несколько клубов, где люди встречаются для естественных и добропорядочных развлечений, а также обсуждают способы преобразования государства. Это собрания свободных граждан, патриотов, заботящихся о благе родины...

Демулен. Бедная родина! Кто только ею не клянется!

Гоншон. Это общество людей, берущих за образец природу и естественного человека.

Демулен. И общество женщин, не противящихся нашему естеству.

Гоншон. Висельник! Если ты так низко пал, что не способен уважать достойного гражданина, уважай по крайней мере того, под чьим покровительством находится мое заведение и чье имя оно носит.

Демулен (*не глядя на вывеску*). Какое имя? «Сорок воров»?

Гоншон (*в ярости*). Имя великого Неккера.

Демулен. Ты беспощаден к нему, Гоншон... (*Взглянув на надпись*.) А что там, с изнанки?

Гоншон. Так, ничего.

Демулен. Здесь изображен еще кто-то.

Гоншон. Это герцог Орлеанский. Два лика одной персоны.

Демулен. Перед и зад!

В толпе, прислушивающейся к их разговору, смех. Гоншон, которого окружили торговцы, угрожающе наступает на Демулена.

Ладно, ладно, попридержи-ка своих телохранителей! Им ведь ничего не стоит убить человека. Ты хочешь, чтобы я удостоверил твою благонадежность? О Янус Гоншон! Изволь, вот справка: ты отбираешь хлеб у честных людей, чтобы кормить парижских прохвостов. Честным людям не остается ничего другого, как взяться за оружие. *Audax et edax*¹. Да здравствует Революция!

Гоншон. Я прощаю тебя. Не драться же нам, когда неприятель стоит у стен... Да к тому же ты мой клиент.

Но мы еще встретимся, когда версальцы будут здесь.

Демулен. Разве они в самом деле подходят?

Гоншон. А! Бледнеешь! Да, будет бой! Лотарингские и фландрские наемники на Гренельской равнине; артиллерия в Сен-Дени, немецкая кавалерия в Военной школе.

¹ Отвага и беспощадность (*латин.*).

В Версале маршал, окруженный адъютантами, отдает приказы перед боем. Они атакуют нас сегодня ночью.

Женщина. Господи, помилуй! Что с нами станется?

Буржуа. Разбойники! Мы, французы, для них хуже неприятеля.

Рабочий (Гоншону). Откуда тебе все известно? Ведь дорога в Версаль отрезана. Они установили пушки на Северском мосту. Никого не пропускают.

Гоншон. Ты что, подозреваешь меня? Смотри! Всякий, кто посмеет сомневаться в моей преданности Нации, отдает моего кулака. Разве Гоншон не всем здесь известен?

Рабочий. Никто тебя не подозревает. Успокойся. Не время теперь грызться друг с другом. И без того хватит дела.

У тебя только спрашивают, откуда ты получил сведения.

Гоншон. Я никому не обязан давать отчет. Что знаю, то знаю. У меня свои источники.

Другой рабочий (первому). Оставь его! Он парень ничего, простецкий.

Буржуа. Боже мой! Что же нам делать?!

Студент. К воротам! Все к воротам! Не пропустим их!

Буржуа. Как же это мы можем не пропустить?! Жалкие, безоружные люди, не обученные военному делу, да разве мы сумеем оказать сопротивление лучшим войскам королевства!

Другой. Какое там! Они уже вошли! А здесь эта Бастилия въелась в нас, как язва, подтачивает наши силы, и никак от нее не избавишься!

Рабочий. А! Проклятая! Кто нам поможет свалить ее?

Студент. Сегодня в Бастилию ввели еще одну роту швейцарцев.

Другой. Пушки оттуда направлены прямо на Сент-Антуанское предместье.

Рабочий. Ничего, ничего не удастся сделать, пока у нас в зубах эти удила. Надо прежде всего освободиться от них.

Буржуа. Но каким способом?

Рабочий. Способа я не знаю. Надо просто взять ее.

Все (сумрачно и недоверчиво). Взять Бастилию?! (Отворачиваются друг от друга.)

Продавцы газет (издали). Новости!.. Самые свежие новости... Смертельная схватка под Парижем!..

Мужчина (маниакального вида, истощенный, в поношенном платье). Не солдат мы должны опасаться. Они не нападут на нас.

Все. Что?

М а н ь я к. Они не нападут на нас. Их план куда проще: держать нас в осаде, пока мы не умрем с голоду.

Р а б о ч и й. Сдается мне, что с их помощью дело идет к тому. Стоишь, стоишь у булочных с утра и до поздней ночи.

Ж е н щ и н а. Мука стала роскошью.

М а н ь я к. С завтрашнего дня подвоза вовсе не будет.

Б у р ж у а. Куда же они девают зерно?

М а н ь я к. Уж я-то знаю. Они ссыпали его в каменоломни, в Санлис и Шантийи, — пусть, мол, сгниет, лишь бы не досталось нам.

Б у р ж у а (*недоверчиво*). Быть этого не может!

М а н ь я к. Это именно так.

Ж е н щ и н а. Он верно говорит. В Шампани кавалерия уничтожила хлеб на корню, чтобы уморить нас всех с голоду.

М а н ь я к. Мало того! Они кладут отраву в хлеб, который продают нам. Съешь — обжигает горло и внутренности. В моем квартале умерло двадцать человек. Таков приказ из Версаля. Уморить нас, точно крыс.

Д е м у л е н. Нет такого короля, который пожелал бы истребить свой народ. Для этого нужно быть Нероном. Франция еще не дошла до такого безумия.

М а н ь я к (*гаишвенно*). Я знаю, в чем секрет. Французов развелось слишком много. Вот они и решили поубавить народу во Франции.

Д е м у л е н. Ты болен, дружище, тебе надо полечиться.

Р а б о ч и й. В его словах есть доля истины. Королеве хочется, чтобы все мы подошли.

Д е м у л е н. Какой ей в этом прок?

Р а б о ч и й. Она же австриячка, черт подери! Австрияки всегда были врагами Франции. Если австриячка и вышла за нашего короля, так только для того, чтобы легче было напакостить нам. До тех пор, пока она у нас, нам не будет покоя.

Д р у г и е. Он прав. Вон из Франции австриячку!

К о н т а (*из толпы*). А почему вон?

Т о л п а. То есть как «почему»?

К о н т а (*выступая вперед*). Вот именно. Почему? Очумели вы, что ли? Кидаетесь на самую очаровательную из женщин!

Т о л п а. Этого еще не хватало! Кто смеет заступаться за австриячку?

— Какова наглость! Это уж слишком! Нам плюют в лицо!

Демулен (к Конта). Молчите, не надо отвечать им.

Уходите отсюда скорее.

Конта. Я никуда не гороплюсь.

Демулен. Смотрите, нас окружают. Сбегаются со всех сторон.

Конта. Тем лучше!

Оборванец. Что ты там бормочешь, аристократка? А ну, повтори!

Конта (отстраняя его). Не дыши мне в лицо. Я сказала: «Да здравствует королева!»

Толпа (вне себя). А! Проклятая ведьма!

Приказчик. Этой красотке не худо бы задать хорошую порку.

Конта. А вот этой глупой роже недолго придется ждать оплеухи. (Бьет его по лицу.)

Приказчик. На помощь!

Одни смеются, другие кричат.

Толпа (сбегаясь). Сюда, сюда!

— Что случилось?

— Аристократка избивает патриота!

— В воду ее!..

Демулен. Граждане! Это шутка...

Толпа (в ярости). В воду ее!..

Гюлен (расталкивая толпу). Эй! (Заслоняет собою Конта.)

Вы знаете меня, друзья! Я — Гюлен. Вы видели меня в деле. Это я выломал ворота Аббатства, чтобы освободить наших товарищей, французских гвардейцев. И я проломлю голову первому, кто посмеет тронуть ее. Уважайте женщин, черт вас дери! Если хотите драться — врагов довольно. Сыскать их нетрудно!

Толпа. А ведь он прав!

— Браво!

— Все нет! Она нас оскорбила. Пусть просит прощения!

— На колени, аристократка!

— Пусть кричит: «Долой королеву!»

Конта. И не подумаю. (Демулену.) Помогите мне. (Взбегается на стол.) Если ко мне будут приставать, я закричу: «Долой Неккера!» (В толпе гул.) Вам меня не запугать. Вы думаете, я струшу оттого, что вас много и что вы рычите на меня сотней глоток? У меня глотка всего-навсего одна, но она стоит ваших. Я привыкла говорить с народом. Каждый вечер я встречаюсь с вами. Я — Конта.

Толпа. Конта из «Театр франсэ»!

— Из «Театр франсэ»!

— А! а!..

— Дай-ка посмотреть!

— Да замолчите вы!

Контта. Вы не любите королеву? Вы хотите избавиться от нее? Что ж, выгоняйте из Франции всех красивых женщин! Только скажите: мы быстро соберем пожитки. Посмотрим, как вы обойдетесь без нас. Какой дурак назвал меня аристократкой? Я — дочь торговки селедками, моя мать содержала лавчонку возле Шатлэ. Я так же работаю, как и вы. Я так же, как и вы, люблю Неккера. Я — за Национальное собрание! Но я не потерплю, чтобы мною командовали; и даю слово: если бы вы, черт подери, потребовали, чтобы я закричала: «Да здравствует Комедия!» — я бы крикнула: «Долой Мольера!» Думайте что хотите. Дуракам закон не писан. Но такого закона нет, чтобы здравомыслящих людей заставлять делать глупости. Я люблю королеву и открыто заявляю об этом.

Студент. Еще бы! Они работают на паях. У них общий любовник — граф д'Артуа.

Двое рабочих. Ну и баба! Этой пальца в рот не клади. — За словом в карман не полезет!

Демулен. Граждане, нельзя требовать от королевы, чтобы она высказывалась против королевской власти. Истинная королева — вот она, перед вами! Те, кого называют королевами, — призрачные властительницы, чучела в коронах! В лучшем случае они способны произвести на свет дофина. Как только он вылупится, их можно бросить на свалку. А ведь они живут на наш счет и обходятся нам недешево. Разумнее всего было бы отправить австрийскую наседку обратно в курятник, откуда ее заполучили за большие деньги. Будто француженки сами не способны рожать детей! Другое дело — королевы театра! Они созданы на радость народу. Каждый час их жизни посвящен служению нам. Каждый их взгляд дарит нам наслаждение. Они — наша плоть, наше достояние, наша национальная собственность. Именем пухленькой Венеры защитим ее и крикнем все вместе: да здравствует королева подлинная, вот эта, да здравствует Контта!

Аплодисменты и смех.

Толпа. Да здравствует королева Контта!

Контта. Спасибо. (*Демулену.*) Помогите же мне — вы, кажется, любезнее других. Ну, что, насмотрелись на меня? Вот и хорошо, а теперь пропустите. Если пожелаете

снова меня увидеть — дорога в театр всем известна. Как вас зовут?

Дем у л е н. Камилл Демулен. До чего же вы неосторожны! Я ведь предупреждал вас! Натерпелись страху?

К о н т а. Да из-за чего?

Дем у л е н. Вас чуть не убили.

К о н т а. Какие пустяки! Они всегда так — горланят, а зла никому не причиняют.

Дем у л е н. О, слепота! Верно говорят, что презирает опасность лишь тот, кто не знает, что это такое.

Т о л п а. Эта бабенка не растеряется!

— Да, черт возьми, уж если она чего-нибудь захочет...

Р а б о ч и й. И все же, сударыня, нехорошо ополчаться на нас, бедняков, и становиться на сторону эксплуататоров.

М а н ь я к. Да что с ней говорить! Спекулянтка!

К о н т а. Что?! Я — спекулянтка?

М а н ь я к. Смотрите, какой у нее парик.

К о н т а. Ну и что же?

М а н ь я к. Сколько на нем пудры! Мукой, которой эти бездельники посыпают себе башку, можно было бы накормить всех бедняков Парижа.

Р а б о ч и й (к Конта). Не обращайтесь на него внимания. Это слабоумный. Но если у вас доброе сердце, сударыня, — а я вижу по вашим глазам, что вы добрая, — как же вы можете защищать негодяев, жаждущих нашей смерти?

К о н т а. Твоей смерти, дружок? С чего ты это взял?

С т у д е н т. Так вам, значит, ничего не известно? Вот смотрите: последнее письмо приспешника австриячки, маршала иезуитов, старого палача, осла, увешанного амулетами, ладанками и медалями, — этого самого де Брольи. Знаете, что он пишет?

Т о л п а. Читайте! Читайте!

С т у д е н т. Они вступили в заговор. Хотят уничтожить наши Генеральные штаты, похитить наших депутатов, бросить их в тюрьму, изгнать нашего Неккера, продать Лотарингию императору, чтоб было чем заплатить за наемное войско, бомбардировать Париж, усмирить народ. Заговорщики выступят ночью.

Г о н ш о н. Слыхали? Довольно с вас, или вас и этим не проймешь? Благодарю покорно! Неужели мы позволим, чтобы нас закололи, как свиней? А! Тысяча чертей! К оружию! По счастью, у нас есть защитник, который неустанно печется о нашем брате. Да здравствует герцог Орлеанский!

Л ю д и Г о н ш о н а. Да здравствует герцог Орлеанский!

Т о л п а. К оружию! Бей их!

М а р а т (*вскакивает на стул; маленького роста, нервный; когда волнуется, повышает голос и встает на носки*).
Остановитесь, несчастные! Куда вы? Разве вы не понимаете, что эти душегубы только и ждут, чтобы вы взбунтовались? Тогда, воспользовавшись смутой, они обрушат на вас свою злобу. Не слушайте коварных подстрекателей! Эти негодяи хотят погубить вас. Вот ты — да, да, именно ты, — ты разжигаешь страсти в народе, изображаешь из себя патриота, а кто поручится, что ты не агент деспотов, что не тебе именно велено мутить народ, предавать добрых граждан версальским разбойникам? Кто ты такой? Откуда ты взялся? Кто может нам поручиться за тебя? Я тебя не знаю.

Г о н ш о н. Но ведь и я не знаю тебя.

М а р а т. Если ты не знаешь меня, так это потому, что ты негодяй. Я известен всюду, где нищета и добродетель. Ночами я ухаживаю за больными; дни мои посвящены заботам о благе народа. Меня зовут Марат.

Г о н ш о н. Ну а я не знаю тебя.

М а р а т. Если ты не знал меня до сих пор, так скоро узнаешь, предатель! О народ, легковверный и безрассудный, открой наконец глаза! Да знаешь ли ты хотя бы, что это за место? Подумал ли ты об этом? Вот, значит, куда стекается парижский люд и где собирается добывать свободу... Оглянись, оглянись же вокруг! Ведь это логово эксплуататоров, бездельников, мошенников-банкометов, жуликов, проституток, переодетых полицейских — прихвостней аристократии!

В толпе раздаются протестующие вопли: «Долой!», поднимаются кулаки.

Д е м у л е н. Bravo, Марат! Здорово сказано!

К о н т а. Кто этот маленький неряха с такими прекрасными глазами?

Д е м у л е н. Он врач и журналист.

Д р у г а я ч а с т ь т о л п ы. Продолжайте!

Аплодисменты.

М а р а т. Меня не смутят вопли этих предателей, этих пособников голода и рабства! Они отбирают у вас последние деньги ухищрениями шулеров; последнюю энергию — ухищрениями девок; последние остатки здравого смысла — оглушая вас водкой! Дураки! Вы добровольно предаетесь им. Доверяете им свои тайны, свою жизнь! Здесь,

в каждой кофейной, за любой из этих колонн, всюду — рядом с вами, из-за угла, за вашим столом — вас подслушивает шпион, подсматривает, записывает ваши слова, готовя вам гибель. Вы стремитесь к свободе — так бегите же из этого вертепа! Прежде чем вступить в решительную схватку, подчитайте свои силы. Где ваше оружие? Его у вас нет. Куйте пики, изготовляйте ружья... Где ваши друзья? Их у вас нет. Ваш сосед готов обмануть вас. Тот, кто протягивает вам руку, возможно, уже решил предать вас. А вы сами — так ли уж вы уверены в себе? Вы воюете с развратом, а сами развращены. (*Улюлюканье в толпе.*) Вам не нравятся мои слова? Ну, что ж... А если бы аристократы не пожалели золота и втянули вас в свои оргии, — можете ли вы поручиться, что устояли бы? Вы не заставите меня молчать. Я выскажу вам всю правду. Вы слишком привыкли к лъстецам, которые угождают вам и предают вас. Вы суетны, тщеславны и легкомысленны, у вас нет ни настоящей силы, ни выдержки, ни доблести. Весь ваш порыв растрачивается на болтовню. Вы мягкотелы, нерешительны, безвольны, вы трепещете при одном виде ружейного дула...

Т о л п а. Довольно! Довольно!

М а р а т. Вы кричите: довольно! Я кричу с вами вместе, и вам не заглушить меня. Да, довольно! Довольно распутства, перестаньте слушать глупцов. Довольно подлостей! Соберитесь с силами, образумьтесь, очиститесь, закалите ваши сердца, препояшьте ваши чресла! О сограждане мои, я говорю вам правду в глаза, может быть, чересчур резко говорю, но ведь это потому, что я люблю вас.

К о н т а. Смотрите! Он плачет.

М а р а т. Вас одурманивают опиумом. А я буду беречь ваши раны до тех пор, пока вы не осознаете ваши права и ваши обязанности, до тех пор, пока вы не станете свободными, до тех пор, пока вы не станете счастливыми. Да, наперекор вашему безрассудству вы будете счастливы, будете счастливы, или я умру! (*Обливается слезами и заканчивает свою речь прерывающимся от рыданий голосом.*)

К о н т а. Он весь в слезах! До чего же он смешной!

Н а р о д (*одни смеются, другие громко одобряют*). Вот истинный друг народа! Да здравствует Марат!

Народ окружает Марата, его поднимают и проносят на плечах несколько шагов, не обращая внимания на его protesty.

Гюлен (*заметив девочку, которая смотрит на Марата глазами полными слез*). Малютка, что с тобой? Ты-то о чем плачешь?

Девочка не сводит глаз с Марата, которого уже опустили на землю. Она бежит к нему.

Маленькая Жюли (*Марату, умоляюще сложив руки*).
Не плачьте! Не плачьте!

Марат (*глядя на ребенка*). Что с тобой, малютка?

Жюли. Умоляю вас — не огорчайтесь!.. Мы исправимся, да, я вам обещаю, мы не будем больше подлыми, мы не будем лгать, мы будем добродетельными, клянусь вам!

Толпа смеется. Гюлен призывает окружающих замолчать и не смущать девочку. Марат садится и слушает Жюли. Выражение его лица меняется, светлеет. Он смотрит на ребенка с большой нежностью, берет ее руки в свои.

Марат. О чем же ты плачешь?

Жюли. Я плачу, потому что вы плачете.

Марат. Разве ты меня знаешь?

Жюли. Когда я была больна, вы лечили меня.

Марат (*ласково привлекает ее к себе, отбрасывает ей волосы со лба, смотрит в глаза*). Да, действительно. Тебя зовут Жюли. Твоя мать — прачка. Зимой ты болела корью. Ты испугалась тогда. Ты кричала, что не хочешь умирать.

Она отворачивается, он улыбается, прижимает ее к груди.

Не смущайся. Значит, ты понимаешь меня? Ты за меня?

А знаешь ли ты, чего я хочу?

Жюли. Да, я тоже хочу... (*Невнятно бормочет.*)

Марат. Чего же ты хочешь?

Жюли (*поднимает голову и говорит с убежденностью в голосе, вызывающей улыбки взрослых*). Свободы.

Марат. Для чего?

Жюли. Чтобы освободить.

Марат. Кого?

Жюли. Несчастных, которые заперты...

Марат. Где же они заперты?

Жюли. Там, в громадной тюрьме. Они совсем одни, всегда одни — все забыли о них.

В настроении толпы наступает перелом.

Внезапно люди становятся серьезными; некоторые насупили брови и не глядя друг на друга уставились в землю, что-то бормочут, точно говорят сами с собой.

М а р а т. Откуда ты знаешь об этом, малютка?

Ж ю л и. Я знаю... Мне говорили... Я часто думаю об этом
ночами.

М а р а т (*глядя ее по головке*). По ночам надо спать.

Ж ю л и (*помолчав немного, с живостью хватает руку Мара-
та*). Мы ведь освободим их, правда?

М а р а т. Как же это?

Ж ю л и. Надо только пойти всем вместе.

Т о л п а (*хохочет*). Вот именно. Нет ничего легче!

Девочка поднимает голову и видит плотное кольцо людей, которые с любопытством смотрят на нее. Она облакачивается на стол Гюлена и от смущения прячет личико в сгиб руки.

К о н т а. Как она мила!

М а р а т (*смотрит на Жюли*). О, святость детства, чистая звезда доброты, как услаждает душу твое сияние! Какой беспросветный мрак окутал бы землю, если бы не существовало детских глаз! (*Направляется к ребенку и подносит к губам ее повисшую вдоль тела ручку.*)

Ж е н щ и н а и з н а р о д а (*вбегая*). Жюли!.. Как ты сюда попала?! Что тут происходит? Почему ее окружили все эти люди?

Д е м у л е н. Она держала речь к народу.

Хохот.

М а т ь. Боже мой! Она такая робкая! Что на нее нашло?!

Мать устремляется к Жюли, но не успевает прикоснуться к ней, как Жюли с ребячьим дикарством вскакивает и убегает, не произнеся ни слова.

Т о л п а (*хохоча и хлопая в ладоши*). Спасайся, чертенок!

В глубине сада слышны громкие крики.

— Бежим туда! Скорее!

— Что там случилось?

— Графиню купают!

К о н т а. Купают графиню?

Т о л п а. Она поносила народ; за это ее окунули в бассейн.

К о н т а (*взяв Демулена под руку, хохочет*). Бежим скорее!

Господи! До чего же это забавно!

Д е м у л е н. Самое увлекательное зрелище во всей Европе!

К о н т а. Дерзкий!.. А наша Комедия?!

Рассмеявшись, оба уходят. Народ с криками и смехом убегает. На первом плане остаются М а р а т и Г ю л е н —

первый стоит, второй сидит за одним из столиков кофейной. В глубине сцены — плотная толпа; некоторые, взобравшись на стулья, смотрят на что-то происходящее за сценой. На втором плане, под сводами галерей, продолжают сновать прохожие.

Марат (*угрожая толпе кулаком*). Шуты! Им нужна не свобода, а зрелища. Даже в такой день, как сегодня, когда их жизнь поставлена на карту, они изощряются в нелепых выдумках. На все готовы, только бы потешить друг друга. Нет! Хватит с меня! Их восстания похожи на фарс. Если б можно было не видеть всего этого, запереться в подземелье, куда не доходят извне никакие звуки, — оградить себя от людской низости! (*Опускается на стул и роняет голову на руки.*)

Гюлен (*продолжает спокойно сидеть, покуривая трубку и равнодушно, не без иронии поглядывая на Марата*). Полно, господин Марат, к чему отчаиваться? Не стоит. Они всего лишь большие дети — вот и забавляются как могут. Вы их знаете так же хорошо, как я. Ведь это не всерьез. Зачем же принимать все так трагически?

Марат (*поднимая голову и сурово глядя на него*). А ты кто такой?

Гюлен. Я — ваш земляк из Невшателя в Швейцарии. Не узнаете? Я-то вас хорошо знаю. Еще ребенком видел в Будри.

Марат. Ты — Гюлен? Огюстен Гюлен?

Гюлен. Он самый.

Марат. Что ты здесь делаешь? Ты ведь был часовщиком в Женеве.

Гюлен. Там я жил спокойно. Но мое спокойствие длилось недолго. Мой брат занялся какими-то сомнительными махинациями и опозорил свое честное имя. Затем он счел за благо умереть, оставив жену и трехлетнего ребенка без средств к существованию. Чтобы вытащить их из беды, я продал свою мастерскую. Пришлось отправиться в Париж на заработки, и вот я поступил на службу к маркизу де Вентимиллю.

Марат. Теперь меня не удивляют твои гнусные речи. Ты — лакей.

Гюлен. Не вижу в этом ничего дурного.

Марат. И тебе не стыдно прислуживать? Разве ты не такой же человек, как и он?

Гюлен. Тут нечего стыдиться! Все мы кому-нибудь служим, каждый на свой лад. Вот вы — врач, господин

- Марат. Целый день вы осматриваете всякие болячки и стараетесь возможно лучше лечить их. Вы ложитесь спать чуть ли не на рассвете и вскакиваете ночью по первому зову больных. Разве это не служба?
- Марат. Я служу не хозяину — я служу человечеству. А ты пошел в лакеи к негодяю, к презренному аристократу.
- Гюлен. Как он ни плох, он все же нуждается в услугах. Вы ведь не спрашиваете тех, кого вы лечите, хороши они или плохи. Они люди, я хочу сказать — такие же бедняги смертные, как и мы с вами. Когда они нуждаются в помощи, надо помочь — тут уж нечего торговаться! Богатство развратило моего хозяина, как и всех прочих ему подобных, и он не способен обслуживать себя сам. Надо не меньше пятидесяти рук ему на подмогу! А у меня сил хоть отбавляй, еще на троих хватило бы! Иной раз так и разнес бы все... Этому болвану нужны мои услуги — я ему продаю их. Мы квиты. Польза от этого не только ему, но и мне.
- Марат. Но ведь ты продаешь заодно и свою свободную душу и свою совесть.
- Гюлен. С чего ты это взял? Попробуй сунься кто-нибудь отнять их у меня!
- Марат. Но ты же ему подчиняешься, не смеешь высказать свое мнение?
- Гюлен. Какой мне прок от того, что я его выскажу? Что я думаю, то думаю. Только пустозвоны орут на ветер. Мои мысли — это мои мысли, других они не касаются.
- Марат. Ничто, даже твои мысли, не принадлежит тебе. Ты сам себе не принадлежишь. Ты только частица мироздания. Ты обязан ему своей силой, своей волей, своим умом, как бы мало всего этого ни было тебе отпущено.
- Гюлен. Воля и ум — это не монета, которую отдаешь и получаешь всю целиком. На другого работаешь всегда хуже, чем на самого себя. Я обрел свободу. Пусть другие добьются того же.
- Марат. Как я узнаю в этих словах моих ненавистных соотечественников! Оттого только, что природа наделила их ростом в шесть футов и здоровенными мускулами, они позволяют себе презирать всех, кто слаб и немощен. Управившись с работой на своем поле, собрав урожай, они усаживаются на пороге своих домиков с трубкой во рту и смрадным табачным дымом усыпляют свое и

без того слабое сознание. Они считают, что их долг выполнен, и говорят всем, кто несчастен, когда те молят о помощи: «А кто мешает тебе делать то же, что делаю я?»

Гюлен (*спокойно*). Вы отлично разобрались во мне. Я именно такой и есть. (*Смеется про себя.*)

Гош (*входит, в мундире капрала французской гвардии. Через руку переброшены какие-то портняжные изделия. Обращается к Марату*). Не верь ему, гражданин! Он клеветает на себя. Он не может видеть чужое горе без того, чтобы тут же не оказать помощи. На прошлой неделе, когда мы шли освобождать наших товарищей, французских гвардейцев, которых аристократы заперли в Аббатстве, он не только примкнул к нам, но пошел впереди.

Гюлен (*не оборачиваясь, через плечо протягивает ему руку*). Это ты, Гош? Что ты суешься не в свое дело? И рассказываешь всякие небылицы. Я уже объяснил, что мне некуда девать свою силу; когда она разгуляется во мне, я вышибаю ворота или ломаю стены. Да, черт подери! Если я вижу, что человек тонет, я его вытаскиваю — тут, по-моему, раздумывать нечего. Но я не подстерегаю людей, собирающихся топиться, и уж ни в коем случае не стану топить их для того, чтобы потом спасать, как поступают наши любители революций.

Марат. Ты стесняешься признаться, что способен делать добро? Я презираю фанфаронов, которые кичатся своими пороками. (*Поворачивается к нему спиной; Гошу.*) Что это у тебя?

Гош. Я вышиваю жилеты и ношу их на продажу.

Марат. Нечего сказать, занятие для солдата! Так ты шьешь одежду?

Гош. Не думаю, чтобы это было менее достойно, чем дырывать ее штыком.

Марат. И тебе не стыдно отбирать хлеб у женщин? Так вот чем ты занимаешься! Торгуешь, подсчитываешь барыши, стараешься загрести деньгу! И это в то время, когда Париж может захлебнуться в крови!

Гош (*спокойно и немного пренебрежительно*). Пока у нас еще есть время. Всему своя пора.

Марат. У тебя ледяное сердце. И пульс, наверно, едва бьется. Нет! Ты не патриот! (*Гюлену.*) А ты, ты преступнее любого злодея. По природе ты добродетелен, тебя тянет к добру, но ты стремишься извратить свою натуру. О свобода! Вот каковы твои защитники! Равнодушные

к опасностям, тебе угрожающим, они пальцем не пошевелинут, чтобы отстоять тебя... Хорошо же! Пусть все покинут меня — я никогда от тебя не отрекись. Буду блюсти интересы народа. И спасу его вопреки ему самому. (*Уходит.*)

Гюлен (*не двигаясь и не вынимая трубки изо рта, смотрит вслед Марату и усмехается*). Веселый парень, нечего сказать! На все глядит сквозь розовые очки! Он ведь мой соотечественник, лекарь. Сразу видно, что привык отправлять людей на тот свет. Должно быть, в розницу ему это занятие прискучило, вот он и перешел к оптовой отправке, занявшись врачеванием человечества.

Гош (*с выражением интереса и жалости провожает взглядом уходящего Марата*). Честнейший человек! Страдания человечества терзают его сердце. Он не в состоянии рассуждать спокойно. Он болен добродетелью.

Гюлен. Откуда ты знаешь Марата?

Гош. Я читал его книги.

Гюлен. Не нашел занятия получше! Где ты их взял?

Гош. Купил на деньги, вырученные от продажи жилетов, которыми он так попрекал меня.

Гюлен (*приглядываясь*). А ну, покажись! Что это у тебя? Опять дрался с кем-нибудь?

Гош. Ты угадал.

Гюлен. Дикарь! Где это тебя так отделали?

Гош. На площади Людовика Пятнадцатого... Немцы. Наглость этих чужестранцев, расположившихся, как у себя дома, в моем Париже, взорвала меня. Я не мог удержаться и стал дразнить их. Они кинулись на меня — все на одного. Народ пришел мне на выручку, нас розняли, но я все же успел здорово отделать парочку-другую этих господ.

Гюлен. Нечего сказать, хорошо! Дорого тебе обойдется твоя проделка.

Гош. Ерунда! Окажи мне услугу, Гюлен, прочитай это письмо.

Гюлен. Письмо кому?

Гош. Королю.

Гюлен. Королю? Ты пишешь королю?

Гош. А почему бы мне и не писать королю? Он такой же потомок Адама, как и я. Если я в состоянии дать ему хороший совет, кто может запретить мне советовать, а ему — слушать?

Гюлен (*насмешливо*). Что же ты ему присоветовал — королю?

Гош. Вот что: я пишу ему, что следует распустить войска, вернуться в Париж и самому произвести революцию.

Гюлен хохочет.

(Улыбаясь.) Спасибо. Я понял. Твои доводы великолепны, и к ним стоит прислушаться, но... они меня не интересуют.

Гюлен. Чего же ты хочешь в таком случае?

Гош *(смущенно)*. Я не уверен насчет слога... и орфографии... Не очень я силен во всем этом.

Гюлен. Ты и вправду думаешь, что он станет читать твое письмо?

Гош. Неважно!

Гюлен. Ну, ладно! Я подправлю твое сочинение.

Гош. Ах, Гюлен! Какой ты счастливец, что получил образование! А вот я, сколько бы ни корпел теперь, никогда уже не наверстаю упущенного.

Гюлен. Наивный человек! Неужели ты и вправду считаешься на это письмо?

Гош *(добродушно)*. Сказать откровенно — не слишком. И все же неужели все эти скоты, которые управляют Европой, не могли бы хоть раз прислушаться к голосу разума, к самому обыкновенному здравому смыслу?! Ведь такое великодушие ничего бы им не стоило. А если не захотят — пусть пеняют на себя. Обойдемся и без них!

Гюлен. Чем заниматься переустройством мира, ты бы лучше подумал, как самому выпутаться из беды. На тебя донесут, если уже не донесли. Знаешь, что будет с тобой, когда ты вернешься в казарму?

Гош. Я-то знаю, а вот знаешь ли ты, что будет с казармой, когда я вернусь?

Гюлен. А что?

Гош. Увидишь.

Гюлен. Что ты еще задумал? Угомонись! И без тебя беспорядка достаточно!..

Гош. Когда порядок равносителен несправедливости, тогда беспорядок становится началом справедливости.

Гюлен. Справедливость! Справедливо не требовать от жизни больше того, что она может дать. Мир не переделывают — принимай его таким, каков он есть. Зачем стремиться к невозможному?

Гош. Бедняга Гюлен. Ты так уверен, что знаешь, где границы возможного?

Гюлен. Что ты имеешь в виду?

- Гош. Пусть только народ свершит то, что он в состоянии свершить, и ты увидишь, что мир можно переделать.
- Гюлен. Если тебе нравится заблуждаться, оставайся при своих иллюзиях. Я не стану тебя разубеждать.
- Гош. Почему же? Не церемонься со мной, Гюлен, разоблачай мои заблуждения. Я презираю игру в прятки с самим собой, трусливый идеализм, который закрывает глаза, лишь бы не видеть зло. Я вижу зло, и оно не смущает меня. Я знаю не хуже тебя нашу злосчастную, легковерную толпу, знаю, как часто она становится жертвой своих страстей, пугается тени и, забывая правое дело, предаёт своих друзей.
- Гюлен. Так что же?
- Гош. Ведь и пламя капризно: оно колеблется от малейшего дуновения, отклоняется в сторону, дым заволакивает его. И все же пламя горит и поднимается к небу.
- Гюлен. Сравнение еще не доказательство. Вглядишься в это сборище бездельников и болтунов, посмотри на этого смутьяна адвокатишку, на эту здоровенную девицу, которой только бы орать на всех этих пожилых младенцев, заносчивых и трусливых!.. Верить народу! Да тебя обязательно надуют! Мое жизненное правило: ни на кого не рассчитывать! Оказывай им услуги всякий раз, когда сможешь, но сам от них ничего не жди. У меня голова на плечах и крепкие кулаки. Вот во что я верю: в себя.
- Гош. Что и говорить, ты надежный товарищ. И все же в этой темной массе больше силы и здравого смысла, чем в любом из нас. Даже и нравственно она выше. Без народа мы — ничто. Откуда во мне эта жажда справедливости, это необъяснимое волнение, от которого у меня захватывало дух еще в детстве, когда к нам приходили вести из Америки, поднявшейся против английских деспотов? Откуда опьянение, которое я испытал две недели назад, когда наши депутаты поклялись не расходиться до тех пор, пока не освободят народ?
- Гюлен. Откуда же, как не из тебя самого!
- Гош. Нет, ты не понимаешь. Это такая сила, которая в тысячу раз превосходит мою. От нее распирает грудь. И я чувствовал ее во многих других простых людях — таких же рабочих и солдатах, как я. Ты не родился среди них, ты не умеешь читать в их сердцах. Да и сами они не разбираются в своих чувствах. Нищета, невежество, голод, заботы не оставляют им ни времени, ни сил познать самих себя. Они видят, но не верят своим глазам. Чувствуют, как бурлит в них сила, но сомневаются в ней —

она пугает их. Чего бы только они не могли свершить, если б понимали свою силу! И чего они не свершат, когда поймут!

Гюлен. А что же способно объединить и направить в нужную сторону этот хаос?

Гош. Необходимость! Настанет момент, когда достаточно будет одного мановения — и миры рухнут.

Гюлен (*ударяя его по плечу*). Ты — честолюбец! Ты мечтаешь властвовать над народом.

Гош. Безмозглый силач! Нашел честолюбца! Ты и вправду думаешь, что втайне я мечтаю о чинах? (*Оглядывает свой мундир.*)

Гюлен. А тебе так уж ничего и не надо? Что это с тобой сегодня? У тебя такой радостный вид. Уж не произведен ли ты в сержанты?

Гош (*пожимая плечами*). Сегодня воздух насыщен радостью.

Гюлен. Однако ты не слишком требователен! Голод. Неминуемая резня. Твой народ на краю гибели... А с тобой что будет? Придется или идти против тех, кого ты любишь, или умереть вместе с ними.

Гош (*улыбаясь*). Ну и прекрасно.

Гюлен. Ты находишь, что это прекрасно? Вот-вот грянет гром и все сокрушит.

Гош (*смеется*). Да, прекрасно.

Гюлен (*смотрит на него*). Ты веришь в свою звезду?

Гош (*со смехом пожимает плечами*). Нет, Гюлен, не верю. Звезды — это для бездельников, для аристократов. У таких бедняков, как я, не бывает своей звезды. Ты-то знаешь, как я жил до сих пор. Крестной матерью мне была нужда. Ведь я сирота от рождения и никогда не знал матери. Если б не моя старая тетка, торговка овощами, я бы воспитывался в каком-нибудь ханжеском приюте или был бы предоставлен своим дурным наклонностям. Благодаря тетке я познал трудолюбивую бедность, которая закаляет душу. Благодаря ей я узнал, сколько скрытых достоинств, сколько железной энергии в этом народе, над которым легко издеваться, сидя здесь, за столиком кофейной. Славная женщина! Всю жизнь она трудилась как каторжная, но даже в старости так и не довелось ей узнать ни минуты отдыха; чтобы не умереть с голоду, она и в жару и в стужу выходила из дому и опухшими руками толкала свою тележку — и так до последних дней, когда она уже была тяжело больна и останавливалась на каждом шагу, до того мучило ее

удуше. Но, несмотря ни на что, Гюлен, она умела смеяться! Я так и вижу ее румяное, улыбающееся лицо. Я, конечно, всячески старался найти себе в жизни какое-нибудь применение, снять с нее бремя забот обо мне. Начал я свой жизненный путь конюхом. Если меня произведут когда-нибудь в генералы, я не так буду рад, как в тот день, когда впервые заработал себе на кусок хлеба. Да! Это было совсем не плохое время! Даже и теперь я вспоминаю нашу конюшню с благодарностью! И есть за что! Там я прочитал Руссо. Как-то я подобрал в канаве грязные странички, вырванные из книги. (Я и сейчас не расстаюсь с ними.) Однажды в воскресенье товарищи мои разошлись и я остался один в конюшне, растянулся на соломе подле лошадей и принялся читать... Нет, это было не чтение — я слышал, видел... Все окружающее исчезло. Дыхание Природы коснулось моего лица. Будто и не было между нею и мной Версаля. Я ощутил божественную силу сознания. Я остановился, я не мог читать дальше — я слышал, как кровь бурно приливает к сердцу, будто река струилась во мне. Я поднялся, плача и смеясь. Я кричал, я задыхался, я обнимал своих славных лошадок и готов был заключить в объятия весь мир. Когда я думаю, Гюлен, что человек, даровавший нам такой неиссякаемый источник счастья, сам был глубоко несчастен, когда я думаю, что он, преданный друзьями, преследуемый глупыми насмешками, ожесточенный невзгодами, жил в убеждении, что все люди ненавидят и презирают его, — мне становится так стыдно, точно я сам повинен в этом позоре... Ах, зачем меня не было подле него — я бы защитил его. Теперь ты поймешь, почему я так сочувствую бедняге Марату, невзирая на все его заблуждения. Марат тоже страдает, как страдал Руссо, как страдают все, кто любит неблагодарный род человеческий. Я и сам часто только кажусь спокойным. Вот уж пять лет я под ярмом, которое на меня подлым обманом надели вербовщики королевской армии, но я падаю духом: всюду можно трудиться на благо другим и прославиться. Конечно, не с легким сердцем я подчинился отвратительному произволу и позору этой жизни... Э! Насмотревшись и натерпевшись вдоволь, становисься неуязвимым. Вот и теперь я всего несколько дней как вышел из карцера, куда меня посадили по доносу клеветника. Три месяца меня гноили там, я терпел лишения, задыхался среди нечистот. Я бы умер, если бы мог умереть: ведь предусмотрительная природа дала мне такое

тело, которое не дрогнет под любым обстрелом судьбы. Пять лет я надрываюсь — и все еще только капрал; никакой надежды выбраться из этой ямы, ибо нам запрещено все — даже мечты о повышении. Вот она, моя звезда, Гюлен! Жизнь жестока ко мне, и так будет всегда, я это чувствую. Я не из тех, кому везет от рождения. Что ж! Я не возлагаю никаких надежд на звезды. Единственное мое прибежище — во мне самом. И мне этого достаточно. Зло может неистовствовать сегодня; торжество несправедливости, все преступления деспотов и богатей, все безумие предрассудков, оглуляющих человека, не сломят моего духа, потому что свет во мне (показывает на свою грудь) и в сердцах моих братьев, таких же обездоленных, как и я. Ничто не способно погасить свет истины, она победит во всем мире! Но она не торопится — у нее в запасе вечность. Я тоже терпелив. Победа придет... Ты боишься грозы? Но ведь только во время бури вспыхивает небесный огонь. Так греми же, гром! Истина, испепели мрак!

Гюлен. Я не боюсь грозы. Все, о чем я говорил тебе, не пугает меня. Я не боюсь за свою шкуру. Но куда идти? Если у тебя глаза зорче моих — укажи дорогу. Всюду, где потребуются крепкие кулаки, смело рассчитывай на меня, я не промахнусь. Руководи мной. Что нужно делать?

Гош. Не надо составлять планы заранее. Наблюдай за ходом событий и в подходящий момент не упускай случая, хватай его за гриву и держись крепко в седле. А пока займемся нашими обычными делами... Будем торговать жилетами...

Толпа вновь вторгается на сцену, давая знать о своем приближении громкими криками и хохотом. Верзила носильщик несет на плечах мальчугана лет семи. Их сопровождают смеющиеся Конта, Демулен и другие.

Ребенок (*пронзительно кричит*). Долой аристократов, аристокрашек, аристокривляк, аристокровопийц!

Гюлен. Во что это они играют? Ага! Суд над аристократами. Сейчас это их излюбленное развлечение...

Носильщик. Внимайте голосу народа! К чему мы присудим... Эй, Леонид, ты что, уснул? К чему мы присудим д'Артуа?

Ребенок (*писклявым голосом*). К железному ошейнику!

Носильщик. А Полиньячиху?

Ребенок. К порке!

Н о с и л ь щ и к. А Конде?
Р е б е н о к. К виселице!
Н о с и л ь щ и к. А королеву?
Р е б е н о к. К шлюхам ее!

Толпа дико хохочет; крики одобрения; ребенок, вне себя от собственного успеха, пытается перекричать всех. Н о с и л ь щ и к уходит, унося его на плече.

К о н т а. Ах, милашка! Он так хорош, что прямо съесть его хочется!

Д е м у л е н. Ну, что ж, проглотим мальчишку! Браво, гроза аристократов! Господа! Юный Леонид забыл еще одного нашего друга — господина де Вентимиля, маркиза де Кастиельно.

Г ю л е н (*Гошу*). Слушай! Это он о моем хозяине.

Д е м у л е н. Господину де Вентимилю мы и впрямь кой-чем обязаны. Маршал призвал его охранять Бастилию совместно с господином де Лонеем, и он поклялся, что через два дня мы все, босиком и с веревками на шее, будем молить его о пощаде. Я предлагаю кому-нибудь из присутствующих пожертвовать веревку этому другу народа.

Т о л п а. Спалить его!.. Он живет неподалеку! Подожжем его дом — пусть сгорит все его добро вместе с женой и детьми...

Внезапно в толпе появляется В е н т и м и л ь, холодный и насмешливый.

В е н т и м и л ь. Господа...

К о н т а. Что это? Боже мой!

Г ю л е н. Гош! (*Хватает Гоша за руку.*)

Г о ш. Что с тобой?

Г ю л е н. Это он.

Г о ш. Кто?

Г ю л е н. Вентимиль.

В е н т и м и л ь. Господа! Ваш покорный слуга — торговец мебелью. Я поставщик господина де Вентимиля, и я прошу слова.

Т о л п а. Пусть говорит мебельщик!

В е н т и м и л ь. Господа! Без сомнения, вы правы, намереваясь подпалить этого злобного аристократишку. Он ведь насмехается над вами, презирает вас и не устает повторять, что, когда собака показывает зубы, ее полезно отхлестать. Подожгите его, господа! Жгите, будьте беспощадны! Но остерегайтесь, как бы правый гнев, который

вы обрушите на него, не обратился против вас самих; как бы вместе с его добром не погибло и ваше. Прежде всего, господа, справедливо ли разорять вместе с господином Вентимилем и тех, кто его разоряет? Я говорю о его кредиторах! Разрешите мне просить вас не трогать хотя бы мебель, которую я поставил ему и за которую этот выжига не заплатил мне ни гроша!

Толпа. Это справедливо! Забирай свою мебель!

Вентимиль. Успех моей просьбы придает мне храбрости, и я хочу указать вам, господа, еще одного кредитора — архитектора. Так же как и мне, ему не посчастливилось даже прикоснуться к деньгам господина де Вентимиля; будь он тут, он бы просил вас взвесить, какой огромный ущерб вы ему причините, сжигая недвижимость, которая является единственным залогом расплаты с ним.

Толпа. Не трогать дом!

Вентимиль. Что же касается его жены, господа, — зачем жечь то, что принадлежит вам самим? Его жена — публичная девка. При дворе, да и в городе, и среди духовенства, и среди разночинцев — все имели возможность неоднократно оценить ее отменные качества. Она чужда социальных предрассудков — все три сословия равны перед ней. Она как бы объединяет нацию. Отдадим должное столь редкой добродетели, господа! Поощрим супругу и мать!

Демулен. Поощрим эту парижскую богоматерь!

Толпа (смеясь). Да, да, поощрим женщину!

Вентимиль. Наконец... Но, может быть, господа, я злоупотребил...

Толпа. Да нет же! Нет!

Вентимиль. Наконец, господа, намереваясь спалить детей господина де Вентимиля, не уподобитесь ли вы нашим вульгарным трагикам и не станете ли вы, так сказать, детоубийцами поневоле?

Толпа (надрываясь от хохота). Ха! ха! ха! Да здравствуют ублюбки!

Вентимиль (меняя тон к концу речи). Что же касается его самого, господа, — повесьте его, зарежьте, сожгите! Больше того, если вы его не сожжете, то уж он-то сожжет вас наверхняка. (Спрыгивает со стула и смешивается с толпой, которая одобрительно шумит и смеется.)

Конта (подбегая к Вентимилю). Скорее уходите! Они могут узнать вас!

Вентимиль. Вот так встреча! Конта! Вы были тут? Что вы делаете среди этого сброда?

К о н т а. Незачем дразнить собак, пока еще не выбрался из деревни!

В е н т и м и л ь. Не все собаки, которые лают, кусаются... Идемте.

К о н т а. Не сейчас. Позднее.

В е н т и м и л ь. Назначаю вам свидание. В Бастилии.

К о н т а. В Бастилии — согласна!

В е н т и м и л ь уходит.

Г о ш. Мерзавец! Каково бесстыдство!

Г ю л е н. Бесстыдство, не лишенное, впрочем, смелости!

Г о ш. Не такое уж редкое сочетание у тех, кто стоит над нами!

Г ю л е н. Этот субъект начал свою карьеру, женившись на одной из любовниц бывшего короля. Подумать только, что такой человек мог совершать чудеса при Крефельде и Росбахе!

С т а р у х а торговка. Дети мои! Что это вы все толкуете о том, чтобы жечь, вешать да грабить? К чему это приведет? Я отлично понимаю, что ничего такого вы не сделаете. Тогда зачем же зря трепать языком? Ну, сварите вы в вашей похлебке несколько аристократов, но станет ли она вкуснее? Аристократы удерут и золото свое с собой захватят, а мы останемся и будем еще несчастнее, чем до сих пор. Я так думаю, что надо принимать все как оно есть и не верить лжецам, которые говорят, что они все могут исправить своими криками. Послушайтесь меня! Мы здесь зря время теряем. Ничего не произойдет. Ничего и не может произойти. Вам угрожают голодом, войной, светопреставлением. Все это выдумки газет, которым не о чем писать, да всяких агентов. С королем мы не поладили, это верно, но все устроится, если каждый из нас спокойно вернется к своему делу. Король у нас хороший — он нам обещал сохранить нашего доброго господина Неккера, а Неккер даст нам хорошую конституцию. Тут и сомневаться нечего, — во всяком случае, людям здравомыслящим. А почему не может так получиться, как думают здравомыслящие? Я, например, верю, что получится. Я тоже тут ротозейничала, вроде вас, и потеряла добрых четыре часа! Пойду торговать — меня моя репа ждет!

Т о л п а (*одобрительно*). А ведь она права!

— Ты права, мамаша!

— Расходись, ребята, по домам!

Г ю л е н. Ну, что ты скажешь?

Гош (*улыбаясь*). Она мне напомнила мою старую тетку — та всегда говорила о терпении, когда собиралась меня колотить.

Гюлен. А по-моему, она правильно рассуждает.

Гош. Я бы очень хотел обладать ее верой. Преклонение перед здравым смыслом так естественно! Я сам, если б думал, что противник способен стать на защиту разума, доверил бы ему это. Но увы, мой жизненный опыт не оставляет места самообольщению. Вот и сейчас я не могу не видеть, что Гоншон и его приспешники торопятся закрыть свои лавки. А они ничего зря делать не станут. Опасаюсь, что это внезапное спокойствие лишь затишье перед бурей. В глубине души никто сейчас не верит в успокоение. Ты заметил: никто не двинулся с места, даже сама старуха? Они пытаются обмануть сами себя, но это им не удастся. Вот они и мечутся как в лихорадке. Вслушайся в гул толпы. Теперь она уже не вопит, а чуть шепчет... словно листья, что шелестят под ветром, который предвещает бурю... (*Хватает Гюлена за руку.*) Постой!.. Прислушайся! Гюлен!.. Вот! Вот!

Гул, сначала смутный, потом все более явственный. Все встают и смотрят в ту сторону.

Человек (*запыхавшись, с непокрытой головой, одежда в беспорядке, выбегает на сцену и кричит в ужасе*). Неккера изгнали!

Толпа (*потрясенная, устремляется к нему*). Что? Что такое? Неккер!.. Нет! Не может быть!..

Человек (*кричит*). Неккера сослали! Он уже изгнан из Парижа!

Толпа (*ревет*). Смерть агенту!

— Это агент из Версаля! Смерть ему!

Человек (*в страхе отбивается*). Что вы делаете? Вы меня не поняли! Я вам говорю, что Неккер...

Толпа. В бассейн его! Топите сыщика!

Человек (*задыхаясь*). На помощь!

Гош. Спасем его, Гюлен!

Гюлен. Чтобы спасти его одного, пришлось бы укокошить не меньше двадцати человек.

Они тщетно пытаются пробиться сквозь толпу, которая увлакивает несчастного. Робеспьер, внезапно появляясь, вскакивает на стол и делает знак, что хочет говорить.

Гош. Кто этот тщедушный человек?

Демулен. Это Робеспьер, депутат от Арраса.

Гош. Гаркни, Гюлен! Заставь их замолчать!
Гюлен. Слушайте! Слушайте гражданина Робеспьера!

Робеспьер вначале так волнуется, что за ревом толпы его слов совсем не слышно, раздаются возгласы: «Громче!»

Демулен. Говори, Робеспьер!

Гюлен. Не бойтесь!

Робеспьер смотрит на него застенчиво и вместе с тем презрительно.

Демулен. Он еще не привык выступать перед народом.

Гош. Да помолчите же, друзья!

Робеспьер (*подавляя волнение*). Граждане! Я — депутат от третьего сословия. Я только что из Версаля. Этот человек сказал правду: Неккера прогнали. Власть перешла к врагам народа: де Брольи, Фулону, Бретейлю. Резня, Грабеж, Голод — вот наши теперешние министры. Это — война. Я пришел сюда к вам, чтобы разделить с вами вашу участь.

Народ (*в ужасе*). Мы погибли!

Демулен. Что же нам делать?

Робеспьер. Достоинно умереть.

Гош (*пожимая плечами*). Адвокатишка!

Гюлен. Поговорите с народом, господин депутат!

Робеспьер. К чему слова? Пусть каждый прислушается к голосу своей совести!

Гош. Они совсем обезумели. Если сейчас же не заставить их действовать, они в самом деле погубят себя.

Робеспьер достает из кармана листки рукописи и типографские гранки.

Гюлен. Что он там? Читать собрался? Оставьте в покое ваши бумаги. Одно мужественное слово стоит в тысячу раз больше, чем вся ваша писанина!

Робеспьер (*развертывает рукопись и читает бесстрастным, слабым, но резким голосом*). «Декларация прав...

Гош. Слушайте!

Робеспьер. «Декларация прав, предложенная на заседании Национального собрания вчера, одиннадцатого июля: «Национальное собрание провозглашает перед лицом Вселенной и всевидящего ока Верховного Существа ниже следующие права человека и гражданина: Природа создала людей свободными и равными...».

Гром аплодисментов заглушает конец фразы.

«Все люди рождаются с неотъемлемыми и нерушимыми правами: свободно мыслить, заботиться о своей чести и жизни, распоряжаться по собственному усмотрению своей личностью, стремиться к счастью и противиться гнету».

Аплодисменты, возгласы одобрения со всех сторон.

Гош (*выхватывая саблю*). Противиться гнету!

Мгновенно толпа ошетинивается пиками.

Робеспьер. «Все общество испытывает гнет, если угнетен хотя бы один из его членов. Если отдельный член общества подвергается угнетению, угнетено все общество».

Гоншон. Долго они тут будут канителиться? Надо удалить отсюда всех. Пусть подставляют свои головы под пули в другом месте — ведь войска могут с минуты на минуту войти в Париж. (*Что-то шепчет своим людям.*)

Робеспьер. «Верховная власть принадлежит Нации...».

Доносится чей-то крик. Толпа содрогается и слушает Робеспьера уже рассеянно.

Гош. Пришло время братья за руль, Гюлен! Буря разразилась.

Чей-то голос (*кричит в ужасе*). Они идут! Идут! Кавалерия!

Один из приспешников Гоншона (*пронзительно*). Спасайся кто может!

Давка, вопли.

Гюлен (*кидаясь на кричащего человека и отпуская ему такую здоровенную оплеуху, что у того захватило дух*). Тысяча чертей! (*Робеспьеру.*) Продолжайте!

Робеспьер пытается продолжать, но его голос глохнет и теряется в шуме толпы. Гош вскакивает на стол и становится рядом с Робеспьером — он выше его на две головы; вырывает у него рукопись и читает проникновенным голосом; его пыл передается толпе.

Гош. «Верховная власть принадлежит Нации, она создает правительство.

Когда правительство нарушает права Нации, восстание против него — ее священный долг...

Тех, кто вступает в борьбу с народом, чтобы воспрепятствовать торжеству Свободы, должно преследовать не как обыкновенных врагов, но как рабов, посягнувших на Владыку земли, на Человечество».

Крики одобрения. Демулен, с развевающимися волосами и сверкающими глазами, вскакивает на стол, с которого сошел Гош.

Д е м у л е н. Свобода! Свобода!.. Она парит над нашими головами. Она увлекает меня в свой священный полет. Пусть она осенит нас своими крылами! Вперед к победе! Рабству приходит конец... Да, оно позади! Восстаньте! Обратим молнию против злодеев, которые вызвали ее! Во дворец! К королю!

Толпа повторяет: «Во дворец!»

Смотрите на меня, притаившиеся шпионы! Это я, Камилл Демулен, призываю Париж к восстанию! Я не боюсь ничего! Что бы ни случилось — живым я не дамся! (*Вынимает из-за пазухи пистолет.*) Я боюсь только одного — вновь увидеть Францию поработенной. Но мы этого не допустим. Она будет свободной, как и мы, или умрет вместе с нами. Да, подобно Виргинию, мы скорее убьем ее своими руками, чем позволим тиранам надругаться над ней... Братья! Мы будем свободны! Мы уже свободны! Каменным бастилиям противопоставим твердыню наших сердец, несокрушимую крепость Свободы! Смотрите! Небеса разверзлись, боги за нас. Солнце прорвало облака. Листва каштанов радостно трепещет. О листья, весело шумящие в едином порыве с народом, который пробуждается к новой жизни! Будьте нашей эмблемой, знаком нашего единения, залогом нашей победы! Листья цвета надежды, цвета моря, цвета природы — вечно юной и свободной! (*Срывает веточку.*) In hoc signo vinces!¹ Свобода! Свобода!

Все проталкиваются к Демулену, обнимают, целуют его.

К о н т а (*украшая волосы листьями*). О юная Свобода! Зеленой в моих волосах и цветы в моем сердце! (*Пригоршнями разбрасывает листья вокруг себя.*) Друзья, украсьте себя эмблемой лета!

Народ срывает листья, оголяя деревья.

С т а р у х а т о р г о в к а. К королю! Это он хорошо сказал! Надо идти к королю! В Версаль, ребята!
Г ю л е н (*показывая на старуху и на Конта*). Вот они и зажглись раньше всех!

¹ Сим победиши; (*латин.*).

Гош. Теперь уж их нипочем не остановишь!

Народ. Все — на Марсово поле!

— Навстречу версальцам! Мы им покажем! Дадим жару!

— Негодяи! Думали тишком задушить народ Парижа!

Старуха. Я с них шкуру спущу! Повыдеру все волосенки этим разбойникам немцам!

Демулен. Они прогнали нашего Неккера. А мы выгоним их самих! Мы хотим, чтобы Неккер остался. Пусть мир узнает нашу волю.

Народ. Устроим шествие в честь Неккера!

— Его портрет есть у Курциуса в кабинете восковых фигур.

— Пронесем его с почестями по городу!

— Курциус закрыл свою лавочку!

— А мы вышибем двери!

Гоншон (*своим людям*). Внимание! Не зевать!

Один из людей Гоншона. Господин Гоншон!

Они все растащат!

Гоншон. Оставь их в покое — поступай, как они!

Торговец. Эдак они и к нам заберутся!

Гоншон. Против рожна не попрешь!

Входит в лавку следом за народом и горланит вместе с другими. Сбегаются новые люди; через несколько минут у всех оказываются в руках палки, шпаги, пистолеты, топоры.

Народ. К порядку, товарищи!

— Не допустим самоуправства!

— Эй, карапуз, иди-ка в школу! Нам тут некогда с тобой шутить!

— Нужно, чтобы наше шествие было торжественным и грозным! Пусть тираны поймут, как страшен священный гнев народа!

Атлетического сложения носильщик торжественно выносит из паноптикума бюст Неккера, прижимая его к груди. Все теснятся вокруг него.

— Шапки долой! Вот он, наш защитник, наш отец!

— Накиньте на него креп! Родина в трауре!

Гоншон и его люди тоже выходят из лавки, неся бюст герцога Орлеанского. Держась позади всех, они в подражание остальным принимают возбужденно-сосредоточенный вид.

Народ не обращает на них внимания.

Гюлен. Это еще что такое?

Гош. Это покровитель нашего друга Гоншона — гражданин д'Орлеан.

Гюлен. Пойду-ка проломлю ему башку, а заодно и тем, кто его тащит.

Гош (*улыбаясь*). Нет, нет, оставь. Пусть покажут себя во всей красе, это не вредно.

Гюлен. А ты его знаешь?

Гош. Орлеанского? Кто знает одного из шайки — знает всех. Порочный мальчишка! Путается под ногами у Свободы в надежде залезть ей под юбку. Ему, видно, хочется, чтобы его смазали по роже. Ну, что ж, этого он добьется и без твоей помощи.

Гюлен. А если он надругается над Свободой?

Гош. Этот недоносок? Пусть поостережется, а то как бы она не оттяпала ему башку.

Гоншон и его приспешники покрывают крепом бюст герцога Орлеанского, подражая тем, кто несет бюст Неккера. Торжественно выстраивается причудливая процессия. Полное молчание. Внезапно появившаяся откуда-то старуха торговка бьет в барабан. Поднимается невообразимый шум.

Народ. Вперед!

Процессия трогается с места. Впереди всех — старуха с барабаном. За ней — носильщик с бюстом Неккера на голове. Вокруг — народ, вооруженный палками и топорами; молодые люди, разряженные в цветные шелка, щеголяют дорогими часами и перстнями, в руках у них шпаги и дубинки; гвардейцы с саблями наголо; женщины, среди которых, в первом ряду, — Конта под руку с Демуленом. Сзади всех — Гоншон, окруженный торговцами из Пале-Рояля; он несет бюст герцога Орлеанского. За ним — толпа. Торжественная пауза, наполненная гудением, сквозь которое вдруг прорываются приветственные крики, пробегающие, словно дрожь, по толпе и внезапно умолкающие.

Гош (*показывая Гюлену на народ*). Ну, как, Гюлен? Сдаешься, малOVER?

Гюлен. Так ведь это же нелепость! Беспорядочная толпа воображает, что она в состоянии атаковать армию... Они все погибнут. Бессмысленно погибнут! (*Присоединяется к толпе.*)

Гош. Куда же ты?

Гюлен. С ними, конечно.

Гош. Дружище! Сердце у тебя мудрее, чем голова.

Гюлен. А сам-то ты разбираешься во всем этом? Знаешь, куда устремился этот слепец — народ?

Гош. Не старайся понять. Он знает и видит и за себя и за тебя.

Гюлен. Кто?

Гош. Слепец.

Зловеще бьет барабан и постепенно затихает вдали. Народ медленно проходит. Тишина.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ночь с понедельника 13-го на вторник 14 июля. Между двумя и тремя часами ночи.

Улица в Сент-Антуанском предместье. В глубине, над домами, возвышается темный громадный массив — это Бастилия, башни которой, окутанные мраком, вырисовываются по мере того, как приближается рассвет. На углу справа — дом Люсилли. По перилам балкона ползет вьюнок, закрывая и часть стены. Ни одного фонаря. Улица освещена свечами, поставленными на подоконники. Из далеких кузниц доносятся удары молотков, бьющих по наковальням; временами набат и отдаленная ружейная стрельба. На углу, около дома Люсилли, люди из народа вместе с несколькими буржуа сооружают баррикаду из бочек, всякого домашнего скарба и булыжников.

Каменщик. Не мешало бы еще булыжника подбросить. Рабочий (*тащит свою кровать*). А моя кровать не согдится?

Каменщик. Ты хочешь здесь лечь?

Рабочий. Вскорости улягусь с пулей, которая меня настигнет.

Каменщик. Да ты весельчак!

Рабочий. Если эти разбойники придут сюда, нам уже ничего не понадобится. Постели будут посланы в другом месте.

Столяр. Помоги мне протянуть веревку.

Подмастерье. Зачем это?

Столяр. Чтобы лошади споткнулись.

Рабочий из типографии. Эй, Камюзе!

Другой. Чего тебе?

Рабочий из типографии. Слушай.

Другой. Ну?

Рабочий из типографии. Ты ничего не слышишь?

Другой. Я слышу, как звенят наковальни; во всех кузницах куют пики.

Рабочий из типографии. Нет, я не об этом. Вон оттуда... *(Показывает на землю.)*

Другой. Оттуда?

Рабочий из типографии. Да. Из-под земли. *(Ложится и прикивает ухом к земле.)*

Другой. Ты бредишь.

Рабочий *(лежа на земле)*. Похоже на то, что там закладывают мину.

Другой. Проклятые! Они хотят, чтобы мы взлетели на воздух!

Столяр *(недоверчиво)*. Да будет тебе!

Рабочий *(лежа)*. У них там под землей тысячи бочек с порохом.

Другой рабочий. Вот поэтому-то его нигде и не сыщешь.

Столяр. Что ж, по-твоему, армии так же просто пробраться под землей, как крысам?

Рабочий *(лежа)*. Ты что же, не знаешь, что у них есть подземные ходы от Бастилии до самого Венсена?

Столяр. Ну, это уж бабы бредни.

Другой рабочий *(тоже припадает к земле и прислушивается)*. Потихо стало.

Первый рабочий *(вставая)*. Загляну-ка я в погреб — послушаю там. Пойдем, Камюзе!

Оба уходят в один из домов.

Столяр *(смеясь)*. В погреб! Вот это ловко! Должно быть, просто глотку промочить захотелось. Однако пора кончать работу.

Каменщик *(не прекращая работы, оглядывается назад)*. А, черт!

Столяр. Что такое?

Каменщик *(показывая на Бастилию)*. Вот смотришь на нее и чувствуешь, как она на тебя давит, — стоит обернуться, и она тут как тут, даже дыхание перехватывает.

Столяр. Отлично! Нечего сказать. Одни смотрят под землю, другой зевает по сторонам. Не оглядывайся! Работай!

Каменщик. Я и так стараюсь! Да только я ее все равно чувствую. Словно кто-то подкрался сзади и занес кулак у меня над головой. Провались она в тартарары!

Старый буржуа. Он прав. Ее пушки подстерегают нас. К чему мы все это сооружаем? Одно мановение руки — и она разнесет наши баррикады, как карточные домики.

Столяр. Да нет же, нет!

Каменщик (*грозя кулаком Бастилии*). Мерзавка! Ах, когда только мы от тебя избавимся!

Столяр. Скоро.

Многие. Ты как думаешь? Каким же образом?

Столяр. Ну, этого я не знаю. Только знаю, что непременно так будет. Не робей, знай работай! Как ни темна ночь, а рассвет придет.

Все работают.

Подмастерье. А пока что ни черта не видно.

Столяр (*кричит, обращаясь к окнам*). Эй, вы там! Бабы! Смотрите, чтобы свечи не потухли! Нам нужно получше видеть этой ночью.

Женщина (*у одного из окон, управляя свечи*). Ну, как там у вас, подвигается?

Столяр. Да, уж будь покойна, пусть кто-нибудь попробует сунуться — разом свернет себе шею.

Женщина. А они скоро придут?

Столяр. Говорят, что в Гренели уже льется кровь. Со стороны Вожирара тоже слышны выстрелы.

Старый буржуа. Они ждут только восхода солнца, чтобы выступить.

Каменщик. А который теперь час?

Женщина. Три часа. Слышишь? Петух поет.

Каменщик (*вытираясь рукавом*). А ну, живей, живей! Черт подери! Какая, однако, жарница!

Столяр. Тем лучше. Пролитый пот зря не пропадает.

Старый буржуа. Я больше не могу.

Столяр. Отдохните немного, господин нотариус! Каждый может сделать только то, что в его силах.

Старый буржуа (*тащит булыжник*). Я вот только еще этот положу.

Столяр. Не надрывайтесь. Кто не может скакать, пусть трусит рысцой.

Женщина. А ружья-то у вас есть?

Столяр. Держи карман шире! В Ратуше нас по-прежнему кормят завтраками. Там несколько сотен буржуа. И они все себе заграбастали.

Каменщик. Ну и черт с ними! У нас есть ножи, палки, камни. Чтобы бить, все сгодится.

Женщина. Я натаскала в комнату черепицы, разных черепков, битых бутылок, а посуду и мебель пододвинула к окну. Пусть только полезут — все полетит им в рожи.

Другая женщина (*в окне*). А у меня котел стоит на

огне и кипит ключом с самого обеда — булыжники для них варю. Пускай приходят — окачу их горячими камушками.

Оборванец (*с ружьем через плечо, обращаясь к буржуа*).
Дай мне денег.

Буржуа. Здесь не попрошайничают.

Оборванец. Я не прошу хлеба, хотя кишки у меня и подвело. Видишь, у меня ружье, а вот пороху купить не на что. Дай мне денег.

Другой оборванец (*навеселе*). Денег? У меня их девать некуда. (*Вытаскивает пригоршню монет*.)

Первый оборванец. Откуда они у тебя?

Второй оборванец. А я позаимствовал у святых отцов, когда сегодня грабили монастырь.

Первый оборванец (*хватая его за горло*). Ты что же, свинья? Народ позорить?

Второй оборванец (*пытаясь вырваться от него*).
С ума спятил?

Первый оборванец (*трясет его*). Выворачивай карманы!

Второй оборванец. Но...

Первый оборванец (*выворачивая карманы второго*).
Выворачивай карманы, ворюга!..

Второй оборванец. Разве мы уж не имеем права и воровать у аристократов?

Толпа. Повесить его!

— Вздернуть его на крюк вместо вывески!

— Да нет, вздуть его — и все тут! Проси прощения у народа.

— Ладно! Теперь улепетывай!

Оборванец убегает.

Первый оборванец (*принимаясь за работу*). Лучше бы повесить его, чтобы другим повадно не было. А то и другие полезут. С такими ворюгами можно ведь и самому запачкаться. Это мне не по душе.

Камилла Демулен (*входит, как всегда, фланирующей походкой, с рассеянным видом, а на самом деле не упуская ничего из происходящего*). Почистись хорошенько щеткой — и дело в шляпе.

Все хохочут и снова принимаются за работу.

Народ. Подналяжем, надо кончать.

Демулен (*глядя на окна дома и на работающих*). Тут где-то моя Люсиль. Я иду от них. У них дома — ни души.

Мне сказали, что вся ее семья отправилась на обед к родственникам в Сент-Антуанское предместье. Они, конечно, не смогли вернуться домой. Они оказались отрезанными. Еще бы, такие укрепления! Эскарпы и контрэскарпы, люнеты — словом, все как полагается! Осаждают дом по всем правилам... Только вот что, дети мои! Вы как-никак должны сокрушить Бастилию, а не возводить ее подобие. Не знаю, что скажут враги, но для ваших друзей здесь небезопасно. Вот я, например, едва не запутался в веревках, еще немного — и сломал бы себе шею. Эта бочка еле держится — надо подложить под нее булыжники.

С т о л я р. А работаешь ты так же ловко, как мелешь языком?

Д е м у л е н (*весело хватая кирку*). Точно так же я и работаю. (*Поднявшись на верхушку баррикады, добирается до окон. В глубине дома — свет. Осматривается*). Она — там.

С т а р ы й б у р ж у а. Судья Флессель — изменник. Он прикидывается, что заодно с нами, а сам переписывается с Версалем.

К а м е н щ и к. Это он придумал набрать милицию из буржуа, якобы для того, чтобы охранять нас. Но это только предлог. На самом деле они стараются связать нас по рукам и по ногам. Все они там иуды — сами продались и готовы продать нас.

С т о л я р. Ну, что ж, друзья мои, значит, нам не на кого больше рассчитывать, кроме как на самих себя. Я-то уже давно это понял.

Камилл стучит легонько пальцем в окно и шепчет: «Люсиль!» Свет гаснет. Окно приоткрывается. Появляется хорошенькое личико Люсилли. Она улыбается, поблескивая зубками. Оба предостерегающе прикладывают палец к губам. Они разговаривают знаками, влюбленные и радостные. Всякий раз, как кто-нибудь из работающих на баррикаде поднимает голову и смотрит в их сторону, Люсиль быстро захлопывает полуоткрытое окно. Тем не менее двое рабочих замечают их.

Р а б о ч и й (*показывая на Демулена*). Что он там делает? **В т о р о й р а б о ч и й.** Мальчишка влюблен! Ну, что ж! Не будем ему мешать!

П е р в ы й р а б о ч и й. От этого он хуже драться не станет. Петух всегда защитит курочку. (*Продолжает работать и время от времени с любопытством, но добродушно, осте-*

регаясь спугнуть влюбленную парочку, поглядывает в сторону Камилла и Люсиль.)

Л ю с и л ь *(шепотом)*. Что вы тут строите?

Д е м у л е н. Укрепления, чтобы защищать вас.

Смотрят друг на друга смеющимися глазами.

Л ю с и л ь. Мне больше нельзя оставаться с вами. Родители услышат.

Д е м у л е н. Ну, еще немножечко!

Л ю с и л ь. Позже. Когда все улягутся. *(Та же игра. Люсиль прислушивается к звукам внутри дома.)* Меня зовут. Ждите меня здесь. *(Посылает ему воздушный поцелуй и исчезает.)*

К а м е н щ и к *(осматривая баррикаду)*. Вот это да! Готова! И уж поверьте, сделана на совесть! Эх, букет бы сюда, чтобы украсить верхушку!

С т о л я р *(хлопая по плечу Демулена)*. Не надрывайся так, а то, чего доброго, чахотку схватишь!

Д е м у л е н. Каждому своя работа, товарищ! Быть может, эта баррикада воздвигнута именно силою моего голоса!

К а м е н щ и к. Что ты мелешь?

С т о л я р. Значит, ты работаешь глоткой?

Д е м у л е н. Разве никто из вас не был вчера в Пале-Рояле?

Т о л п а. В Пале-Рояле?

— Подожди-ка!

— Так это ты — тот парень, что призывал нас взяться за оружие? Это ты придумал для нас кокарду? Значит, ты и есть господин Демулен?

— Черт подери! Молодец! Здорово тогда говорил! Я ревел, как теленок!

— А ты и впрямь молодчага!

— Господин Демулен, господин Демулен, позвольте пожать вам руку! Да здравствует господин Демулен! Да здравствует наш малыш Камилл!

Г о н ш о н *(уже капитан милиции буржуа, входит в сопровождении патруля, состоящего из его молодчиков)*. Чего вы тут наворотили? Из-за чего горланите? Вы нарушаете порядок, будите весь квартал. Проваливайте! По домам!

Н а р о д. Опять эти проклятые буржуи — охранники! Плюем мы на ваш дозор! Начхать на таких сержантов!

— Нарушаем порядок! Ну не наглость ли?

— Мы защищаем Париж!

Г о н ш о н. Это не ваша забота.

Н а р о д (*поражен и возмущен*). Не наша забота?!

Г о н ш о н (*еще громче*). Да, вас это не касается. Это наша обязанность. Постоянный комитет поручил нам защиту города. Прочь отсюда!

Д е м у л е н (*приближаясь, всматриваясь*). Да ведь это Гоншон!

Г о н ш о н (*натываясь на баррикаду*). Проклятье! А, черти, мерзавцы, разрази вас гром! Лопни ваши глаза! Какие сукины дети осмелились нагромоздить эту рухлядь, разобрать мостовую, преградить уличное движение!.. Сейчас же расшвырять все это!

Н а р о д (*вне себя*). Разрушить нашу баррикаду! Пусть-ка сунутся!

С т о л я р. Послушай, капитан! Да слушай хорошенько и взвесь все, что я тебе скажу. Мы согласны разойтись и не оспаривать приказов комитета, хоть и писали их, видно, дураки безмозглые. Что ж, раз мы воюем, значит, нужна дисциплина. Поэтому мы подчиняемся. Но если только хоть пальцем тронут один кирпичик в наших сооружениях, мы свернем тебе шею, а заодно и твоим обезьянам.

Н а р о д. Уничтожить нашу баррикаду!

Г о н ш о н. Да никто и не думает разбирать вашу баррикаду. Вот еще! Разве мы каменщики? У нас и своих дел довольно. Разойдись!

К а м е н щ и к (*угрожающе*). Мы уйдем, но, надеюсь, ты понял?

Г о н ш о н (*с апломбом*). Я сказал, что никто ее не тронет, — довольно болтать!

Строители баррикады расходятся. Демулен задерживается.

А ты что, оглох, что ли?

Д е м у л е н. Разве для друзей нельзя сделать исключение, Гоншон?

Г о н ш о н. Это ты, проклятый болтун? Арестуйте этого хулигана!

Появляется Робеспьер.

Р о б е с п ь е р (*входя*). Кощунство! Кто тут осмеливается поднять руку на одного из поборников Свободы?

Д е м у л е н. А, Робеспьер! Спасибо!

Г о н ш о н (*выпуская Демулена; про себя*). Депутат! Черт его дери! (*Громко*.) Я обязан охранять порядок. И буду поддерживать порядок, чего бы мне это ни стоило.

Р о б е с п ь е р. Пойдем со мной, Камилл! Наши друзья со-

бираются ночью вон в том доме. *(Показывает на дом, находящийся на первом плане слева.)*

Демулен *(про себя)*. Оттуда мне будет видно окно Люсили.

Они подходят к дому, у дверей которого в темной нише какой-то человек, в блузе, босой и с ружьем на плече, несет караул, покуривая трубочку.

Человек, стоящий на часах. Кто вы такие?

Робеспьер. Робеспьер.

Человек. Не знаю такого.

Робеспьер. Депутат от Арраса.

Человек. Покажите ваше удостоверение.

Демулен. Демулен.

Человек. А, так ты тот парень, который придумал карду? Проходи, товарищ!

Демулен *(показывая на Робеспьера)*. Он со мной.

Человек. Хорошо, хорошо, проходите, гражданин Робер-Пьер.

Демулен *(рисуюсь)*. Вы имеете случай, мой друг, оценить силу красноречия.

Робеспьер, горько улыбаясь, смотрит на Демулена, вздыхает и молча следует за ним.

Гоншон *(подходя к человеку, несущему караул)*. Этот еще откуда взялся?

Человек. Проваливай!

Гоншон. Что, что ты сказал, мошенник? Ты чем тут занимаешься?

Человек *(напыщенно)*. Стою на страже Нации; охраняю мозг народа!

Гоншон. Это что еще за выдумки! У тебя есть удостоверение? Кто приказал тебе стоять здесь?

Человек. Я сам.

Гоншон. Ну, так марш домой!

Человек. А я и так у себя дома. Мой дом — улица. Другого дома у меня нет. Убирайся ты сам домой, буржуй! Проваливай с моей мостовой! *(С угрожающим видом наступает на него.)*

Гоншон. Ладно уж! Не будем ссориться... Стану я драться с пьянчугой! Проспись лучше! А мы продолжим наш обход... Ах, мерзавцы! Когда только мы разделаемся с ними! Хоть разорвись — баррикады так и лезут из-под земли, как грибы. И все улицы полны сбродом, которому только бы сцепиться с нами! Дай им волю — они завтра же скинут короля. *(Уходит со своими людьми.)*

Человек, стоящий на часах. Разъелись, черти, синеврюхие гады, им не ружья носить, бездельникам, а кур щупать по курятникам! Ты думаешь, назвал себя командиром, так и можешь распоряжаться свободным человеком!.. Буржуи! Соберется их четверо или пятеро — и сразу пошли комитеты всякие, бумаги изводят груды, а главное, стараются установить свои порядки. «Покажи, говорит, удостоверение!» Как будто кто-то еще нуждается в их разрешениях, подписях и во всем прочем их кривлянье. Не беспокойтесь, без вас себя отстоим, раз уж на нас напали! Пусть каждый за собой смотрит! Хорош мужчина, который ждет, чтобы его защитили другие! Будто мы не понимаем! Они, конечно, рады бы отнять у нас ружья и снова узду на нас надеть по старинке. Да только руки коротки — кончилось их времечко. А эти-то чудаки: орут, что их предали, а сами же при первом окрике бросают на произвол судьбы свою баррикаду из страха перед властями и богатеями с туго набитой мошной! Привыкли, чтобы их водили на поводу, — в один день от этого не отучишься! Счастье еще, что существуют на свете бродячие псы, вроде меня, у которых угла своего нет и почтения ни к чему нет. Вот и стой здесь на посту вместо них и смотри в оба. Нет уж! Мы не отдадим нашего Парижа! Париж все-таки, хоть у нас и нет ничего, принадлежит нам, а не только аристократам, теперь он нам особенно полюбился, Париж-то. Еще вчера я ни о чем не заботился. Что мне было до этого города, где у меня даже конуры нет, чтоб укрыться от дождя, и где не сыщешь корки хлеба, когда одолевает голод? Какое мне было дело до того, счастливы или несчастливы все прочие? Теперь все переменялось. Все, что происходит здесь, касается и меня; все стало вроде как и моим — их дома, их деньги и их глупые башки. Я обязан за всем этим приглядеть — ведь они работают и на меня. Все равны, как они говорят, равны и свободны... Боже мой... да я же всегда это чувствовал, только выразить не мог... Свободны! Пусть мы голь, пусть жрать нам нечего, пусть кишки у нас подводит — наплевать!.. Свободны! Мы теперь свободны!.. Можем расправить грудь!.. Дышать! Мы короли! Мы завоюем весь мир! *(Увлекаясь все больше и больше, расхаживает большими шагами.)* Что это со мной? Я как пьяный, голова кружится, а я ведь ничего не пил. Что же это? Это — свобода!

Из дома выходит Гюлен.

Гюлен. Уф! Чуть не задохнулся, надо проветриться.

Человек, стоящий на часах. Это ты, Гюлен? Что они там делают?

Гюлен. Что делают? Говорят, говорят. А! Проклятые болтуны! Как примутся нанизывать фразу на фразу — ничем их не остановишь... Демулен несет невероятную чепуху, пересыпая ее латынью. Робеспьер мрачен и призывает всех к самопожертвованию. Они все ставят под вопрос: законы, общественный договор, разум, происхождение мира. Один объявляет войну Богу, другой — Природе. А когда надо подумать о том, что идет настоящая война, как отвлечь опасность, — все молчат! Решать? Пусть, мол, все решится само собой: никто ведь не беспокоится, когда идет дождь в Париже. Пойдет, да и перестанет. Так вот и они рассуждают, фразеры проклятые!

Человек. Не нужно ругать их! Уметь красиво говорить — это ведь тоже хорошо! Иной раз скажут словечко — так насквозь тебя и проймет. Даже дрожь по телу проходит. Тут можно и разрыдаться и на родного отца руку поднять! Кажется, ты всех сильнее в мире, вроде господ бога! Что поделаешь — каждому свое! Они думают за нас. Наша обязанность — действовать за них!

Гюлен. Попробуй тут действовать!.. Видишь? (*Показывает на Бастилию.*)

Человек. Огоньки перебегают по левой башне. И там наверху не спят, вроде нас. Наводят красоту на свои пушки.

Гюлен. А наши пушки где? Нет, мы не сможем сопровивляться.

Человек. Посмотрим.

Гюлен. Что ты сказал?

Человек. Я говорю: посмотрим. Стая скворцов забьет и коршуна.

Гюлен. Ты оптимист.

Человек. Такова уж моя натура.

Гюлен. А ты, видать, недалеко ушел с твоим оптимизмом.

Человек (*добродушно*). Вот тут ты прав! Удача мне не сродни. С тех пор как я себя знаю, не могу припомнить, чтобы хоть раз удалось то, что я задумал. (*Смеется.*)

А, пропади все пропадом! Я всего натерпелся на своем веку! Что поделаешь, не для одних радостей мы на свет родились. В жизни все перемешано — бывают и хорошие и плохие дни. Только я не теряю надежды. Конечно, иногда можно и просчитаться. Но сейчас, Гюлен, я чув-

ствую, что дело к хорошему клонится. Ветер переменился. Фортуна повернулась к нам лицом.

Гюлен (*насмешливо*). Фортуна, говоришь? Ты бы попросил у нее обувку-то попримечнее.

Человек (*рассматривая свои босые ноги*). Я предпочитаю свою обувку башмакам Капета. Я и босиком дойду, если понадобится, до Вены, а то и до Берлина. Ох и солоно тогда придется королям!

Гюлен. Что, тебе дома дела мало?

Человек. Пока дела хватит. А вот когда мы покончим у себя, наведем порядок в Париже и по всей Франции, — почему бы нам не прогуляться всем вместе? А, Гюлен? Взявшись за руки? Солдатам, буржуа и беднякам! И не почистить Европу? Мы же не эгоисты, верно? Какая радость — радоваться только за себя? Когда я узнаю какую-нибудь новость, мне не терпится поделиться со всеми. С тех пор как началось все это, у меня в голове точно гул стоит от слова «свобода» и от всех наших речей — так и хочется без конца повторять их всем и каждому, орать на весь мир. Будь я неладен, если вру! Если бы все были на меня похожи, вот бы было шуму! Я уже слышу, как дрожит земля от наших шагов и вся Европа бурлит, будто вино в чане. Народы бросаются нам на грудь. Знаешь? Как ручьи, которые сливаются в реку. И мы — река, смывающая все на своем пути.

Гюлен. Ты случайно не болен?

Человек. Я? Я крепок, как кочерыжка.

Гюлен. И часто тебе снятся сны вот так, наяву?

Человек. Всегда. Так легче жить. Что-нибудь да сбудется в конце концов из моих снов. А ты, Гюлен, разве не согласен, что это была бы недурная прогулка? И разве тебе не хочется принять в ней участие?

Гюлен. Ну, ладно! Когда ты возьмешь Вену и Берлин, я постараюсь удержать их.

Человек. Не смейся. Кто знает, что может еще случиться!

Гюлен. Правда, случается всякое.

Человек. Все сбывается, надо только захотеть, конечно.

Гюлен. Пока что я бы очень хотел знать, что произойдет в ближайший час.

Человек. Это-то как раз всего труднее угадать. Что мы будем делать? Ну, там видно будет. Всеу свое время.

Гюлен. Ох уж эти мне французы! Все на один лад: любят думать о том, что произойдет через сто лет, и совсем не заботятся о завтрашнем дне.

Человек. Возможно, и так. Зато и о нас будут помнить столетия.

Гюлен. А тебе от этого легче?

Человек. Мои кости заранее ликуют. Одно только досадно — мое имя не останется в истории.

Гюлен. Честолюбец!

Человек. Ничего не поделаешь! Я равнодушен к славе.

Гюлен. Прекрасная вещь — слава. Все несчастье в том, что она достается в большинстве случаев покойникам. Я предпочитаю хорошую трубку.

Справа появляется Вентимиль.

Вентимиль. Улицы пусты. Двое голодранцев разглагольствуют о славе — им бы блох ловить. Обломки мебели, разбитой бесноватыми парижанами. Вот оно — великое восстание! Достаточно было бы одного патруля, чтобы навести порядок в Париже. Чего они дожидаются там, в Версале?

Человек (*внезапно направляется к Вентимилью*). «Эй, ты! Чего тебе здесь надо?

Вентимиль (*насмешливо разглядывая его*). Вот какова теперь форма господ стрелков ночного караула! Прочь с дороги, уважаемый!

Человек. Кто вы? Куда идете в такой поздний час?

Вентимиль (*протягивая ему бумагу*). Читать умеешь?

Человек. Бумажонки? Конечно, умею. (*Гюлену*.) Читай, что там написано?

Гюлен (*прочитав*). Пропуск. Все по форме. Подписано Комитетом городской ратуши. Скреплено Гоншоном, капитаном милиции буржуа.

Человек. Так я им и поверил! Все это покупается за деньги. (*Ворча пропускает Вентимилья*.)

Вентимиль. Бесспорно, все можно купить за деньги. (*Проходя, брезгливо протягивает человеку деньги*.) До свиданья.

Человек (*подскакивая*). Что? Это еще что такое?

Вентимиль (*не оглядываясь*). Ты же отлично видишь. Бери и молчи.

Человек (*подбегает к Вентимилью и загораживает ему дорогу*). Так ты, значит, аристократ? Ты хочешь купить меня?

Гюлен (*вмешиваясь*). Успокойся, товарищ, успокойся! Я его отлично знаю. (*Подходит к Вентимилью*.)

Вентимиль (*не смущаясь*). В самом деле, это...

Гюлен. Это Гюлен.
Вентимиль. Ну да.

Короткая пауза. Оба смотрят друг на друга.

Гюлен (человеку). Пропусти его.

Человек (взбешенный, кричит). Он хотел купить меня!
Купить мою совесть!

Вентимиль. Твою совесть? На что она мне? Нечего сказать, хорош товар! Я плачу тем, кто мне оказывает услуги. Ну, бери же!

Человек. Я не оказываю услуг. Я исполняю свой долг.

Вентимиль. Ну, что ж, в таком случае получай за исполнение долга. Не все ли мне равно, за что платить?..

Человек. За исполнение долга не платят. Я — свободный человек!

Вентимиль. Ни твой долг, ни твоя свобода не прокормят тебя. Ненавижу фразеров. Поторапливайся. Деньги всегда стоит брать — за что бы ни платили. Не ломайся! Ведь самому не терпится взять. Я знаю, что ты не устоишь, дело только в цене. Может, мало тебе показалось? Сколько же ты хочешь, господин свободный человек?

Человек (несколько раз порывавшийся взять деньги, кидается на Вентимиля. Гюлен его останавливает). Пусти меня, Гюлен, пусти меня!

Гюлен. Спокойно!

Человек. Нет! Я должен убить его!

Вентимиль. Что с ним?

Человек (удерживаемый Гюленом, Вентимилю). Убирайтесь отсюда! Зачем вы явились! Я был счастлив, я забыл о своей нищете; я был свободен, я был властелином вселенной. А вы мне напоминаете, что я голоден, что я даже и себе-то не хозяин, что любой подлец, у которого есть пригоршня серебра, может стать моим господином и унижить мое человеческое достоинство, потому что без этих грязных денег не обойтись. Вы отравили мою радость. Убирайтесь!

Вентимиль. Вот уж действительно много шума из ничего! Кого ты думаешь поразить своей щепетильностью?

Мне это совсем не нужно. Ну, довольно, бери!

Человек. Лучше подохнуть! Вот если ты, Гюлен, мне дашь...

Вентимиль протягивает деньги Гюлену, тот отдергивает руку. Деньги падают. Человек поднимает их.

Гюлен. Куда ты?

Человек. Напиться, чтобы забыть.

В е н т и м и л ь. Что забыть?

Человек. Что я на самом деле не свободен. Негодяй!
(Уходит.)

В е н т и м и л ь. Кривляка! Трудно придумать что-либо глупее оборванца, который изображает из себя гордеца, не имея для этого никаких оснований. До свиданья, уважаемый. Спасибо.

Г ю л е н. Оставьте при себе вашу благодарность. Я не хотел называть вас, иначе вы не ушли бы отсюда живым. Это было бы предательством с моей стороны, а я человек честный. К тому же я не поклонник насилия и нисколько не верю в их революции. Но я не с вами, и уж ни в коем случае не допущу, чтобы вы причинили вред моим товарищам. Зачем вы сюда пожаловали?

В е н т и м и л ь. Я нахожу, что ты чересчур любопытен.

Г ю л е н. Прошу прощения. Но вы играете со смертью. Разве вам неизвестно, как вас ненавидят?

В е н т и м и л ь. Я возвращаюсь от любовницы. Не менять же мне свои привычки из-за двух-трех сумасшедших!

Г ю л е н. Вы даже не представляете себе, какое их множество!

В е н т и м и л ь. Вот и прекрасно. Чем они многочисленнее и наглее, тем лучше.

Г ю л е н. Для кого?

В е н т и м и л ь. Для нас. В наше время слишком много развелось чувствительных душонок. Оттого никто и не решается действовать. Из страха пролить несколько капель крови не смеют отдать приказ о пресечении гнусного своеволия черни. Слабость — причина беспорядков, разоряющих королевство. Мы не избавимся от зла, если не доведем его до предела. Хороший мятеж — вот что нам нужно. Повод для расправы. Мы не заставим себя просить. В двадцать четыре часа мы покончим, по крайней мере лет на пятьдесят, со всеми дурацкими бреднями наших философов и адвокатов.

Г ю л е н. Значит, революция вам на руку? Вы ничего не имеете против того, чтобы народ применил кровавые насилия? А при случае совершал преступления?

В е н т и м и л ь. А почему бы нет? Любое — лишь бы побольше шума.

Г ю л е н. А если начнут с вас?

В е н т и м и л ь. Что за вздор!

Г ю л е н. Представьте, что я бы сам не прочь...

В е н т и м и л ь. Не верю.

Г ю л е н. Не дразните меня.

В е н т и м и л ь. Ну, ты-то, дружище, этого не сделаешь. Ты честен.

Г ю л е н. Почему вы знаете? Я сам уверил вас в этом, но я нахвастал.

В е н т и м и л ь. Ну, нет, вот сейчас ты действительно хвастаешь. Что бы ты о себе ни говорил, от этого ты не переменишься. Ты честен — это написано на твоём лице.

Г ю л е н. Разве это помешает мне арестовать вас, если я захочу?

В е н т и м и л ь. Безусловно. Кто хочет быть порядочным, должен идти на известные жертвы. Что бы ты стал думать о самом себе, Гюлен, если бы ты меня предал? Разве ты не потерял бы навеки неоценимый дар — самоуважение? Не так-то легко заставить совесть молчать. Ты понапрасну выходишь из себя, Гюлен. Поверь мне — ты честный человек. Прощай! *(Удаляется.)*

Г ю л е н. Он издевается надо мной. Да, он меня изучил. Он прав — у мерзавцев есть и будет преимущество перед честными людьми: одни подчиняются принципам, другие — нет. Но к чему тогда честность, если по ее милости остаешься в дураках? Все дело в том, что я не могу поступать иначе. А впрочем, так оно все-таки лучше! Да разве можно дышать, будучи нравственным уродом, человеком с низкой душой? Они одолеют нас, это яснее ясного... И довольно скоро!.. А хорошо все-таки было бы победить... Бедные мы! Они нас уничтожат! *(Пожимает плечами.)* Ну, что ж...

Вдалеке слышен веселый голос Гоша, прерываемый смехом и криками одобрения. Окна в домах раскрываются. Люди высовываются посмотреть, что происходит. Демулен, Робеспьер и их друзья выходят из кофейной, где они совещались.

Это Гош! Узнаю его смех! Сразу отлегло от сердца!

Входит Гош, окруженный отрядом гвардейцев. Они, как и он, при оружии. Военных сопровождает смеющаяся и кричащая толпа. На общем фоне выделяется своим искрящимся весельем Конта. Из другой улицы выходит, подозрительно оглядываясь, Марат.

Гош *(смеясь, показывает своим товарищам воздвигнутые народом укрепления)*. Какова работа! Посмотрите! Да у них завелись свои Вобаны! Вот молодцы! Так бы всех вас и расцеловал! Потрудились-таки! Но, черт подери, чего ради? Против кого все это, друзья мои? Не против дру-

зей же! А враги не подумают прийти сюда — будьте спокойны!

Н а р о д. Да здравствует гвардия!

Марат устремляется к Гошу и, расставив руки, загоразивает ему дорогу.

М а р а т. Остановись, солдат! Ни шагу дальше!

Изумленная и заинтересованная толпа перешептывается и теснится ближе к Марату и Гошу.

Д е м у л е н. Что с ним? Совсем голову потерял...

Г ю л е н. И давно уж.

М а р а т. Отдай саблю! Разоружайтесь все!

Д е м у л е н. Дождется он, что его зарубят!

Г в а р д е й ц ы. Каков прохвост!

— Чтобы я отдал мою саблю? Вот воткну ее тебе в брюхо, тогда будешь знать!

Н а р о д. Уничтожить его!

Г о ш. Спокойствие! Дайте мне объясниться с ним. Я его знаю. А ну-ка, убери руки, дружище!

М а р а т (*поднимаясь на цыпочки, чтобы ухватить Гоша за ворот*). Отдай саблю!

Г о ш (*спокойно высвобождаясь, удерживает вырывающегося Марата*). Что ты намерен с ней делать, приятель?

М а р а т. Я не позволю тебе сразить Свободу.

Г о ш. Не доверяешь людям, которые пришли сюда, чтобы пролить свою кровь за народ?

М а р а т. Кто поручится за твою преданность делу народа? Почему я должен доверять этим солдатам? Мы их не знаем!

Г в а р д е й ц ы. Руби его, Гош!

Гош успокаивает их жестом; улыбаясь, смотрит на Марата и отпускает его.

Г о ш. Он прав. Почему он должен доверять нам? Он ведь не видел нас в деле.

Озадаченный Марат внезапно умолкает и замирает на месте.

Г в а р д е й ц ы. Хороши, нечего сказать! Рискуешь ради них жизнью, а они же еще и подозревают тебя!

Г о ш. Ну, так ведь он и вправду не знает нас. (*Ласково.*) Ты ошибаешься, Марат, но ты хорошо делаешь, что так твердо охраняешь интересы народа. (*Народу.*) Мы, солдаты и народ, понимаем друг друга с полуслова; нам не нужно долго раздумывать, чтобы распознать тех, кто достоин

доверия. И все же необходима бдительность — мы на войне, и ваше право спрашивать у всех отчет в их поступках. Никто не смеет уклониться от этого.

Н а р о д. Мы знаем тебя, Гош! Ты — друг.

Г о ш. Остерегайтесь друзей. (*Улыбается.*) Я не о себе говорю. Помните: пока вам трудно, можете не бояться избытка друзей — сейчас такая опасность еще не грозит вам. Но когда вы станете могущественны, ложные друзья появятся со всех сторон, и вот тогда-то надо будет несусыпно следить за ними.

Г в а р д е й ц ы. Гош всегда таков — любит давать советы другим. Учит нас быть настороже, а сам готов довериться каждому.

Г о ш (*смеясь*). Это правда! Если мне приглянутся чьи-нибудь глазки, я сразу попадаюсь! Но моя глупость не приносит вреда никому, кроме меня самого. А вам ведь предстоит спасти весь мир. Не подражайте мне! Нас несколько сотен — гвардейцев. Офицеры, пронюхав о наших симпатиях к народу, хотели отправить нас в Сен-Дени, чтобы разлучить с вами. Мы покинули казармы и перешли к вам на службу. Чтобы успокоить Марата, разделите нас на группы по десять или по двадцать человек, и пусть каждая из этих групп волеется в народные батальоны... Таким образом, вы будете хозяевами над нами, а мы сможем руководить вами и обучать вас. А со мной пусть идет Марат. Ты согласен, Марат? Мы оба не останемся внакладе. Ты убедишься, что честные люди еще существуют на свете, а меня, быть может, научишь распознавать предателей, хоть я и боюсь, что ты зря потратишь время на мое перевоспитание.

Марат пожирал Гоша глазами, с напряженным вниманием следя за его речью; тут он приближается и протягивает ему руку.

М а р а т. Я ошибся.

Г о ш (*улыбаясь, пожимает ему руку*). Как это должно быть тяжело — вечно подозревать! Я бы предпочел умереть.

М а р а т (*вздыхая*). Я тоже. Но ты ведь только что сказал — речь идет не о нас, а о Нации.

Г о ш. Оставайся же бдительным оком народа. Но не завидую тебе, моя обязанность легче!

М а р а т (*глядя на Гоша*). О, Природа! Если глаза и голос этого человека лгут, тогда честности больше не существует. Солдат! Я тебя публично оскорбил. Перед лицом народа я прошу у тебя прощения.

Гош. Ты не оскорбил меня. Кому лучше меня знать, что такое военачальник и как он может быть опасен для дела Свободы! Правительство, опирающееся на военную силу, подходит только рабам, но не свободным людям — мы ненавидим его так же, как и ты¹. Мы по собственной воле только что разделились с той слепой силой, частью которой мы сами являлись. Примите же нас в свои объятия, дайте нам место в кругу вашей семьи, верните нам нашу былую свободу, нашу совесть, которая так долго была закована в кандалы, наше право быть людьми — такими же, как вы, равными вам, быть вашими братьями. Солдаты, станемте вновь народом! А ты, народ, весь как один стань воином — защищайся, защищай нас, защищай нашу поруганную душу! Возьмемся за руки, обнимемся, сольемся в едином дыхании! Друзья! Каждый за всех! Все за одного!

Н а р о д и с о л д а т ы (*в порыве восторга и братских чувств целуются; слышны плач и крики*). Да! За вас! Ради вас! Ради наших братьев — простых людей! Ради наших братьев — солдат! Ради всех угнетенных! Всех страдающих! Всех людей!

Восклицания раздаются со всех сторон, сливаясь в общий гул; слышен голос народа, голоса солдат, кричат с улицы, из окон, с балконов, где полно женщин и детей.

Г ю л е н. Урра! Гош! Наконец-то! Вот кто умеет разогнать тоску!

Гош (*дружелюбно обращаясь к тем, кто приветствует его из окон домов*). Что вы торчите по своим каморкам? Какое безумие сидеть взаперти в эту дивную июльскую ночь! Человек тоскует, когда отгораживается от себе подобных! В затхлом воздухе рождаются неверие и сомнения! Выходите на улицу! Достаточно мы насиделись дома! Настала пора дышать свежим воздухом! Идите все сюда насладиться пробуждающимся утром! Осажденный город дышит полной грудью! Ни городские стены, ни подступающие к ним полчища не могут преградить доступ ветру полей! Он несет нам привет от наших братьев крестьян. Хлеб созрел: мы соберем урожай. К о н т а. До чего же он хорош! Он излучает радость. (*Направляется к Гошу.*)

Гош. А вот и вы — цветочница Свободы, госпожа роялистка, обрывавшая своими прекрасными ручками листья

¹ Подлинные слова Гоша. — Р. Р.

с деревьев Пале-Рояля, чтобы одарить народ эмблемой раскрепощения! Я знал, что вы сюда придете! Вы, значит, все-таки уверовали в нас?

К о н т а. Я поверю во все, во что ты захочешь. Человек с таким лицом (*показывая на него*) способен обратить меня в любую веру.

Народ смеется.

Г о ш (*смеясь*). Ну, это меня не удивляет — ведь я прирожденный апостол. Что ж, становитесь в ряды — мы никого не отталкиваем. Вооружайтесь пикой — такая девушка должна уметь постоять за себя.

К о н т а. Меньше прыти! Ты слишком уверен, что уже завербовал меня! Я смотрю, аплодирую, даже нахожу спектакль занимательным, но сама не играю сегодня.

Г о ш. Вы называете все это занимательным? Вы думаете, что это игра? Посмотрите на беднягу, у которого под блузой все кости можно пересчитать, на женщину, протягивающую младенцу пустую грудь... вас все забавляет, даже эти существа, умирающие с голоду! Для вас то, что здесь происходит, — занятная пьеса? То, что народ, не имея ни хлеба, ни уверенности в завтрашнем дне, отвергает права человека и вечную справедливость? Разве вам не ясно, что это посерьезнее трагедии Корнеля?

К о н т а. Да, но все-таки это игра.

Г о ш. Трагедия — не игра. В ней все серьезно. Цинна и Никомед существуют так же, как и я.

К о н т а. Ты — чудак! Авторы и актеры создают видимость жизни, а ты все принимаешь за чистую монету.

Г о ш. Вы ошибаетесь, для вас это не только видимость; вы сами не знаете себя.

К о н т а. До чего ты забавен! Что же, ты меня знаешь лучше, чем я сама?

Г о ш. Я видел вас в театре. Я видел, сколько чувства вы вкладывали в ваши роли.

К о н т а. И ты думаешь — это истинное чувство?

Г о ш. Вы невольно отдаетесь чувству, сколько бы вы это ни отрицали. Настоящая сила всегда подлинна. Она ведет вас. И я знаю лучше, чем вы сами, куда она вас приведет.

К о н т а. Куда же?

Г о ш. Тот, кто силен, идет дорогой сильных. Вы будете с нами.

К о н т а. Не думаю.

Гош. Что вы думаете — не имеет значения. Мир делится на здоровых и больных. Все, что здорово, тянется к жизни. Жизнь с нами. Идемте!

Конта. С тобой — куда угодно!

Гош. Однако вы решительны! Что ж! Об этом подумаем позже, если у нас будет время подумать.

Конта. Для любви всегда есть время.

Гош. Вам это внушили, и зря. Вы воображаете, что наша Революция сведется к любовной истории? О, женское легкомыслие! Вот уж полвека, как вы привыкли всем заправлять во Франции, все подчинено вам, вашим капризам, вашим причудам... и вам даже не приходит в голову, что существуют вещи поважнее вас? Забавы кончились, сударыня! Начинается серьезная игра, на карту поставлены судьбы мира. Дорогу мужчинам! Если вы сумеете — следуйте за нами в наших битвах, поддержите нас, примкните к нашей вере, но, черт возьми, не пытайтесь ее поколебать! Вы не много стоите по сравнению с ней! Не взыщите, Конта! На мимолетное увлечение у меня нет времени. Что же касается любви, я уже отдал свое сердце.

Конта. Кому?

Гош. Свободе.

Конта. Хотела бы я взглянуть на эту деву.

Гош. Я думаю, она похожа на тебя. Сильная, хорошо сложенная, белокурая, отважная, страстная, но без твоих румян и мушек, без твоего жеманства и насмешек; она борется, а не смеется, как ты, над теми, кто борется! Она нашептывает нам не твои двусмысленности, а слова преданности и братства! Я — ее любовник! Когда ты станешь как она, я буду твой! Вот мои условия!

Конта. Я принимаю их. Ты будешь моим. Идем сражаться! *(Вырывает ружье у своего соседа и с подъемом декламирует несколько стихов из «Цинны».)*

Погибнешь ты — твоя не омрачится слава:

На честь посмертную смерть не отнимет права.

Не честь, а только жизнь теряет в битве тот,

Кто жертвой случая в сражении падет.

Несчастья Кассия и Брута не затмили

Сиянья их имен; и хоть они в могиле,

Они живут еще в величии своем:

Мы римлянами их последними зовем...

.....

Иди за ними вслед, как честь тебе велела!

(Бросается в толпу; толпа рукоплещет ей.)

Гош. В добрый час! Пусть нас ведет Корнель! Пусть потрясает перед нами факелом героизма!

Гюлен. Куда вы идете?

Гош. Куда мы идем? (*Поднимает глаза и смотрит на дом, стоящий напротив.*)

Маленькая Жюли, в одной рубашонке, радостно взволнованная, выглядывает в окно.

Спроси у этой крошки, у этого мышонка с блестящими глазками. Я хочу, чтобы она сказала за нас, что таится в наших сердцах. Пусть невинность станет нашим голосом. Куда мы идем? Куда мы должны идти?

Жюли (*поддерживаемая матерью, высовывается из окна, и, протягивая к народу руки, громко кричит*). На Бастилию!

Н а р о д. На Бастилию!

Сквозь невероятный шум прорываются яростные выкрики; они раздаются со всех сторон, — выкрикивают целые группы и отдельные лица: рабочие и буржуа, студенты и женщины.

Н а р о д (*в неистовстве*). В Бастилию! В Бастилию!

— Свершилось!

— Сбросим этот гнет!

— Сорвем с себя ошейник!

— Опрокинем эту проклятую глыбу, которая давит на нас!

— Символ нашего поражения и унижения!

— Могилу всех, кто осмелился сказать правду!

— Темницу Вольтера!

— Темницу Мирабо!

— Темницу Свободы!

— Воздуху! Воздуху!

— Чудовище, ты рухнешь!

— Мы тебя сроем до основания, пожирательница людей, убийца, презренная, подлая, сообщница палачей!

Толпа грозит Бастилии кулаками; возбуждение передается от одного к другому, голоса хрипнут от крика. Гюлен, Робеспьер, Марат размахивают руками, тщетно стараясь заставить себя слушать: видно, что они не одобряют принятого народом решения, но их голоса теряются в невообразимом шуме.

Гюлен (*кричит, стараясь перекричать толпу*). Да вы с ума сошли! Вы — сумасшедшие! Мы же разможем себе головы об эту громаду!

М а р а т (*скрестив руки на груди*). Я преклоняюсь перед

вашим порывом! Но стоит ли так трудиться только затем, чтобы освободить горсточку аристократов? Разве вы не знаете, что там находятся одни богачи? Это тюрьма для аристократов, только для них! Пусть они сами разбираются между собой. Вас это не касается.

Гош. Нас касается любая несправедливость. Наша Революция — не семейное дело. Если мы не так богаты, чтобы иметь родственников в Бастилии, мы все же можем породниться с теми богачами, которые несчастны, как и мы. Все, кто несправедливо обездолен, — наши братья.

Марат. Ты прав!

Народ. Мы хотим взять Бастилию!

Гюлен. Но как же вы ее возьмете, одержимые? У вас нет оружия, а у них сколько угодно!

Гош. Правильно. Надо забрать у них оружие!

В глубине сцены слышится гул.

Рабочий (*вбегая*). Я с левого берега. Там все поднялись! С площади Мобер, с Базоша, с горы Святой Женевьевы народ двинулся к Дому инвалидов, чтобы добыть себе оружие. Говорят, там на складе тысячи ружей. А в толпе — и гвардейцы, и монахи, и женщины, и студенты: их целая армия. Королевский прокурор и священник Сент-Этьен-дю-Мон идут во главе восставших.

Гош. Ты требовал, Гюлен, оружия. Вот оно!

Гюлен. С несколькими сотнями старых аркебуз и заржавленных касок — пусть даже с несколькими пушками, если у Инвалидов найдутся исправные, — Бастилии не возьмешь. Это все равно что пытаться скovyрнуть ножом утес.

Гош. Я тоже думаю, что не при помощи пушек Бастилия будет взята. Но она будет взята.

Гюлен. Каким же образом?

Гош. Надо, чтобы Бастилия пала. И она падет. Боги с нами.

Гюлен (*пожимая плечами*). Какие боги?

Гош. Справедливость, разум. Ты падешь, Бастилия!

Народ. Ты падешь!

Гюлен. Я предпочел бы союзников более реальных. Я не верю всем этим бредням. Ну, что ж! А все-таки никто не посмеет сказать, что я отстал от других. Я даже хочу идти впереди всех. Вы, возможно, знаете лучше меня, что надо делать. Но действовать буду я. Вы хотите идти на Бастилию, дурачье? Идемте же!

Гош. Черт возьми! Ты всегда будешь впереди и всегда будешь твердить, что ничего нельзя сделать!

Гоншон возвращается со своим патрулем.

Гоншон. Они опять здесь! Проклятье! Вот сволочь! Гоннишь их в дверь — они лезут в окно! Так-то вы меня слушаетесь? Разве я не приказал вам разойтись по домам? *(Хватает одного за шиворот.)* Ты слышишь, что я сказал? Я тебя узнаю — ты уже был тут сегодня. Слушай! Мне это надоело! Я прикажу арестовать тебя. Я всех вас переарестую. Мы обязаны охранять порядок. Всякий гражданин, который шатается ночью без пропуска, считается подозрительным.

Гош *(смеясь)*. Эта скотина собирается упрятать под арест весь народ.

Марат. Кто этот предатель, осмеливающийся уподоблять себя народу? По какому праву приказывает он Нации? Я узнаю этот мерзкий голос. Это толстяк с физиономией Силена, опухший от пороков, сочащийся распутством и наглостью. И этот спекулянт воображает, что он может командовать Революцией, как он командовал оргиями своего Пале-Рояля? Прочь отсюда! Или я немедленно арестую тебя именем народа-владыки!

Гоншон *(бормочет)*. Я представитель власти, я избран Центральным комитетом.

Народ. Власть — это мы! Мы избрали Центральный комитет. Придется тебе повиноваться нам!

Марат *(с напускной свирепостью, желая подшутить над перепуганным Гоншоном)*. Этому предателю нельзя верить: он стал на сторону народа, чтобы погубить нас. Гош хорошо сказал: если мы не будем настороже, нас задавят такие друзья. Я предлагаю, чтобы отличать своих от чужих, отрезать уши или по крайней мере большие пальцы рук всем уличенным приспешникам аристократии — это необходимая мера предосторожности.

Народ смеется.

Гоншон *(в ужасе Гошу)*. Солдат! Ты здесь для того, чтобы оказывать поддержку закону...

Гош. Стань вон там: тебе ничего не сделают. А теперь иди вперед — мы последуем за тобой.

Гоншон. Вы последуете за мной? Куда это?

Народ. К Бастилии!

Гоншон. Что?

Гош. Ты не ослышался. Брать Бастилию. Вы ведь защи-

щаете интересы народа, господа из буржуазной милиции? Значит, ваше место в первых рядах. Не стесняйтесь, проходите вперед! Как, ты недоволен? (*Наклоняясь к уху Гоншона.*) Я знаю все твои проделки, голубчик, — ты в переписке с герцогом Орлеанским... Так вот, — смирно!.. Марш вперед — и знай: я буду глядеть за тобой в оба! Одно мое слово Марату, и... День еще не наступил, ты недурно будешь светить нам с верхушки вот этого фонаря.

Гоншон. Отпустите меня домой.

Гош. Нет! Либо мы тебя повесим, либо ты пойдешь с нами брать Бастилию. Выбирай!

Гоншон (*поспешно*). Брать Бастилию!

Народ смеется.

Гош. Ты — храбрец! А мы, жители предместья, не позволим, чтобы гора Святой Женевьевы раньше нас прошла в дамки. Ты думаешь, Сент-Антуан так и будет сидеть сложа руки, в то время как у Сен-Жака пошли в ход и кулаки и дубинки? Звоните в колокола, бейте в барабаны, сзывайте всех граждан! (*К избирателям и депутатам.*) Вы, граждане, следите за Ратушей, чтобы нам не всадили нож в спину! Зорко следите за буржуа! А мы пойдем заарканим зверя. (*Показывает на Бастилию.*)

Маленькая Жюли спустилась с матерью вниз. Они стоят на пороге дома. Чтобы лучше видеть, Жюли взобралась на каменную тумбу и умоляюще смотрит на Гоша. Гош замечает ее и улыбается.

А, малютка! Ты тоже хочешь идти с нами? Не сидится на месте?

Она протягивает к нему дрожащие ручки и молча кивает головой.

Хорошо, идем! (*Поднимает ее и сажает к себе на плечо.*)

Мать. Вы — сумасшедший! Оставьте ее! Разве можно тащить ребенка туда, где сражаются?

Гош. А разве не она нас туда послала? Она будет нашим знаменосцем.

Мать. Не отнимайте ее у меня!

Гош. Так идемте же с нами, мать! Сегодня никто не должен отсиживаться дома! Вылезайте, улитки, из раковин! Весь город выходит из своей тюрьмы! Никто не должен

отставать! Это не армия, ведущая войну, — это восставший народ!

М а т ь. Верно! И уж если помирать — так всем вместе!
Г о ш. Помирать? Ну нет! Умирает лишь тот, кто ищет смерти!

Небо за домами и Бастилией начинает светлеть.

Урра! Зарождается день, новый день! Смотрите на зарю Свободы!

Ж ю л и (*молча улыбаясь, сидя на плече у Гоша и держа пальчик во рту; вдруг она запекает тоненьким голоском народную песенку того времени*).

«Свобода! В этот день чудесный

Приди, наполни душу нам!»

Г о ш (*смеясь*). Зачирикал наш воробышек.

Народ смеется.

Идемте же! Веселей! Навстречу солнцу! (*Подхватывает песенку Жюли и устремляется вперед*.)

Вся масса народа приходит в движение и подхватывает песню Гоша и маленькой Жюли. У кого-то нашлась флейта, и ее резкие и пронзительные звуки аккомпанируют песне. С музыкой сливаются восторженные возгласы народа и все нарастающий звон колоколов; этот слитный гул служит фоном для следующей сцены. Гоншон и дрожащие от страха полицейские идут вместе со всеми, подталкиваемые насмехающейся над ними веселой толпой, среди которой — Конта и Гюлен. Мужчины и женщины выходят из домов, присоединяются к народу, бегут вслед за шествием. Буря восторга. В то время как народ шумно удаляется со сцены, Демулен, который шел со всеми до кулис, поворачивает назад, быстро влезает на баррикаду, пробирается к окну Люсилы и прижимается лицом к стеклу. До конца действия из-за сцены доносится шум толпы, звон колоколов, барабанный бой. Замешкавшиеся люди выбегают из своих домов, не обращая внимания на влюбленных.

К а м и л л (*вполголоса*). Люсиль!..

Окно тихонько открывается, Люсиль обнимает Камилла.

Л ю с и л ь. Камилл!..

Целуются.

К а м и л л. Ты все время была тут?

Л ю с и л ь. Тише!.. Рядом спят. А я спряталась и никуда не уходила. Я все слышала и все видела.

К а м и л л. Ты совсем не спала?

Л ю с и л ь. Как можно спать при таком невероятном шуме?

Ах, Камилл! Как они превозносили тебя!

К а м и л л. (*довольный*). Ты слышала?

Л ю с и л ь. Стены дрожали от криков. А я только посмеивалась. Мне хотелось кричать вместе с ними. Но кричать я не могла, вот и начала дурачиться: влезла на стул и... Угадай, что я сделала?

К а м и л л. Как же я могу догадаться?

Л ю с и л ь. Догадайся, если ты меня любишь. Если ты ничего не чувствовал, значит, ты не любишь меня. Что я тебе послала?

К а м и л л. Поцелуи.

Л ю с и л ь. Ты меня любишь! Ну конечно! Целые корзины поцелуев! Правда, некоторые мои поцелуи доставались тем, кто тебе аплодировал... Они такие хорошие, они так кричали! Как ты прославился, мой Камилл, за один день, за один только день! Еще на прошлой неделе никто, кроме твоей Люсилы, не знал тебе цены... А сегодня весь народ...

К а м и л л. Слушай...

Слышен веселый, нестройный шум Парижа.

Л ю с и л ь. Все это... это ты вызвал к жизни все это... Всю эту чудесную кутерьму...

К а м и л л. Мне самому не верится!..

Л ю с и л ь. И все это сделало твое красноречие! Как ты сумел? Мне рассказывали, что твои слова привели всех в неистовство. Как бы я хотела быть там!

К а м и л л. Не помню даже, что я говорил. Меня как бы подхватило и подняло над землей. Я слышал свой голос и видел свои жесты как будто со стороны. Все плакали, и я тоже плакал. Когда я кончил, они понесли меня на руках. В самом деле, удивительный день!

Л ю с и л ь. О, ты великий человек! Ты — мой Патрю, мой Демосфен! И ты мог говорить перед целой толпой и тысячи людей смотрели на тебя? И ты не смутился? Память не изменила тебе? И ты даже ни разу...

К а м и л л. Что?

Л ю с и л ь. Ты отлично знаешь, что заикаешься иногда... как чересчур полный флакон, из которого жидкость никак не может вылиться... (*Смеется.*)

К а м и л л. Злючка! Рада надо мной поиздеваться! Кошечка показывает коготки!

Л ю с и л ь. (*смеясь*). Да нет! Я же тебя люблю! Люблю

таким, как ты есть. Мало этого — я отыскиваю в тебе недостатки и, когда нахожу, влюбляюсь в них. Вовсе я не злючка. Вот уж нет! Мне нравится твоё заикание, уверяю тебя; я даже учусь заикаться, как ты.

Оба смеются.

К а м и л л. Подумать только, что за один день случилось с народом! Чего-чего мы не увидим с тобой! О Люсиль, сколько прекрасного нам предстоит свершить вместе! Это лишь первые раскаты грома! Какая радость все смести к черту — тиранов, их законы, несправедливости, предрассудки! Наконец-то! Мы разобьем носы всем этим идолам, которые с мерзкой гримасой восставали против всего, все запрещали, мешали нам думать, дышать, жить! Настала пора очистить дом, сжечь старое тряпье! Нет больше господ! Пути сброшены! Весело, правда?

Л ю с и л ь. Кто будет теперь править Парижем?

К а м и л л. Мы, черт побери. Разум.

Л ю с и л ь. Они кричат уж слишком громко. Я боюсь.

К а м и л л. Это все наделала моя речь.

Л ю с и л ь. Ты думаешь, они всегда будут слушать тебя?

К а м и л л. Они слушали меня, когда я был безвестен, — чего же не смогу я теперь? Ведь они обожествляют меня! Славные люди! Когда они избавятся от зол, их удручающих, все станет легким, приятным, радостным... Ах, Люсиль! Какое счастье, и столько сразу! Нет! Его не слишком много! И никогда не бывает слишком много!.. Но счастье пьянит меня после стольких невзгод!

Л ю с и л ь. Бедный Камилл! Ты был несчастлив?

К а м и л л. Да, солоно мне приходилось!.. Шесть лет подряд!.. Ни денег, ни друзей, ни надежд... Покинутый близкими, я был вынужден заниматься самыми унижительными делами, рыская в погоне за несколькими су и не всегда находя их... Частенько я ложился спать голодным. Не хочется об этом рассказывать... Когда-нибудь потом расскажу все... Я доходил до крайности!

Л ю с и л ь. Неужели? Боже мой! Почему же ты не пришел ко мне?

К а м и л л. Чтобы ты отдала мне свой кусок хлеба?.. Да и не голод пугал меня больше всего! Без обеда можно обойтись. Но усомниться в себе, не видеть впереди никакого просвета... А потом явилась девушка, очаровательная крошка со светлыми локонами, чьи карие глазки улыбались мне из окна как раз напротив моего дома.

Я шел за ней по аллеям Люксембургского сада, издали любовался невинной грацией ее движений, прелестью ее тонкого девичьего стана... Ах, Люсиль, благодаря тебе я забывал иногда о своей нищете, но еще чаще именно из-за тебя нищета казалась мне особенно невыносимой. Ты была так недосыгаема! Разве мог я мечтать, что придет день... И вот оно, это счастье, я держу его! О, я крепко держу его! Оно уже не ускользнет от меня. Ты — моя! Целовать ямочки на твоих ручках — в этом для меня блаженство мира. Мира, свободного благодаря мне! Как я счастлив!

Оба замирают в объятиях друг друга.

(Глядя на Люсиль.) Ты плачешь?

Л ю с и л ь *(улыбаясь)*. Ты тоже.

В соседних окнах меркнут плошки.

Гаснут огни. Наступает рассвет.

Вдали шум толпы.

К а м и л л *(после минутного молчания)*. Помнишь старинную английскую повесть, которую мы читали вместе, о юноше и девушке из Вероны, которые полюбили друг друга в восставшем городе?

Л ю с и л ь *(утвердительно кивает головой)*. Почему ты вспомнил о них?

К а м и л л. Сам не знаю. Кто может знать, что готовит нам будущее?

Л ю с и л ь *(закрывая ему рот поцелуем)*. Камилл...

К а м и л л. Бедная Люсиль, хватит ли у тебя сил, если несчастье постигнет нас?

Л ю с и л ь. Как знать! Возможно, именно тогда я и обрету силу, а вот ты, боюсь, будешь жестоко страдать.

К а м и л л *(недовольный и встревоженный)*. Ты говоришь так, словно уверена, что с нами стрясется беда.

Л ю с и л ь *(улыбаясь)*. Ты слабее меня, мой герой.

К а м и л л *(улыбаясь)*. Ты права. Да, мне нужно знать, что я любим. Одиночество для меня непереносимо.

Л ю с и л ь. Я тебя никогда не покину!

К а м и л л. Никогда! Что бы ни произошло, мы все примем вместе, ничто не разлучит нас, ничто не сможет разомкнуть наши объятия...

Короткая пауза. Люсиль замирает, склонив голову на плечо Камилла.

К а м и л л *(Смотрит на нее.)* Ты спишь?
Л ю с и л ь *(поднимая голову).* Нет. *(Вздыхает.)* Сохрани нас бог от испытаний!

К а м и л л *(скептически).* Бог?

Л ю с и л ь *(молчит, прислонившись щекой к оконной раме и обняв Камилла за шею; после паузы).* Ты не веришь в бога?

К а м и л л. Еще нет.

Л ю с и л ь. Что ты хочешь сказать?

К а м и л л. Мы создаем его. Завтра, если только меня не обманывает сердце, завтра уже будет бог — человек.

Люсиль закрывает глаза и засыпает.

(Нежно.) Люсиль... Спит...

Р о б е с п ь е р *(переходя улицу, замечает Камилла).* Ты все еще тут, Камилл?

К а м и л л. Тише!

Р о б е с п ь е р. Ты забываешь свой долг.

Камилл показывает на Люсиль.

(Понижая голос и разглядывая Люсиль.) Бедняжка... *(Смотрит на обоих неподвижным взглядом.)*

Приближающийся барабанный бой будит Люсиль.

Л ю с и л ь *(заметив Робеспьера, вздрагивает в испуге).* Ах!

К а м и л л. Что с тобой, Люсиль? Это наш друг, это Максимилиан.

Р о б е с п ь е р *(улыбаясь, кланяется ей).* Вы меня не узнаете?

Л ю с и л ь *(все еще дрожит).* Вы меня так испугали.

Р о б е с п ь е р. Простите.

К а м и л л. Как ты дрожишь!

Л ю с и л ь. Мне холодно. До свиданья, Камилл! Я так устала! Пойду спать.

Камилл, улыбаясь, посылает ей воздушный поцелуй. Робеспьер кланяется. Она скрывается, так и не оправившись от испуга, ответив им лишь кивком головы. Занимается заря. Небо за Бастилией розовеет. Вместе с отдаленными криками доносится сухое щелканье первых ружейных залпов.

Р о б е с п ь е р *(поворачиваясь в ту сторону, откуда доносится шум).* Идем! Сегодня не до любви!.. *(Уходит.)*

К а м и л л *(спускаясь с баррикады).* Не до любви?.. Тогда до чего же? Разве не любовь взбудоражила весь город?

Разве не любовь переполнила все сердца? Разве не на алтарь любви приносится обильная жертва человеческих жизней? О моя любовь! Ты не себялюбива, ты крепкими узами привязываешь меня к людям. Ты — все. Ты объемишь мир. Не одну только Люсиль я люблю. Я люблю вселенную. Любя Люсиль, ее дорогие глаза, я люблю всех, кто влюблен, всех, кто страдает, всех, кто счастлив. Люблю все, что живет и умирает. Люблю! Я чувствую, как от пламени, которое горит в моем сердце, закипает сила народная, а на востоке, за Бастилией, алеет небо. Все тени ночи исчезают, и Бастилия тоже исчезнет, как кошмар!

Бастилия, чудовищная и мрачная, возвышается в глубине сцены на фоне пурпурного неба. Внезапно раздается выстрел из пушки, потом — крики, ружейная пальба, колокольный звон, бой барабанов.

К а м и л л (*показывает Бастилии нос*). Зверь рычит... Ворчи, щерься! Свора гончих уже окружила тебя! Король любит охоту — ну, что ж, поохотимся на короля!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вторник, 14 июля, после полудня.

Внутренний двор Бастилии¹. Налево — подножие двух огромных башен; сами башни не видны зрителю. Башни соединены каменной громадой толстых крепостных стен, которые возвышаются подобно уступам гор. В центре сцены — ворота и подземный мост, сообщающийся с двором управления. Направо расположено одноэтажное здание, примыкающее к другим башням. При поднятии занавеса инвалид Б е к а р и его товарищи находятся на сцене — около пушек. В е н т и м и л ь, командующий инвалидами, сидит со скужающим, рассеянным видом. По подземному мосту спускаются ш е й ц а р ы, сообщая о ходе сражения, завязавшегося за внешними воротами двора управления. За сценой перестрелка, бой барабанов и крики толпы. Над стенами поднимаются клубы дыма.

Д е Л о н е й (*комендант Бастилии; взволнованный, возбужденный, появляется со стороны внешнего двора*). Как вам

¹ В Бастилии было два главных двора: двор Управления коменданта, окруженный глубоким рвом и сообщавшийся с городом посредством подъемного моста с двумя караульнями, и внутренний двор, огражденный стенами и башнями; его отделял от двора Управления второй ров, второй подземный мост и третья караульня. — Р. Р.

это нравится, господин де Вентимиль? Они атакуют! Подумать только: атакуют нас!

Вентимиль (*не подымаясь с места, вялым, слегка насмешливым тоном*). Прекрасно, господин де Лоней, пусть их атакуют. Нам-то что? Если только они не обзаведутся крыльями, как господа Монгольфье, им ни за что не проникнуть к нам.

Инвалиды (*между собой*). Черт побери!

Беккар. Мне жаль этих дурней! Ведь их раздавят. Все они тут полягут. Эти подлецы швейцарцы стреляют по ним вовсю. Нечего сказать, хорошее занятие — расстреливать незащитных людей, когда сам находишься в укрытии, за крепостными стенами!

Один из инвалидов. Но ведь и то сказать: как могло им прийти в голову полезть на нас!

Беккар. Кто их разберет, что у них на уме! Нам этого не понять; в наши времена было по-другому. Теперь все какие-то свихнувшиеся, в особенности за последний месяц. И все же нельзя обращаться с ними как с врагами. Не такие уж они плохие люди, и к тому же ведь французы.

Инвалид. Что поделаешь, когда есть приказ! Не нужно было им соваться.

Беккар. Уж это само собой. И, знаешь ли, все-таки приятно, когда слушаешь эту музыку. Не думал я, что мне еще придется участвовать в сражении.

Де Флюэ (*командир швейцарцев, выходит из внешнего двора*). Господин комендант, прошу вас, распорядитесь сжечь соседние дома. С крыш этих домов они могут держаться под обстрелом двор крепости.

Де Лоней. Нет, нет, я не имею права уничтожать частную собственность. Не могу.

Де Флюэ. Война без пожарищ — то же, что ветчина без горчицы. Ваша щепетильность делает вам честь. Но на войне надо или ни перед чем не останавливаться, или уж ни во что не вмешиваться.

Де Лоней. Ваше мнение, господин де Вентимиль?

Вентимиль (*пожимая плечами*). Думаю, что это безразлично. Делайте как знаете. Нечего опасаться, что они войдут в крепость. Но если вы хотите воспользоваться случаем, чтобы очистить квартал, прилегающий к Бастилии, от мусора и заодно разогнать припожаловавших сюда крикунов, — действуйте. Их отродье плодovито. Поступайте как вам заблагорассудится — все это не имеет ни малейшего значения.

Де Л о н е й. Ну, раз нам ничто не угрожает, нечего торопиться. Нас много, боевых припасов предостаточно, зачем прибегать к крайним мерам. Так ведь, папаша Бекар?

Б е к а р. Мы продержимся здесь до второго пришествия, господин комендант! Сорок семь лет назад я был в Праге под командой господина де Шевера. Маршал де Бель-Иль бросил нас там одних. И было нас всего лишь жалкая горсточка, а кругом вражеская страна. Мы нуждались буквально во всем. Камни, и те были против нас. И все-таки нас не вытеснили оттуда, пока мы сами не решили уйти. А сейчас кто наступает на нас? Всякий сброд, женщины, лавочники. К тому же мы защищены крепостными стенами, а в двух шагах отсюда стоят войска на Марсовом поле и в Севре. Можем сидеть спокойно и покуривать трубочку.

Де Ф л ю э. Если мы выждем, эти лягушки парижане могут прыгнуть прямо нам на голову. Стоит бросить в них камнем, и они нырнут обратно в свое болото.

Де Л о н е й. Незачем доводить их до крайности.

Де Ф л ю э. Дай волку палец, он тебе руку отгрызет. Вынь висельника из петли, он тебя самого вздернет.

Б е к а р. Это все бедняки, господин де Флюэ. Не надо быть с ними чересчур жестоким. Они сами толком не знают, что творят.

Де Ф л ю э. Разрази их гром! Ну, если они не знают, зато я знаю. Надеюсь, этого достаточно.

Де Л о н е й. Вы озабочены только успешным исходом сражения, господин де Флюэ. Для меня же все обстоит иначе. Я обязан думать о последствиях. Вся ответственность лежит на мне. Почему я знаю, что угодно и что не угодно двору и чего от меня ждут там?

Де Ф л ю э. Как! Вы не знаете, где враги короля? Мы здесь находимся по воле короля, и, если на нас нападают, в нашем лице нападают на него.

Де Л о н е й. При крайней нерешительности его величества никто ни в чем не может быть уверен; вчерашние его враги становятся сегодня друзьями. Я либо вовсе не получаю приказов, либо получаю самые противоречивые. То мне приказывают: «Сопротивляйтесь любыми средствами», то: «Не стреляйте». Судья Флессель сообщает мне под секретом, что водит народ за нос, а на самом деле он с нами. Народу же он говорит, что водит за нос меня, а на самом деле он с ними. Кого же он предает? Как я могу быть уверен, что, исполняя свой долг, я не навлеку на

себя гнев двора? Если бы там хотели действовать, разве нет у них тысячи возможностей для этого? Почему господин де Бретейль, в распоряжении которого войска Марсова поля, не ударит в спину мятежникам?

Де Флюэ. Вот это действительно было бы великолепно! Настоящая мясорубка.

Вентимиль (*де Лоню*). Друг мой, запомните: победителей не судят. (*Отходит и садится в тень, в углу двора.*)

Бекар (*перенеся вслед за ним его кресло*). Сегодня ваша светлость что-то не проявляет особого пыла, как обычно в дни битвы.

Вентимиль. Они меня утомляют своими спорами. (*Показывает на де Лоню.*) Ему все не по силам, вечно спрашивает у всех совета — сам не может ничего решить. Что мне делать с такими господами? Один — тюфяк, другой — шкурник. Дурацкое положение! И зачем только я согласился! Ни чести, ни удовольствия. Не мое дело приводить в чувство чернь — пусть этим занимается полиция.

Бекар. Да какое уж тут удовольствие — стрелять по беднякам!

Вентимиль. Ты становишься сентиментальным? Видно, такова теперь мода. Только я ей не следую. Эти мерзавцы нисколько меня не трогают... Слышишь, как рычат? Отвратительно! Что им нужно?

Бекар. Хлеба.

Вентимиль. Однако им должно быть известно, что Бастилия не булочная! Опять! Какое упорство! Значит, они так хотят жить? Не понимаю, какая может быть радость в столь нищенском существовании? Неряхи жены да дрянное вино — вот и все доступные им удовольствия.

Бекар. Знаете, ваша светлость, как бы мало человек ни имел, он всегда дорожит тем, что у него есть.

Вентимиль. Неужели? Ну, это ты по себе судишь.

Бекар. Конечно, вы-то имели в жизни все, о чем только можно мечтать.

Вентимиль. Ты мне завидуешь? Нечему, мой милый.

Бекар. Как так «нечему»?

Вентимиль. Ты удивлен? Впрочем, тебе, пожалуй, и в самом деле не понять. Оставим этот разговор. Жара на меня плохо действует, я что-то захандрил.

Швейцарец (*появляясь из внешнего двора, де Лоню*). Ваша светлость! Мятежники взобрались на крыши соседних домов и шпалят оттуда.

Де Флюэ. Вот и прекрасно — уничтожьте их! Это же детская забава для таких стрелков, как вы!

За сценой Гош поет припев песенки, которую он пел во втором действии:

*«Свобода, в этот день чудесный
Приди, наполни душу нам!»*

Швейцарцы (*за сценой*). Ну, ну, не задерживайся! К коменданту!

Де Флюэ. Что там происходит?

Швейцарцы (*входят из внешнего двора, толкая перед собой Гоша, который несет на плече Жюли*). Господин комендант! Мы его зацапали, когда он прыгал через крепостную стену.

Гош (*ставит Жюли на землю*). Гоп-ля! Вот мы и у цели! Я ведь обещал тебе, что ты войдешь первая.

Жюли (*вне себя от восторга, всплескивая руками*). Бастилия!

Вентимиль. Это еще что за шутовство?

Гоша и ребенка обступают со всех сторон.

Гош (*спокойно*). Господин комендант! Мы — парламентареры.

Солдаты смеются.

Де Лоней. Странные парламентареры!

Гош. У нас не было выбора. Мы подавали вам знаки, вы их не замечали. Нам не оставалось ничего другого, как перепрыгнуть через стену.

Жюли (*направляясь к швейцарцам*). Ах, вот они!

Швейцарцы. Что тебе от нас нужно, шалунья?

Жюли. Вы заключенные?

Швейцарцы (*смеясь*). Мы заключенные? Ну, нет! Мы те, кто их стережет.

Гош. Ты не так уж ошиблась. Они тоже узники и, пожалуй, еще больше достойны жалости, потому что у них отняли все, даже стремление к Свободе.

Де Лоней. Что это за девочка?

Гош. Наш добрый гений. Она умоляла взять ее с собой. Вот я и притащил ее сюда!

Вентимиль. Ты что, ума лишился? Можно ли подвергать ребенка смертельной опасности?

Гош. Почему бы ей не разделить с нами опасность? Ведь если умрем мы, у нее нет надежды на жизнь. Не играйте в милосердие. Ваши пушки не разбирают, в кого бьют.

Вентимиль (*со свойственной ему надменной и насмешливой холодностью*). Солдат, унтер-офицер, — дезертир! Вот кого послал к нам парламентаром этот сброд! Отлично, расстреляйте его — только такой конец может достойно увенчать его миссию.

Де Лоней. Подождите! Надо же узнать, чего они хотят. Вентимиль. Они не смеют ничего хотеть!

Де Флюэ. С мятежниками в переговоры не вступают.

Де Лоней. Все же не мешает узнать, — повредить нам это не может.

Вентимиль. Но это непристойно: соглашаясь разговаривать с бунтовщиками, мы как бы ставим себя на одну доску с ними.

Де Лоней. Как мог ты принять на себя подобную миссию? Что это — наглость или ослепление?

Гош. Я лишь стремился помочь и вам и моим товарищам.

Вентимиль. Отдаешь ли ты себе отчет в своих поступках? Тебе, значит, непонятно, что такое изменник?

Гош. Как же, ваша светлость, изменник — тот, кто поднимает оружие против своего народа.

Вентимиль (*пожимает плечами и поворачивается к нему спиной*). Глупец!

Гош. Прошу прощения. Я не хотел оскорбить вас. Напротив, я пришел как друг. Меня собираются расстрелять. Пусть так. Но, по чести говоря, это было бы неумно: я пришел ведь, чтобы уладить дело миром. Если тем не менее я буду расстрелян, — ну, что ж, как говорится: «достойной смертью вся жизнь красна».

Де Лоней. Что тебе велено нам передать?

Гош (*передавая письмо*). От Постоянного комитета города Парижа.

Де Лоней берет письмо и, отделившись от остальных, читает его вместе с двумя другими начальниками. Жюли уселась на колени к одному из инвалидов, остальные обступили ее.

Бекар. Почему же тебе так захотелось попасть сюда, плутовка? Разве ты знаешь кого-нибудь из здешних?

Жюли. Многих.

Бекар. Где же они?

Жюли. В тюрьме.

Бекар. Нечего сказать, хорошие у тебя знакомства! Кто же они? Твои родственники?

Жюли. Нет.

Бекар. А как их зовут?

Жюли. Не знаю.

Бекар. Как! Не знаешь? Ну, скажи хоть, как они выглядят?

Жюли. Право, не могу сказать.

Бекар. Ах вот как! Значит, ты смеешься над нами, шалунья!

Жюли. Нет, нет, я их отлично знаю, я их всех видела. Только это очень трудно рассказать...

Бекар. А ты попробуй.

Жюли. Мы с мамой живем недалеко отсюда, на улице Сент-Антуан. Повозки с заключенными проезжают по ночам мимо нашего дома. Я часто встаю, чтобы поглядеть на них. Я их почти всегда вижу. Но иногда я крепко сплю и не слышу, как подъезжает повозка, — проснусь, а она уже проехала.

Бекар. Что тебе до них?

Жюли. Но ведь они страдают.

Бекар. Несчастье — грустное зрелище. Ни к чему тебе глядеть на них.

Жюли (*говорит таким тоном, как будто это само собой понятно*). Мне их так жалко!

Один из инвалидов (*смеясь*). Ха-ха! Вот так причина!

Бекар. Замолчи, болван!

Инвалид (*вначале рассвирепев*). «Болван»? (*Подумав, почесывает голову*.) Да, ты прав.

Жюли (*усевшись на лафет, поглаживает пушку*). Вы ведь не будете стрелять в нас, правда?

Инвалиды не отвечают.

Скажите же, что не будете! Я вас очень прошу! Я ведь люблю вас. Пожалуйста, полюбите и вы меня!

Бекар (*целует ее*). Да как же можно не любить тебя, душенька?

Де Лоней (*дочитав письмо, переданное Гошем, пожимает плечами*). Это переходит всякие границы! Господа! В переданном мне странном послании, которое составлено какими-то крючкотворами, именующими себя Постоянным комитетом, нам предъявляют нелепейшее требование: чтобы банды мятежников охраняли Бастилию вместе с нашими войсками.

Солдаты прыскают, начальники возмущены.

В е н т и м и л ь. Блестящее предложение!

Г о ш (*де Лоней*). Выслушайте меня, ваша светлость! Предотвратите резню. Против вас мы ничего не имеем. Но эта груда камней, эта злобная сила — она уже много веков давит на Париж! Позорно подчиниться слепой силе, но не менее позорно и угнетать с ее помощью народ. Это противно разуму. Вы образованнее нас и должны бы страдать от этого гораздо сильнее, чем мы. Помогите же нам, а не убивайте нас! Ведь мы боремся за торжество разума, а он — столько же ваше, сколько и наше достояние. Сдайте Бастилию, не ждите, пока ее возьмут силой.

В е н т и м и л ь. Разум, совесть — так и сыплет этими словами... Начитались Руссо и твердят, как попугаи, одно и то же. (*К де Флюэ*.) Нечего сказать, удружили вы нам!

Д е Ф л ю э. Чем это?

В е н т и м и л ь. Да вашим Жан-Жаком... Держали бы лучше его у себя в Швейцарии.

Д е Ф л ю э. Нам и самим он не особенно нужен.

Д е Л о н е й (*Гошу*). Ты — сумасшедший. Где это видано, чтобы более сильный по доброй воле сдал оружие более слабому?

Г о ш. Вы не сильнее нас...

Д е Л о н е й. А эти храбрецы, а двадцать пушек, двадцать ящиков со снарядами, неисчерпаемые запасы картечи? По-твоему, это не сила?

Г о ш. Предположим, что вы убьете несколько сот человек. Чему это послужит? На место убитых встанут тысячи других.

Д е Л о н е й. Нам придут на помощь.

Г о ш. Нет, вам не придут на помощь. Ведь вы могли бы уже давно получить поддержку. Но вы ее не получили. Король не может уничтожить весь свой народ: это было бы не только убийством, но и самоубийством. Вы будете побеждены, уверяю вас. Вот вы нам на устрашение выкатили свою артиллерию. Вы привыкли к войнам прежних времен, вам непонятна сущность этой войны; вы не знаете, что такое народ, ставший свободным. Война для вас только времяпрепровождение, вы ведь ни во что не верите. Со дня сражения при Мальплакэ вы уже не думаете о родине. Интересы неприятеля, с которым вы сражаетесь, вам ближе, чем интересы родины. Вы радовались победам прусского короля. Победа для вас — не насущная необходимость. У нас же нет выбора — мы должны победить во что бы то ни стало! (*Инвалидам*.) Друзья мои, я вас отлично знаю, и я уважаю вас: вы славные

старые вояки. Но ведь вы сражались только потому, что вам приказывали; вам неизвестно, что значит сражаться за свои интересы. (*Бекару.*) Вот хотя бы вы, папаша Бекар, все мы вас любим и чтим вашу доблесть, но, когда вы были в Праге окружены врагами, вы защищали свою шкуру. А мы — мы сражаемся за нашу душу, за души наших сыновей и всех тех, кто последует за нами. Вы слышите гул у подножия этих башен? А ведь здесь только незначительная частица наших сил. В наших рядах борются миллионы, все новые поколения — незримая и мощная сила, решающая исход всех сражений.

Де Флюэ. Довольно! Надоело. Несколько пушечных выстрелов — и мы сметем все твои незримые силы.

Гош. Не стреляйте! Если вы только выстрелите — вы погибли. Народ — не регулярная армия. Нельзя безнаказанно приводить его в ярость.

Вентимиль (*сам с собой, рассматривая Гоша*). Странная порода! И как только такие люди могли появиться у нас во Франции?.. Скорее им пристало быть немцами. Немцами? Тоже нет! Я знавал пруссаков, в которых было больше французского, чем в нем. Каким образом все так переменялось?

Гош. Подумайте о том, что сейчас еще можно договориться; но скоро будет уже поздно. Если только вы пролете кровь, ничто ее не остановит.

Де Флюэ. Скажи это твоим друзьям.

Гош (*пожимая плечами, к Жюли*). Идем, голубь мира, они отвергают твою оливковую ветвь. (*Сажает Жюли себе на плечо.*)

Де Лоней (*Гошу*). Никому не взять Бастилию. Она может быть сдана, но не взята.

Гош. Она будет сдана.

Де Лоней. Кто же ее сдаст?

Гош. Ваша нечистая совесть.

Гробовое молчание; Гош уходит с Жюли; никто не пытается остановить его.

Вентимиль (*в раздумье*). Наша нечистая совесть...

Де Лоней (*резко*). Что же это такое? Зачем ему дали уйти?

Де Флюэ. Он еще в первом дворе.

Де Лоней. Бегите за ним, схватите его!

Бекар. Ваша светлость, это невозможно.

Инвалиды (*глухим ропотом выражая свое согласие с ним*). Ведь он парламентар!

Де Лоне й. Как так «невозможно», негодяй! Чей же он парламентар? Какой державы?

Бекар (*горжественно*). Народа.

Де Флюэ (*швейцарцам*). Арестуйте его!

Бекар и инвалиды (*швейцарцам*). Нет, приятели, не выйдет! Вам его не арестовать!

Один из швейцарцев (*стараясь пройти*). Но ведь приказано!

Бекар и инвалиды. Если пойдете, будете иметь дело с нами.

Вентимиль (*наблюдая за ними; в сторону*). Ого! (*Громко.*) Прекрасно. (*Де Лонею.*) Не нужно настаивать.

Швейцарец (*вбегая из внешнего двора; де Лонею*). Ваша светлость! Громадная толпа приближается сюда по улице Сент-Антуан. Они взяли приступом Дом инвалидов. Они тащат с собой пушки — двадцать пушек.

Де Флюэ. Проклять! Нужно же, в конце концов, на что-то решиться и действовать, иначе наше положение, как бы выгодно оно ни было, может ухудшиться! Предоставьте нам расправиться с этими паразитами, а то они так обгложут нас, что одни косточки останутся.

Клубы дыма поднимаются над крепостными стенами.

Де Лоне й. Что это за дым?

Один из швейцарцев. Они подожгли прилегающие к Бастилии дома.

Де Лоне й. Презренные! Они хотят войны без милости и пощады. Ну, так они ее получают.

Де Флюэ. Открыть огонь?

Де Лоне й. Подождите...

Де Флюэ. Чего же еще ждать?

Де Лоне й (*спрашивая взглядом совета у Вентимиля*).

Господин де Вентимиль!

Вентимиль (*с легким презрением*). Я вам уже высказал свое мнение. Делайте как знаете. Я могу дать только один совет: что бы вы ни решили, не перерешайте.

Де Лоне й. Пусть будет по-вашему. Господин де Флюэ, откройте по ним огонь!

Де Лоне й, де Флюэ и швейцарцы уходят во внешний двор.

Вентимиль (*иронически рассуждает сам с собой. В нескольких шагах от него инвалиды стоят у своих пушек*). Наша нечистая совесть... Этот капрал позволяет себе иметь совесть!.. Он богаче меня. Совесть... Чистая или нечистая

совесть! Совесть просто нет. Честь, возможно, существует. Честь? При прежнем короле честь не мешала дворянину, если у него была красивая жена или сестра, добиваться того, чтобы король взял ее к себе в фаворитки; не задумываясь мы женились на любовнице короля, чтобы прикрыть своим аристократическим именем, как ярлыком, низкопробный товар, подобранный в грязном притоне... Оставим честь в покое. Разве я мог бы сказать, что я защищаю здесь, что толкает меня сражаться? Верность? Преданность королю? Мы-то знаем цену своей преданности и верности, к чему же дурачить себя пустыми словами? Уже давно я перестал верить в короля. Ну так что же побуждает меня оставаться здесь? (*Пожимая плечами.*) Привычка, приличия, правила светской морали? Да, знать, что ты не прав, не верить в то, что делаешь, но идти до конца по своему пути, сохраняя корректность и утонченное изящество, — так, по-видимому, легче скрывать от самого себя полную бесполезность всего, что делаешь.

За сценой невероятный шум. Швейцарцы с де Лоне и де Флюэ стремительно отступают из внешнего двора.

Швейцарцы. Идут!

Вентимиль. Кто? Кто идет? Кто? Народ?.. Да будет вам! Не верю!

Де Флюэ (*не отвечая ему*). Скорее! Поднимите мост! Проклятье!

Де Лоне и Пушкари, по местам!

Швейцарцы спешно поднимают мост. Инвалиды наводят пушки на ворота. Слышится гул толпы, который, подобно морскому прибою, бьется о крепостные стены.

Вентимиль (*потрясен*). Они вошли? Неужели же они и вправду вошли?

Де Флюэ (*запыхавшись*). Уф! Только-только успели! Мерзавцы! (*Вентимилью*.) Подумайте, ведь они ухитрились опустить первый подъемный мост! Знаете дом парфюмера у самых ворот?.. А! Черт их дери! Я был прав, когда требовал, чтобы сожгли все их логовища!.. Несколько человек — каменщики, кровельщики — забрались на крышу этого дома, а оттуда перебрались, как обезьяны, на стену у караульни. Их никто не заметил. Они достигли ворот и оборвали цепи подъемного моста; мост упал прямо на толпу и раздавил не меньше дюжины этих оголте-

лых. Остальные ринулись на него лавиной. Слышите, как режут? Ах, сволочи!

В суматохе, поднятой солдатами и офицерами на переднем плане, зрители не сразу обнаруживают в глубине сцены, у ворот, группу швейцарцев, окружившую пленницу.

Швейцарцы (*подводя Конта*). Нам все же удалось захватить недурную добычу.

Вентимиль (*кланяясь*). А, это вы, Конта?.. Вы верны своему слову — пришли на свидание? Серебряная каска на белокурой головке, в руках ружье — какое прекрасное олицетворение богини Свободы! Итак, вы хотите посмотреть спектакль? Отсюда отлично видно и совсем не опасно. (*Протягивает ей руку, она колеблется.*) Вы не хотите дать мне руку? Еще недавно мы ведь были друзьями, не так ли? Разве мы уже больше не друзья?

Она наконец пожимает протянутую руку.

Что с вами? Что вас смущает? Почему вы молчите и почему так злобно смотрят на меня ваши хорошенькие глазки? Вас напугали?

Конта. Простите, прошу вас, простите меня... Я перестала разбираться в своих чувствах, я уже не знаю, друг вы мне или враг.

Вентимиль. Враг? Но почему же? Так вы в самом деле сражались против нас?

Конта. Вы знаете, что я рождена актрисой, а не зрительницей, и я привыкла играть только первые роли. (*Показывает ружье; один из инвалидов по знаку Вентимилля тут же отбирает его у нее.*)

Вентимиль. Вам надоело играть в Комедии, вот вы и захотели попробовать свои силы в драме. Но, понимаете ли вы, красавица моя, что ваш маскарад может стоить вам нескольких месяцев заключения?

Конта. Я рисковала бóльшим.

Вентимиль. Что это вы придумали, Конта? Вы — с этими горлодерами? (*Осматривает ее с головы до ног.*) Ни румян, ни мушек. Руки в грязи. Лицо блестит от пота. Мокрые волосы прилипли к вискам. Едва переводите дух. Забрызгана грязью до колен. Вся прокопtilась порохом... Фи! Что это на вас нашло? Я же отлично вас знаю. Вам всегда было столько же дела до этого сброда, сколько и мне.

Конта. Да.

Вентимиль. Значит, вы влюбились? Он там, в этой толпе?

Конта. Я сама так думала. Но, оказывается, дело не в любви, а в чем-то другом.

Вентимиль. В чем же?

Конта. Не знаю. Я не могу объяснить вам, что увлекло меня в битву. Вот только что мне хотелось задушить вас.

Вентимиль (*смеется*). Вечные преувеличения.

Конта. Я не шучу; уверяю вас.

Вентимиль. Но, Конта, вам же никогда не изменял здравый смысл, вы всегда знаете, чего вы хотите.

Конта. Да, конечно, что-то меня толкало на это, но я сейчас уже не знаю что. Я все чувствовала и понимала так ясно и глубоко, когда была с ними... Вам этого не понять, но могучие чувства народа эхом отзываются во мне. А сейчас, когда меня оторвали от него, я уже ничего не знаю, ни в чем не могу разобраться...

Вентимиль. Вы обезумели. Согласитесь сами.

Конта. Нет, нет, я убеждена, что они правы.

Вентимиль. Правы, восстав на короля? Правы, убивая порядочных людей и подставляя свои головы под пушки неизвестно ради чего?

Конта. Почему же неизвестно?

Вентимиль. Ну, да, пожалуй, вы правы, ради золота герцога Орлеанского.

Конта. С тех пор как я с вами познакомилась, вы несколько не изменились, дорогой мой, вы всегда подыскиваете мелкие объяснения крупным событиям.

Вентимиль. Я не считаю, что деньги — такая уж мелочь для оборванцев, у которых нет ничего. А по-вашему, их ведет что-то более возвышенное?

Конта. Их ведет Свобода.

Вентимиль. А что это такое?

Конта. Ты смущаешь меня своей иронией. Когда ты так смотришь на меня, я не знаю, что тебе ответить. А если бы и знала, так не сказала бы. Это бесполезный спор. Ты не в состоянии понять. Так слушай же и смотри.

Народ (*за сценой*). Бастилию! Возьмем Бастилию!

Вентимиль (*холодно*). Конечно, это забавно! Очень забавно!

Де Лонеи (*потрясен*). Что движет этими безумцами?

Инвалиды (*с интересом и сочувствием наблюдая за народом сквозь бойницы, проделанные в настиле подъемного моста*). Женщины. Священники. Буржуа. Солдаты...

Смотри-ка, вот и наша девчурка на спине у Гюлена, она дрыгает ножками и вертится, как чертенок!

Де Флюэ (*швейцарцам*). Все идет хорошо. Теперь они в мышеловке, окружены со всех сторон стенами замка.

С башен мы можем уничтожить их всех.

Де Лонея. Очистите двор! Уничтожьте их!

Де Флюэ и швейцарцы бегут к Бастилии и входят в башенные ворота.

Бекар и инвалиды. Это что же такое — бойню хотят устроить? У них и оружия-то почти нет. И дети с ними!.. Народ. Бастилию! Возьмем Бастилию!

Конта и Вентимиль не следили за переговорами де Флюэ и де Лонея. Конта, вся поглощенная происходящим за сценой, прислушивается к крикам народа.

Конта (*кричит за сцену*). Смелее! Я уже взяла ее раньше вас! Я первая вошла!

Слышится барабанная дробь.

Бекар и инвалиды (*смотрят в бойницы*). Они опять требуют переговоров. Машут платками. Подают нам знаки!

Вентимиль (*всматриваясь*). Прокурор города возглавляет их шествие.

Де Лонея. Узнаем же, чего они хотят.

Вентимиль. Прекратить стрельбу!

Инвалиды опустили ружья. Барабанный бой приближается к самому рву. Вентимиль и несколько инвалидов поднимаются к амбразуре, находящейся справа над воротами, откуда можно видеть нападающих.

(*Народу.*) Чего вы хотите?

В это мгновение с башен раздается ружейный залп.

(*Оборачиваясь.*) Проклятье! Что они делают?

Инвалиды и де Лонея (*поражены*). Это швейцарцы стреляют сверху. Остановите их! Остановите!

Несколько человек бегут к башенным воротам, чтобы остановить швейцарцев.

Вентимиль (*спустившись во двор*). Слишком поздно! А, черт их возьми, наделали дел! Слышите крики?.. Швейцарцы не промахнулись. Народ решит теперь, что мы заманили его в ловушку.

Люди за сценой кричат от боли и ярости. Вентимиль, обернувшись, видит подошедшую сзади Конту; взгляд ее полон ненависти.

(Поражен.) Что с вами, Конта?

Конта, не отвечая, внезапно бросается на Вентимиля и,хватив из его ножен шпагу, хочет нанести ему удар. Инвалиды хватают ее за руки и удерживают, несмотря на ее жесточенное сопротивление.

(В недоумении.) Вы хотели убить меня?

Конта молча кивает головой. Она пожирает его глазами, полными неукротимой ярости, и до конца сцены не может выговорить ни слова. Она, как загнанный зверь, задыхается и дрожит.

(Потрясен.) Вы с ума сошли!.. Что с вами? Я ведь не причинил вам никакого зла. Стреляли вопреки нашему приказу. Вы же сами были свидетельницей... Да узнашь ли ты меня, Конта?

Она делает утвердительный знак.

Как? Значит, в самом деле ты возненавидела меня?

Та же игра.

Да говори же! Ты что, слова вымолвить не можешь?
(Хочет прикоснуться к ней.)

Конта в ужасе отстраняется, отбиваясь от солдат, держащих ее за руки. Вдруг она откидывается, падает, бьется в припадке, содрогаясь и рыдая. Ее уносят, но ее душераздирающие вопли долго еще слышны издали. Из-за сцены доносятся неистовые крики толпы.

Де Л о н е й *(подавлен)*. Она просто озверела... Ее не узнать. В е н т и м и л ь. Она не виновата. Какая-то отравка, идущая от этих толп, заразила ее непонятным безумием... Брр! Как все это мне ненавистно! Не могу постичь ни этой ярости, ни этой звериной страсти, словно вырвавшейся из глубин каменного века!

Ш в е й ц а р ц ы и д е Ф л ю э спускаются с башни.

Де Л о н е й *(вне себя, идет навстречу де Флюэ)*. Что вы натворили? Что вы натворили?

Де Ф л ю э *(взбешен)*. Я добросовестно выполнял ваш приказ! Черт возьми! Вы же приказали мне уничтожить

их. Я начал приводить ваш приказ в исполнение. А вы, по-видимому, передумали, и ветер подул в другую сторону — в сторону перемирия. Кто вас тут разберет!

Де Лоней. Теперь мы погибли.

Де Флюэ. «Погибли»? *(Пожимает плечами и знаками приказывает швейцарцам подкатить пушки к воротам во внешний двор.)*

Бекар и инвалиды. Что вы собираетесь делать?

Швейцарцы. Три залпа из пушек — и мы очистим двор.

Бекар и инвалиды. Вы не станете стрелять.

Швейцарцы. Это еще почему?

Бекар. Стрелять в толпу? Да ведь это же гнусная бойня!

Швейцарцы. Нам-то что?

Бекар. А то, что эта толпа, — наши близкие, такие же французы, как и мы. Откатывайте-ка лучше ваши пушки; никто не собирается из них стрелять.

Швейцарцы. С дороги, старый хрыч! Пропусти нас, а то хуже будет! *(Отталкивают Бекара.)*

Инвалиды. Ах, сволочи! Немчура проклятая! *(Скреещивают штыки, преграждая им дорогу.)*

Швейцарцы. Вали их!

— Туда же, задаются, лысые дьяволы!

— Вздумали пугать нас!

Бекар. Еще шаг — и получишь пулю прямо в лоб. *(Целится.)*

Вентимиль и де Флюэ становятся между ними.

Де Флюэ. Опустите ружья! Опустите ружья! А, проклятье... *(Бросается на них и начинает направо и налево наносить удары палкой.)*

Вентимиль. Хуже бешеных псов!

Де Лоней *(в отчаянии)*. Теперь и эти взбунтовались! Тоже не хотят сражаться! Все пропало! *(Устремляется к пороховым складам.)*

Вентимиль *(останавливая его)*. Куда вы?

Де Лоней *(вне себя)*. Умирать! Но и они умрут вместе с нами!

Вентимиль. Что вы собираетесь делать?

Де Лоней. В подвалах... Тысячи тонн пороху... Я взорву...

Инвалиды *(протестуя)*. Вы этого не делаете!

Вентимиль. Взорвать целый квартал Парижа? Вот так героизм! Нет, черт возьми, это уж совсем нелепо! Такой поступок может быть оправдан, если веришь в свое дело, но гибнуть и губить других без всякой цели — это полная бессмыслица. Зачем впадать в крайности? Хороший шах-

матист при угрозе мата никогда не позволит себе смешать фигуры.

Де Л о н е й. Но что же делать?

И н в а л и д ы. Капитулировать.

Де Л о н е й. Никогда! Ни за что на свете!.. Король доверил мне Бастилию. Я не сдам ее!

Хочет войти внутрь. Инвалиды хватают его.

И н в а л и д ы (Вентимилью). Ваша светлость, командуйте нами!

В е н т и м и л ь (холодно). Господин комендант заболел. Проводите его домой и позаботьтесь о нем.

Де Л о н е й (отбываясь). Трусые! Предатели!

Его уводят.

В е н т и м и л ь (про себя). Какой я дурак, что позволил заманить себя в это осиное гнездо!.. Теперь поздно предаваться сожалениям. Остается достойно закончить игру. (Громко.) Господин де Флюэ!..

Де Ф л ю э. Что вам угодно?

В е н т и м и л ь. Прошу вас, помогите мне составить текст капитуляции.

Де Ф л ю э. Марать бумагу? Благодарю, это не по моей части. (Поворачивается к нему спиной.)

Вентимиль пишет, облокотясь на пушку.

О д и н и з ш в е й ц а р ц е в (к де Флюэ). Они перебьют нас всех до одного.

Де Ф л ю э (флегматично). Вполне возможно. (Садится на барабан и закуривает трубку.)

О д и н и з ш в е й ц а р ц е в (вытирая пот со лба). Проклятая жарница! Неужели даже глотку нечем промочить?

Один из швейцарцев идет в помещение и возвращается с кувшином. Швейцарцы стоят слева, столпившись вокруг своего начальника, и со скучающим, безучастным видом ждут, что будет дальше. Инвалиды собираются направо, около пушки, и почтительно следят за всеми движениями Вентимиля. Бекар держит перед ним чернильницу. Вентимиль вполголоса читает Бекару то, что он уже написал. Бекар одобрительно кивает головой. Его товарищи повторяют отдельные слова, прочитанные Вентимилем, и в знак согласия тоже кивают головой.

И н в а л и д ы (удовлетворенно, но не без ехидства). Коза волка съела.

В е н т и м и л ь. Я требую, чтобы они дали слово никому не причинять вреда.

Б е к а р. Требовать-то все можно.

В е н т и м и л ь (*улыбаясь*). И обещать нетрудно. (*Идет к де Флюэ.*) Угодно подписать?

Д е Ф л ю э (*подписывая*). Вот так война! Впрочем, меня все это не касается.

В е н т и м и л ь. Написать текст несложно, но захотят ли еще они читать его?

Инвалидов, приблизившихся к воротам, встречают градом пуль.

И н в а л и д ы. Они взбесились. Никого не подпускают.

Б е к а р. Дайте-ка мне ваше посланьеце.

И н в а л и д ы. Они укокошат тебя, Бекар!

Б е к а р. Ну и что? Ведь я капитулирую не для того, чтобы спасти свою шкуру.

Ш в е й ц а р ц ы. А для чего же?

И н в а л и д ы (*показывая на народ*). Чтобы их спасти, черт возьми! (*Между собой, с презрением глядя на швейцарцев.*) А эти ничего не понимают.

Бекар идет к воротам.

(*Бекару.*) Как же ты ухитришься передать им бумагу?

Б е к а р (*показывая на свою пику*). На конце вот этого перышка.

В е н т и м и л ь (*повернувшись к башням*). Вывесить белый флаг!

И н в а л и д ы (*кричат*). Эй! Там, наверху! Флаг!

Ворота открываются. Бекар поднимается к амбразуре направо от подъемного моста.

Б е к а р (*размахивает руками и кричит*). Капитуляция! Капитуляция!

Его встречают бурей гневных выкриков и ружейной пальбой. (Он шатается и яростно кричит, показывая кулак.)
Свиньи! Ведь это ради вас! Ради вас же!

И н в а л и д ы (*толпятся у амбразуры подъемного моста и кричат*). Не стреляйте! Не стреляйте!

За сценой тоже слышны выкрики: «Не стреляйте!» — и передающееся из уст в уста, нарастающее: «Капитуляция!», «Капитуляция!» Смутный гул. Спорят. Потом воцаряется полная тишина.

(Наблюдая.) Гош и Гюлен пробираются вперед и велют прекратить стрельбу.

— Они поняли. Вот они остановились...

— Подходят ко рву...

Бекар (навалившись всем телом на стену, просовывает в амбразуру пика с нацепленным на острие текстом капитуляции). Ребята! Торопитесь! У меня нет времени ждать!

Инвалиды (наблюдая). Гюлен притащил доску. Кидает ее поперек рва...

— Вот уже кто-то переходит ров... Шатается. Падает...

Нет. Удержался.

Бекар (задыхаясь). Да ну, скорей же! Скорей!

Инвалиды. Вот он дотянулся до пика! Взял бумагу!..

Бекар (выпрямляясь). Дело сделано... (Смотрит на толпу.)

Эх, вы... (Поднимает руки и кричит.) Да здравствует народ! (Падает навзничь.)

Инвалиды. Негодяи! Они убили его!

Двое инвалидов идут к Бекару, поднимают его и, донеся тело до середины сцены, кладут у ног Вентимилья.

Вентимиль (смотрит на мертвого Бекара полуиронически, полурасстроганно). Идти до конца по своему пути?

Вот один уже и дошел.

Инвалиды (прислушиваясь). Слушайте!

За сценой слышны крики, подхватываемые инвалидами.

Капитуляция принята!

Вентимиль (равнодушно). Сообщите об этом господину коменданту.

Инвалиды. Ваша светлость! Он совсем спятил. Все переломал у себя в квартире, кричит и плачет, как ребенок...

Вентимиль (пожимая плечами). Ну, что ж! Буду замещать его до конца. (Про себя, иронически, с оттенком горечи.) Вот никогда не думал, что мне выпадет честь вместе с этими стенами, насчитывающими четыре века, сдать господам адвокатам французское королевство. Приятная миссия! Издевка судьбы!.. Уф! Суета сует и всяческая суета. Все тщетно, все проходит, все имеет свой конец. Смерть все примиряет. Последнее прости. Мы сыграем для них небольшую сценку под занавес, споем финальную арию. (Громко.) По местам! Построиться в две шеренги!

Гарнизон выстраивается во дворе. Инвалиды — направо, швейцарцы — налево, с де Флюэ во главе. Вентимиль встает, опираясь на трость.

Сдаемся, господа! Должен вас предупредить, что, несмотря на принятые мною меры, когда противник войдет сюда, возможны всякие неожиданности. Вы знаете, что мы имеем дело не с дисциплинированной армией. Но если у них не хватит выдержки, тем больше оснований у нас сохранить выдержку. Господа швейцарцы! От имени короля я выражаю вам благодарность за службу. Вы выполнили с честью свой долг. *(С еле заметной улыбкой поворачивается лицом к инвалидам.)* Мы с вами понимаем друг друга.

Одобрительный шепот в рядах инвалидов.

Де Флюэ *(равнодушно)*. Что поделаешь, война!

Один из инвалидов насвистывает: «Где же может быть лучше, чем в лоне семьи».

Вентимиль *(поворачивается к нему с несколько пренебрежительным жестом)*. Замолчи! Не показывай так открыто свою радость! Она непристойна, мой друг!

Инвалид. Ваша светлость, это у меня нечаянно вырвалось.

Вентимиль. Ты так гордишься тем, что тебя побили?

Инвалид. Нас не побили! Никогда бы им не взять Бастилии, если бы мы не хотели, чтобы они ее взяли.

Товарищи поддерживают его.

Вентимиль. Ты хочешь сказать, что это мы взяли Бастилию?

Инвалид. Что ж, может, и так.

Вентимиль. В самом деле... Ну, становись на свое место! *(После паузы, громко.)* Откройте ворота. Опустите подъемный мост.

Под все усиливающиеся крики толпы несколько человек открывают ворота и медленно опускают подъемный мост.

Вентимиль *(презрительно)*. Вот он, новый король!

Мост опущен. Нарастает могучий гул. Людской поток стремительно врывается в распахнутые ворота. Мужчины и женщины кричат, размахивая руками, пиками и топорами. В первых рядах подталкиваемый сзади Гоншон потрясает саблей и орет во всю глотку. Гош и Гюлен выбиваются из сил, стараясь утихомирить крикунов. Победные клики и призывы к расправе.

(Обнажая голову.) Приветствуем госпожу чернь!

И н в а л и д ы (*охваченные внезапным порывом, подбрасывают шапки в воздух*). Да здравствует Свобода!

В е н т и м и л ь. Господа! Хоть бы приличия ради!

И н в а л и д ы (*еще громче, приходя в неистовый восторг*).
Да здравствует Свобода! (*Бросают оружие и обнимаются с народом.*)

В е н т и м и л ь (*презрительно, пожимая плечами*). Как ты слаб, бедный человеческий разум! Прощайте, господин де Вентимиль! (*Ломает свою шпагу.*)

Подталкиваемый сзади, совсем потерявший голову Гоншон, старая торговка фруктами и толпа разъяренных женщин бросаются на Вентимиля, де Флюэ и солдат, окружают их, тащат и с неистовыми воплями выталкивают со сцены.

Г о н ш о н. Потроши их, ребята!

С т а р у х а. Аристократишки поганые!

Н а р о д. Сволочи швейцарцы!

— Я-то их знаю! Вот она, хромоногая команда!

— Ха! Наши враги! Бей их!

— Они стреляли в нас!

Гош и Гюлен стараются удержать толпу. Их оттесняют и прижимают к стене.

Г о ш. Остановитесь! Остановитесь!

Г ю л е н. Куда там! Легче остановить разлив Сены.

Г о ш. Тебя ранили?

Г ю л е н (*со смехом*). И знаешь кто? Гоншон.

Г о ш. Этот трус!

Г ю л е н. Сейчас он озверел. Самые трусливые псы кусаются, когда у них вырывают кость. Посмотри-ка на него!..

А Конта! Видишь, как она потрясает пикой. А эта старуха вцепилась в горло поверженному Вентимилю...

Г о ш (*вне себя, наносит удары направо и налево, стремясь пробиться вперед*). Я убью их!

Г ю л е н. Оставь, все равно не пробиться, не пробиться, говорю тебе!

Г о ш (*оттеснен толпой*). Безумцы!

Г ю л е н. А ты разве не знал, каковы они?.. Что поделаешь!
Ведь не мы с тобой сотворили их такими.

Т о л п а. Инвалид убежал!.. Бей его!

Д е м у л е н. Старый, безногий урод! Уберите чучело! В воду этих страшилищ!

Г о ш (*хватая Демулена за горло*). Замолчи!

Д е м у л е н (*ошеломлен*). Почему?

Гош. Ты пьян.

Демулен (*не понимая*). Пьян? Но я... я...

Гош. Ты опьянел от крови. Замолчи!

Демулен (*проводя рукой по лбу*). Да... Да... Ты прав.
(*Садится на тумбу.*)

Гюлен. Помоги нам!

Народ (*расчищая дорогу Марату*). Да здравствует Марат!

Марат. Что вы тут делаете, дети мои?

Женщины. Бейте их... Убивайте...

Марат. Убивать! А на что вам это? Разве вы собираетесь их съесть?

Народ смеется.

Гюлен. Он умеет с ними разговаривать. Их надо рассмешить.

Гош. Где малютка?

Гюлен. Где малютка?

Гош бежит искать Жюли.

Демулен (*бросается вперед*). Остановитесь, товарищи, вы убиваете заключенных.

Народ (*в недоумении*). Заключенных?

Демулен. Узников Бастилии. Видите, на них серые балахоны! Ведь это те, кого мы шли освобождать.

Народ (*в нерешительности*). Да нет же, это наши враги.

Гюлен. У нас больше нет врагов.

Жюли (*на плече у Гоша, простирает руки с зеленой ветвью и кричит*). Пощады нашим друзьям, нашим друзьям-врагам!

Народ (*смеясь*). Вы слышите, что говорит малютка?

Гош (*ставит ее на лафет пушки так, что Жюли несколько возвышается над толпой*). Кричи, малютка: «Все — братья, все — друзья!»

Жюли. Братья! Братья!

Народ. Все — братья, она права!

Инвалиды. Да здравствует народ!

Народ. Да здравствуют наши славные ветераны!

Инвалиды (*к Жюли*). Малютка, ты спасла нас!

Народ. Но она же и победила вас, товарищи! Это крошка взяла Бастилию.

Марат. Ты — наша совесть!

Народ. Ты — наша маленькая Свобода!

Протягивает к ней руки. Женщины посылают ей воздушные поцелуи.

Гош (*ударяя по плечу Гюлена, разделяющего общий восторг*). Ну, как, Гюлен, вечный скептик, теперь и ты убедился?

Гюлен (*вытирая глаза, упрямо*). Да... но...

Смех Гоша и народа не дает ему договорить. Он умолкает, а потом смеется громче всех. Осмотревшись по сторонам, он видит у входа во двор, в нише, статую короля, решительно направляется туда и вытаскивает статую.

К черту! Дай место Свободе! (*Бросает статую на землю, берет на руки маленькую Жюли и ставит ее в нишу на место статуи.*) Бастилия низвергнута!.. Я это совершил, я!

Мы все совершили... И то ли мы еще сделаем! Мы очистим авгиевы конюшни, освободим землю от чудовищ, задушим своими руками льва монархии. Пусть наш кулак ударит по деспотизму, как молот по наковальне. Будем смело ковать Республику, товарищи!.. Слишком долго я сдерживал накопившуюся во мне силу, она распирает мне грудь и льется через край! Несись вперед, поток Революции!

Старая торговка фруктами (*верхом на пушке, с красной повязкой на голове*). На Версаль, к королю! Я уже оседлала лошадку! Я взяла ее с бою, запрягу в свою тележку, и поскачем в Версаль! Навестим жирного Луи. Мне есть о чем поговорить с ним. Веками копилась во мне обида... Натерпелась я... Сил больше нет, пора и отдышаться. Я была покорной скотинкой, верила, что так и надо — страдать в угоду богачам!.. Теперь я поняла!.. Я жить хочу, жить хочу!.. Какая жалость, что я уже старуха! Черт поberi! Я хочу наверстать упущенное!.. Н-но, н-но, моя милая, едем ко двору! (*Проезжает верхом на пушке, подталкиваемая толпой, в которой выделяются люди в касках и боевых доспехах, но с обнаженными икрами.*)

Народ. Во дворец! В Версаль!

— Да, мы слишком долго страдали! Мы хотим счастья! И мы добудем себе счастье!

Демулен (*с зеленой веткой в руке*). Лес Свободы вырос на булыжниках мостовой. Зеленые ветви колышутся на ветру. Старое сердце Парижа вновь расцветает. Вот она — весна!

Народ (*разражается криками ликования и гордости, все украшают себя зелеными ветками, зелеными кокардами, зелеными бантами, зелеными листьями*). Мы — свободны! Небеса — свободны!

Заходящее солнце проникает в пролет подземного моста и затопляет пурпурным светом двор Бастилии и толпу с ветками в руках.

Гош. Солнце! Усни спокойно, мы недаром прожили этот день.

Конта. Его заходящие лучи окрашивают в пурпур окна Бастилии, колеблющиеся на ветру ветви, безбрежное человеческое море и нашу юную Свободу.

Гюлен. Небо возвещает войну.

Марат. Как и тот, кто вошел в некий город семнадцать веков назад, приветствуемый колыханием ветвей¹, эта малютка появилась среди нас не для того, чтобы возвестить мир.

Демулен. На вас — кровь.

Робеспьер (*с неистовым фанатизмом*). Это наша кровь!

Народ (*в крайнем возбуждении*). Это моя кровь!..

— И моя!..

— Мы приносим ее в дар тебе, Свобода!

Демулен. Что стоят наши жизни! Великое благо не достается даром!

Гош. Мы готовы заплатить за него.

Робеспьер (*глубокомысленно*). И заплатим.

Народ (*восторженно*). Заплатим!

Вокруг Свободы образуется хоровод. Музыка.

Конта. Какая радость быть вместе со всеми, любить вместе со всеми, радоваться и страдать со всеми! Возьмемся за руки! Закружимся в братском хороводе! Пой, народ Парижа, ведь это твой праздник!

Марат. Возлюбленный народ! Как долго ты молча страдал и молча боролся. После многовековых мучений наступил наконец вожделенный час! Свобода принадлежит тебе. Храни же как зеницу ока свое завоевание!

Демулен (*в зрительный зал*). А теперь я обращаюсь к вам! Доведите до конца наше дело! Бастилия пала, но в мире остались другие Бастилии. На приступ! На приступ против всяческой лжи, против мрака! Разум победит силу! Прошлое уничтожено! Смерть умерла!

¹ Подразумеваются слова, сказанные Иисусом Христом в Капернауме: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю: не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин меня» (*Матф.*, X, 34—37).

Гюлен (к *Жюли*). О наша Свобода! Наш светоч, наша любовь! Как ты юна еще! Как хрупка! Сможешь ли ты устоять среди надвигающихся бурь? Набирайся же сил, крепи, наше дорогое растеньице, стань высоким и сильным, порадуй мир твоим чистым, как ветер полей, дыханием!

Гош (с саблей наголо поднимается на ступеньки около ниши, где стоит юная Свобода). Будь спокойна, Свобода, мы защитим, мы охраним тебя! Горе тем, кто посмеет тебе угрожать. Ты — наша, а мы — твои! Тебе принесены эти жертвы, тебе принадлежат наши трофеи!

Женщины бросают к ногам Свободы цветы; мужчины склоняют перед ней пики, знамена, зеленые ветви — трофеи Бастилии.

Но это только начало. Мы создадим тебе бессмертную славу. Дочь парижского народа! Твои ясные глаза будут светить всем поработленным народам. Мы пронесем по всему свету мощный клич равенства и братства. Нашими саблями, нашими пушками мы в битвах проложим по всей вселенной путь твоей колеснице. Человечество придет к любви, к братству! Братья! Все — братья! Все — свободны!.. Идемте же освобождать мир!

Над головами вздымаются шпаги, пики, зеленые ветки, взмывают платки, летят шапки; раздаются крики восторга, звучат победные трубы. Народ образует хоровод вокруг Свободы.

ВАРИАНТ ДЛЯ ПРАЗДНИЧНОГО НАРОДНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ С ОРКЕСТРОМ И ХОРАМИ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(См. соответствующую страницу)

Подземный мост Бастилии опущен. Нарастает мощный гул. Людской поток стремительно врывается в распахнутые ворота на сцену. Мужчины и женщины кричат, размахивая ружьями, пиками и топорами. В первых рядах, подталкиваемый сзади, Гоншон потрясает саблей и орет во всю глотку. Гош и Гюлен выбиваются из сил, стараясь утихомирить крикунов. Победные клики и призывы к праву.

Вентимиль (иронически). Прощайте, господин де Вентимиль! (Обнажает голову.) Приветствуем госпожу черны!

И н в а л и д ы (охваченные врезанным порывом, кричат и размахивают шапками). Да здравствует Свобода!
В е н т и м и л ь. Господа, хоть бы приличия ради!..
И н в а л и д ы (в диком восторге). Да здравствует Свобода!
(Бросают ружья и обнимаются с народом.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СЦЕНА

Народный праздник¹. Торжество свободы.

Вторник, 14 июля, 7 часов вечера. Площадь Ратуши. Люди снуют во всех направлениях; все украшены зелеными кокардами, зелеными бантами, зелеными листьями; в руках — зеленые ветви; царит необычайное оживление — ощущение своей силы, гордости и радости, наполняющее все сердца, переливается через край; над этим людским океаном, подобно пене на разбивающихся об утесы волнах, появляются фигуры мужчин, женщин и детей, взобравшихся на крыши карет и повозок, остановленных толпой, на лестницы, скамейки, фонари, на плечи друг к другу. У всех в руках зеленые ветви — целый лес ветвей, колышущихся в лучах заходящего солнца.

При поднятии занавеса — торжественная музыка, которая завершается взрывом народного ликования и восторга.

Н а р о д (заполняя всю сцену, потрясает зелеными ветвями и восклицает хором). Свободны! Мы — свободны!

Д е м у л е н (с зеленой веткой в руке). Лес Свободы вырос на булыжниках мостовой! Зеленые ветви колышутся на ветру! Старое сердце Парижа вновь расцветает. Вот она — весна!

Н а р о д (в один голос). Мы — свободны! Небеса — свободны!

Возгласы вспыхивают то здесь, то там, как зарницы.

— Отсекли зверю лапу, которую он занес над нашей головой!

— Наступили пяткой ему на горло!

— Бастилия взята! Взята!

В один голос.

— Мы победили!

Д е м у л е н. Это пугало, эта Бастилия, эта львиная шкура, которой они прикрывали свою кровожадную трусость,

¹ См. примечание в конце текста.

сдернута с их плеч!.. И вот перед нами голый король, дрожащий и смешной! Король — враг!

Н а р о д. Шах королю! Король побежден!

С т а р а я торговка фруктами (*верхом на пушке, с красной повязкой на голове*). На Версаль, к королю! Я уже оседлала лошадку! Я взяла ее с бою! Запрягу ее в свою тележку, и поскочем в Версаль! Навестим жирного Луи, господина Капета-старшего. Мне есть о чем поговорить с ним. Веками копилась во мне обида... Натерпелась я... Сил больше нет, пора и отдышаться. Я была покорной скотинкой, верила, что так и надо — страдать в угоду богачам! Теперь я поняла!.. Я жить хочу, жить хочу!.. Какая жалость, что я уже старуха!.. Черт побери! Я хочу наверстать упущенное! Н-но, н-но, моя милая, едем к королю!

Проезжает верхом на пушке, подталкиваемая толпой; здесь и народ и буржуа; на многих надеты каски, щиты и всяческие доспехи, в руках ружья, копья. Впереди четыре барабанщика, человек в отрепьях, с голыми ногами, женщина, ребенок и старый буржуа — тип судейского чиновника, степенного и полного чувства собственного достоинства.

Воинственно-комический марш. Барабаны и флейта.

Н а р о д. Во дворец! В Версаль! К королю!

— Да, мы слишком долго страдали! Мы хотим счастья!

И мы добудем себе счастье!

К о н т а (*белокурые волосы ее развеваются на ветру, руки, шея и грудь обнажены; в руках зеленая ветвь, и сама она обвита зеленым гирляндами; ее окружают женщины, юноши, дети, держащие, как и она, длинные зеленые ветви*). Мы завоевали победу! Сердце у меня в груди прыгает от радости, я — как коза, пасущаяся в винограднике Свободы! Я пьяна, пьяна, меня неудержимо влечет куда-то. Что сделала я для Свободы? Не знаю. Я знаю только, что я — победительница. Я заставила сдаться врагов. О, какое счастье чувствовать, что ты растворяешься в людском океане, что ты одна из волн, танцующих в его прибое!.. О народ, твоё дыхание стало моим, я люблю тебя, я хочу быть твоим голосом, голосом, возвещающим твою победу и твою радость.

Д е м у л е н. Вакханка Революции, опьяненная Свободой, чем проникнута ты — любовью или ненавистью? Твои влажные губы и твои взоры сулят одновременно и негу

и смерть. Пальцы твои покраснели от вина или от крови?
Все равно! Я люблю тебя, Победа! Эвоэ! Будем славить
Свободу!

Музыка.

Монахи и священники (*матуринцы, капуцины, вооруженные ружьями священники идут с крестами и хоругвями и поют*). Domine, salvam fac gentem, et exaudi nos in die qua invocaverimus Te!¹

Н а р о д. Да здравствуют тонзурики²! Да здравствует святая Женевьева!

Д е м у л е н. Да здравствуют папишки, кардиналишки, епископишки, инокишки! Да здравствуют архиболваны!

С т у д е н т ы (*в обнимку с девушками поют песенку Вадэ под аккомпанемент кларнетов и гитар*).

«Дар неоценимый,
Горячо любимый, —
Вольность, вольность,
Лишь в нее
Сердце влюблено мое».

Н а р о д. Да здравствует судейское сословие!

Д е м у л е н. Шапки долой перед канцелярской братьей!
Ведь это она сразила Бастилию!

О д и н и з с т у д е н т о в (*толкая перед собой тачку*). По десять су, всего по десять су — камни Бастилии!

Н а р о д (*смеясь*). Ах, шутники! Медведь еще не добит, а они уже торгуют его шкурой!

С т у д е н т. Булыжник!

Д р у г о й с т у д е н т (*несет плакат с надписью: «Писатель, оставшийся без квартиры по случаю закрытия Бастилии!»*) Сжальтесь, граждане, куда же теперь деваться честным людям? Нет больше Бастилии.

Толпа смеется. Группа студентов, крича и смеясь, несет на плечах Гоншона. У Гоншона в руке сабля, на голове лавровый венок. Он похож на Силена.

С т у д е н т ы. Бесстрашный Гоншон!

— Герой поневоле!

— Гоншон Полиоркет!

¹ Господи, помилуй нас и услыши нас в день, когда мы вызываем к тебе! (*латин.*)

² Тонзурики — монахи и священники (тонзура — остриженное в форме кружка место на макушке у духовных лиц католической церкви, символ их отречения от мирских интересов).

Н а р о д. Гоншон — враг королей! Гроза аристократов!

С т у д е н т ы. Он так трусил, что вошел первым. Он мчался сквозь неприятельский строй, всех врагов обращая в паническое бегство.

Д е м у л е н. Негодяй! Кто тебе разрешил брать Бастилию? Тебя бы надо высечь за то, что ты присвоил себе честь, которой ты недостоин.

С т у д е н т. Его хозяева рассчитаются с ним за нас. Они его повесят.

С т у д е н т ы. Тебя повесят, Гоншон! Ты ведь взял Бастилию!

Студенты подбрасывают Гонсона. Дрожащий, растерянный, Гоншон салютует саблей и приветственно размахивает своим венком. Толпа танцует вокруг него, напевая на всем известный мотив шуточной песенки: «Ты будешь повешен, Гоншон, будешь повешен, повешен, повешен!»

Д е м у л е н. Негодяй и впрямь возомнил себя героем. Вздуйте его!

М а р а т (*ужиротворенный, улыбаясь, радуясь вместе со всеми*). Дай им посмеяться вдоволь. Победителям не к лицу ненависть. Порок вызывает у них только насмешку. Пусть этот шут потешает народ!

Сзади Гонсона и группы студентов идут рабочие и крестьяне с орудиями своего труда: кузнецы в фартуках с молотами в руках; мясники с ножами; дровосеки с топорами; крестьяне с косами и цепями. Следом за ними дюжина силачей несет ворота Бастилии, на которых прямо и неподвижно стоит маленькая Жюли с зеленой ветвью в руках. Крики восторга несутся со всех сторон, предшествуя появлению Жюли, сопутствуя ей и продолжая звучать ей вслед. У ног Жюли положены железные цепи. Возглавляют шествие Гош и Гюлен. Гюлен, с непокрытой головой, с обнаженной шеей, засучив рукава, несет на плече топор; у Гоша на острие сабли — акт о капитуляции Бастилии.

Д е м у л е н. Диоскуры! Гош и Гюлен! А маленькая девственница попирает своими босыми ножками символ поверженного деспотизма — ворота Бастилии!

Н а р о д. Акт о капитуляции!

— Ключи!

— Цепи!

М а р а т. Разбиты цепи, сковывавшие Человека!

Демулен. Клетка открыта. Лети, вольная птица — Свобода!

Народ (*узнает швейцарцев и инвалидов, тоже принимающих участие в шествии*). А это что за птицы?

— Это подлецы швейцарцы!

— А, этих я знаю! Хромоногая команда!

— Вот они, враги! Бей их! Они стреляли в нас!

Свист, попытки вступить в драку. Гош, Гюлен и Марат сдерживают толпу.

Марат. Что вы собираетесь делать? Съесть их, что ли?

Народ хохочет.

Гюлен. Битва окончена.

Гош. Нет больше врагов.

Маленькая Жюли (*кричит*). Пощады нашим друзьям — нашим друзьям-врагам!

Народ (*смеясь*). Слышите, что говорит малютка?

Гош. Все — братья, все — друзья!

Жюли. Братья! Братья!

Народ. Все — братья, она права!

Инвалиды. Да здравствует народ!

Народ. Да здравствуют наши славные ветераны!

Инвалиды (*к Жюли*). Малютка, малютка, ведь ты спасла нас!

Народ. Но она же и победила вас, товарищи! Эта крошка взяла Бастилию.

Марат. Ты — наша совесть.

Народ. Ты — наша Свобода!

Все простирают к ней руки. Женщины посылают Жюли воздушные поцелуи. Она закрывает от волнения глаза и с улыбкой тоже протягивает им руки.

Гош (*ударяя по плечу Гюлена, разделяющего общий восторг*). Ну, как, Гюлен, вечный скептик, теперь и ты убедился?

Гюлен (*вытирая глаза, упрямо*). Да... но...

Смех Гоша и народа не дает ему договорить. Он умолкает, а потом смеется громче всех. Осмотревшись по сторонам, он видит в угловой нише дома, выходящего на площадь, статую святого или короля, устремляется туда и вытаскивает статую из ниши.

К черту! Дай место Свободе! (*Бросает статую на землю, берет на руки маленькую Жюли и ставит ее в нишу, где*

стояла статуя.) Бастилия низвергнута!.. Я это совершил, я! Мы все совершили! И то ли мы еще сделаем! Мы очистим авгиевы конюшни, освободим землю от чудовищ, задушим своими руками льва монархии. Пусть наш кулак ударит по деспотизму, как молот по наковальне. Будем смело ковать Республику, товарищи!.. Слишком долго я сдерживал накопившуюся во мне силу, она распирает мне грудь и льется через край! Несись вперед, поток Революции!

Музыка. Оркестр без хора. Героический марш. Лучи заходящего солнца окрашивают пурпуром площадь, толпу, зеленые ветви и юную Свободу.

Гош. Солнце! Спи спокойно, мы недаром прожили этот день.

Конта. Его заходящие лучи окрашивают в пурпур окна Бастилии, колеблющиеся на ветру ветви, безбрежное человеческое море и нашу юную Свободу.

Гюлен. Небо возвещает войну.

Марат. Как и тот, кто вошел в некий город семнадцать веков назад, приветствуемый колыханием ветвей, эта малютка появилась среди нас не для того, чтобы возвестить мир.

Демулен. На нас — кровь.

Робеспьер (с неистовым фанатизмом). Это наша кровь.

Народ (в крайнем возбуждении). Это наша кровь!..

— И моя!..

— Мы приносим ее в дар тебе, Свобода!

Демулен. Что стоят наши жизни? Великое благо не дается даром.

Гош. Мы готовы заплатить за него.

Робеспьер (глубокомысленно). И заплатим!

Народ. Заплатим.

Взявшись за руки, люди начинают водить хороводы. Последующие слова произносятся под аккомпанемент музыки.

Демулен. Цветок Свободы распустился в темнице порабощенного мира. Твоя зеленая ветвь, о малютка, — это волшебная палочка; мы разбудим усыпленную землю, и она даст обильный урожай счастья. Свобода! Ты истинное светило дня, ибо ты озаряешь жизнь светом нашей воли. Жизнь начинается только сегодня. Мы — хозяева своей судьбы. Мы подчинили себе темные силы мира. (Внезапно поворачивается к зрителям.) А теперь я обращаюсь к вам! Доведите до конца наше дело! Бастилия пала, но в

мире остались другие Бастилии. На приступ! На приступ против всяческой лжи, против мрака! Разум победит силу! Прошлое уничтожено! Смерть умерла!

Пение и танцы.

Контра (зрителям). Братья, будем петь вместе! Наш праздник — это и ваш праздник. Он не мимолетное воспоминание о прошлом и не пустой его образ, это наша общая победа, это ваше раскрепощение! Мы разрушили стены, разделявшие людей! Души людей слились в одну человеческую душу! Века — в один век! Смеяться, смеяться и любить! Радость вселилась в нас. Радость быть заодно со всеми, любить и страдать со всеми! Возьмем за руки! Закружимся в братском хороводе! Пой, ликуй, ведь это твой праздник, о народ Парижа!

Пение и оркестр в зрительном зале¹.

Марат (зрителям). Возлюбленный народ! Как долго ты страдаешь молча! После многовековых мучений наступил наконец вожделенный час! Свобода принадлежит тебе. Храни же как зеницу ока свое завоевание!

Жюльен (Жюли). О наша Свобода! Наш светоч! Наша любовь! Как ты юна еще! Как хрупка! Сможешь ли ты устоять среди надвигающихся бурь? Набирайся же сил, крепни, наше дорогое растение, стань высоким и сильным, порадуй мир твоим чистым, как ветер полей, дыханием!

Трубы.

Гош (с саблей наголо поднимается на ступеньки около ниши, где стоит маленькая Жюли). Будь спокойна, Свобода! Мы защитим, мы охраним тебя! Горе тем, кто посмеет тебе угрожать! Ты — наша, а мы — твои! Тебе принесены эти жертвы, тебе принадлежат наши трофеи!

Женщины бросают к ногам Свободы цветы, мужчины склоняют перед ней пики, знамена, зеленые ветви — трофеи Бастилии.

Но это только начало! Мы создадим тебе бессмертную славу. Дочь парижского народа! Твои ясные глаза будут светить всем поработенным народам. Мы пронесем по всему свету мощный клич равенства и братства. Нашими саблями, нашими пушками мы в битвах проложим по

¹ См. примечание в конце текста. — Р. Р.

всей вселенной путь твоей колеснице. Человечество придет к любви, к братству! Братья! Все — братья! Все — свободны!.. Идемте же освобождать мир!

Хоры на сцене и в зрительном зале. Над головами вздымаются флаги, пики, зеленые ветви, взмывают платки, летят шапки, раздаются крики восторга. Народ образует хоровод вокруг Свободы.

ПРИМЕЧАНИЕ К ПОСЛЕДНЕЙ СЦЕНЕ

Как указано в заголовке, сцена изображает народное празднество, праздник народа Франции тех времен и нынешних. Замысел требует, чтобы зрители приняли участие в финальных хороводах, песнях танцах.

Смысл картины в том и состоит, чтобы слить воедино зрителей и сцену, перебросить мост в зал, претворить драматическое действие в реальность. Действующие лица внезапно обращаются непосредственно к зрителям. К ним зывают Демулен, Конта, Марат, Гош. Но этого недостаточно, нужно еще что-то, кроме слов. Чтобы придать пьесе логическое завершение и раскрыть общий смысл исторического события, необходимо вмешательство еще одной мощной силы — музыки. Музыка — неодолимая сила звуков, побуждающая пассивную толпу к действию, сила, заставляющая забывать о времени и придающая всему непреходящее значение.

Музыка должна служить здесь фоном картины, ею должна быть пронизана словесная ткань. Ни на минуту она не должна умолкнуть — то мощная, отчетливо звучащая, то приглушенная, едва уловимая. Ее назначение — оттенить героический смысл праздника и заполнить собою паузы, так как актерам, изображающим толпу на сцене, несмотря на всю гамму возгласов и криков, трудно создать иллюзию непрерывности жизни. Не столь важно, чтобы зрители отчетливо различали каждое слово, произносимое толпой на сцене, так же как и каждую ноту оркестра и хора; важнее общее впечатление народного торжества и ликования.

Мне хотелось бы, чтобы во всем спектакле звучала властно и настойчиво одна тема — тема радости и действий, тема Свободы, завоевывающей весь мир. Эта тема намечается в самом начале и, разрастаясь мало-помалу по мере приближения к развязке, неотступная, неумолимая, подавляет собой все остальные, боковые сюжетные линии спектакля; именно эта идея всецело овладевает народными массами¹.

¹ Музыка по духу должна быть близка к Корнелю (или Расину), выдержана в стиле революционных песен (гимнов Госсекса, Мегюля, Керу-

В основу спектакля необходимо положить принцип нового народного искусства, принцип, который не сегодня завтра непременно будет воплощен в жизнь: зрители должны участвовать в спектакле не только мыслями и чувствами — пусть звучит их голос, пусть они действуют. Народ должен стать действующим лицом народного праздника.

Чтобы достичь нужного мне эффекта, оркестр и хоры должны властно выделять основную тему, вступая в действие в нижеследующем порядке:

1. После слов Гюлена, ставящего маленькую Жюли в нишу на место статуи, пусть раздастся стремительный, героический марш, способный поднять народные массы на битву, напоминающий звучанием марш си-бемоль в последней части Девятой симфонии.

2. После гимна Свободе, воспетой Демуленом, и его призыва, обращенного к народу, на сцене должна зазвучать радостная, юношески светлая и бодрая мелодия.

3. Эта мелодия должна быть подхвачена после гимна Конта хором или несколькими хорами голосов в зрительном зале (в верхних ярусах театра) или на площади (если спектакль идет на открытом воздухе), в рядах зрителей.

4. После речи Гоша мелодия должна быть подхвачена хорами на сцене и во всех ярусах зрительного зала, должна звучать на всех концах площади, ее должны петь разные голоса, небольшие хоры и повторять маленькие оркестры, размещенные среди зрителей и невольно вовлекающие их в общий хор. Если в публике будет хотя бы немного рабочих и молодежи, для которых страсти Революции — их собственные страсти, ручаюсь, что они присоединят свои голоса к хору.

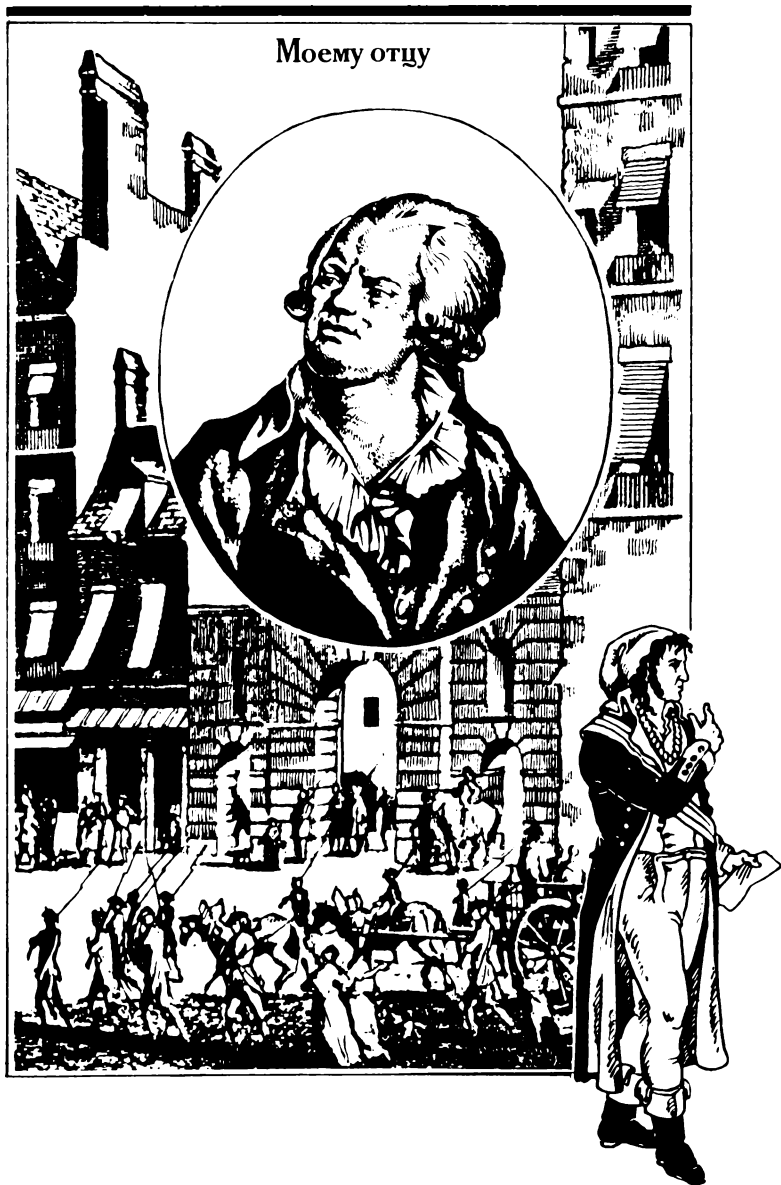
5. Наконец, к хорам и музыке, вступающим после первых же слов Гоша, обращенных к юной Свободе, всюду, на сцене, в зрительном зале или на площади, присоединяются, при последних его словах, звуки труб, начинаются танцы, хорожды, слышны голоса народа и войск.

бини, наивных хороводных песенок Гретри) и навеяна могучими творениями Бетховена, которые лучше всех передают пламень революционной эпохи (финал Симфонии до минор, победная симфония «Эгмонт», финал Девятой симфонии).

Но прежде всего музыка должна быть проникнута страстной верой. Создать нечто поистине великое сможет лишь тот, кто проник в душу народа, в чьей груди горит пламень страстей, которые я и изобразил здесь.

ДАНТОН

Моему отцу

Обвинительный акт против Дантона и Демулена
(написан рукой Робеспьера с пометками Сен-Жюста).

"Старый кордельер"—
газета Демулена.

*Camillo Desmulli
hans et pour sa
Ande de Julien et
quels le peuple
l'ine et vaotr
revolution. un
par les delis. de
Desmullin un
ce l'ouant
Desmullin, ne
au tem. de
après l'ou
Danton
les l'ouant
obligate*

Жорж-Жак Дантон

Камилл Демулен.

I

Максимилиан Робеспьер

... par la mobilité de son imagination
 ... et de son propre à travers le
 de l'anton ... et par cette route
 ... jusqu'en ... il ...
 depuis le commencement de la
 ... de la ... attendit que
 ... dont ils se convertirent.
 ... de la franchise et de la république
 ... avec violence, dans les
 ... la Fayette, la bourgeoisie et la noblesse
 ... et de leur réputation,
 ... de bon sens. ... et ...
 ... avec la Fayette, ...
 ... a ... avec
 ... abusé les ...
 ... un ...; un ...
 ... deux fois.
 ... et facile à

Революционный комитет во времена террора.

Эмблема секции Тампли.

Жорж-Жак Дантон

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дантон, 35 лет. — Гаргантюа в шекспировском вкусе, жизнерадостный и могучий. Голова как у дога, голос как у быка. Лоб покатый, открытый; глаза светло-голубые, взгляд вызывающий; нос короткий; широкий; верхняя губа изуродована шрамом; нижняя челюсть тяжелая, грубая. Атлет-сангвиник.

Робеспьер, 36 лет. — Среднего роста, хрупкого сложения. Волосы темно-русые. Глаза темно-зеленые, большие, близорукие, устремленные в одну точку. Огромные очки, сдвинутые на лоб. Нос прямой, слегка вздернутый. Бледен. Губы тонкие, с презрительной складкой, в которой есть что-то тревожащее и вместе с тем обаятельное.

Камилл Демулен, 34 лет. — Карие, чуть косящие глаза, длинные черные волосы. Лицо бледное, желчное, неправильное, расширяющееся кверху. Взгляд живой, своенравный, чарующий, беспокойный; быстрые переходы от приветливой улыбки к презрительной гримасе. Чрезвычайно женствен, то смеется, то плачет, а иногда и одновременно. Изображать его заикание не следует. Но вообще в его речи, движениях, во всем его облике есть что-то неустойчивое и противоречивое.

Сен-Жюст, 27 лет. — Длинные белокурые напудренные волосы, голубые глаза. Продолговатое лицо с удлинненным подбородком. По внешнему виду напоминает молодого англичанина-аристократа; это человек спокойный, хладнокровный, с непреклонной волей. Внутри неостывающий жар фанатической веры.

Эрде Сешель, 34 лет. — Красивый, изящно одетый мужчина. По своим манерам и складу ума это последний представитель старого порядка в Конвенте. Сочетает в себе иронию с добросердечием. Очень спокоен, с огромным самообладанием.

Билло-Варенн, 38 лет. — Высокого роста, с широким бледным лицом. Рыжеволос. Широкоплеч. Мрачен, весь поглощен своими навязчивыми идеями, еле держится на ногах от усталости, взгляд чаще всего блуждающий; по временам приливы бешеной злобы.

Вадье, 58 лет. — «Гасконский Вольтер». Высокий, костлявый старик с крючковатым носом, острым подбородком, густыми бровями, большим ртом, тонкими поджатыми губами; лицо пожелтевшее. «Согнувшись пополам, приподняв седую голову, он тихо смеялся сухим и скрипучим, еле слышным смехом».

Филиппо, 38 лет. — Худоцав; выражение лица холодное и суровое. Большие черные глаза. Длинный нос. Волосы редкие и прилизанные. Вид неистового аскета.

Фабр д'Эглантин, 39 лет.

Генерал Вестерман, 43 лет.

Фукье-Тенвиль, общественный обвинитель.

Эрман, председатель Революционного трибунала.

Генерал Анрио.

Люсиль Демулен, 22 лет. — Белокурая, миниатюрная, черноглазая, с вьющимися волосами. «Шаловлива, как бесенок, выпускает когти, как котенок».

Элеонора Дюпле, 25 лет. — Высокая, со спокойным выражением лица, с классически правильными чертами. Сквозь внешнюю холодность порою проглядывает пламенная душа. «Корнелия Копо».

Госпожа Дюпле, 59 лет.

Народ.

Париж, март — апрель 1794.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

У Камилла Демулена.

Гостиная в причудливом вкусе: смешение всех стилей. По стенам игривого содержания картинки в духе XVII века. На камине бюст древнего философа. На столе макет Бастилии. В углу детская колыбелька. Окно открыто. Пасмурное, печальное небо. Идет дождь. Камилл и Люсиль, с младенцем на руках, смотрят в окно. Филиппо прохаживается по комнате и время от времени поглядывает в окно. Эро де Сешель сидит в кресле подле камина и наблюдает за своими друзьями. С улицы доносится радостный шум толпы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Люсиль, Камилл, Эро, Филипп.

Люсиль (высовываясь в окно). Вот они, вот они! Проезжают в конце улицы!

Камилл (кричит). Счастливого пути. Папаша Дюшен! Не забудь свои жаровни!

Эро (мягко). Камилл, дорогой мой, не показывайся.

Камилл. Погляди-ка на бывших наших друзей, Эро! Вон клубный генерал Ронсен, вон Венсан, который все покушался на твою голову, Филиппо, вон Эбер, бахвал, которому не давала покоя моя голова, вон пруссак Клотс, прекрасный Анахарсис!.. Последний путь юного Анахарсиса!.. Бедное человечество: оно лишается лучшего своего оратора! Гильотине будет сегодня работа. Урожай обильный!

Люсиль (своему ребенку). Посмотри, Гораций, посмотри на этих негодяев. А вон гарцует генерал Анрио, размахивая огромной саблей. Видишь, детка?

Филиппо. Уж очень он старается. Его бы тоже надо на телегу.

Камилл. Точно праздник, народ ликует.

*На улице кто-то играет на кларнете разудалую песенку.
Толпа громко хохочет.*

Это что такое?

Люсиль. Маленький горбун идет за телегой и играет на кларнете!

Камилл. Забавно!

Оба смеются.

Отчего ты не подойдешь к окну, Эро? Неужели тебе не любопытно? Ты печален. О чем ты думаешь?

Шум постепенно удаляется.

Эро. Я думаю о том, Камилл, что Анахарсису тридцать восемь лет, Эберу тридцать пять, оба в твоих годах, Филиппо, а Венсану двадцать семь, он на шесть лет моложе нас с тобой, Демулен.

Камилл. Это верно. *(Внезапно нахмурившись, отходит от окна на середину комнаты, подпирает подбородок рукой и на мгновение остается неподвижен.)*

Люсиль *(у окна)*. Дождь идет! Вот досада!

Камилл *(недовольным тоном)*. Не стой у окна, Люсиль, холодно. Отойди.

Люсиль *(закрывает окно и с ребенком на руках отходит на середину комнаты, напевая)*.

«Дождик идет,
И скоро вечер...
Домой, пастушка,
Гони овечек».

Камилл. Люсиль, Люсиль, злая ты женщина, как ты можешь петь эту песню! Когда я ее слышу, я всякий раз думаю, что тот, кто ее сочинил, томится сейчас в заключении.

Люсиль. Фабр? Да, правда! Бедный наш Эглантин! Они посадили его в Люксембургскую тюрьму совсем больного. Ну, ничего, выйдет!

Эро. *Pur troppo!*

Люсиль. Что он сказал? Конечно, какую-нибудь гадость?

Филиппо. Он сказал не гадкую, а печальную вещь, и притом совершенно верную.

¹ К сожалению *(итал.)*.

Люсиль. Перестаньте каркать! Фабр будет освобожден.

Неужели мы не сумеем его выручить?

Эро. Сам Дантон не мог его спасти.

Люсиль. Дантон — это другое дело! А уж если Камилл возьмется за перо и выложит все, что у него на сердце, вот увидите — дв-ри тюрем распахнутся сами собой и поглотят...

Эро. Кого?..

Люсиль. Тиранов.

Эро. О легкомысленная пастушка, как плохо стережешь ты своих барашков!.. «Домой, пастушка!..» Вдумайся в смысл этой песенки.

Входит служанка, берет у Люсиль ребенка и уносит его. Люсиль говорит с ней шепотом, уходит, возвращается; в продолжение этой сцены она все время в движении. Она занята разными домашними делами и между прочим принимает участие в общем разговоре.

Камилл. Люсиль права: надо бороться. Революцию совершили мы, и нам надлежит руководить ею. Мой голос еще не утратил власти над толпой. Стоило мне заговорить — и бешеные отправлены на гильотину. Никогда еще мы не были так сильны, будем же добиваться новых успехов: взять Люксембургскую тюрьму не труднее, чем Бастилию. Мы сокрушили девятисотлетнюю монархию, так неужели же мы не справимся с комитетом мерзавцев, которые пришли к власти благодаря нам и которые смеют злоупотреблять ею, чтобы погубить Конвент и Францию?

Филиппо (*в волнении ходит взад и вперед*). Подлецы! Если бы они только убивали! Но нет! Они припутали Фабра к лихоимству и хищениям в Ост-Индской компании; они сочинили всю эту небывлицу, всю эту историю с евреями и немецкими банкирами, которые будто бы через посредство нашего друга подкупили Национальное собрание. Они сами знают, что лгут, но им мало убить своего противника — они прежде постараются облить его грязью.

Эро. У нас добродетельные враги: тебе не просто рубят голову, а во имя высших принципов, — по крайней мере утешение.

Камилл. Франция ненавидит Тартюфа. Выпорем ханжу и отколотим дна Базиля.

Филиппо. Я исполнил свой долг — пусть каждый исполняет свой! Я вывел на чистую воду воров из Западной армии, из Сомюрского штаба. Я вцепился в горло этим

прохвостам, и я не выпущу добычу, разве что голова у меня свалится с плеч. Я смотрю на вещи трезво: я отдаю себе отчет, что значит напасть на генерала Росиньоля и его прихвостней. Комитет пока меня не трогает — с одною лишь целью: чтобы потом вернее меня погубить. Какое гнусное обвинение собираются они взвалить на меня! При одной мысли об этом меня бросает в жар и в холод. Пусть гильотинируют, если желают, но пусть не порочат моей чести!

Э р о. Я отношусь ко всему этому спокойнее, чем ты, Филиппо. Я заранее знаю, каким предлогом они воспользуются, чтобы меня уничтожить. Я имею несчастье придерживаться того мнения, что можно быть врагом европейских правительств и вместе с тем не испытывать ненависти ко всем нефранцузам. За границей у меня были друзья; я не считал своим долгом от них отрезаться в угоду этому одержимому Билло-Варенну и другим таким же невменяемым, как и он. Ко мне ворвались, взломали мои ящики, похитили у меня несколько писем совершенно частного характера — этого довольно: отныне я один из участников пресловутого заговора, существующего на золото Питта и имеющего своею целью восстановление королевской власти.

К а м и л л. Ты в этом уверен?

Э р о. Совершенно уверен, Камилл. Моя голова уже не держится на плечах.

К а м и л л. В таком случае скройся.

Э р о. Во всем мире нет такого уголка, где бы мог укрыться республиканец. Короли его преследуют, Республика его уничтожает.

К а м и л л. Вы оба пали духом. Все-таки нас знает вся Франция.

Э р о. И Лафайета знала вся Франция, и Петиона, и Ролана. Даже Капет когда-то пользовался популярностью. Тот, кого сейчас провезли, неделю назад был народным кумиром. Кто может похвалиться любовью этих дикарей? На мгновение вдруг как будто появляется в их тусклых глазах отблеск самостоятельной мысли. Раз в жизни чья душа не сливалась с душою толпы? Но это слияние не может быть долгим; стремиться продлить его бессмысленно. Мозг народа — это морская пучина, населенная чудищами и всякими ужасами.

К а м и л л. Вот оно, великое слово! Мы надуваем щеки, прежде чем выговорить слово «народ», и мы произносим его с комическою важностью, чтобы заставить Европу

поверить в некую таинственную силу, орудиями которой мы являемся. Знаю я этот народ — он для меня поработал. Осел в басне говорит: «Я два вьюка не потащу» — и не догадывался, что мог бы не тащить ни одного. Мы немало потрудились, чтобы заставить людей совершить Революцию, — они совершили ее скрепя сердце. Инженерами и механиками этого прекрасного движения были мы; — без нас они бы и не пошевелились. Они не стремились к Республике — это я повел их к ней. Я внушил им, что они хотят быть свободными, — внушил для того, чтобы они полюбили Свободу как дело своих рук. Так испокон веков управляют слабыми. Убедишь их, что они хотят чего-то такого, о чем они и не помышляли, и вот они уже, как львы, бросаются в бой.

Э р о. Осторожней, Камилл: ты — дитя, ты играешь с огнем. Ты воображаешь, что народ пошел за тобой потому, что вы стремились к единой цели. Сейчас уже он ушел от тебя далеко вперед. Не пытайся остановить его: у пса не вырывают кости, когда он ее гложет.

К а м и л л. Надо ему бросить другую. Да что, в самом деле, разве народ не прислушивается к моему «Старому кордельеру»? Разве его голос не доходит до самых дальних уголков страны?

Л ю с и л ь. Если б вы знали, какой успех имел последний номер! Камиллу пишут отовсюду письма, — слезы, поцелуи, объяснения в любви... Будь я ревнива... Его умоляют писать еще, умоляют спасти отечество.

Э р о. А многие ли из этих его друзей помогут ему, когда на него нападут?

К а м и л л. Я не нуждаюсь ни в ком. Ко мне, моя чернильница! Праща Давида (*показывает на перо*) уже сокрушила крикуна, поминутно оравшего: «На гильотину! На гильотину!» — короля буянов и головорезов. Это я разбил трубку папаша Дюшена, эту знаменитую трубку, которой, подобно трубе иерихонской, достаточно было выпустить три клуба дыма вокруг чьей-нибудь репутации, как эта репутация рушилась сама собой! Не откуда-нибудь, а отсюда вылетел камень, поразивший в лоб Голиафа, наглого труса. Я направил на него толпу. Ты видел рядом с телегой жаровни Папаша Дюшена? Эту мысль подал я. Моя затея имела бешеный успех. Что ты на меня так смотришь?

Э р о. Мелькнула мысль.

К а м и л л. Какая?

Э р о. Ты когда-нибудь думал о смерти?

К а м и л л. О смерти? Нет, нет, я этого не люблю. Фу, это дурно пахнет!

Э р о. Ты никогда не думал о том, как тяжело умирать?

Л ю с и л ь. Какой ужас! Нашли о чем говорить!

Э р о. Ты добрый, милый, прелестный ребенок, и вместе с тем ты жесток, жесток, тоже как ребенок.

К а м и л л (*взволнован*). Ты в самом деле думаешь, что я жесток?

Л ю с и л ь. Вот у него уже и слезы на глазах!

К а м и л л (*взволнован*). Ты прав: этот человек страдал. Предсмертный холодный пот, сердце сжимается от страха в ожидании конца... это должно быть мучительно! Как бы ни был он ничтожен, страдал он не меньше любого честного человека, а может быть, даже больше. Несчастный Эбер!

Л ю с и л ь (*обвивая руками шею Камилла*). Бедный мой Буль-Буль! Стоит ли горевать о негодяе, который хотел отрубить тебе голову?

К а м и л л (*запальчиво*). А зачем ко мне тогда приставать с такой мерзостью? Si quis atra dente me petiverit, inultus ut flebo puer!¹

Л ю с и л ь (*к Эро*). А вы еще осмеливаетесь утверждать, что мой Камилл жесток!

Э р о. Разумеется, осмеливаюсь. Ох уж этот мне милый мальчик! Из всех нас он, пожалуй, самый жестокий.

К а м и л л. Не говори так, Эро, в конце концов я тебе поверю.

Л ю с и л ь (*к Эро, грозя ему пальцем*). Скажите, что это неправда, а то я вам глаза выцарапаю.

Э р о. Ну, хорошо, неправда: самый жестокий человек — это вы.

Л ю с и л ь. Ну, что ж! Ничего не имею против.

К а м и л л. Твои слова, Эро, меня очень расстроили. Это верно, я причинял людям много страданий, и все же я человек не злой. После моих прокурорских речей кого-нибудь непременно вздергивали на фонарь. Меня подстрекает какое-то бесовское мальчишество. Из-за меня жирондисты гниют в полях, которые поливает этот ледяной дождь. Из-за моего «Разоблаченного Бриссо» срубили головы тридцати юношам, прекрасным, благородным. Они любили жизнь так же, как я, они появились на свет ради того, чтобы жить, чтобы наслаждаться счастьем так же, как я.

¹ Если кто вонзит в меня острый свой зуб, я заплачу, как беспомощный мальчик (*латин.*).

У каждого из них была своя ласковая, милая Люсиль. О Люсиль, бежим, бежим от этой смертоубийственной борьбы, которая может обернуться и против нас! Что, если и нас тоже — тебя, нашего маленького Горация?.. Ах, как бы я хотел снова стать никому не известным человеком! Где то убежище, то подземелье, в котором я со своей женой, ребенком и книгами мог бы укрыться от посторонних взоров? O ubi sampi...¹

Ф и л и п п о. Ты попал в самый водоворот, тебе уже не выбраться.

Э р о. Нет, отпусти Камилла, эта война не для него.

Ф и л и п п о. Он сам только что сказал: нужно исполнять свой долг.

Э р о (*указывая на Камилла, который прижался к Люсиль.*) Посмотри, не кажется ли тебе, что долг нашего Камилла в том и состоит, чтобы быть счастливым?

К а м и л л. Это правда, у меня какое-то особое призвание к счастью. Есть люди, созданные для того, чтобы страдать. Мне страдания отвратительны, не хочу я их!

Л ю с и л ь. А я не помешала твоему призванию?

К а м и л л. Веста моя, волчонок мой милый, моя маленькая ларидон²... Ты очень виновата передо мной! Благодаря тебе я слишком счастлив.

Л ю с и л ь. Негодник! Он еще жалуется!

К а м и л л. Понимаешь, из-за этого я утратил всякую волю, всякую веру.

Л ю с и л ь. Каким же образом?

К а м и л л. Прежде я верил в бессмертие души. При виде человеческого горя я говорил себе: мир был бы устроен слишком нелепо, если бы добродетель не вознаграждалась где-то еще. Но теперь я счастлив, счастлив вполне, — вот я и боюсь, что уж получил свою награду на земле. И мой довод в пользу бессмертия не представляется мне больше убедительным.

Э р о. Постарайся обойтись без него.

К а м и л л. Как это просто — быть счастливым! И как мало людей владеет этим искусством!

Э р о. Самое простое дается труднее всего. Считается, что люди хотят быть счастливыми. Какое заблуждение! Они хотят быть несчастными, они этого добиваются во что бы то ни стало. Фараоны и Сезострисы, цари с головами

¹ О, где поля... (*Вергилий*. Георгики, II, 486).

² Игра слов: *Ларидон* — имя собачки из басни Лафонтена и в то же время девичья фамилия Люсиль.

как у коршуна и когтями как у тигра, костры инквизиции, каменные мешки Бастилии, опустошительные и истребительные войны, — вот что им по душе. Чтобы внушить им доверие, нужно окутать себя мраком таинственности. Чтобы внушить им любовь, нужно прибегнуть к бессмысленности страданий. Но разум, терпимость, взаимная любовь, счастье... нет, нет это все для них оскорбительно!

К а м и л л. Ты желчен. Надо делать людям добро даже наперекор им самим.

Э р о. Нынче все этим занимаются — со средним успехом.

К а м и л л. Бедная Республика! Что они с тобой сделали? О цветущие деревни, обновленные поля, где воздух стал легче, а дали — прозрачнее, с тех пор как светлый разум своим свежим дыханием согнал с неба Франции пагубные суеверия вместе со старыми готическими святыми!.. Хороводы молодежи, кружащиеся на лужайках, героическое войско — братские сердца, стальная стена, о которую ломаются копья Европы!.. Наслаждение красотой, наслаждение гармоничностью форм, беседы в Портике, благородные Панафинеи, где проходят вереницы девушек с белыми руками, облаченные в легкие одежды!.. Свободная жизнь, радость, торжествующая над всем, что есть безобразного, лживого, мрачного! Республика Аспазии и прекрасного Алкивиада, что с тобой стало? Красный колпак, грязная рубаха, хриплый голос, навязчивые идеи маньяка, указка педанта из Арраса!

Э р о. Ты афинянин среди варваров. Овидий среди скифов. Ты их не переделаешь.

К а м и л л. Во всяком случае, попытаюсь.

Э р о. Только потеряешь время, а может быть, и жизнь.

К а м и л л. Чего мне бояться?

Э р о. Берегись Робеспьера.

К а м и л л. Я знаю его с детства — друг имеет право говорить все.

Э р о. Неприятная истина легче прощается врагу, чем другу.

Л ю с и л ь. Молчите! Камилл должен быть великим, он должен спасти отчизну. Кто со мной не согласен, тот не получит шоколада.

Э р о (с улыбкой). Я умолкаю.

Л ю с и л ь уходит.

Ф и л и п п о. Итак, Демулен, ты решил действовать?

К а м и л л. Да.

Ф и л и п п о. В таком случае никаких передышек! Преследуй врагов неустанно, пронзай их пером. Ты считаешь мелкие стычки, а ведь это самое опасное. Ты ограничиваешься тем, что осыпаешь врагов ядовитыми стрелами, — это их еще больше ожесточает. Лучше целясь прямо в сердце — покончим с ними разом!

Э р о. Друзья мои, я не одобряю вашего замысла, но если уж вы решились, то по крайней мере надо позаботиться о том, чтобы у вас были шансы на выигрыш. Так вот, чтобы начать войну, еще недостаточно (да простит мне Камилл), еще недостаточно пера Демулена. Народ ничего не читает. Успех «Старого кордельера» ввел вас в заблуждение: до толпы он не доходит, у него совсем особый читатель. Ты, Камилл, это прекрасно знаешь: ты сам недавно жаловался, что на один из его номеров издатель повысил цену до двадцати су. Покупают его такие же, как мы, аристократы. Народ судит обо всем со слов клубных ораторов, а они не за тебя. Сколько бы ты ни распинался и ни украшал свой слог площадной бранью, народ никогда не будет считать тебя своим. Есть только один способ воздействовать на толпу — это бросить в нее Дантоном. Только его грома способны расшевелить весь этот косный людской хаос. Дантону стоит тряхнуть своей гривой — и поднимется Форум. Но Дантон устранился, почил от дел; он покинул Париж, он уже больше не выступает с речами в Конвенте. С ним творится что-то непонятное. Кто-нибудь виделся с ним за последние дни? Где он? Что он делает?

Входят Дантон и Вестерман.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Дантон, Вестерман.

Д а н т о н. Дантон кутит, Дантон ласкает девочек. Дантон, как Геркулес, отдыхает от своих подвигов за новыми подвигами!

Демулен идет навстречу Дантону и со смехом пожимает ему руку. Вестерман с озабоченным видом стоит в стороне.

К а м и л л. Геркулес никогда не расстается со своей палицей — ему предстоит убить столько чудовищ!

Д а н т о н. Не говори со мной об убийстве! Это слово вну-

шает мне отвращение. Франция дымится от крови, земля пахнет освеженным мясом, как на бойне. Сейчас я переходил через Сену; солнце садилось; Сена была багровая; казалось, она катит волны человеческой крови. Если и реки наши будут осквернены, то чем же мы их очистим, чем отмоем наши руки? Довольно смертей! Оплодотворим Республику! Пусть новые всходы и новые люди вырастут на почве обновленной отчизны! Будем любить женщин и возделывать наши поля!

К а м и л л. Пусть некий бог пошлет нам на это досуг!

Мы же сейчас рассчитываем на тебя, Дантон.

Д а н т о н. Что вы от меня хотите, дети мои?

Ф и л и п п о. Чтобы ты помог нам в борьбе!

Д а н т о н. Зачем я вам нужен? Почему все должен делать я? Вечно одна и та же песня! Вот, например, Вестерман. Уж кажется, человек настоящий! Был на войне; несколько раз спасал отечество; для возбуждения аппетита, прежде чем сесть за стол, всякий раз перерезает кому-нибудь горло. Видите ли, и ему я должен помочь! Прикажете сесть вместо него на коня и взяться за саблю?

В е с т е р м а н. Когда нужно будет драться, я никому не уступлю своего места. Выведи меня в поле, вели стереть с лица земли целое войско, и ты увидишь, как я с этим справлюсь. Но разглагольствовать, отвечать в Конvente этим болтунам, раскрывать грязные делишки комитетской сволочи, которая спит и видит меня погубить, — этого я не умею. В нашем городе я чувствую себя совершенно беспомощным: они целой сворой набрасываются на меня сзади, а я не смею шевельнуться, я должен терпеть все и ничего не имею права предпринять для самозащиты. Неужели вы отдадите меня на растерзание и не заступитесь? Черт бы вас всех побрал! Ведь я же за вас сражался, у нас общие враги. Мое дело — это и ваше дело: твое, Дантон, твое, Филиппо, и ты это прекрасно знаешь!

Ф и л и п п о. Знаю, Вестерман: якобинцы подняли на тебя бешеный лай за то, что ты, как и я, обличал Росиньоля, Ронсена и всех этих мерзавцев, позорящих армию. Мы тебя не покинем.

К а м и л л (Дантону). Надо действовать. Я предоставляю в твое распоряжение свое перо. Вестерман — свою саблю. Веди нас в бой, Дантон. Ты человек закаленный, ты знаешь, как нужно обращаться с толпой, ты изучил стратегию революций — становись же впереди: нам предстоит еще одно десятое августа.

Дантон. Не сейчас.

Филиппо. Ты сходишь со сцены, тебя начинают забывать. Объявись! Ты по целым неделям сидишь в провинции, — что ты там делаешь?

Дантон. Обнимаю родную землю и, как Антей, черпаю новую силу.

Филиппо. Ты ищешь предлога, чтобы выйти из боя.

Дантон. Я не умею лгать. Ты прав.

Камилл. Что с тобой?

Дантон. Я пресыщен людьми. Меня от них тошнит.

Эро. Для женщин ты, по-видимому, делаешь исключение.

Дантон. Женщины по крайней мере имеют смелость быть тем, что они представляют собой на самом деле, что представляем собою мы все: животными. Они идут прямой дорогой к наслаждению и не лгут при этом самим себе, не прикрывают своих инстинктов плащом разума. А я ненавижу лицемерие всех этих умников, кровожадный идиотизм этих идеалистов, этих диктаторов, которые, сами будучи импотентами, называют развратом откровенность в удовлетворении законных потребностей и притворяются, будто отрицают природу, для того чтобы под флагом добродетели утолять свою чудовищную гордыню и страсть к разрушению. О, быть дикарем, добрым и откровенным дикарем, который готов любить всех, только бы ему оставили место под солнцем!

Камилл. Да, всех нас точит ржа лицемерия.

Дантон. Самого мерзкого лицемерия. Лицемерия с ножом за пазухой. Лицемерия добродетельной гильотины.

Филиппо. Мы снесли голову Капету, как видно, для того, чтобы Тальен, Фуше и Колло д'Эрбуа возродили в Бордо и Лионе времена драгонад!¹

Камилл. Эти маньяки создали новую религию, светскую и общеобязательную, позволяющую проконсулам вешать, резать, жечь во славу добродетели.

Дантон. Для государства нет ничего опаснее этих людей принципа. Им не важно, делают они добро или зло, им важно всегда быть правыми. Страдания их не трогают. У них одна мораль, одна политика — навязывать свои идеи другим.

Эро (*язвительным тоном декламирует*).

«Муж честный лишь тогда блаженства миг вкушает,
Когда он у других восторги исторгает...»

¹ Драгонады — жестокие притеснения, которым по распоряжению Людовика XIV королевские солдаты (драгуны) подвергали протестантов.

- Лю с и л ь (*входит; уловив последние слова, машинально продолжает дальше*).
- «Сим качеством монах отнюдь не отличался, Вскочивши на седло, он тут же и помчался, — Пришпоривает знай святой отец лошадку, Не думая о том, что — горько ей иль сладко»¹.
- Э р о. Дьявольщина! Оказывается, вы еще помните то, что учили в школе.
- Лю с и л ь. А что же тут особенного? «Девственницу» помнят все.
- Д а н т о н. Твоя правда, детка. Это молитвенник порядочных женщин.
- Э р о. Вы когда-нибудь читали его Робеспьеру?
- Лю с и л ь. Я бы не постеснялась.
- К а м и л л. Знаете, что бывает с Робеспьером, когда кто-нибудь позволяет при нем нескромную шутку? Кожа у него на лбу собирается в крупные складки, ползет кверху, он ломает себе руки и гримасничает, как мартышка, у которой болят зубы.
- Э р о. Весь в отца. Ненависть к Вольтеру перешла к нему от Руссо.
- Лю с и л ь (*простодушно*). Как? Разве он сын Руссо?
- Э р о (*насмешливо*). А вы и не знали?
- Д а н т о н. Все это одно иезуитство! Он порочнее других. Если человек скрывает, что он любит наслаждение, значит, это человек безнравственный.
- Ф и л и п п о. Возможно. Но если Робеспьер действительно любит наслаждения, то он ловко это скрывает. И он прав, Дантон. А ты действуешь слишком открыто. За одну веселую ночь в Пале-Рояле ты готов поставить на карту все, в чем ты преуспел.
- Д а н т о н. Всякому преуспеянию я предпочитаю успех у женщин.
- Ф и л и п п о. Этим ты и губишь свое доброе имя. Общественное мнение следит за каждым твоим шагом. Что скажут потомки, когда станет известно, что Дантон накануне решительной битвы за судьбу государства думал только о наслаждениях?
- Д а н т о н. Общественное мнение — это потаскушка, доброе имя не стоит плевка, потомство — зловонная свалка.
- Ф и л и п п о. А добродетель, Дантон?
- Д а н т о н. Поди спроси у моей жены, довольна ли она моей добродетелью.

¹ Вольтер. Орлеанская девственница, песнь X.

Ф и л и п п о. Ты сам не знаешь, что говоришь. Тебе просто нравится клеветать на себя, ты играешь на руку своим врагам.

В е с т е р м а н (*долго сдерживался и теперь наконец прорывается*). Все вы болтуны и хвастливые краснобаи. Одни похваляются своими добродетелями, другие — пороками. Вы только и умеете разглагольствовать. Ваш город — гнездо адвокатов и прокуроров. Враг угрожает нам. Дантон, ты идешь на приступ? Да или нет?

Д а н т о н. Оставьте меня! Ради спасения Республики я пожертвовал своей жизнью и душевным покоем, а она не стоит того, чтобы я посвятил ей хотя бы час. Довольно! Дантон купил себе право пожить наконец для себя.

К а м и л л. Дантон не купил себе права быть Сийесом.

Д а н т о н. Что я вам, кривоглазая лошадь, обреченная вертеть жернов, пока не сдохнет?

К а м и л л. Ты вступил на путь, где что ни шаг, то бездна. Отступать теперь уже некуда. Можно идти только вперед. Враг гонится за тобой по пятам, вот он, ты чувствуешь на себе его дыхание. Если остановишься, он сбросит тебя в бездну. Он уже замахнулся и рассчитывает удар.

Д а н т о н. Я только обернусь и покажу им мою морду, и это их сразу и наповал.

В е с т е р м а н. Ну, так обернись. Чего ж ты ждешь?

Д а н т о н. Не сейчас.

Ф и л и п п о. Твои враги возбуждены. Билло-Варенн брызгает на тебя бешеной слюной. Вадье издевается и прочит тебе скорую гибель. В Париже прошел даже слух, что ты арестован.

Д а н т о н (*пожимая плечами*). Вздор! Не посмеют.

Ф и л и п п о. Знаешь, что сказал Вадье? Мне не хотелось повторять его мерзости. Вадье сказал про тебя: «Скоро мы этому быку выпустим внутренности».

Д а н т о н (*громовым голосом*). Так сказал Вадье? Ну, так передай, передай этому мерзавцу, что я ему раскрою череп, что я ему выгрызу мозг! Когда моя жизнь будет в опасности, я стану свирепее каннибала! (*На губах у него пена.*)

В е с т е р м а н. Наконец-то!.. Идем!

Д а н т о н. Куда?

В е с т е р м а н. Выступать в клубах, поднимать народ, сбрасывать комитеты, кончать с Робеспьером.

Д а н т о н. Нет.

Ф и л и п п о. Почему?

Д а н т о н. Не сейчас. Сейчас не хочу.

К а м и л л. Ты губишь себя, Дантон.

В е с т е р м а н. Я из себя вон выхожу — все действия честнейших людей Парижа сковывает нерешительность. Видно, здесь в самом воздухе разлита какая-то дьявольская отравка, если даже такие люди, как вы, зная, что им грозит эшафот, сидят сложа руки, чего-то ждут и все еще колеблются, давать противнику бой или бежать. Я больше не могу. Я уйду от вас. Я буду действовать один. Я пойду к Робеспьеру, которого вы все так боитесь (да, вы его боитесь, хотя и посмеиваетесь над ним: ваш страх и составляет силу этого проходимца). Я скажу ему правду в глаза. Первый раз в жизни он увидит перед собой человека, который ему не поддастся... Я сокрушу этот идол! *(Уходит в гневе.)*

Ф и л и п п о. Я с тобой, Вестерман.

Д а н т о н *(хладнокровно, с оттенком презрения)*. Ничего он не сокрушит. Робеспьер взглянет на него — вот так, и кончено. Бедный малый!

Ф и л и п п о. Дантон! Дантон! Где ты? Где атлет Революции?

Д а н т о н. Вы трусы. Бояться нечего.

Ф и л и п п о. Quos vult perdere...¹ *(Уходит.)*

Эро встает, берет шляпу и направляется к выходу.

К а м и л л. И ты уходишь, Эро?

Э р о. Камилл, ты не создан для борьбы, как ее понимает Вестерман, я в этом уверен. Но в таком случае устранись окончательно. Пусть о тебе забудут. Для чего эти разговоры?

К а м и л л. Этого требует моя совесть.

Э р о *(чуть заметно пожимает плечами и целует руку Люсилы)*. Прощайте, Люсиль.

Л ю с и л ь. До свиданья.

Э р о *(с улыбкой)*. А может быть, прощайте?

К а м и л л. Куда ты?

Э р о. Пойду на улицу Сент-Оноре.

Д а н т о н. Тоже с визитом к Робеспьеру?

Э р о. Нет, это моя обычная прогулка: смотрю, как проезжают телеги с осужденными.

К а м и л л. Я думал, это зрелище тебе неприятно.

Э р о. Я учусь умирать.

Уходит. Люсиль провожает его.

¹ Кого хочет погубить *(латин.)*. Имеется в виду изречение: «Кого Юпитер хочет погубить, того лишает разума».

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дантон, Камилл.

Дантон (*смотрит вслед Эро*). Бедняга! Он не в себе, упрекает меня в бездеятельности. Ты, Камилл, тоже меня осуждаешь, я вижу по глазам. Ну, что ж, мой милый, не стесняйся. Ты считаешь меня подлецом? Ты склонен думать, что Дантон ради чувственных наслаждений готов пожертвовать и друзьями и славой?

Камилл. Дантон, почему ты медлишь?

Дантон. Дети мои, Дантон не кроен по мерке прочих людей. В этой груди пылают вулканические страсти, но они делают со мной не больше того, что я им позволяю. Сердце у меня жадное, мои чувства рычат, как львы, но укротитель сидит вот тут. (*Показывает на голову.*)

Камилл. Каков же твой замысел?

Дантон. Убереечь отчизну. Любой ценой избавить ее от братоубийственных наших раздоров. Знаешь, отчего гибнет Республика? От недостатка обыкновенных людей. Слишком много умов занято государственными делами. Иметь Мирабо, Бриссо, Верньо, Марата... Дантона... Демулена, Робеспьера — это слишком большая роскошь для одной нации. Кто-нибудь один из этих гениев мог бы привести Свободу к победе. Когда они все вместе, они пожирают друг друга, а Франция вся в крови от их междоусобиц. Я сам принимал в них слишком деятельное участие, хотя, впрочем, совесть моя спокойна: я не начал схватки ни с одним французом, если меня к тому не вынуждала необходимость самозащиты, даже в пылу сражения я делал все для того, чтобы спасти моих поверженных врагов. И теперь я не стану из личных интересов затевать борьбу с самым крупным деятелем Республики... после меня. Лес поредел вокруг нас, я боюсь обезлюдить Республику. Я знаю Робеспьера: я видел, как он поднимался, как он входил в силу благодаря своему упорству, трудолюбию, преданности своим идеям; одновременно росло и его тщеславие, подчиняя себе Национальное собрание, давя на Францию. Только один человек все еще стоит ему поперек дороги: моя известность не меньше его известности, и его болезненное честолюбие от этого страдает. Должен отдать ему справедливость: несколько раз он пытался заглушить в себе завистливые побуждения. Но неотвратимый ход событий, чувство зависти, которое в нем сильнее рассудка, мои заклятые враги, которые натравливают его на меня, —

все это ведет нас обоих к столкновению. Каков бы ни был его исход, Республику это потрясет до основания. Так вот, я первый покажу пример самопожертвования. Пусть его честолюбие больше не боится моей славы! Я долго пил этот терпкий напиток, и у меня от него горечь во рту. Пусть Робеспьер, если хочет, допивает чашу! Я удаляюсь под сень моей палатки. Я еще менее злопамятен, чем Ахилл, — я буду терпеливо ждать, когда Робеспьер протянет мне руку.

К а м и л л. Если один из вас непременно должен пожертвовать собою, то почему именно ты, а не он?

Д а н т о н *(пожимая плечами)*. Потому что только я на это способен... *(после небольшого молчания)* и потому что я сильнее его.

К а м и л л. А все-таки ты ненавидишь Робеспьера.

Д а н т о н. Ненависть чужда моей душе. Я человек не желчный, и не потому, чтоб я был добродетелен (я не знаю, что такое добродетель), — такой уж у меня темперамент.

К а м и л л. А ты не боишься предоставить поле действия врагу?

Д а н т о н. Пустое! Я знаю его как свои пять пальцев: он способен довести пьесу до четвертого действия, но развязка ему роковым образом не дается.

К а м и л л. А до тех пор сколько он причинит зла! Твоя мощь — это единственный противовес режиму насилия и фанатического террора. А как же ты поступишь со своими друзьями? Бросишь на произвол судьбы?

Д а н т о н. Я им же окажу услугу, если на некоторое время сложу свои полномочия. Сейчас на них вымещают тот страх, который я внушаю своим врагам. Как только зависть перестанет мучить Робеспьера, он меня послушается. Когда же я буду представлять не одну какую-нибудь партию, а все человечество, руки у меня будут развязаны. С людьми нужно обращаться, как с детьми, и уступать им игрушку, к которой они тянутся от жадности, — уступать для того, чтобы из-за глупого упрямства они не натворили бед себе и нам.

К а м и л л. Ты слишком великодушен. Никто не поймет такой самоотверженности. Робеспьер не поверит, что ты устранишься по доброй воле; его подозрительный ум станет в этом искать — и отыщет — макиавеллиевы козни. Смотри, как твои враги не воспользовались твоим отречением, чтобы нанести тебе удар.

Д а н т о н. Дантон не отрекается — он временно выходит из

боя, но он всегда готов вернуться. Будь спокоен: я один сильнее их всех. Такие люди, как я, не боятся забвения: когда они умолкают хотя бы на миг, в мире тотчас же образуется страшная пустота, и никто не в силах ее заполнить. Тем, что я устраниюсь, я лишь способствую своей популярности. Вместо того чтобы бороться с ахейцами за власть, я предоставляю ей самой раздавить их слабые плечи.

К а м и л л. Прежде всего они употребят свою власть, чтобы покончить с тобой. Вадье спустит на тебя всю свою свору.

Д а н т о н. Я их всех расшвыряю! Я привык биться с чудищами. В детстве я любил дразнить быков. Мой приплюснутый нос, рассеченная губа, вся моя рожа — вот память об их окровавленных рогах. Как-то раз в поле я с громким криком бросился на полудиких кабанов, и они мне пропороли живот. Так мне ли бояться всяких Вадье? Притом они слишком трусливы.

К а м и л л. А если все же осмелятся? Чтобы придать себе храбрости, они вызвали из армии Сен-Жюста, — говорят, они только его и ждут.

Д а н т о н. Ну, что ж, если они меня доведут до крайности, вся ответственность ляжет на них! Я человек толстокожий, обиды сношу легко. Но когда я на них брошусь, я не успокоюсь до тех пор, пока не перебью всех до одного. Жалкие людишки! Я проглочу их сразу!..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Робеспьер, Люсиль.

Люсиль (поспешно вбегает и бросается к Камиллу; испуганно). Робеспьер!..

Входит Робеспьер, холодный, невозмутимый, и без единого жеста окидывает всех быстрым и зорким взглядом.

Камилл (с несколько насмешливым видом спешит ему навстречу). А, дорогой Максимилиан, ты как раз кстати! Хотя тебя и не было с нами, ты целый час держал в своих руках нить нашего разговора.

Дантон (в смущении). Здравствуй, Робеспьер.

Дантон не решается протянуть ему руку — он ждет, чтобы его соперник сделал первый шаг. Робеспьер ему не отвечает; он холодно пожимает руку Люсиль и Камиллу, кивает Дантону и садится. Камилл и Дантон стоят. Люсиль все время в движении.

Л ю с и л ь. Как это мило с твоей стороны, что, несмотря на свою занятость, ты выбрал время к нам заглянуть! Сядь поближе к огню. На улице туман — сырость до костей пробирает. Как поживают твои дорогие хозяева — гражданка Дюпле и моя приятельница Элеонора?

Р о б е с п ь е р. Благодарю, Люсиль. Камилл, мне нужно с тобой поговорить.

Л ю с и л ь. Ты хочешь, чтобы я ушла?

Р о б е с п ь е р. Нет, не ты.

К а м и л л (*останавливает Дантона, который собирается удалиться*). Дантон — наш единомышленник во всем.

Р о б е с п ь е р. Так говорит молва. Я не хотел этому верить.

Д а н т о н. Разве тебе это неприятно?

Р о б е с п ь е р. Может быть, и неприятно.

Д а н т о н. Ничего не поделаешь. Есть вещи, которых ты не можешь изменить: Дантона любят.

Р о б е с п ь е р (*презрительно*). Самое слово «любовь» звучит пошло, и в жизни она встречается редко.

Д а н т о н (*злобно*). Говорят, есть люди, которые совсем не знают любви.

Р о б е с п ь е р (*после небольшого молчания, ледяным тоном, нервно потирая руки*). Я пришел сюда не для разговоров о распутстве Дантона... Камилл, ты упорно, несмотря на мои предостережения, следуешь по тому пути, на который тебя толкнули дурные советчики и твое собственное легкомыслие. Твой вредоносный памфлет всюду во Франции сеет раздоры. Ты расточаешь свое остроумие на то, чтобы подрывать доверие к людям, которые необходимы Республике. Всякого рода реакционеры в борьбе против Свободы прибегают к помощи твоих сарказмов. Я долго укрощал ту ненависть, которую ты возбуждаешь к себе, я дважды тебя спасал, но я не стану спасать тебя вечно. Государство возмущено заговорами мятежников — я не могу идти против государства.

К а м и л л (*уязвленный, язвительным тоном*). Обо мне, пожалуйста, не беспокойся. Твое участие, Максимилиан, меня трогает, но я не нуждаюсь ни в ком: я сумею защитить себя сам, меня не нужно водить на помочах.

Р о б е с п ь е р. Не спорь, гордец. Только твое легкомыслие может служить тебе оправданием.

К а м и л л. Да я и не собираюсь оправдываться. Мои заслуги перед родиной велики. Я защищаю Республику от республиканцев. Я говорил открыто, я говорил правду. Раз не всякую правду можно высказывать, значит, Республики больше нет. Девиз Республики — это ветер, бушующий

над морем: Tollunt, set attolunt! Ветер волнует море, но он же его и вздымает!

Р о б е с п ь е р. Республики еще нет, Демулен. Мы ее создаем. С помощью Свободы свободного строя установить нельзя. Подобно Риму в годину испытаний, наше государство перед лицом опасности подчинилось диктатуре, для того чтобы преодолеть все препятствия и победить. Смешно было бы думать, что, в то время как Европа вместе с нашими внутренними врагами грозитя не оставить от Республики камня на камне, мы вправе все говорить, все делать и своими словами и действиями играть на руку неприятелю.

К а м и л л. Чем же я играю ему на руку? Я защищал прекраснейшие идеи: братство, святое равенство, мягкость республиканских законов, *res sacra miser*¹, то уважение к страданиям, которым проникнута наша прекрасная конституция. Я учил любить Свободу. Я стремился к тому, чтобы перед взором народов засверкал лучезарный образ счастья.

Р о б е с п ь е р. Счастье! Этим злополучным словом вы и привлекаете к себе всех эгоистов и сластолюбцев. Кто не хочет счастья? Но мы предлагаем людям счастье не Персеполиса, а Спарты. Счастье — это добродетель. А вы, вы злоупотребляете этим священным словом, чтобы возбудить в сердцах негодяев желание того преступного благоденствия, которое состоит в забвении других людей и в наслаждении излишествами. Постыдная мысль! Из-за нее пламя Революции могло бы потухнуть. Пусть Франция научится страдать, пусть находит радость в страданиях ради Свободы, пусть жертвует своим благополучием, покоем, привязанностями ради счастья всего мира!

К а м и л л (*учтиво-насмешливым тоном, который внезапно к концу тирады становится колким и резким*). Пока ты говорил, Максимилиан, мне пришло на память нечто во вкусе Платона. «Когда я слышу, — сказал бы доблестный полководец Лаксес, — когда я слышу, как человек славит добродетель, и человек этот представляет собой истинного санкюлота, достойного тех речей, которые он произносит, я испытываю неизъяснимое наслаждение. Мне тогда кажется, что это единственный музыкант, достигающий совершенной гармонии, ибо все свои поступки он приводит в согласие со своими словами — и не по якобинской или женевской моде, а на французский лад, который один

¹ Я, несчастный, защищал святое дело (*латин.*).

только и заслуживает названия республиканской гармонии. Когда со мной говорит такой человек, я вне себя от радости, я похож на тех безумцев, что пьянеют от красноречия, — так жадно я впиваю в себя каждое его слово. Но кто славит добродетель, а в жизнь ее не претворяет, тот причиняет мне горькую обиду, и чем он кажется красноречивее, тем большее отвращение внушает мне его музыка». (В конце монолога Демулен поворачивается к Робеспьеру спиной.)

Робеспьер, не произнося в ответ ни единого слова и не сделав ни единого жеста, встает, с тем чтобы уйти. Люсиль, встревоженная направлением, какое принял разговор, и не спускавшая глаз с Робеспьера, берет его за руку и пробует заговорить с ним шутливо.

Люсиль (указывая на Камилла). В этом противном мальчишке сидит дух противоречия. Ты не можешь себе представить, как он иногда меня злит! Милый Максимилиан, вы оба ничуть не изменились. Спорите, как, бывало, в школе, в Аррасе.

От Робеспьера по-прежнему веет холодом; он ничего ей не отвечает и собирается уходить.

Дантон (с самым приветливым видом подходит к Робеспьеру и уже совершенно иным тоном). Робеспьер, мы все трое не правы. Дадим друг другу слово быть отныне послушными одному только разуму и для блага родины позабудем взаимные наши обиды. Я первый подхожу к тебе и протягиваю руку. Прости мне мою минутную вспышку.

Робеспьер. Дантон воображает, что одним словом может загладить нанесенные им оскорбления. Обидчику нетрудно позабыть обиды, которые причинил он.

Дантон. Я, по-видимому, ошибочно приписываю моим противникам свойственное мне великодушие. Но благо Республики для меня важнее всего: она нуждается и в моей энергии и в твоих добродетелях. Если тебе противна моя энергия, то мне отвратительны твои добродетели: мы квиты. Сделай, как я: зажми себе нос, и мы вместе спасем отечество.

Робеспьер. Я не думаю, что есть люди, без которых отечество не могло бы обойтись.

Дантон. Так рассуждают все завистники. Прикрываясь этими красивыми фразами, они выхолащивают все, что составляет силу Нации.

Робеспьер. Сила, не внушающая доверия, это уже не сила!

Дантон. Ты мне не доверяешь? Ты придаешь значение сплетням, которые ходят обо мне, бреду Билло-Варенна? Посмотри на меня. Похож я на лицемера? Ненавидьте меня, но не подозревайте!

Робеспьер. О человеке судят по его делам.

Дантон. Какие же такие за мной дела?

Робеспьер. Ты равно благожелателен ко всем партиям.

Дантон. Все несчастные вызывают во мне страдание.

Робеспьер. Кто хвастается, что ни к кому не испытывает ненависти, и в самом деле не испытывает ее к врагам Республики, тот подрывает мощь Республики. Жалость к палачам становится жестокостью по отношению к жертвам. Из-за этой снисходительности нам пришлось сравнять с землей целые города — один день снисходительности обойдется нам в тридцать лет гражданской войны.

Дантон. Ты всюду видишь преступления — это безумие! Если ты болен, так лечись сам, но не заставляй здоровых людей принимать лекарство. Республика сама себя губит. Еще есть время прекратить этот бессмысленный, дикий террор, истощающий Францию. Но если ты будешь медлить, если ты не присоединишься к нам, то сам потом не справишься с его разрушительной силой. Ты пытаешься, но будет уже поздно: огонь террора сожжет тебя вместе с другими, он сожжет тебя прежде других. Несчастный, неужели ты не понимаешь, что в тот день, когда не станет Дантона, следующий удар обрушится на тебя? Ведь это я до поры до времени защищаю тебя от пожара.

Робеспьер (*отстраняется от Дантона; холодно*). Ну и пусть он меня сожжет!

Камилл (*тихо Дантону*). Ты увлекся, Дантон, ты задел его самолюбие.

Дантон. Во имя отечества, Робеспьер, во имя того отечества, которое мы с тобой одинаково горячо любим и ради которого мы отдали все, даруем полную амнистию всем друзьям и недругам, лишь бы они любили Францию! Да смоем эта любовь все подозрения и все ошибки! Где нет любви, там нет и добродетели. Где она есть, там нет места преступлению.

Робеспьер. Без добродетели нет и отечества!

Дантон (*настойчиво, с угрозой*). Я еще раз предлагаю тебе мир. Подумай о том, чего мне стоит сделать первый

шаг. Но я готов претерпеть любое унижение, если это ко благу Республики. Протяни мне руку, освободи Фабра, верни Вестермана в армию, защити Эро и Филиппо от тех, кто жаждет их крови!

Робеспьер. Я рожден бороться с преступниками, а не управлять ими.

Дантон (*еле сдерживаясь*). Так ты хочешь войны, Робеспьер? Подумай хорошенько.

Робеспьер (*невозмутимо поворачивается к Дантону спиной и обращается к Демулену*). Камилл, в последний раз: прекрати свои нападки на Комитет.

Камилл. Пусть не подает повода для нападков!

Робеспьер. Подчинись вместе со всеми воле Нации.

Камилл. Я тоже представитель Нации, я имею право говорить от ее имени.

Робеспьер. Ты должен быть для нее образцом законопослушания.

Камилл. Мы отлично знаем, как издаются законы. Все мы, Робеспьер, адвокаты, прокуроры, законоведы, и нам известно, что скрывается под величием закона. Я бы от души посмеялся над нашим с тобой словопрением, если бы не мысль о слезах, что льются из-за той комедии, которую мы разыгрываем. Слишком дорого мы стоим людям. Даже добродетель нельзя покупать такой ценой, не говоря уже о преступлении.

Робеспьер. Кто не в силах исполнять свою обязанность, тот не должен ее на себя принимать. А кто принял, тот должен молча идти вперед, пока не рухнет под этим бременем.

Камилл. Я готов пожертвовать собой, но не другими.

Робеспьер. Прощай. Вспомни Эро.

Камилл. Почему ты заговорил об Эро?

Робеспьер. Эро арестован.

Дантон и Камилл. Арестован? Он только что был здесь.

Робеспьер. Я знаю.

Люсиль. Но что же он сделал? В чем его преступление, Максимилиан?

Робеспьер. Его дом служил убежищем изгнаннику.

Камилл. Он не мог не исполнить свой долг.

Робеспьер. А Комитет исполнил свой.

Дантон (*вскипев*). Ты что же, негодяй, бросаешь мне вызов? Ты задумал перерезать нас всех, одного за другим? Сначала ты обламываешь могучие ветви дуба, а потом доберешься и до ствола?.. Мои корни уходят глубоко-

ко в землю, в самое сердце французского народа. Ты сможешь вырвать их только вместе с Республикой. Падая, я раздавлю вас всех, и те мерзкие крысы, которые сейчас меня грызут, погибнут первые. Вам, видно, придает смелости мое долготерпение? По мне нагло ползают паразиты... Это уж слишком! Лев взмахнет гривой... Да неужели ты не понимаешь, ничтожество, что, если б я захотел, я бы тебя раздавил, как вошь?.. Хорошо, война так война! Во мне вновь пробудился пыл минувших битв. Я слишком долго молчал, но теперь мой голос зазвучит опять и двинет Нацию на борьбу с тиранами.

К а м и л л. Мы возьмем приступом новый Тюильри. «Старый кордельер» скомандует: «В атаку!»

Робеспьер, не поведя бровью, направляется к двери. Люсиль в смертельном страхе, не в силах выговорить ни слова, на секунду уходит в соседнюю комнату, сейчас же возвращается с ребенком на руках и подносит его к Робеспьеру.

Л ю с и л ь. Максимилиан!..

Робеспьер оборачивается, бросает нерешительный взгляд на маленького Горация, затем улыбается ему, берет его на руки и садится. Поцеловав ребенка, он поднимает глаза на Люсиль и Камилла. Затем все так же молча передает ребенка Люсиль и, ни на кого не глядя, уходит. Вся эта немая сцена ведется очень строго, никто из ее участников, за исключением Люсиль, не обнаруживает никаких внешних признаков волнения.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Люсиль, Камилл, Дантон.

К а м и л л. Бедняжка Люсиль, ты обеспокоена?

Л ю с и л ь. Камилл, Камилл, как ты неосторожен!

К а м и л л. Ты же сама меня настроила.

Л ю с и л ь. Ах, я теперь раскаиваюсь!

К а м и л л. Надо говорить то, что думаешь. Да и потом...
(*Пожимает плечами.*) А, мне бояться нечего! В глубине души он меня любит, он меня всегда защитит!

Л ю с и л ь. Мне страшно.

К а м и л л. Ему еще страшней, чем нам, — голос Дантона уже оказал на него свое действие. Робеспьер принадлежит к числу людей, которые непременно должны бояться тех, кого они любят. Идем! Нам надо повидаться с друзь-

ями, сговориться с ними. Время не ждет... Пойдем, Дантон.

Дантон (*не двигаясь с места, озабоченно*). Да, да... Куда нам нужно идти?

Камилл. Пойдем к Филиппо, к Вестерману, спасем Эро.

Дантон. Завтра... завтра.

Камилл. Завтра будет поздно.

Дантон (*очень печально и очень ласково*). Люсиль!

Почитай мне что-нибудь, поиграй, утешь меня.

Люсиль. Что с тобой?

Становится сзади него и опирается на его плечо; он берет ее руку и прижимается к ней щекой.

Дантон. О Республика! Уничтожить самого себя! Уничтожить дело рук своих, уничтожить Республику! Победители или побежденные — не все ли равно? В обоих случаях — побежденные!

Камилл. В обоих случаях — победители, венчанные славой!

Дантон (*решительным движением поднимается с кресла*). Идем! И пусть грохот падения Республики ужаснет весь мир!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната Робеспьера в доме Дюпле. Одно окно. Две двери. Белые голые стены. Кровать орехового дерева с пологом из камки, по синему полю которого вытканы белые цветы. Очень скромный письменный стол. Несколько соломенных стульев. Этажерка с книгами. На подоконнике стакан с цветами. На авансцене, посредине, маленькая печка; по одну ее сторону стул, по другую — скамейка. Дверь налево ведет в комнату Дюпле. Окно выходит во двор — там работают столары. Слышно, как они забивают гвозди, строгают, пилят.
Робеспьер, один, сидит за письменным столом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Госпожа Дюпле, Робеспьер.

Госпожа Дюпле (*притворяя дверь*). Максимилиан, я тебе не помешаю?

Робеспьер (*приветливо улыбаясь*). Нет, гражданка Дюпле. (*Протягивает ей руку.*)

- Госпожа Дюпле. Вечно за работой. Эту ночь ты не спал.
- Робеспьер. Я был в Комитете.
- Госпожа Дюпле. Я слышала, когда ты пришел. В четвертом часу. Отчего ты не поспал подольше утром?
- Робеспьер. Ты знаешь, я мало сплю — я приучил мое тело слушаться меня.
- Госпожа Дюпле. Ты мне обещал по ночам не засиживаться. Ты переутомляешься, так недолго и заболеть. Что с нами тогда будет?
- Робеспьер. Бедные мои друзья, вам волей-неволей придется привыкать обходиться без меня. Я с вами не навек.
- Госпожа Дюпле. Разве ты хочешь нас покинуть?
- Робеспьер (*с искренним пафосом*). Нет, не хочу. И все же я покину вас скорее, чем вы думаете.
- Госпожа Дюпле. Я тебе это запрещаю. Я хочу уйти первая, но я не тороплюсь.
- Робеспьер (*улыбаясь*). Я был бы спокойнее, если бы знал, что мною не так дорожат.
- Госпожа Дюпле. Как же это? Ты не рад тому, что тебя любят?
- Робеспьер. Для Франции было бы лучше, если бы она поменьше думала о Робеспьере и побольше о Свободе.
- Госпожа Дюпле. Свобода и Робеспьер — это одно неразрывное целое.
- Робеспьер. Поэтому-то я за нее и беспокоюсь. Я боюсь за ее здоровье.
- Госпожа Дюпле (*подходит к окну*). Какой грохот стоит у нас во дворе! Я убеждена, что тебя раздражает стук молотка и скрежет рубанка. Двадцать раз я просила Дюпле, чтобы рабочие не приходили так рано, — ведь они тебя будят, — но он говорит, что ты запретил нарушать заведенный порядок.
- Робеспьер. Совершенно верно. Эта размеренная работа меня успокаивает. Физический труд благотворен не только для тех, кто им занимается, но и для окружающих. Мы ночи напролет не спим, вынуждены не спать, наша мысль напряжена, и вот наутро физический труд освежает спертый, губительный для нас воздух.
- Госпожа Дюпле. Какое же дело не давало тебе сегодня спать?
- Робеспьер. Не дело, а заботы.
- Госпожа Дюпле. У тебя такой встревоженный вид, как будто вот-вот разразится катастрофа.

- Робеспьер. Да, катастрофа.
- Госпожа Дюпле. А ты не можешь предотвратить ее?
- Робеспьер. Напротив, я должен ее вызвать.
- Госпожа Дюпле. Я не имею права тебя расспрашивать, но все-таки не будь сегодня таким хмурым. У нас в доме праздник: ночью приехали из армии Леба и Сен-Жюст.
- Робеспьер. Сен-Жюст приехал? Отлично. Я нуждаюсь в его твердости.
- Госпожа Дюпле. Забыла сказать: к тебе генерал приходил, генерал Вестерман. Он явился ни свет ни заря, и я его не пустила. Сказал, что придет через час. Принять его?
- Робеспьер. Не знаю.
- Госпожа Дюпле. Он долго ждал на дворе. Под дождем.
- Робеспьер. Так, так.
- Госпожа Дюпле. Какая ужасная была ночь! Я насквозь промокла.
- Робеспьер. А ты куда ходила?
- Госпожа Дюпле. На рынок. С двенадцати часов ночи стояла в очереди. Толкотня! Нельзя ни на мгновение закрыть глаза: сейчас же отнеснят. Когда отворили ворота, началась драка. Ну, да я умею за себя постоять. В конце концов удалось получить три яйца и четверть фунта масла.
- Робеспьер. Три яйца на всю семью — маловато.
- Госпожа Дюпле. Для Элеоноры, для Елизаветы и для тебя — ведь у меня трое детей.
- Робеспьер. Милая мама, неужели ты думаешь, что я стану вырывать у вас кусок изо рта?
- Госпожа Дюпле. Ты не имеешь права отказываться: я стояла в очереди из-за тебя. Ты нездоров, желудок у тебя больной. Вот если б тебе еще мяса! Но ты ведь запретил его покупать.
- Робеспьер. Мясо исчезает — надо беречь его для солдат и для больных. Мы издали декрет о гражданском посте. Я и мои товарищи должны показать пример воздержания.
- Госпожа Дюпле. Не все так совестливы, как ты.
- Робеспьер. Я знаю. Я сам видел, как некоторые пировали, когда кругом голодают, — мне это отвратительно. Каждая такая трапеза могла бы насытить тридцать защитников родины.
- Госпожа Дюпле. Вот беда! Ни мяса, ни птицы, ни мо-

лочных продуктов. Овощи — для армии. В довершение всего нечем топить. Вот уже вторую ночь Дюпле стоит в очереди за углем и возвращается с пустыми руками. К дровам приступить нет. Знаешь, сколько с меня запросили за вязанку? Четыреста франков! Хорошо, что весна на дворе. Еще один месяц — и нам пришлось бы туго. Сколько я на свете живу, а такой суровой зимы не припомню.

Робеспьер. Да, ты настрадалась, все вы, бедные женщины, настрадались, но с каким мужеством переносили вы свои страдания! Признайся, однако, что у вас были не одни только невзгоды, — были и радости, которых вы не знали прежде: вам всем, от мала до велика, выпала на долю радость содействовать святому делу — делу освобождения всего мира.

Госпожа Дюпле. Это правда, я счастлива. Что бы нас ни ожидало впереди, это тяжелое время — лучшее время нашей жизни. Наши страдания — не те обычные, бессмысленные страдания, от которых никому никакой пользы. Каждый из нас недоедает, чтобы легче жилось Нации. И этим чувством гордости мы обязаны тебе, Максимилиан! Вчера вечером я стирала и думала: я простая женщина, я не знаю, чем буду жить завтра, и я так устала каждый день гоняться за хлебом насущным, а все-таки я тружусь на благо отечества, мои страдания не напрасны, каждое мое усилие ускоряет победу, я иду вместе с вами во главе человечества!

Рабочие (*поют во дворе*).
Строгай, пили, добывая победу,
Пике дай древко, ружью — приклад.
Трудись, хоть сегодня ты не обедал,
Чтобы Республики нашей солдат
Ни в чем отказу не ведал.

Госпожа Дюпле (*улыбаясь*). Они кончили заказ для Северной армии. В животе у них пусто, но они довольны.

Робеспьер. Народ прекрасен! Как отрадно составлять его часть! Разве можно простить тем, кто пытается замутировать этот источник самоотречения и самопожертвования?

За сценой рычит Вестерман.

Госпожа Дюпле. Это генерал. Он сердится.

Робеспьер. Впусти его.

Госпожа Дюпле уходит. Робеспьер мельком оглядывает себя в зеркале. Лицо его мгновенно принимает иное выражение: становится суровым, бесстрастным, холодным.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Робеспьер, Вестерман.

Вестерман (*врывается в комнату*). Проклятье! Еще бы подольше не впускал! Битых два часа торчу у твоих дверей. Черт знает что! К тебе трудней войти, чем в ван-дейский город...

Робеспьер, заложив руки за спину, неподвижный, непреклонный, поджав губы, смотрит Вестерману в глаза. Вестерман было осекся, потом заговорил снова.

Я уж думал, ты не хочешь меня принять. Демулен предупреждал, что меня к тебе могут не пустить. А я поклялся, что войду, даже если бы для этого надо было прошибить твою дверь пушками... (*Смеется.*) Ты не сердишься, что я по-солдатски рублю сплеча?

Робеспьер упорно молчит.

(*Все более и более смущаясь, старается принять развязный тон.*) Ну и охрана же у тебя, черт побери! У двери хорошенькая девушка на часах штопает чулки. Строгая девица! Неподкупная, как и ты. Хоть перешагивай через нее. Во вражеской стране я бы с удовольствием... (*Неестественно смеется.*)

Робеспьер молчит, постукивая пальцами от нетерпения. Вестерман садится, старается держаться непринужденно. Робеспьер продолжает стоять. Вестерман поднимается.

Дураки говорят, будто ты мой враг. А я не верю. Доблесть против доблести! Еще чего! Разве Аристид может быть врагом Леонида? Бастион Республики и оплот отечества для того и существует, чтоб друг друга поддерживать. Такие ребята, как мы с тобой, для которых слава Нации превыше всего, непременно столкнутся, верно? (*Протягивает ему руку.*)

Робеспьер неподвижен и безмолвен.

Ты не желаешь подать мне руку?.. Черт! Стало быть, это правда? Ты мне враг? Ты задумал погубить меня? О подлость! Если б я только знал!.. Да что я тебе — последняя сволочь, что ты два часа держишь меня во дворе, а когда меня наконец впускают, не предлагаешь мне даже сесть и я стоя говорю с тобой, а ты молчишь? Скотство! (*Топает ногой.*)

Робеспьер (*ледяным тоном*). Вы на неправильном пути, генерал. От Леонида далеко до Папаша Дюшена. Это место опасное, черпать оттуда примеры я вам не советую.

Вестерман (*озадачен*). Какое место?

Робеспьер. Площадь Революции.

Вестерман (*в полном недоумении*). Но, гражданин, что же я такого сделал? В чем меня обвиняют?

Робеспьер. Это вам скажут в Комитете общественного спасения.

Вестерман. Я заслужил право знать об этом заранее.

Робеспьер. Спросите вашу совесть.

Вестерман. Мне не в чем себя упрекнуть.

Робеспьер. Жалок тот человек, который перестает слышать укоры совести.

Вестерман (*старается держаться спокойно, но голос его дрожит от боли и гнева*). Я укоряю себя в одном: зачем я отдал жизнь такому неблагодарному отечеству? Тридцать лет я терплю ради него всевозможные лишения. Десять раз я спасал его от нашествия врагов. Моих заслуг оно не ценило никогда. Слушают первого попавшегося клеветника, который меня оговаривает, придают значение анонимным письмам солдат, которых я наказал за трусость; меня обвиняют, мне грозят, меня понижают по службе; остолопы, чинодралы, прохвосты мною помыкают; я должен подчиняться какому-то Росиньолю, безмозглому ювелиру, который ничего не понимает в военном деле, который известен только тем, что поминутно садится в лужу, все заслуги которого состоят в том, что он вышел из грязи и что ему покровительствуют якобинцы. Клебер, Дюбайе и Марсо — последние спицы в колеснице, а ниортский лавочник командует двумя армиями!

Робеспьер. Республика больше обращает внимание на то, сколь тверды в командире его республиканские убеждения, чем на его военное искусство.

Вестерман. А Республика принимает во внимание неудачи Росиньоля?

Робеспьер. Ответственность за неудачи Росиньоля ложится не на него, а на тех, кто его окружает. Если Клебер, Дюбайе и Вестерман так гордятся своими способностями, почему же они не помогают начальнику, которого им дала Нация?

Вестерман. Так вы хотите отнять у нас нашу славу?

Робеспьер. Да.

Вестерман. Признайтесь: наша военная слава вас пугает, вы хотите, чтобы она померкла?

Робеспьер. Да.

Вестерман (*запальчиво*). Она задевает честолюбие адвокатов?

Робеспьер. Она оскорбляет разум, она угрожает Свободе. Чем вы так гордитесь? Вы только исполняете свой долг. Вы рискуете жизнью? В той смертельной борьбе с деспотизмом, которую мы все сейчас ведем во Франции, каждый из нас ставит свою голову на карту. Вы что же, меньше боитесь смерти, чем мы? Все мы привыкли к мысли, что впереди смерть или победа. Вы, как и мы, только орудия Революции, топоры которые обязаны проложить дорогу Республике, врубаясь в ряды неприятеля. Это тяжелая задача, и браться за нее надо без малодушия, но и без заносчивости. У вас нет никаких оснований гордиться пушками, так же как и у нас — гильотиной.

Вестерман. Ты глумишься над величием войны.

Робеспьер. Величественна только добродетель. В ком бы она ни проявлялась — в солдатах, рабочих, законодателях, — Республика сумеет ее почитать. Но преступники пусть трепещут! Ничто не защитит их от ее кары: ни воинские звания, ни шпаги.

Вестерман. Это ты мне грозишь?

Робеспьер. Я никого не называл. Горе тому, кто выдает себя с головой.

Вестерман. Проклятье! (*Смотрит угрожающе, но на Робеспьера это не производит никакого впечатления; дрожа всем телом, он неуверенно направляется к выходу. Обернувшись.*) Берегись, Сулла! Моя голова крепче держится на плечах, чем у Кюстина. Есть еще люди, которые не боятся твоей тирании. Я иду к Дантону. (*Натыкается на стену, затем, хлопнув дверью, уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Робеспьер, Элеонора Дюпле.

Элеонора (*выходит из двери, ведущей в комнату Дюпле*).

Наконец-то! Ушел! Ах, Максимилиан, как я волновалась, пока он был у вас!

Робеспьер (*ласково улыбаясь*). Милая Элеонора! Вы все слышали?

Элеонора. Меня напугал голос этого человека. Я не могла удержаться: я все время была здесь, рядом, в маминой спальне.

- Робеспьер. А если б он пришел сюда с недобрым умыслом, что бы вы сделали?
- Элеонора (*в замешательстве*). Не знаю.
- Робеспьер (*берет ее за руку, которую Элеонора прячет за спиной*). Что это?
- Элеонора (*вспыхнув*). Пистолет Филиппа — он пришел домой ночью и оставил его на столе.
- Робеспьер (*отбирает у нее пистолет и задерживает ее руку в своей*). Нет, нет, эти руки не должны осквернять себя прикосновением к смертоносному оружию! Они не должны проливать кровь даже ради спасения моей жизни. Пусть останутся в мире хотя бы две дружеские, две невинные руки, и пусть они смоят со всего мира и с сердца Робеспьера следы кровавого жребия... после того как цель будет достигнута...
- Элеонора. Но зачем же так рисковать? Вы его разозлили, а про него говорят, что он свиреп.
- Робеспьер. Я не боюсь этих рубак. Стоит увести их с поля битвы — и они только без толку шумят, в этом вся их удаля. У них начинают дрожать колени, когда они сталкиваются с новой для них силой, с которой их оружие никогда не скрещивалось в боях, — с законом.
- Элеонора. Приходил еще гражданин Фуше, но по вашему распоряжению его не приняли.
- Робеспьер. Моя дверь навсегда заперта для того, кто лионской резней унижил величие террора.
- Элеонора. Он не хотел уходить, он плакал.
- Робеспьер (*сурово*). Это крокодиловы слезы.
- Элеонора. Он пошел просить вашу сестру, чтобы она за него заступилась.
- Робеспьер (*меняясь в лице, тревожно, бояливо*). Ах, боже мой, она придет сюда!.. Этот пройдоха уверил ее, что он ее любит, она его не уважает, но женщине льстит всякое поклонение, от кого бы оно ни исходило. Она придет за него просить. Ради бога, не впускайте ее! Скажите, что я занят и никого не принимаю.
- Элеонора (*улыбаясь*). Вам не страшны все тираны Европы, а родной сестры вы боитесь.
- Робеспьер (*улыбаясь*). Моя сестра — хорошая женщина, она меня любит. Но она такая надоедливая! Постоянно устраивает мне сцены ревности, у меня от них голова идет кругом. Я готов все для нее сделать, только бы она замолчала.
- Элеонора. Не беспокойтесь: маму я предупредила, она ее не впустит.

Робеспьер. Дорогие друзья, как заботливо вы охраняете мой покой!

Элеонора. Мы за него в ответе перед Нацией.

Робеспьер. Как мне хорошо в вашем доме! Я отдыхаю у вас душой. Это не убежище эгоиста, защищенное от бурь. Двери здесь всегда широко раскрыты для забот об отечестве, но ваш дом придает им нечто еще более возвышенное. Здесь мужественно принимают удары судьбы, не сгибаясь, глядя ей прямо в глаза. Когда я вхожу сюда, я впиваю в себя вместе с запахом свежеструганного дерева разлитые в воздухе мир и надежду. Честное лицо Дюпле, ласковый голос вашей матушки, ваша рука, Элеонора, которую вы, улыбаясь, братски протягиваете мне, искренняя приязнь всей вашей семьи — через это я познаю самое бесценное, самое редкостное благо, которого мне особенно не хватает и в котором я особенно нуждаюсь!

Элеонора. Какое благо?

Робеспьер. Доверие.

Элеонора. Вы кому-нибудь не доверяете?

Робеспьер. Я не доверяю всем людям. Я читаю ложь в их взглядах, я различаю скрытый подвох в их словах. Их глаза, уста, рукопожатия — все тело их лжет. Подозрительность отравляет мои помыслы. Я рожден для более нежных чувств. Я люблю людей, я хотел бы им верить. Но как могу я им верить, когда вижу, что они в течение дня десять раз лжесвидетельствуют, идут на любые сделки, продают своих друзей, продают свою армию, продают свое отечество — из трусости, из тщеславия, от собственной порочности, по злему умыслу? При мне совершали предательства Мирабо, Лафайет, Дюмурье, Кюстин, король, аристократы, жирондисты, эбертисты. Если бы войска ежеминутно не чувствовали за собою тень гильотины, они давно бы уже сдались неприятелю. Три четверти Конвента в заговоре против Конвента. Порок боится поднять голову только потому, что Революция его обуздывает героической дисциплиной. Он не смеет открыто напасть на добродетель, он скрывается под личной состраданием, милосердия, он обманывает общественное мнение, пытается склонить его на сторону негодяев, настроить его против патриотов. Я сорву с него личину, я покажу Национальному собранию, что под нею скрывается отвратительное лицо измены, я заставлю тайных сообщников осудить заговор или погибнуть вместе с заговорщиками. Республика выстоит, но, боже мой, среди

скольких развалин! Порок — это гидра. Каждая капля ее крови родит новых чудовищ. Заражаются лучшие люди, один за другим. Третьего дня Филиппо, вчера Дантон, сегодня Демулен... Демулен, мой друг детства, мой брат!.. Кто окажется изменником завтра?

Элеонора. Что же это такое? Столько предательств? И у вас есть улики?

Робеспьер. Да, и даже больше чем улики: у меня есть внутренняя уверенность, а это такой светоч, который никогда еще меня не обманывал.

Элеонора. Да вы и не можете обмануться, вы знаете все, вы читаете в сердцах людей. Но неужели же все они продажны?

Робеспьер. Я уважаю человек пять, не больше: честного Кутона, который забывает о своих страданиях и думает только о страданиях человечества; милого, скромного Леба; моего брата, человека благородного, но слишком любящего удовольствия; двух младенцев и одного умирающего.

Элеонора. А Сен-Жюста?

Робеспьер. Его я боюсь. Сен-Жюст — одушевленный меч Революции, неумолимое оружие, он и мною пожертвует ради своего железного закона. Все прочие — изменники. Моя пронизательность связывает им руки, любовь народа ко мне вызывает у них зависть, и они всеми силами стараются очернить меня. Проконсулы Марселя и Лиона прикрывают свои зверства именем Робеспьера. Контрреволюция выступает то под маской милосердия, то под маской террора. Если я хотя бы на миг поддамся усталости — конец мне, конец Республике. Кутон болен, Леба и мой брат — сумасброды. Сен-Жюст далеко, укрощает армию. Я один среди всех этих предателей, и они все ходят вокруг меня и пытаются нанести мне удар в спину. Они меня убьют, Элеонора.

Элеонора (*с порывистостью юности берет его за руку*). Если вы умрете, то умрете не один.

Робеспьер с нежностью смотрит на нее. Она краснеет.

Робеспьер. Нет, дорогая Элеонора, вы не умрете. Я сильнее моих низких врагов. Со мною истина.

Элеонора. Вы должны быть счастливы — ведь вы трудитесь для всеобщего счастья, а вас гнетут заботы. Как несправедлива жизнь!

Робеспьер. Я расстроил вас. Я не должен был смущать ваше доверие к жизни. Простите.

Э л е о н о р а. Не жалеете. Я горжусь вашим доверием. Всю ночь я думала о тех страданиях из Руссо, которые вы нам прочли вчера. Они веяли отрадой на мою душу. Я слышала ваш голос и эти дивные слова... О, я знаю их наизусть!

Р о б е с п ь е р (*читает на память, с ласковой и чуть-чуть грустной улыбкой, напыщенным и вместе с тем искренним тоном*). «Общение сердец придает печали нечто сладостное и трогательное, чего нет в наслаждении; дружба дарована была главным образом несчастным как облегчение страданий и утешение в горестях».

Элеонора, держа свою руку в руке Робеспьера, молча улыбается и заливается румянцем.

Что же вы молчите?

Э л е о н о р а (*продолжает*). «Разве то, что говоришь другу, может сравниться с тем, что испытываешь, когда он тут, рядом?»

Г о с п о ж а Д ю п л е (*за сценой*). Максимилиан! Сен-Жюст пришел.

Элеонора убегает.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Робеспьер, Сен-Жюст.

Сен-Жюст входит медленным шагом. Робеспьер идет ему навстречу. Они пожимают друг другу руку с таким видом, как будто расстались всего несколько часов назад.

С е н - Ж ю с т. Здравствуй.

Р о б е с п ь е р. Здравствуй, Сен-Жюст.

Садятся.

С е н - Ж ю с т (*смотрит на Робеспьера без тени улыбки*). Я рад тебя видеть.

Р о б е с п ь е р. Леба писал, что мы могли с тобой и не увидеться.

С е н - Ж ю с т. Да. (*Помолчав.*) Туда нужно послать оружие. В армии не хватает ружей.

Р о б е с п ь е р. Работа идет, весь Париж только этим и занят. Куют даже в церквах. Все другие работы приостановлены. Проходя по двору, ты мог видеть, как столяры Дюпле изготовляют деревянные части для ружей. Часовых дел мастера выделывают ружейные замки. Всюду на площадях звенят наковальни.

С е н - Ж ю с т (*помолчав*). Съестных припасов недостаточно.

- Целым дивизиям не хватает фуража. Время не ждет, военные действия начнутся через три недели самое позднее. Нужно, чтобы кровь всей Франции прилиwała к северу.
- Робеспьер. Меры приняты. Франция голодает, чтобы накормить солдат.
- Сен-Жюст. Как только я вам здесь перестану быть нужен, отпустите меня обратно. Уже от первых схваток будет зависеть многое. Необходимо напрячь все усилия.
- Робеспьер. И силы тебе не изменяют?
- Сен-Жюст (*без единого жеста, искренне, горячо, убежденно*). Я отдыхаю там от бесплодных препирательств. Вот где мысль и действие неотделимы друг от друга, как молния неотделима от столкновения туч. Всякое проявление воли мгновенно и навсегда отпечатлевается в крови людей и на судьбах мира... Великая задача! Благодетельная тревога!.. Ночью на аванпостах, среди неприветной снежной шири фламандской равнины, под бескрайним пасмурным небом, я чувствую, как по моему телу пробегает трепет восторга и как бурной волною кровь притекает к сердцу. Мы одни, мы затеряны во мраке вселенной, окружены врагами, стоим на краю могилы, но мы — хранители разума в Европе, мы несем ей свет. От каждого нашего решения зависит судьба всего мира. Мы пересоздаем человека.
- Робеспьер. Счастлив тот, кого слабое здоровье не удерживает здесь, вдали от настоящего дела!
- Сен-Жюст. Кто же еще делает больше, чем ты? Свобода всего мира — в Париже.
- Робеспьер. Здесь истощаешь силы в борьбе с пороком. Ты невольно пачкаешься об него. Признаюсь, когда я вижу, как поток Революции несет вместе с добродетелью мерзость злодейства, я начинаю бояться, как бы грязное соседство развращенных людей не замарало и меня в глазах грядущих поколений.
- Сен-Жюст. Поставь между ними и собою топор. Дотрагиваться до скверны должно только железом.
- Робеспьер. Всюду разложение. Оно коснулось таких людей, на которых я особенно рассчитывал. Старинных друзей.
- Сен-Жюст. Долой дружбу! Есть только отечество!
- Робеспьер. Дантон угрожает. Это внушает нам подозрения. Он то и дело раздражается грубой бранью. Он окружает себя интригами, развратниками, финансистами, у которых отняли их богатства, разжалованными офицерами. Вокруг него объединяются все недовольные.

Сен - Жю ст. Да погибнет Дантон!

Робеспьер. Дантон был республиканцем. Он любил отечество. Вероятно, любит его и теперь.

Сен - Жю ст. Кто оскорбляет отечество безнравственной жизнью, тот вовсе не любит его. Кому привились пороки и правила аристократии, тот вовсе не республиканец. Я ненавижу Катилину. Его циничная душа, пошлый ум, подлость политика, который лавирует между всеми партиями и всеми ими пользуется для своих целей, — все это унижает Республику. Дантона нужно сокрушить!

Робеспьер. Он увлекает за собою в пучину безрассудного Демулена.

Сен - Жю ст. Демулен — это бесстыдный ритор, для которого несчастья родины только повод, чтобы показать, какой у него красивый слог, это честолюбивый остроумец, который ради какой-нибудь антитезы готов пожертвовать свободой отечества!

Робеспьер. Это дитя, сбитое с толку друзьями и собственным остроумием.

Сен - Жю ст. Когда Франция в опасности, остроумие тоже есть преступление. Несчастья родины наложили на все государство печать мрачной торжественности. Я не доверяю людям, которые в такое время могут смеяться.

Робеспьер. Я люблю Демулена.

Сен - Жю ст. А я люблю тебя. Но я первый осудил бы тебя, если бы ты совершил преступление.

Робеспьер (*в смущении отходит от Сен-Жюста. Затем, после короткого молчания, снова приближается к нему*). Благодарю тебя. Ты — счастливец, ты не знаешь колебаний. В тебе ничто не может перевесить ненависть к пороку.

Сен - Жю ст. Я видел порок на более близком расстоянии, чем ты.

Робеспьер. Где же?

Сен - Жю ст. В себе самом.

Робеспьер (*с удивлением*). В себе? Но ведь вся твоя жизнь — это образец самоотверженности и сурового самоотречения!

Сен - Жю ст. Ты не знаешь.

Робеспьер (*недоверчиво*). Какой-нибудь грех юности?

Сен - Жю ст (*мрачно*). Я стоял на краю пропасти. На дне этой пропасти я увидел преступление, и оно чуть было не поглотило меня. Тогда я дал клятву уничтожить его во всем мире, как и в себе самом.

Робеспьер. А я порой устаю от этой борьбы. Враг слиш-

ком многочислен. Сможем ли мы преобразить человечество? Сумеем ли мы претворить в жизнь нашу мечту? Сен-Жюст. Если бы я убедился, что это невозможно, я бы в тот же день закололся кинжалом. Элеонора (*отворяет дверь. Шепотом*). Пришли Билло-Варенн и Вадье.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Робеспьер, Сен-Жюст, Билло-Варенн, Вадье.

Входят Билло-Варенн, понурив голову, мрачный, изнемогающий от усталости, с блуждающим взглядом, и Вадье, насмешливый, желчный, с поджатыми губами. Робеспьер и Сен-Жюст с подчеркнуто холодным видом встают. Все приветствуют друг друга сухим и коротким кивком головы, без рукопожатий.

Билло-Варенн. Братский привет!
Вадье (*увидев Сен-Жюста*). А, Сен-Жюст!.. Значит, дело пойдет. Теперь мы наверстаем.

Билло и Вадье, не дожидаясь приглашений, садятся. Сен-Жюст ходит по комнате. Робеспьер стоит, прислонившись к косяку окна. Молчание.

Билло. На гильотину! Ты слишком долго выжидал, Робеспьер, — мы в опасности. Если Дантон доживет до завтра, Свобода погибла.

Робеспьер. Есть новости?

Билло (*показывает ему бумаги*). Посмотри. Изменник не унимается.

Робеспьер. Кто?

Вадье. Твой друг, Максимилиан, Камилл, твой дорогой Камилл.

Робеспьер. Опять что-нибудь написал?

Билло. Только что перехвачена корректура. Прочти.

Вадье (*потирая руки*). Седьмой номер «Старого кордельера». Продолжение «Символа веры доброго пастыря».

Робеспьер. Безумец! Когда же он замолчит?

Билло (*преследуемый навязчивой идеей*). На гильотину! Сен-Жюст (*читает вместе с Робеспьером*). Демулен — это распутная девка. Он не может себя не бесчестить.

Робеспьер. А Дантон?

Билло. Дантон рвет и мечет. Разглагольствует в Пале-Рояле. Поносит Вадье, меня, всех патриотов. Демулен с ним заодно. Сидят за одним столиком с Вестерманом

- и непотребными девками и осыпают Комитет непечатной бранью. Вокруг них гогочет толпа.
- Сен-Жюст. Слышишь, Робеспьер?
- Робеспьер (*презрительно*). Это не опасно. Пока Дантон пьянствует, мы успеем все спокойно обдумать. (*Просматривает корректуру*.) Итак, этот сумасшедший сам себе подписывает приговор!
- Вадье. Да уж, мой дорогой, на сей раз демагог Демулен отрезал себе все пути к отступлению.
- Билло. Теперь не сносить ему головы!
- Сен-Жюст (*читая*). Он сравнивает Комитет с Нероном и Тиверием.
- Билло (*читая*). Он осмеливается утверждать, что мы преследовали Кюстина по указке Питта, — и не за то, что Кюстин изменил, а за то, что он изменил не до конца.
- Вадье (*читает*). «Национальное собрание превратилось в подчиненный Комитету бесправный парламент, непокорных членов которого бросают в тюрьмы».
- Робеспьер (*проверяет*). Тут написано «превратится», а не «превратилось».
- Вадье. Это все равно.
- Билло (*читает*). «Почему бы Комитету окончательно не упразднить Республику, если депутатов, которых нельзя подкупить, он сажает в Люксембургскую тюрьму?»
- Робеспьер (*проверяя*). «Способен посадить», а не «сажает».
- Билло (*с досадой*). Не придирайся!
- Сен-Жюст (*читая*). Он имеет наглость заявлять, что «чинники военного министерства назначают на ответственные посты в армии братьев своих содержанок — актрис».
- Вадье. У него язык без костей, и когда он его развязывает, то уж ни перед чем не останавливается: ни перед тем, чтобы дезорганизовать оборону, ни перед тем, чтобы унижить Францию в глазах заграницы.
- Билло. И все это он прикрывает призывами к милосердию, красивыми фразами о человечности!..
- Вадье. Сахарные слезы, кондитерское красноречие!
- Сен-Жюст. Лучше все казни египетские, только не эти чувствительные люди! Ни один тиран не причинял человечеству столько горя... Изменники жирондисты, всюду во Франции разжигавшие пламя мятежа, тоже ведь именovali себя чувствительными людьми.
- Робеспьер. Демулен слабоволен, ребячлив, но он не заговорщик. Это мой друг детства, я хорошо его знаю.

- Б и л л о (*подозрительно*). Разве друзья Робеспьера пользуются льготами?
- В а д ь е (*читает номер «Старого кордельера»; насмешливо*). Слушай, слушай, Максимилиан, это уж прямо о тебе. Оказывается, закрывая дома разврата, обнаруживая необычайное рвение по части очищения нравов и разгоняя проституток, ты действуешь по указаниям Питта, ибо «тем самым ты подрываешь один из наиболее надежных устоев государственной власти: распущенность нравов».
- Слышишь, Неподкупный? Как тебе это нравится?
- С е н - Ж ю с т. Низкая, лицемерная душонка!
- Б и л л о (*в бешенстве*). На гильотину! (*Валится ничком на стол, точно раненый бык.*)
- Р о б е с п ь е р. Ему дурно?
- В а д ь е (*равнодушно*). Голова закружилась.
- Сен-Жюст отворяет окно. Билло приходит в себя.*
- С е н - Ж ю с т. Ты нездоров, Билло?
- Б и л л о (*хрипло*). Ты кто такой?.. Мерзавцы! Я больше не могу. Я десять ночей не спал.
- В а д ь е. Ночью он в Комитете, днем в Национальном собрании.
- Р о б е с п ь е р. Ты слишком много работаешь. Хочешь, тебя кто-нибудь заменит на несколько дней?
- Б и л л о. Меня никем нельзя заменить. Вести переписку со всеми департаментами, держать в руках все нити Франции — это только я могу. Если я сделаю передышку, весь моток спутается. Нет, я не уйду со своего поста, пока не сдохну.
- С е н - Ж ю с т. Мы все умрем на посту.
- Б и л л о. О природа, ты создала меня не для бурь! Мою душу избородили смертоносные вихри пустыни. О мое чувствительное сердце, ты рождено для уединения, для дружбы, для умирительных и тихих семейных радостей!
- В а д ь е (*ехидно*). Ты что-то уж слишком расчувствовался, Билло.
- Б и л л о (*с прежним ожесточением*). Очистим воздух! Демулена — на гильотину.
- Р о б е с п ь е р. Я должен подать пример. Я отрекаюсь от Демулена.
- В а д ь е (*с оттенком насмешки*). О Брут, великодушный, доблестный, я знал, что ты без колебаний отступишься от своего друга!
- Р о б е с п ь е р. Судьба Демулена связана с судьбой еще одного человека.

Билло. Ты боишься назвать Дантона?

Робеспьер. Я боюсь разбить талисман Республики...

Вадье. Который дан ей на счастье.

Робеспьер. Дантон — мой враг, но если мы не принимаем во внимание моих дружеских привязанностей, то мои враждебные чувства еще меньше должны влиять на мои мнения. Прежде чем давать бой, обсудим хладнокровно, какой риск связан с уничтожением этой крепости Революции.

Билло. Крепость, которая отдается внаймы!

Вадье. Дантон — пугало Революции! Когда стране пришлось плохо, то, чтобы обратить неприятеля в бегство, таскали какое-нибудь чудовище, но оно больше пугало тех, кто его носил. Так и мерзкая харя Дантона наводит страх на Свободу.

Робеспьер. Не подлежит, однако, сомнению, что его черты знакомы Европе и что она их страшится.

Вадье (*шутовским тоном*). Разумеется, как истинный санкюлот, он охотно показывает всему свету то самое,

«Что Цезарь без стыдливости являл

В дни пылкой юности пред Никомедом,

То, чем в былые дни, в пути к победам,

Героя Греции пленял Гефестион

И чем сам Адриан прославил Пантеон.»¹

Сен-Жюст (*резко*). Оставь ты свои неприличные шутки!

Ты что же, борешься против оскорбления нравственности, а сам ее оскорбляешь?

Вадье. Цитировать Руссо ты меня не заставишь.

Робеспьер (*старается казаться беспристрастным, но в его тоне не чувствуется убежденности*). Я полагаю, что следует принять во внимание прежние заслуги Дантона.

Сен-Жюст. Чем больше человек сделал добра, тем больше он обязан делать его и впредь. Горе тому, кто прежде защищал народное дело, а теперь от него отходит! Он еще преступнее тех, кто всегда шел против народа, ибо он познал, что есть благо, и все же от него отрекся.

Робеспьер. Казнь Эбера всколыхнула общественное мнение. Из поступивших ко мне донесений полицию явствует, что наши враги пользуются растерянностью народа, его внезапным разочарованием, дабы подорвать в нем доверие к истинным друзьям его. Теперь все внушает подозрение, вплоть до памяти Марата. Мы должны дейст-

¹ *Вольгер*. Орлеанская девственница, песнь XII.

вовать осторожно — наши внутренние распри могут только усилить подозрительность.

Сен-Жюст. Так покончим же с подозрениями, казнив подозрительных!

Вадье (*нюхает табак и поглядывает на Робеспьера; про себя*). Подлец! Боится тронуть своих любимых аристократов! Кромвель старается сохранить за собой большинство. Ну, погоди, если так и дальше будет продолжаться, я заставлю тебя послать на гильотину не меньше сотни жаб из твоего Болота.

Робеспьер. Падение такой головы не может не потрясти государство.

Билло (*подозрительно и резко*). Ты трусишь, Робеспьер? Вадье (*исподтишка подзадоривая Билло*). Ты спроси у него, Билло: может быть, он пользуется Дантоном как туго набитым тюфяком, чтобы прятаться от пуль?

Билло (*грубо*). Говори прямо: ты боишься, что падение Дантона лишит тебя прикрытия? Ты цепляешься за него как за щит. Дантон отвлекает от тебя взоры и стрелы врагов.

Робеспьер. Я презираю эту подлую клевету. Меня опасности не пугают. Жизнью я не дорожу. Но у меня есть опыт прошлого, и я вижу ясно будущее. Вы взбесились, вы сошли с ума от ненависти. Вы думаете только о себе, о Республике вы не думаете вовсе.

Сен-Жюст. Давайте спокойно обсудим, что готовят Республике заговорщики. Есть ли у Дантона способности — это нас не должно занимать, нам важно другое: служат его способности Республике или не служат? Откуда за последние три месяца исходят все нападки на Революцию? От Дантона. Кто подбил Филиппо написать письма против Комитета? Дантон. Кто нашептывает Демулену ядовитые памфлеты? Дантон. Каждый номер «Старого кордельера» показывается ему, обсуждается вместе с ним, исправляется его собственной рукой. Если вода в реке отравлена, нужно обратиться к истокам. Где прямодушие Дантона? Где его отвага? Что сделал он за последний год для Республики?

Робеспьер (*делает вид, что постепенно проникается доводами своих собеседников; в тоне его звучат фальшивые и вместе с тем искренние нотки*). Это правда, он ни разу не выступил в защиту Горы, когда на нее нападали.

Сен-Жюст. Нет, он поддерживал Демурье и его припешников — генералов. Когда якобинцы бросили обвинение Дантону, ты, Робеспьер, его защищал. Когда же бы-

ло брошено обвинение тебе, сказал ли он хоть слово в твою защиту?

Робеспьер. Нет. Видя, что я остался один, что жирондисты избрали меня мишенью для самой подлой клеветы, он сказал своим друзьям: «Хочет погибнуть — пусть погибает! Мы не станем делить с ним жребий!» Но дело не во мне.

Билло. Ты сам же мне рассказывал, Робеспьер, что он из кожи вон лез, чтобы спасти жирондистов и нанести удар Анрию, арестовавшему изменников.

Робеспьер. Верно.

Сен-Жюст. Ты сам мне говорил, Робеспьер, что Дантон цинично признавался тебе, как он в пору своей кратковременной службы в министерстве юстиции мошенничал вместе со своим секретарем Фабром.

Робеспьер. Помню.

Сен-Жюст. Он водил дружбу с Лафайетом. Его подкупил Мирабо. Он переписывался с Дюмурье и Вимпфеном. Он курил фимиам герцогу Орлеанскому. Он был близок со всеми врагами Революции.

Робеспьер. Не следует преувеличивать.

Сен-Жюст. Ты сам мне об этом говорил. Я бы не знал этих фактов, если бы ты мне не сообщил.

Робеспьер. Конечно... но...

Билло (*резко*). Ты их отрицаешь?

Робеспьер. Я не могу их отрицать. Дантон был завсегдаем роялистских сборищ, на которых сам герцог Орлеанский варил пунш. Бывали там и Фабр и Вимпфен. Туда пытались затащить депутатов Горы, чтобы привлечь их на свою сторону или скомпрометировать. Но все это мелочи.

Билло. Нет, это факт чрезвычайной важности! Заговор налицо!

Робеспьер. Мне пришла на память еще одна подробность, впрочем незначительная. Недавно он как будто бы хвастался, что если его затронут, то он припомнит нам дофина.

Билло. Мерзавец! Он смеет так говорить! И после этого ты еще можешь его защищать!..

Робеспьер. У меня только что был Вестерман. Грозил мне Дантоном и мятежом.

Билло. И мы еще тут препираемся! А тигры до сих пор на свободе!

Робеспьер. Вы хотите с ним покончить?

Сен-Жюст. Этого хочет отечество.

- Вадье (*в сторону, насмешливо*). Притворщик! Самому не терпится, а заставляет себя упрашивать.
- Робеспьер. Он был велик. По крайней мере казался великим, а иногда даже добродетельным.
- Сен-Жюст. Ничто так не похоже на добродетель, как крупное преступление.
- Вадье (*саркастически*). Ты после скажешь надгробное слово, Максимилиан. Сейчас давайте закопаем зверя.
- Сен-Жюст. Вадье! Говори о смерти с уважением.
- Вадье. Да ведь он еще благополучно здравствует!
- Сен-Жюст. Дантон вычеркнут из списка живых.
- Билло. Кто составит обвинительный акт?
- Вадье. Сен-Жюст. Этот юноша справляется с такими вещами блестяще. Каждая его фраза — удар гильотины.
- Сен-Жюст. Я люблю мериться силами с чудовищем.
- Робеспьер (*достает бумагу и передает Сен-Жюсту*). Здесь все записано.
- Вадье (*в сторону*). У него, наверно, столько же припасено для каждого из друзей.
- Робеспьер. Я предлагаю не устраивать Дантону отдельного процесса. Много чести. Не следует привлекать к нему особое внимание Нации.
- Билло. Потопим его в общем обвинительном заключении.
- Вадье. А кого для приправы?
- Сен-Жюст. Всех, кто пытался растлить Свободу — деньгами, развращенностью нравов или ума.
- Вадье. Будем выражаться точнее. Эта неопределенность может вызвать недоумение.
- Робеспьер. Дантон любил золото. Пусть же золото его и погубит! Дело Дантона мы должны объединить с делом о банках. Пусть займет место на скамье подсудимых среди взяточников. Кстати, там он встретится со своим другом, со своим секретарем, со своим любимым Фабром д'Эглантинном.
- Вадье. Фабр, Шабо, богатые евреи, австрийские банкиры, все эти Фреи, Дидрихсены, — отлично, это уже на что-то похоже!
- Билло. Надо бы присоединить к обвиняемым и Эро, друга эмигрантов.
- Сен-Жюст. Прежде всего — Филиппо, дезорганизатора, подрывавшего дисциплину в армии.
- Робеспьер. А заодно и Вестермана, эту окровавленную шпагу, всегда готовую к мятежу. Все?
- Вадье. Ты забыл дражайшего Камилла.

Робеспьер. А может быть, вы бы предпочли Бурдона или Лежандра? Их устами говорит в Национальном собрании мятеж.

Вадье. Нет. Камилла.

Билло. Камилла.

Сен-Жюст. Этого требует справедливость.

Робеспьер. Ну, что ж, берите.

Сен-Жюст. Прощайте. Пойду готовить доклад. Завтра в Конвенте я их разгромлю.

Вадье. Что ты, что ты, юноша? Это в тебе говорит твой легкомысленный возраст. Неужели ты хочешь вызвать Дантона на трибуну?

Сен-Жюст. Дантон уверен, что никто не осмелится напасть на него открыто. Я ему докажу, что он не прав.

Вадье. Одного мужества тут маловато, мой юный друг, для этого нужно иметь такие легкие, которые заглушили бы рев быка.

Сен-Жюст. Истина укрощает бури.

Робеспьер. Мы не должны подвергать Республику случайностям поединка.

Сен-Жюст. Что же вы предлагаете?

Робеспьер молчит.

Билло. Дантона надо схватить сегодня ночью.

Сен-Жюст (*порывисто*). Этому не бывать!

Вадье. Кто стремится к цели, тот не отвергает необходимых средств.

Сен-Жюст. На безоружного врага я не нападаю. Поставьте меня лицом к лицу с Дантоном. Такого рода битвы облагораживают Республику, меж тем как ваше предложение ее позорит, и я решительно отклоняю его.

Билло. С врагами народа миндальничать нечего!

Вадье. В политике бессмысленное удальство — это глупость, граничащая с предательством.

Сен-Жюст. Я против! (*В бешенстве швыряет на пол свою шляпу.*)

Билло (*сурово*). Значит, ты любишь не самую Республику, а только борьбу за нее?

Сен-Жюст. Для того чтобы подобные действия были оправданы, они должны быть сопряжены с опасностью. Революция — начинание героическое, дорога ее деятелей лежит между казнью и бессмертием. Преступен тот, кто не готов в любую минуту пожертвовать не только жизнью других, но и свою собственной жизнью.

В а д ь е. Не беспокойся, у тебя и так риск немалый. Дантон, даже сидя в тюрьме, способен поднять народ. Можешь не сомневаться: если б он оказался победителем, тебе бы уж гильотины не миновать.

С е н - Ж ю с т. Я презираю тот прах, из которого я состою. Мое сердце — единственное принадлежащее мне благо, и я пройду по окровавленному миру, не осквернив чистоты моего сердца.

Б и л л о (*с непреклонною и презрительною суровостью*). Уважение к себе — это тот же эгоизм. Будет осквернено сердце Сен-Жюста или нет, нас это не касается, нам нужно спасти Республику.

С е н - Ж ю с т (*вопросительно глядя на Робеспьера*). Робеспьер!

Р о б е с п ь е р. Успокойся, друг мой. Революционные бури не подчиняются обычным законам. К той силе, которая преобразует мир и создает новую мораль, нельзя подходить с точки зрения прописной морали. Разумеется, надо быть справедливым, но мерилom справедливости в данном случае является не совесть отдельной личности, а совесть общественная. Народ — это наш свет, спасение народа — наш закон. Нам надо было только спросить себя: хочет ли народ гибели Дантона? Если этот вопрос решен, значит, все решено; остается только дать бой и победить. Справедливость в том, чтобы восторжествовал правый. Ждать мы не можем. Нужно нанести Дантону удар немедленно. Из великодушных побуждений оставлять в его руках оружие — это значит подставлять свою грудь под кинжал убийц. Тогда у кормила Республики немедленно станет военный и финансовый деспотизм. Десятилетия гражданских войн опустошат нашу отчизну, а наши имена, которые должны быть дороги человечеству, народ пронесет с проклятием.

Б и л л о. Победить любой ценой! Пусть грозное зарево нашей диктатуры осветит весь мир!

В а д ь е. Дело не в том, на законном основании будет осужден такой-то или не на законном, а в том, будет Европа якобинской или не будет.

С е н - Ж ю с т (*скрестив на груди руки, как Робеспьер на картине Давида «Клятва в Зале для игры в мяч»*). Так возьми же мою честь, о Республика, если она нужна тебе, поглоть меня, возьми меня всего, без остатка!

Б и л л о (*весь дрожа, голосом, прерывающимся от волнения*). Быть может, в это самое время Республика уже

задушена, наши идеи растоптаны, светоч разума погас на несколько сот лет... Скорей!

Робеспьер. Арестуйте Дантона. *(Подписывает бумагу.)*

Билло подписывает с лихорадочной быстротой.

Сен-Жюст. Ради тебя, Свобода! *(Подписывает.)*

Билло. А Конвент не подведет?

Робеспьер *(презрительно)*. Конвент всегда готов пожертвовать своими членами ради общественного блага.

Вадье *(подписывает)*. Это уж мое дело.

Робеспьер *(со вздохом)*. Все тяжелее ложится на наши плечи бремя Революции.

Вадье *(в сторону)*. Тигр разводит церемонии, а сам обливается.

Робеспьер. Горькая необходимость. Для того чтобы спасти Республику, мы ее калечим.

Сен-Жюст *(мрачный и возбужденный)*. Философ Иисус сказал своим ученикам: «Если твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее; если твоя нога соблазняет тебя, отруби ее; если твой глаз соблазняет тебя, вырви его, ибо лучше для тебя, чтобы ты вошел в царствие божие одноглазым калекой, чем иметь два глаза и быть вверженным в геенну». А я говорю: «Если друг твой развращен и развращает Республику, отсеки его от Республики; если брат твой развращен и развращает Республику, отсеки его от Республики. И если из зияющей раны потечет кровь Республики, твоя собственная кровь, то пусть течет: да будет Республика чистой или же да умрет! Республика — это добродетель. Где скверна, там нет Республики».

Вадье *(в сторону)*. Они — помешанные. Буйнопомешанные. Их надо немедля связать — и в сумасшедший дом. Только сначала — то, что не терпит отлагательств. *(Направляется к выходу.)*

Билло. Подожди, я сейчас подпишу.

Вадье. Ты уже подписал.

Билло. Разве?.. Не помню. Что я сделал? Хорошо ли я сделал?.. *Tristis est anima mea!*¹ Мне бы растянуться сейчас на лугу, на зеленой траве! Дышать благоуханным воздухом лесов!.. Ручей, а по берегам его — ивы! Покоя!.. Покоя!..

Робеспьер. Созидатели Республики находят покой только в могиле.

¹ Печальна душа моя *(лагин)*.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Революционный трибунал.

Фукье-Тенвиль, общественный обвинитель. Эрман, председатель. Присяжные, жандармы, публика. На скамьях подсудимых — Дантон, Демулен, Эро, Филиппо, Вестерман, а также Шабо и Фрей (лица без речей); тут же сидит в кресле Фабр д'Эглантин. В публике, в первом ряду, — художник Давид со своими друзьями. Окна в зале открыты. С улицы доносится гул толпы. Время от времени в зарешеченном дверном оконце, сзади председателя, появляется голова Вадье, наблюдающего за процессом. У двери стоит генерал Анрио. Эрман и Фукье-Тенвиль по временам тревожно оглядываются на него.

Допрашивают Шабо и Фреев. Дантон взволнован, негодует. У Демулена подавленный вид. На лице у Эро спокойная улыбка. Филиппо, стиснув зубы, глядя прямо перед собой, готовится дать отпор. Фабр, больной, откинулся на спинку кресла. Публика теснится, смотрит с жадным любопытством. Она, как зрители на представлении мелодрамы, отзывается на все перипетии процесса, который и развлекает ее и в то же время волнует.

Председатель (обращаясь к Фреям). Вы агенты Питта.

В народе ропот.

Народ. Изменники! Продажные твари!

Председатель. Вы хотели разложить Конвент. Чтобы вам легче было спекулировать и воровать, вы составили проект подкупа представителей народа. Вы определили цену совести каждого из них.

Дантон (громогласно). Председатель, дай мне слово!

Народ (волнуется и, захваченный происходящим, теснится, чтобы рассмотреть Дантона). Дантон... Дантон... Это сейчас Дантон говорил!..

Председатель. Ждите своей очереди, Дантон.

Дантон. Какое я имею отношение ко всей этой мрази?

Что у меня общего с этим жульем?

Председатель. Вам скажут.

Дантон. Врожденное благородство не позволяет мне добить этих мерзавцев. Вы это знаете и злоупотребляете моим молчанием для того, чтобы народ подумал, будто я чем-то связан с этими нечистыми на руку банкирами, воришками, взяточниками.

Н а р о д (*со смехом*). Слыхали? Вот как рассвирепел...

Э р о. Не волнуйся, Дантон.

П р е с е д а т е л ь. Уважайте правосудие. Вы дадите показание в свое время.

Ф у к ь е - Т е н в и л ь. Сиди спокойно, Дантон. Тебе наравне с твоими соучастниками придется держать ответ по обвинению в порче нравов.

Д а н т о н. Безнравственный Дантон — не чета всей этой продажной сволочи. Предоставь мне по крайней мере первое место. Дантон никогда ни в чем не будет посредственностью; ни в пороке, ни в добродетели.

Н а р о д. Молодец!.. Он еще себя покажет...

Ф и л и п п о. Молчи и будь осторожнее.

П р е с е д а т е л ь (*Фреям*). Вы евреи по национальности, выходцы из Моравии, ваша настоящая фамилия — Тропуска. Потом вы купили в Австрии дворянские грамоты и стали именоваться Шенфельдами. Затем вы переехали во Францию, и в настоящее время ваша фамилия Фрей. Одна из ваших сестер крестилась (*в публике смех*) и поступила на содержание к немецкому барону. Другая вышла замуж за Шабо, бывшего капуцина (*смех усиливается*), нынешнего депутата Конвента. Вы объединились с авантюристами такого же темного происхождения, как и вы, — Дидрихсеном, уроженцем Гольштинии, служащим венского банка, Гусманом, будто бы испанцем, который одно время выдавал себя за немецкого барона, и бывшим аббатом д'Эспаньяком, поставщиком армии. Сообщничество некоторых подкупленных вами депутатов способствовало успеху ваших махинаций. Шабо являлся посредником между вами и своими коллегами. Он сам себя оценил в сто пятьдесят тысяч ливров. (*В публике раздаются выкрики.*) Он взялся передать от вас сто тысяч Фабру д'Эглантину.

Д е в у ш к а (*показывая на Фабра*). Вон он, сидит в кресле!

П р е с е д а т е л ь. За эту цену Фабр подделал декрет Конвента о ликвидации Ост-Индской компании. Передаю оригинал документа присяжным.

Н а р о д. Дантон зажимает себе нос.

— Ему, видите ли, противно.

Д а в и д. Он корчится от злобы и страха.

Н а р о д. Ну и пасть же у него!

— Браво, Дантон!

Т р и ж е н щ и н ы. Ты думаешь, его засудят?

— Когда еще до него доберутся!

— Мне некогда ждать!

Ва д ь е (*приотворив дверное оконце, делает знак генералу Анрио, который стоит у двери*). Все идет гладко, Анрио?

А н р и о (*тихо*). Все как надо.

Ва д ь е (*указывая на Фукье и членов трибунала*). Не оплошают?

А н р и о (*тихо*). Не бойся. Я слежу.

Ва д ь е. Ладно. Ты не смущайся: если обвинитель начнет сдавать, арестуй его. (*Захлопывает оконце*).

Э р о (*обводя глазами народ*). Как смотрит на нас народ!

Да н т о н (*в глубине души ему стыдно, но он старается казаться веселым*). Народ не привык видеть мою рожу на позорной скамье — это необычное зрелище. Ярмарочные фокусники подменили Дантона. Ха-ха! Вот потеха!

Да в и д (*достает из кармана записную книжку*). Дай-ка я зарисую его морду. (*Рисует Дантона*.)

Да н т о н. Погляди на Давида, вон он: высунул язык, от злости истекает слюной, как бешеная собака.

Да в и д. Хочу, чтобы наши потомки катались от хохота при виде этой обезьяньей рожи.

Да н т о н. А, черт! Да подтянись же ты, Демулен! Будет тебе, в самом деле, сядь прямее! На нас смотрит народ.

Ка м и л л. Ах, Дантон, я уж больше не увижу Люсиль!

Да н т о н. Не беспокойся, нынче же ночью будешь с ней спать!

Ка м и л л. Спаси меня, Дантон, вызволи меня отсюда. Я не знаю, что мне делать, я не сумею защититься.

Да н т о н. Ты хуже всякой девчонки. Держись твердо! Подумай — ведь мы творим историю.

Ка м и л л. Ах, какое мне дело до истории.

М о л о д о й п и с е ц (*уцепив девушку, поет на мотив популярной в то время песенки*).

Станцуем, светик мой, с тобою...

Д е в у ш к а (*дает ему затрещину*). Ты у меня смотри, нахал!

П и с е ц (*продолжает напевать*).

Мне молвила, давая руку...

Да н т о н. Если хочешь снова быть с Люсилью, то не сиди с видом преступника, подавленного обрушившейся на него законной карой. Что ты там увидал?

Ка м и л л. Смотри, Дантон, вон там...

Да н т о н. Что такое? Что ты мне показываешь?

Ка м и л л. Около окна, этот юноша...

Да н т о н. Вот тот, нахальный малый, по виду судейский

писец, у которого прядь волос падает на глаза, тот, что щиплет девчонку?

К а м и л л. Так, ничего, что-то вроде галлюцинации. Мне представилось... мне представилось, что это я...

Д а н т о н. Ты?

К а м и л л. Я вдруг увидел себя на его месте, будто это я слежу за процессом жирондистов, моих жертв. Ах, Дантон!

Во время этой сцены присяжные изучают документы, якобы подделанные Фабром.

П р е с е д а т е л ь. Фабр, вы продолжаете отрицать свою вину?

Народ разговаривает только во время пауз, а затем тотчас же умолкает и шикает на тех, кто продолжает болтать.

Ф а б р д'Э г л а н т и н (с усталым видом, насмешливо и очень спокойно). Вторично давать показания я считаю бессмысленным — вы все равно не станете меня слушать, ваш приговор предрешен. Я только что доказал, что в исправном тексте составленного мною декрета кто-то по злому умыслу сделал вставки и вымарки, искажающие его смысл. Это станет ясно всякому, кто взглянет на дело беспристрастно. Но здесь это невозможно — я знаю, что осужден заранее. Я имел несчастье не понравиться Робеспьеру, вы спешите уврачевать его задетое самолюбие. Моя жизнь кончена. Ну, что ж! Я слишком утомлен и измучен жизнью, чтобы пытаться спасти ее, — это мне не по силам.

Ф у к ь е. Ты оскорбляешь правосудие и клеветешь на Робеспьера. В продажности тебя обвиняет не Робеспьер, а Камбон. В причастности к заговору тебя обвиняет не Робеспьер, а Билло-Варенн. Твоя страсть к интригам общеизвестна. Это она заставляет тебя вступать в гнусные заговоры и сочинять гнусные комедии.

Ф а б р. Постой! Ne sutor ultra crepidam...¹ Господа всегда-таки партера! Беру вас в свидетели: разве мои комедии не доставляли вам удовольствия?

В публике смех.

Фукье может добиться того, чтобы свалилась моя голова, но он не может провалить моего «Филинта».

В публике смех.

¹ Сапожник, суди не выше сапога... (латин.)

Кто-то в задних рядах. Что? Что он сказал?

Фукье. Подстрекаемый нездоровым любопытством, ты смотрел на Национальное собрание как на подобие театра, где можно разглядеть тайные пружины человеческой души, для того чтобы потом привести их в действие. Ты пользовался всеми пружинами: честолюбием одних, ленью других, мнительностью, завистью, — ты не брезговал решительно ничем. Благодаря этой своей беззащитной ловкости ты создал целую систему контрреволюции — потому ли, что твоя заносчивость и твой неуживчивый нрав находят себе удовлетворение в том, чтобы ниспровергать установленный порядок, из какого-то злостного пренебрежения к человеческому разуму или, вернее, потому, что твой явный аристократизм и твоя алчность уже давно разжигались Питтом, который подкупал тебя, для того чтобы ты вредил Республике.

В публике ропот.

Давид. Что? Слыхали?

Народ. Да... Да...

Фукье. В девяносто втором году ты уже сносишься с врагами. Дантон посылает тебя к Дюмурье для преступных переговоров; благодаря этим переговорам уцелели остатки прусских войск.

В публике ропот.

Теперь я должен перейти к другим обвиняемым.

Народ. Ага! Ага!

Народ охвачен волнением и любопытством.

Фукье. Я временно перехожу к другим только потому, что им тоже не терпится, чтобы я сорвал с них маски.

Но скоро я обращусь к тебе снова и покажу тот узел, где сходятся все нити этой чудовищной интриги.

Обвиняемые в волнении. Народ настораживается. Дантон говорит своим товарищам несколько ободряющих слов.

Фабр (к Фукье, вызываясь). План скверно составлен; интрига запутана; действующих лиц слишком много; неизвестно, откуда они приходят, и сразу видно, куда они уйдут. Не распинайся так, Фукье, твоя комедия из рук вон плоха. Прикажи лучше отрубить мне голову медленно — у меня зубы болят.

Смех.

- Председатель** (*Эро де Сешель*). Обвиняемый, ваше имя и звание?
- Народ**. Кто это? Кто этот аристократишка?
- Это Эро.
- Эро**. Покойный Эро Сешель. Бывший генеральный прокурор в Шатле: я заседал в этой зале. Бывший председатель Конвента: я огласил от его имени конституцию Республики. Бывший член Комитета общественного спасения. Бывший друг Сен-Жюста и Кутона, которые теперь хотят убить меня.
- Девушка**. Ах, какой красивый!
- Председатель**. Вы аристократ. Ваша карьера началась при дворе, после того как госпожа Полиньяк представила вас жене Капета. Вы никогда не прерывали сношений с эмигрантами; вы были другом незаконного сына принца Кауница, австрийца Проли, гильотинированного месяц тому назад. Вы разглашали тайны Комитета общественного спасения и передавали важные бумаги иностранным государствам. Вопреки закону вы предоставили убежище бывшему военному комиссару Катюсу, против которого было возбуждено судебное преследование как против эмигранта и заговорщика. Вы даже осмелились обратиться в секцию Лепелетье, при которой он содержался, с требованием выдать его вам на поруки и с предложением взять на себя его защиту.
- Голос** (*кричит, из публики*). Сейчас видно аристократишку!
- Вязальщица**. Старорежимный фронт!
- Эро**. За исключением одного пункта: разглашения государственных тайн, который я отрицаю категорически и который вы, конечно, никак не можете обосновать, все остальное верно. Я это признаю открыто.
- Председатель**. Что вы можете сказать в свое оправдание?
- Эро**. Оправдываться я не намерен. У меня были друзья. Не во власти государства воспретить мне любить их и выручать в беде.
- Председатель**. Вы были председателем Конвента. Вы должны были подавать всей Нации пример повиновения законам.
- Эро**. Я подаю ей пример, как нужно умирать за исполнение своего долга.
- Председатель**. Это все, что вы хотели сказать?
- Эро**. Все.

Ф у к ъ е (*обращаясь к председателю*). Перейдем к следующему, Эрман!

Имя Демулена облетает публику.

Н а р о д. Это Демулен... Демулен... Камилл, Камилл... Камилл...

Затем сразу воцаряется тишина.

П р е с е д а т е л ь (*Демулену*). Ваше имя, фамилия, звание?

К а м и л л (*в крайнем замешательстве*). Люси-Камилл-Симплиций Демулен, депутат Конвента.

П р е с е д а т е л ь. Ваш возраст?

К а м и л л. Я нахожусь в возрасте санкюлота Иисуса, когда его распяли: мне тридцать три года.

Ропот сочувствия и вместе с тем неудовольствия.

В я з а л ь щ и ц а (*грозась кулаком*). Поповское отродье!

П р е с е д а т е л ь. Вы обвиняетесь в оскорблении Республики. Вы изображали в ложном свете действия Республики, сравнивали наше славное время с подлыми временами римских цезарей. Вы возбуждали надежды в аристократах, сеяли сомнения в необходимости репрессий, тормозили дело национальной обороны. Прикидываясь человеколюбцем, что так не вяжется с вашим прошлым, вы требовали отворить двери тюрем подозрительным личностям с целью утопить Республику в пучине контрреволюционной мести. Что вы можете на это возразить?

К а м и л л (*крайне растерянный, делает над собой усилие, что-то лепечет, мучительно трет себе лоб рукой. Друзья с тревогой на него смотрят*). Я прошу отнестись ко мне снисходительно. Я не знаю, что со мной. Я не могу говорить.

Д в е д е в у ш к и. Что с ним такое? Что с ним такое?

П р е с е д а т е л ь. Вы признаете факты, которые вам ставятся в вину?

К а м и л л. Нет, нет.

П р е с е д а т е л ь. В таком случае защищайтесь.

К а м и л л. Не могу. Простите. На меня вдруг напала слабость.

М у ж ч и н а (*в публике*). Закатил глаза.

В я з а л ь щ и ц а. Ах, какие нежности!

Д е в у ш к а. Ведненький, как он побледнел!

Друзья суетятся вокруг Камилла. Он садится, с трудом переводит дыхание и вытирает лоб платком. Председатель пожимает плечами.

Ф у к ъ е. Да или нет? Сознаешься?

Ф и л и п п о. Перечислите пункты обвинения.

Д а н т о н. Да, прочти, посмей огласить их в присутствии народа — пусть он сам решит, кто его друг!

П р е д с е д а т е л ь. Я о них достаточно говорил. Не следует лишний раз произносить во всеуслышание столь опасные слова.

Д а н т о н. Опасные для кого? Для разбойников?

Н а р о д. Ага! Ага!

Публика, охваченная волнением и любопытством, выражает удовлетворение.

Ф у к ъ е. Они сговорились разыграть здесь комедию. Не будем задерживать на ней внимание.

К а м и л л *(в отчаянии)*. Мне стыдно... Я у всех вас прошу прощения... Но я не спал несколько дней, ложь, которую я здесь о себе услышал, потрясла меня, и я никак не могу с собой справиться, мне трудно говорить. Позвольте, я немного передохну, мне нехорошо.

Д е в у ш к а. Да развяжите ему галстук!

В я з а л ь щ и ц а. Какой же это мужчина? Баба это, а не мужчина!

Ф у к ъ е. У нас мало времени.

Д а н т о н. В котором же часу ты подрядился доставить на гильотину наши головы? А подождать никак не можешь, палач?

Ф и л и п п о. Нет, ты подождешь, пока Демулен придет в себя. Вам пока еще никто не давал права резать людей, не выслушав их.

Н а р о д. Правильно! Правильно!

Ф а б р. Ты знаешь, что Демулен — натура чувствительная и впечатлительная. Ты хочешь воспользоваться его слабостью, чтобы прикончить его. Но пока мы живы, тебе это не удастся.

Э р о *(насмешливо)*. Это поединок императора Коммода, который, вооружившись тяжелым мечом, принуждал своего противника драться копьем с пробковым наконечником.

П р е д с е д а т е л ь. Молчать!

В с е ч е т в е р о. Сам замолчи, палач! Народ, вступишь за наше право, священное право защиты!

Н а р о д (*в волнении*). Верно!

Д а н т о н (*похлопывая Демулена по рукам*). Ну-ну, дитя мое, приободрись!

К а м и л л (*все еще очень слабый, овладевает собой, пожимает руку Дантону, улыбается ему и встает*). Спасибо, друзья, моя непонятная слабость проходит, ваше сочувствие меня оживило.

Н а р о д (*геснит, чтобы рассмотреть его*). Слышали? Слышали?

К а м и л л. Вот чего у вас никогда не будет, изверги, — любви таких друзей!.. Вы обвиняете меня в том, что я свободно выражал свои мысли? Я горжусь этим. Верный Республике, которую я же и создал, я всегда останусь свободным, чего бы мне это ни стоило. Вы утверждаете, что я оскорбил Свободу? Я говорил, что Свобода — это счастье, это разум, это равенство, это справедливость. Вот как я ее поносил! Народ! Суди после этого сам, каких похвал они от меня требуют.

Н а р о д. Браво!

П р е с е д а т е л ь. Не обращайтесь к народу.

К а м и л л. А к кому мне еще обращаться? К аристократам?

П и с е ц. Ишь ты! Ловко!

К а м и л л. Я зывал к милосердию Комитета. Я хотел, чтобы народ наконец воспользовался Свободой, которую он завоевал, как видно, для того, чтобы горсточка мерзавцев могла утолять свою злобу. Я хотел, чтобы люди прекратили распри и чтобы любовь соединила их в одну великую братскую семью. Должно быть, это желание есть преступление. Я же считаю преступлением ту безумную политику, которая оскорбляет Nation, которая позорит народ, заставляя его на глазах у всего мира обогреть руки в невинной крови.

Движение в зале. Народ с напряжением следит за речью Демулена.

П р е с е д а т е л ь. Здесь не вы обвиняете, здесь обвиняют вас.

К а м и л л. Если хотите, я сам себя обвиняю, обвиняю в том, что не всегда думал так, как теперь. Я слишком долго верил в силу ненависти, боевой пыл затуманил мой разум, я сам причинил слишком много зла; я разжигал месть; мои писания не однажды острили топор. Мое слово приводило сюда невинных — вот мое преступление, мое настоящее преступление, в котором вы являетесь

моими соучастниками и которое мне надлежит сегодня
искупить!

Председатель. О ком вы говорите?

Фукье-Тенвиль. Чью смерть ты оплакиваешь?

Филиппо. Молчи, Демулен!

Фабр. Это ловушка. Берегись!

Дантон. А, чтоб тебя! Прикуси язык!

Камилл. Я говорю о жирондистах.

Давид. Ага! Сознался! Сознался!

В народе ропот.

Председатель. Подсудимый сам признается, что причастен к заговору бриссотистов.

Камилл (*пожимая плечами*). Мой же «Разоблаченный Бриссо» вынес им смертный приговор.

Фукье-Тенвиль. А сейчас ты об этом жалеешь?

Камилл (*не отвечая ему*). Друзья! Я скажу вам, как Брут — Цицерону: «Мы испытываем слишком сильный страх перед смертью, изгнанием и нищетой». *Nimium timeamus mortem et exilium et paupertatem.* Заслуживает ли наша жизнь того, чтобы мы всячески старались ее продлить хотя бы ценою чести? Среди нас нет ни одного, кто бы уже не взошел на вершину горы жизни. Дальше начинается спуск, где на каждом шагу разверзаются бездны, которых не миновать даже самому обыкновенному человеку. Какие бы виды, какие бы красивые места ни открывал этот спуск нашему взору, они не выдержат сравнения с теми, которыми любовался Соломон, что не помешало ему, окруженному семьями наложниц, задыхавшемуся от роскоши и счастья, произнести такие слова: «Я убедился, что мертвые счастливее живых, а всех счастливее тот, кто не родился на свет»¹. (*Садится.*)

Дантон. Глупец! Ты всем нам рубишь головы. (*Обнимает его.*)

Демушка. А все-таки он премиленький!

Слово получает Дантон. Он встает и направляется к судьям. В народе сильное волнение. Гул голосов: «Вот он!.. Вот он!..»

Председатель (*Дантону*). Подсудимый! Ваше имя, фамилия, возраст, звание и местожительство?

Дантон (*громко*). Местожительство? В скором времени — небытие. Мое имя? В Пантеоне.

¹ Этот монолог представляет собой цитату из «Старого кордельера». — Р. Р.

Народ зашевелился, загудел, — по-видимому, одобрительно, — затем, после слов председателя, воцаряется полнейшая тишина.

Мужчина (в восторге). Вот это да! Ишь ты!..

Председатель. Вы знаете законы: отвечайте точно.
Дантон. Я — Жорж-Жак Дантон, тридцати четырех лет, уроженец Арси на реке Об, адвокат, депутат Конвента, проживаю в Париже, на улице Кордельеров.

Председатель. Дантон! Национальный Конвент обвиняет вас в том, что вы состояли в заговоре с Мирабо и Дюмурье, знали их планы, грозившие гибелью Свободе, и тайно их поддерживали.

Дантон раздражается громовым хохотом. В народе это вызывает дружный смех. Волна безудержной веселости прокатывается по залу. Озадаченные судьи, народ, даже подсудимые вытягивают шеи, чтобы лучше разглядеть Дантона; смех его до того заразителен, что и они не выдерживают. Вся зала дрожит от взрыва гомерического хохота.

Дантон ударяет кулаком по балюстраде.

Дантон (со смехом). Свобода в заговоре против Свободы! Дантон в заговоре против Дантона! Мерзавцы!.. Посмотрите мне в лицо. Вот она, Свобода! (*Обхватывает руками голову.*) Она в этом лице, представляющем собой ее безыскусственный слепок; она в этих глазах, в которых сверкает ее вулканическое пламя; она в этом рыкающем голосе, от которого дворцы тиранов бывают потрясены до самого основания. Возьмите мою голову, прибейте ее к щиту Республики. При одном взгляде на нее, как при взгляде на голову Медузы, все враги Свободы умрут от страха.

Аплодисменты.

Председатель. Я предоставил вам слово, чтобы вы защищали себя, а не восхваляли.

Дантон. Такой человек, как я, не защищается: мои действия говорят сами за себя. Мне нечего защищаться, не в чем оправдываться. В моей жизни нет ничего загадочного. Я не окружаю себя тайнами, чтобы путаться со старухой, как Робеспьер.

Смех в зале.

Женщина (в ярости). Это кощунство!

Дантон. Моя дверь всегда настежь, над моей кроватью нет полога. Все во Франции знают, когда я пью, когда я с

женщинами. Я — плоть от плоти народа, у меня такие же добродетели и пороки, как у народа, я ничего от него не таю. У меня все наружу.

Д а в и д. Сарданапал! Смотрите, как его выворачивает наизнанку!

П р е д с е д а т е л ь. Дантон! Ваши непристойные речи оскорбительны для суда. Грубость ваших выражений выдаст низость вашей души. Сдержанность — вот первый признак невинности, дерзость — первый признак преступности.

Д а н т о н. Если дерзость — преступление, то я бросаюсь в объятия преступления, я целую его взасос, а тебе, председатель, оставляю добродетель — фараоновы тощие коровы не в моем вкусе. Я люблю дерзость и горжусь этим, дерзость, с ее грубыми объятиями, дерзость, из лоно которой выходят герои. Революция — дочь дерзости. Это она разрушила Бастилию, это она, говоря моими устами, бросила парижский народ на штурм королевской власти, это она моими руками схватила за жирные уши отрубленную голову Коротышки Людовика и швырнула в лицо тиранам и их богу.

Народ в волнении; слышны одобрительные возгласы:

«Браво!»

П р е д с е д а т е л ь. Все эти ваши грубости вам не помогут. Я напоминаю о прямых обвинениях, которые вам предъявлены, и предлагаю отвечать на них точно, не выходя за пределы фактов.

Д а н т о н. Разве от такого революционера, как я, можно ожидать спокойного ответа? Душа моя — словно расплавленная медь. В моей груди отливается из нее статуя Свободы. И меня хотят обуздать! Хотят, чтобы я отвечал на вопросы, как на уроке катехизиса! Я прорву сети, которыми вы хотите меня опутать, вам не напялить на меня эту узкую рубашку — она затрещит по всем швам. Вы говорите: меня обвиняют! Где они, эти обвинители? Пусть покажутся, и я их опозорю, как они того заслуживают!

Большинство выражает одобрение. Давид и те, что сидят рядом с ним, негодуют.

П р е д с е д а т е л ь. Еще раз предупреждаю, Дантон: вы проявляете неуважение к представителям Нации, к суду и к державному народу, который имеет право потребовать, чтобы вы отдали ему отчет в своих действиях. Мара-

ту также были предъявлены обвинения. Но он не злобствовал на своих обвинителей. Он не противопоставлял фактам неистовство гладиатора и актера, он постарался оправдаться, и это ему удалось. Я не могу указать вам лучшего образца, чем этот великий гражданин.

Женщина (*проникновенно*). Мученик!

Дантон. Ну, что ж, я снизойду до самооправдания, я буду следовать плану, который принял Сен-Жюст... Когда я пробегаю весь этот перечень мерзостей, против него восстает все мое существо! Я продался Мирабо, герцогу Орлеанскому, Дюмуре?.. Я всегда против них боролся! Я расстроил замыслы Мирабо, когда нашел, что они опасны для Свободы. Я защищал от его нападок Марата. Я виделся с Дюмуре единственный раз, когда потребовал от него отчета в растраченных им миллионах. Я давно разгадал этого проходимца, чтобы не дать ему осуществить его намерения, льстил его самолюбию. Можно ли было его раздражать, когда спасение Республики зависело от него? Да, я посылал к нему Фабра, да, я обещал, что он будет генералиссимусом, но одновременно я поручил Билло за ним следить. Кто станет упрекать меня в том, что я лгал изменнику? Ради отчизны я шел и на другие преступления! Ханжи государства не спасают. Все преступления, все, какие только есть, я пронес бы на своих плечах не сгибаясь, если б это было нужно, чтобы спасти вас, вас всех, судей, народ, даже вас, низкие клеветники, которые смеют обвинять меня...

Движение в зале.

Я — в заговоре с королями! В самом деле, давайте вспомним, как я способствовал восстановлению монархии десятого августа, торжеству федералистов тридцать первого мая, победе пруссаков при Вальми!..

Голос (*из публики*). Помним, помним!

Дантон. Мои обвинители! Пусть мне их покажут! Я требую, чтобы мне дали поговорить с подлецами, которые губят Республику. Я открою важные вещи. Я требую, чтобы меня выслушали.

Народ. Конечно! Конечно!

Давид. Слыхали мы эти сказки! Гильотина по тебе плачет!

Председатель. Эти недостойные выходки только вредят вам. Ваши обвинители пользуются всеобщим уважением. Сначала оправдайтесь. Обвиняемый только тогда заслуживает доверия, когда он смыл с себя подозрения,

иначе его разоблачения не имеют цены. Сейчас идет речь не только о том, как вы служили Республике, — вам предъявлены обвинения как личности вообще, вас обвиняют в скандальном образе жизни, в распущенности, мотовстве, хищениях, лихоимстве.

Д а н т о н. Не выплескивай все сразу! Приверни кран в бочонке своего красноречия!

Смех в зале.

Цеди по капельке, чтобы не было утечки. Так в чем же меня обвиняют? В том, что я люблю жизнь, что я наслаждаюсь ею?.. Это верно, жизнь я люблю. Всем arrasским и женевским педантам, вместе взятым, не удастся задушить ту радость, которая бурлит в земле Шампани, от которой набухают почки на виноградных лозах и кипят человеческие страсти. Неужели я должен стыдиться своей жизненной силы? Природа наделила меня атлетическим телосложением и громадными потребностями. К счастью, я не принадлежу к вырождающемуся привилегированному сословию, вот почему, несмотря на все невзгоды, которые я претерпел на своем изнурительном поприще, мне удалось сохранить всю свою врожденную мощь. Чем же вы недовольны? Эта самая мощь вас же и спасла. Какое вам дело до того, что я провожу ночи в Пале-Рояле? Я не отнимаю этим у Свободы ни единой ласки. Меня хватит на всех. Вы изгоняете наслаждение? А разве Франция дала обет целомудрия? Разве нас отдали на выучку какому-нибудь хмурому педанту или же мы обязаны лишиться хвоста только на том основании, что у старого лиса хвост отрублен?

В зале громкий продолжительный хохот.

П р е с е д а т е л ь. Вы обвиняетесь в присвоении части денежных сумм, которые вам доверило государство. Вы брали из секретного фонда деньги на свои удовольствия. Вы занимались вымогательством в Бельгии и вывезли из Брюсселя три воза всякого добра.

Д а н т о н. Я уже опроверг эти нелепые выдумки. Во время Революции, когда я был у власти, мне было дано на хранение пятьдесят миллионов — я это признаю; я предлагал представить подробный отчет в их израсходовании. Камбон передал мне четыреста тысяч ливров на секретные расходы. Двести тысяч из них я выдал по предъявлении документов. Я не ограничивал в расходах Фабра и Вилло. Эти фонды служили мне рычагами, с помощью которых я поднимал восстания в провинции. Что же

касается смехотворной истории с салфетками эрцгерцогини, которые я будто бы вывез из Бельгии и отдал переметить, то что же, я, выходит, карманный вор? В Бетюне подвергли осмотру мои вещи, составили протокол, но ничего не нашли, кроме моих пожитков и бумазейного набрюшника.

Смех в зале.

Может быть, этот набрюшник оскорбляет нравственность Робеспьера?

Смех в зале.

Это, что ли, мне ставят в вину?

Председатель. Что вы повинны в хищениях, это доказывает широкий образ жизни, который вы ведете уже два года, — ваши собственные средства вам бы этого не позволили, значит, вы их пополняете за счет государства.

Дантон. На свое адвокатское жалование я купил в Арсийском округе небольшое имение. Я обеспечил скромную рентою свою мать, отчима и ту добрую гражданку, которая меня выкормила. Эти суммы не превышают моего дореволюционного заработка. Что же касается той жизни, какую я вел в Париже или в Арси, то весьма возможно, что я не стеснял себя грошовой экономией. Когда друзья приходят ко мне в гости, я не угощаю их супом из трав приготовления мамыши Дюпле.

Смех в зале.

Я не стану выгадывать ни на себе, ни на других. Как вам не стыдно высчитывать, сколько Дантон ест, сколько Дантон пьет! Еще немного — и отвратительное ханжество заразит всю Нацию. Законы природы вгоняют нас в краску, энергия внушает нам страх, мы закрываем лицо руками при виде вольного движения. Отрицательные добродетели заменили нам все остальные. Если только у человека больной желудок, а чувства молчат, если только он довольствуется кусочком сыра и спит на узкой кровати, вы уже называете его Неподкупным, и это прозвание избавляет его от необходимости быть храбрым и умным. Я презираю эти значеские добродетели. Быть добродетельным — это значит быть большим человеком и для себя и для отчизны. Если на вашу долю выпало счастье иметь в своей среде великого человека, то не попрекайте его куском хлеба. Потребности, страсти, жертвы — все у него не так, как у других. Ахилл съедал за обедом полбыка. Если Дантону требуется много топлива, чтобы нака-

лить его горн, бросайте поленья без счета: пламя этого костра охраняет вас от диких зверей, подстерегающих Республику.

Одобрительный говор в зале.

Д а в и д. Горлодер! Ну и орет! И как он не перервет себе глотку!

П р е д с е д а т е л ь. Значит, вы признаете, что совершали растраты, в которых вас обвиняют?

Д а н т о н. Лжешь, я только что это опроверг.

Н а р о д. Верно! Верно!

Д а н т о н. Я жил широко, честно, я был бережлив, но я не был скрягой в расходовании доверенных мне сумм. Дантон получал у меня только то, что ему полагалось. Вызовите свидетелей — я потребовал этого с самого начала, — и все подозрения будут рассеяны. Такие обвинения и нарекания нельзя оставлять висеть в воздухе. Только подробный их разбор, по пунктам, может положить им конец. Так где же свидетели? Почему их до сих пор нет?

Несколько голосов. Свидетелей!

Д а в и д (*одному из соседей*). А ну, замолчи! Изменников защищать? Смотри! Как бы и твоя голова не слетела!

П р е д с е д а т е л ь. У вас голос устал, Дантон, отдохните.

Д а н т о н. Ничего, я могу продолжать.

П р е д с е д а т е л ь. После перерыва вы бы защищались спокойнее.

Д а н т о н (*в ярости*). Я спокоен! Свидетелей! Три дня я добиваюсь свидетелей...

Несколько голосов. Верно! Верно!

Д а н т о н. ...Ни один из них еще не вызван. В присутствии народа я спрашиваю общественного обвинителя: почему не удовлетворено мое законное требование?

Г о л о с а. Свидетелей!

Ф у к ь е-Т е н в и л ь. Я и прежде ничего не имел против того, чтобы их вызвать, не возражаю и сейчас.

Г о л о с а. Ага!

Д а н т о н. В таком случае вели привести их, это же от тебя зависит.

Ф у к ь е-Т е н в и л ь. Итак, я даю разрешение на вызов свидетелей.

Одобрительные возгласы в публике.

Но только не тех, которых называли обвиняемые: они являются членами Конвента, обвинение же исходит от всего Национального собрания, и было бы странно вызывать

ваших обвинителей в качестве свидетелей со стороны защиты, особенно представителей народа, облеченных его высокой властью и ответственных только перед народом.

Э р о. Тонкая казуистика! (*Смеется вместе с Фабром.*)

Д а н т о н. Значит, мои коллеги могут меня убить, а мне нельзя даже уличить моих убийц?

Ф у к ь е. Как ты смеешь оскорблять представителей Нации?

Ф и л и п п о. Мы что же здесь, для проформы? Нам положено играть бессловесные роли?

К а м и л л. Народ, ты слышишь? Они боятся правды. Им страшно, что свидетельские показания их уничтожат.

Движение в зале.

П р е с е д а т е л ь. Не обращайтесь к народу.

Ф и л и п п о. Народ — наш единственный судья. Без него вы — ничто.

Гул одобрения.

К а м и л л. Я апеллирую в Конвент!

Н а р о д. В Конвент!

Д а н т о н. Вы хотите зажать нам рот. Вам это не удастся.

Мой голос потрясет Париж до самого основания. Света!
Света!

Н а р о д. Света!

Волнение в зале, после первых же слов Дантона о свидетелях нараставшее в своей грозной силе, раздражается ураганом криков и одобрительных возгласов, покрывающим все.

П р е с е д а т е л ь. Тише!

Весь народ (*в яростном ритме*). Свидетелей! Свидетелей!

Давид и его друзья протестуют, но их заставляют умолкнуть.

Судьи растеряны.

Ф у к ь е-Т е н в и л ь. Пора прекратить эти безобразные препирательства. Я сейчас пошлю запрос в Конвент...

Г о л о с а. Ага!

Ф у к ь е-Т е н в и л ь. ...относительно вашего ходатайства.

Как он решит, так мы и поступим.

Народ рукоплещет. Фукье и Эрман совещаются, составляют бумагу, вполголоса перечитывают написанное.

К а м и л л (*в восторге*). Мы выиграли!

Д а н т о н. Мы уличим этих мерзавцев. Вы увидите, как они плюхнутся носом в собственное дерьмо.

В зале смешок. Люди переговариваются, спорят.

Если же французский народ таков, каким он должен быть, то мне же еще придется просить помиловать их.

Филиппо. Помиловать тех, кто хочет нашей гибели?
Камилл (*весело*). Ничего! Сен-Жюста мы назначим школьным учителем в Блеранкур, а Робеспьера — церковным старостой в Сент-Омер.

В зале смешок.

Эро (*пожимая плечами*). Они неисправимы. Они и по дороге на эшафот все еще будут надеяться.

Дантон. Дурачье! Обвинять Дантона и Демулена в борьбе против Республики! Кто же у нас теперь патриот, Баррер, что ли? А Дантон — аристократ?

Смех в той группе, к которой обратился Дантон; смеются и присяжные.

Франция еще долго будет расплачиваться за эти враки. (*Одному из присяжных.*) Ты веришь, что мы заговорщики? Видите, он смеется, он не верит. Занесите в протокол, что он засмеялся.

Фукье (*отрываясь от своей работы*). Прошу прекратить частные разговоры. Это воспрещено законом.

Дантон. Поди-ка поучи своего отца, как надо рожать детей!

Во время разговора Дантона с его друзьями в зале смеются и весело переговариваются.

Ведь я же и учредил этот трибунал, так что я кое-что в этом деле смыслю.

Камилл. Я снова радуюсь дневному свету. Был момент, когда он казался мне тусклым, безжизненным, как в склепе.

Дантон. Оживился не свет, а ты сам. А то было совсем раскис.

Камилл. Я стыжусь своей слабости. У меня плоть немощна.

Дантон. Хитрец! Тебе просто хотелось понравиться женщинам. Ты своего добился. Смотри, вот та девчонка делает тебе глазки.

Эро (*мягко*). Бедные друзья мои! Мне жаль вас.

Дантон. Почему, красавчик?

Эро. Вы делите шкуру неубитого медведя, а ваша собственная уже продана.

Дантон. Моя шкура? Да, я знаю, на нее немало охотников. На нее целится Сен-Жюст. Что ж, пусть попробует! Если ему удастся, пусть сделает себе из нее коврик перед кроватью.

Эро. К чему вся эта суматоха? *(Пожав плечами, замолк.)*

Фукье, написав бумагу, отсылает ее с одним из караульных.

Председатель. Пока придет ответ Конвента, будем продолжать допрос.

Жандармы заставляют подсудимых сесть на свои места.

Народ. Тише, тише!

Председатель *(обращаясь к Филиппо)*. Ваше имя, фамилия, звание?

Филиппо. Пьер-Никола Филиппо, бывший судья Манского суда, представитель народа в Конvente.

Председатель. Сколько вам лет?

Филиппо. Тридцать пять.

Председатель. Когда вас послали в Вандею, вы пытались парализовать национальную оборону; злобными памфлетами вы стремились подорвать доверие к Комитету общественного спасения; вы участвовали в заговоре Дантона и Фабра, возникшем с целью восстановить королевскую власть.

Филиппо. Я обрушил гнев народа на разбой некоторых генералов. Это был мой долг, я его исполнил.

Председатель. В той беспощадной борьбе, где на карту поставлена Франция, ваш долг состоял в том, чтобы привести в действие все силы Нации, вы же их подрывали.

Филиппо. Ронсен и Росиньоль — это позор для человечества.

Давид. Он сам вандеец!

Фукье-Тенвиль. Ты являлся представителем не всего человечества, а своей отчизны.

Филиппо. Моя отчизна — человечество.

Несколько одобрительных возгласов. Большинство возмущено.

Председатель. А те, кто возбуждает в вас сочувствие, — роялисты, которых подавил Росиньоль, — сами-то они уважали человечество?

Филиппо. Преступление ничем нельзя оправдать.

Фукье-Тенвиль. Победой.

Д а в и д. Браво, Фукье!

Г о л о с а. Верно, верно, браво!

Ф и л и п п о. Обвинитель! Я обвиняю тебя.

К а м и л л. Я прошу народ обратить внимание на позорные слова обвинителя.

Ф у к ь е-Т е н в и л ь (*пожимая плечами*). Пусть народ судит!

Народ разделился; некоторые аплодируют Фукье; в зале идут громкие разговоры.

Д а н т о н (*тихо Демулену*). Молчи, дуралей! Ты бросаешь камни в мой огород.

К а м и л л (*с удивлением*). Как так?

Д а н т о н. Довольно я их сам себе накидал!

П р е с е д а т е л ь (*Вестерману*). Подсудимый, встаньте.

Н е с к о л ь к о г о л о с о в (*с любопытством*). Вестерман!.. Вестерман!..

В е с т е р м а н. Это мне? Фу, черт! Вперед!

П р е с е д а т е л ь. Ваше имя?

В е с т е р м а н. Сам знаешь.

П р е с е д а т е л ь. Ваше имя!

В е с т е р м а н (*пожимая плечами*). Полно дурака валять!.. Спроси у народа.

П р е с е д а т е л ь. Вы Франсуа-Жозеф Вестерман, уроженец Эльзаса, бригадный генерал. Вам сорок три года. По всем данным, вы были мечом в руках заговорщиков. Дантон вызвал вас в Париж, с тем чтобы вы взяли на себя командование войсками контрреволюции. В бытность вашу в армии вы совершали чудовищные злодеяния. Вы — виновник поражения при Шатийоне. Действуя заодно с Филиппо, вы старались истреблять патриотов, тогда как вы были обязаны защищать их. Ваше прошлое тоже отвратительно. Вы три раза привлекались к ответственности за воровство.

В е с т е р м а н. Врешь, скотина!

Смех в зале.

П р е с е д а т е л ь. Я отправлю вас обратно в тюрьму за оскорбление суда, и судить вас будут заочно.

В е с т е р м а н. В пятнадцать лет я уже был солдатом. Десятого августа я командовал народом при взятии Тюильри. Я участвовал в сражении при Жемапе. Дюмурье бросил меня в Голландии, когда я был окружен врагами, — я прорвался со своим легионом к Антверпену. Затем я был послан в Вандею. Там я задал жару разбойникам де Шаретту и де Катлино. Земля Савнэ, Ансени, Манса

утучнена их зловонными трупами. Разные сукины дети говорят, что я был жесток? Это они еще мягко выражаются: с трусами я был свиреп. Вы хотите улик против меня? Извольте: в Понторсоне я приказал кавалерии изрубить тех моих солдат, что обратились в бегство. В Шатийоне я ударом сабли рассек лицо офицеру-трусу. Я живо сжег бы мою бригаду, если б это было нужно для победы... Ты говоришь, я грабил? А тебе-то что? Дураки вы все. Я действовал как солдат — ведь я же не купец. Мой долг — защищать родную землю любыми средствами, и я исполнял его в течение тридцати лет, не жалея ни пота, ни крови. Я семь раз был ранен, причем из этих семи ран только одна в спину. Вот вам мой обвинительный акт.

Смех в зале, крики: «Браво!»

Председатель. Вы несколько раз при свидетелях оскорбили Конвент. Вы грозились обрушить дворцовый потолок на головы представителей народа.

Вестерман. Это правда. Я ненавижу это сборище болтливых злопыхателей — своей завистливой глупостью они только мешают всякому делу. Я говорил, что Конвент нуждается в хорошей метле и что я собственными руками вымету оттуда навоз.

Смех, возмущенные голоса.

Фукье-Тенвиль. Знай, ты признаешь, что участвовал в заговоре?

Вестерман. При чем тут заговор? Я один так думал. Один и действовал. Я ни с кем из этих не дружу. Мне несколько раз пришлось разговаривать с Дантоном, я его уважаю за то, что он человек деятельный, но ведь он тоже адвокат, а я адвокатам не доверяю. Францию спасут не речи, а сабли.

Несколько одобрительных возгласов и множество негодующих голосов. Некоторые начинают аплодировать, а потом они же особенно резко выражают свое возмущение.

Председатель. Довольно! Все ясно.

Вестерман. Отправляйте меня на гильотину! Гильотина — тоже что-то вроде сабельного удара. Я прошу об одном — чтобы меня положили на спину, я хочу лицом к лицу встретить топор.

Жидкие хлопки, волнение в зале. Чувствуется, что публика расположена к Вестерману, но она выжидает: ей нужно, чтобы кто-нибудь открыто стал на его сторону, и тогда она последует этому примеру, но примера никто ей не подает. Входят Вадье и Билло-Варенн. Фукье встает и пожимает им руки. Шум в зале.

Голоса. А, ответ! Ответ! Ответ Конвента! Конвента!.. Билло-Варенн (*вполголоса*). Теперь негодяи у нас в руках!

Вадье (*вполголоса, к Фукье*). Теперь вам будет легче. Фукье (*так же*). Наконец-то!

Волнение в зале, затем гробовое молчание. Фукье стоя читает; по правую и левую его сторону стоят оба члена Конвента.

(*Читает.*) «Национальный Конвент, выслушав доклады Комитета общественной безопасности, постановил: предложить Революционному трибуналу продолжать рассмотрение дела о заговоре Дантона и других.

Сильное, но безмолвное волнение в зале.

Председателю же вменяется в обязанность принять все законные меры к тому, чтобы заставить уважать свое достоинство и пресечь всякую попытку обвиняемых нарушить общественное спокойствие и помешать ходу дела, ввиду чего тот из обвиняемых, кто будет оказывать сопротивление или же оскорблять национальное правосудие, должен быть немедленно удален из залы суда».

Движение в зале. Публика перешептывается. Затем все громче: «Так, крепко!» Шум голосов. Обвиняемые ошеломлены. Но как только публика начинает говорить громко и оживленно, оцепенение сменяется у них взрывом негодования.

Камилл. Какая подлость! Нам затыкают рот!

Народ (*в волнении*). Верно! Верно!

Филиппо. Это не судьи, это мясники.

Дантон (*к Фукье*). Ты не дочитал до конца. Там же должно быть и другое. Ответ! Ответ на наше требование!

Народ. Да, да, ответ!

Председатель. Тише!

Мертвая тишина.

Фукье. Для того чтобы трибунал мог убедиться, какая опасность угрожает Свободе, Конвент переслал нам следующую бумагу, полученную Комитетами от полицейского управления.

Движение любопытства в зале. Люди обращаются друг к другу с вопросами.

(Читает.) «В Парижский округ.

Снова тишина.

Мы, администрация департамента полиции, получив донесение от привратника Люксембургской тюрьмы, немедленно отправились в означенную тюрьму и вызвали на допрос гражданина Лафлота, бывшего посланника Французской республики во Флоренции, содержащегося в означенной тюрьме около шести дней, каковой гражданин Лафлот показал, что вчера между шестью и семью часами вечера он находился в камере гражданина генерала Артура Диллона, причем вышеупомянутый Диллон, отведя его в сторону, сказал, что нужно оказать сопротивление угнетателям; что содержащиеся в Люксембургской и других тюрьмах, люди умные и мужественные, должны объединиться; что жена Демулена отдает в их распоряжение тысячу экю, для того чтобы вызвать беспорядки в толпе перед зданием Революционного трибунала...».

Волнение в зале.

К а м и л л (вне себя). Злодеи! Мало им умертвить меня, они хотят умертвить и мою жену! (Рвет на себе волосы.)
Д а н т о н (грозя Фукье кулаком). Мерзавцы! Мерзавцы!
Они выдумали этот заговор для того, чтобы нас доко-
нать!

Ропот в зале. Народ соглашается с Дантоном и выражает свое возмущение. Пока Фукье читает дальше, шум продолжается, и, наконец, превращается в настоящую бурю.

Ф у к ь е (продолжает, стараясь перекрыть толпу и постепенно овладевая ее вниманием). «Лафлот, желая как можно лучше ознакомиться с их планом, решил притвориться, что сочувствует их намерениям. Диллон, вообразив, что он втянул его в свой гнусный заговор, подробно рассказал ему о том, какие существуют у них проекты. Лафлот готов сообщить все подробности Комитету общественного спасения...».

Шум в зале заглушает его голос.

К а м и л л (словно обезумев). Чудовища! Каннибалы! (В руке у него бумаги; он комкает их и швыряет в лицо Фукье. Обращаясь к народу.) На помощь! Спасите!

В зале раздаются крики.

Дантон (*громоподобно*). Гнусные палачи! Тогда уж привяжите нас к скамьям, возьмите нож и перережьте нам жилы!

Народ (*взволнованный, потрясенный, ликует и рукоплещет*). Он задыхается! На губах пена!.. Великолепно! Какой голос, а?.. Bravo!

Филиппо. Тираны!

Дантон. Народ! Они истребляют нас, они и тебя удушат заодно с нами! Дантона убивают! Восстань, Париж! Восстань!

Два голоса (*в задних рядах, за ними повторяют все*).
Тираны!

Вестерман. К оружию!

Весь народ. К оружию!

Могучий рев толпы внутри и снаружи покрывает отдельные голоса. Сквозь ураган слабо доносится лишь рыканье Дантона. Дантон делает шаг по направлению к Вадье, путь к которому преграждают жандармы и стол председателя. Он грозит ему кулаком. Толпа улюлюкает, а Вадье, сгорбившись, пережидает бурю и смотрит исподлобья равнодушно-насмешливыми и злыми глазами.

Фукье (*бледный, взволнованный, обращаясь к обоим членам Конвента*). Как быть? Толпа может кинуться на нас каждую секунду.

Билло. Разбойники!.. Анрио, вели очистить зал.

Вадье. Это значит подать сигнал к бою, а ведь еще неизвестно, кто победит.

Фукье (*взглянув в окно*). На набережной собралась толпа. Того и гляди выломают двери.

Дантон. Народ! Мы можем все, мы одолели королей, разгромили европейские армии. На бой! Раздавим тиранов!

Вадье (*к Фукье*). Прежде всего пошли их обратно в тюрьму, чтоб не маячил здесь этот горлан.

Дантон (*грозя Вадье кулаком*). Посмотрите на этих подлых убийц! Они не успокоятся, пока нас не затравят... Вадье! Вадье! Собака! Поди сюда! Раз уж это война каннибалов, так пусть по крайней мере спор о моей жизни решится в кулачном бою!

Вадье (*к Фурье*). Обвинитель! Делай, что тебе повелевает Конвент.

Народ. Вадье — на фонарь!

Председатель ударяет кулаком по столу, шум стихает.

Фукье-Тенвиль. Обвиняемые защищаются недостойно, возмутительно, они имеют наглость оскорблять трибунал, грозить ему, — все это вынуждает трибунал принять меры, соответствующие настоящим чрезвычайным обстоятельствам. Вследствие этого я требую, чтобы вопросы присяжным были поставлены и приговор был вынесен в отсутствие подсудимых.

Общая растерянность и безмолвное смятение. Затем — и так до конца действия — народ, охваченный лихорадочным волнением, говорит уже не умолкая.

Председатель. Трибунал рассмотрит это требование. Подсудимые должны сесть по местам.

Дантон как будто не понимает происходящего; из груди его вырывается хриплый звериный рев.

Вадье (вполголоса). Кричи, кричи, голубчик! Теперь все равно не поможет.

Эро (встает и смахивает пыль с платья). Все кончено.

Дантон (дает жандармам подвести себя к скамье и в изнеможении опускается). Крышка!.. (Сдерживая порыв ярости.) Полно, Дантон, полно! Участь твоя решена.

Камилл (кричит). Я друг Робеспьера! Меня не могут осудить...

Вестерман (Дантону). Скажи ты этому мальчишке, чтоб он себя не унижал.

Дантон (с убитым видом). Они сошли с ума. Несчастливая страна! Что с тобою станется, когда ты лишишься такой головы?

Эро (Демулену). Друг мой! Возьми себя в руки, покажем, что мы умеем умирать.

Дантон. Мы довольно пожили, теперь будем покоиться на лоне Славы. Ведите нас на эшафот!

Камилл. Жена моя! Сын мой! Я вас больше не увижу!.. Нет, не может быть. Друзья мои, друзья мои, спасите!

Председатель. Уведите подсудимых.

Дантон. Сиди смирно и не обращай к этой гнусной сволочи.

Эро (как бы желая ускорить конец, поднимается, не дожидаясь жандармов, которые заставляют подсудимых встать, и направляется к Фабру). Обопрись на мое плечо, друг мой, — твоим страданиям пришел конец.

Ф а б р д'Э г л а н т и н. Перед смертью нам удалось посмотреть отличный спектакль.

Д а н т о н. Да уж, Фабр, не в обиду тебе будь сказано, эта пьеса не чета твоим.

Ф а б р. Ты не знаешь последней моей пьесы — там были неплохие места. Боюсь, как бы Колло д'Эрбуа не уничтожил рукопись. Он мне завидует.

Д а н т о н. Утешься: то, над чем ты мучился всю жизнь, теперь придумали для всех нас.

Ф а б р. Что именно?

Д а н т о н. Развязку.

Э р о. Пусто будет завтра в Конvente. На меня нападает зевота при одной мысли о том, что оставшиеся в живых должны будут слушать Робеспьера и Сен-Жюста, Сен-Жюста и Робеспьера — и под страхом смерти не спать.

Д а н т о н. Робеспьера они будут слушать недолго. Я первый схожу в могилу. Робеспьер последует за мной.

Ф а б р. Мне бы все же хотелось проследить развитие характеров некоторых мелких жуликов: Барраса Тальена, Фуше, но это я уж слишком многого захотел. Пойдем, Эро.

Ф а б р и Э р о уходят.

К а м и л л (*цепляясь за скамью, от которой его оттаскивают жандармы*). Я не пойду! Вы меня убьете в тюрьме. Спасите! Спасите! Народ! Я создал Республику! Защити меня — я тебя защищал!.. Вы меня не уведете отсюда, злодеи! Подлецы! Убийцы!.. Ах, Люсиль! Гораций! Любимые мои! Любимые мои!

Н а р о д. Нет, нет, так нельзя, это подло! Бедный мальчик, оставьте его, его не надо казнить!

Толпа возбуждена; она хочет действовать, но не решается; чувствуется, однако, что недовольство растет.

Камилл продолжает кричать. Его уносят.

Д а н т о н (*растроган*). У меня тоже есть жена, дети. (*Встряхнувшись*.) Полно, Дантон, не поддавайся слабости.

В е с т е р м а н (*Дантону*). Почему ты не воспользуешься возмущением народа? Он готов ринуться в бой.

Д а н т о н. Эта сволочь? Да что ты!.. Балаганная публика! Их забавляет зрелище, которое мы им устраиваем. Они собрались здесь, чтобы рукоплескать тому, кто победит. Я их набаловал: я всегда действовал за них.

В е с т е р м а н. Ну, так действуй же!

Дантон. Поздно. Да и плевать мне на все теперь. Республика погибла — я предпочитаю умереть раньше.

Вестерман. Вот плоды твоей нерешительности. Что бы тебе опередить Робеспьера!

Дантон. Революция не может обойтись без таких голов, как я и Робеспьер. Я мог бы себя защитить, только удюшив его. Революцию я люблю больше, чем себя.

Вестерман уходит.

Филиппо. Пойдем и мы с тобой, Дантон. У нас есть то утешение, что мы и умирая остаемся такими, какими были в жизни.

Дантон. Я шел на любые преступления ради Свободы. Я брался за самые страшные дела, которые отпугивали лицемеров. Я всем пожертвовал для Революции и вижу теперь, что напрасно. Эта девка меня обманула; сегодня она отрекалась от меня, завтра отречется от Робеспьера; она откажется первому попавшемуся проходимцу, который залезет к ней в постель. Ну, что ж! Я не жалею. Я люблю ее, я счастлив тем, что обесчестил себя ради нее. Мне жаль тех бедных малых, которых Свобода так и не приласкала. Кто хоть раз поцеловал эту дивную тварь, тому и умереть можно: он жил. *(Уходит вместе с Филиппо.)*

Фукье-Тенвиль. Считаю, что присяжные могут признать судебное разбирательство оконченным.

Председатель. Присяжные удаляются на совещание.

Присяжные уходят.

Народ настроен мрачно, волнуется, колеблется. Снаружи доносятся голос Дантона и гневные крики толпы. Публика теснится к окнам. Некоторые из членов трибунала тоже подходят и смотрят. Люди, находящиеся в зале суда, подхватывают слова, долетающие снаружи, сначала вполголоса, потом все громче.

Писец *(выглянув в окно)*. Вон они, выходят!

Народ *(вокруг него, теснится к окну)*. Где? Где?..

Писец. Демулен воеет, отбивается.

Девушка. Бедняжка! Он помешался. Одежда на нем разорвана, грудь голая!

Писец. Дантон говорит.

Народ. Слушайте.

Снаружи доносится голос Дантона.

Народ *(на улице)*. Да здравствует Дантон! Фукье — на фонарь!

Н а р о д (*в зале, повторяет*). Да здравствует Дантон, смерть Фукье!

Ф у к ь е. Начинается мятеж. Нас могут разорвать в клочки. **В а д ь е**. Нельзя допустить, чтобы эти крики повлияли на умонастроение присяжных. Пойдем туда, надо им все объяснить.

В а д ь е и Ф у к ь е уходят в комнату присяжных. Толпа выражает им свое возмущение.

Часть толпы, которая далеко от окна. Так нельзя, Вадье! Вадье, это несправедливо! Так не судят!

Другие, у окна, продолжают смотреть.

П и с е ц. Бегут за повозкой. Машут шляпами.

Т о л п а. А-а-а! А-а-а!

П и с е ц. Жандарма сбросили с лошади!

Т о л п а. Bravo! Их нельзя казнить!.. Других — как хотят, но не Дантона! Свободу Дантону! Свободу Дантону!

Оглушительные крики в зале и на улице.

П р е с е д а т е л ь (*оторопел*). Граждане!.. Неприкосновенность суда... уважение к правосудию...

Рев толпы заглушает его голос.

Т о л п а. Дантона!.. Освободите нам Дантона!

П р е с е д а т е л ь. Мы в западне. Они здесь не оставят камня на камне. (*Пятится к двери, хватается за ручку*).

Т о л п а. Дантона!.. Комитет истребляет патриотов! Смерть Комитету!

Входит Сен-Жюст. Народ в испуге мгновенно смолкает.

Н а р о д. Сен-Жюст!.. Сен-Жюст!..

По толпе пробегает дрожь. Молодой человек, кричавший: «Свободу Дантону!» — останавливается на полуслове и так и остается с полуоткрытым ртом. Сен-Жюст смотрит на толпу холодным, суровым, пристальным взглядом. Толпа отступает. Несколько секунд длится гробовое молчание. Затем ропот слышится снова, но уже не такой громкий.

Ж е н щ и н а. Сен-Жюст! Освободи Дантона!

Н е с к о л ь к о г о л о с о в. Помиловать Дантона!

Ропот.

В а д ь е (*вошел вместе с Сен-Жюстом; воспользовавшись минутным затишьем*). Граждане! Продовольственная комиссия республики...

Толпа шикает на тех, кто продолжает разговаривать.

Г о л о с а. Да будет вам!.. Тише!

В а д ь е (*продолжает*). ... доводит до вашего сведения, что сегодня вечером в порт Берси прибывает караван судов с мукою и топливом.

Поднимается невероятный шум.

Г у л г о л о с о в. Пропусти!

— Куда лезешь?

— Я спешу!

— А мне, что ли, не к спеху?

— Подождешь!

— Пошел к черту!

— Скорей!

— погоди, я хочу дождаться конца.

Д в а с т а р ы х б у р ж у а. Мы — потихоньку, пусть они себе орут.

— Пospешишь — людей насмешишь.

Давка. Все стараются пробраться к выходу, толкаются, дерутся. Только немногие любопытные остаются до конца процесса.

В а д ь е (*оглядывая толпу, ехидно*). Сердце у них доброе, но желудок еще лучше.

Возвращаются присяжные. Монотонный голос председателя, который задает им вопросы, заглушают крики толпы, теснящейся у выхода. Постепенно шум удаляется, и голос Эрмана звучит все явственнее. Приговор оглашается среди мертвой тишины.

П р е с е д а т е л ь (*присяжным*). Граждане присяжные!

В нашей стране существовал заговор, имевший целью оклеветать и опорочить национальное представительство, восстановить монархию и путем подкупа подорвать основы республиканского строя. Принимал ли Жорж-Жак Дантон, адвокат, член Национального Конвента, участие в этом заговоре?

С т а р ш и н а п р и с ь я ж н ы х. Да.

П р е с е д а т е л ь. Принимал ли Люси-Симплиций-Камилл Демулен, адвокат, член Конвента, участие в этом заговоре?

С т а р ш и н а п р и с ь я ж н ы х. Да.

П р е с е д а т е л ь. Принимал ли Мари-Жан Эро Сешель, генеральный прокурор, депутат Конвента, участие в этом заговоре?

С т а р ш и н а п р и с ь я ж н ы х. Да.

Председатель. Принимал ли Филипп-Франсуа-Назер Фабр, именуемый д'Эглантином, депутат Конвента, участие в этом заговоре?

Старшина присяжных. Да.

Председатель. Принимал ли Пьер-Никола Филиппо, бывший судья, депутат Конвента, участие в этом заговоре?

Старшина присяжных. Да.

Председатель. Принимал ли Франсуа-Жозеф Вестерман, бригадный генерал, участие в этом заговоре?

Старшина присяжных. Да.

Фукье-Тенвиль. Я требую применить закон.

Председатель. Вследствие сего суд приговаривает Жоржа-Жака Дантона, Люси-Симплиция-Камилла Демулена, Мари-Жана Эро Сешеля, Филиппа-Франсуа-Назера Фабра, именуемого д'Эглантином, Пьера-Никола Филиппо и Франсуа-Жозефа Вестермана к смертной казни. Настоящий приговор должен быть им объявлен в тюрьме Консьержери через секретаря трибунала и приведен в исполнение сего шестнадцатого жерминаля на площади Революции.

Толпа расходится.

Давид и его друзья. Ну, вот и все. Зверь затравлен! Теперь отведаем мяса!.. Да здравствует Конвент!

Уходят.

Два старых буржуа (вполголоса). Ну, что скажете?

— Нет, уж я лучше помолчу.

— Жизнь, она хоть кого состарит.

Разводят руками и, покачивая головой, крадучись направляются к выходу.

Отдаленный шум, долетающий с улицы, мало-помалу стихает. На авансцене остаются непреклонные Сен-Жюст, Вадье, Билло-Варен и молча смотрят друг на друга.

Вадье. Колосс сгнил и рухнул. Республика вздохнет с облегчением.

Билло-Варенн (метнув на Сен-Жюста свирепый взгляд). Республика будет свободной только тогда, когда не останется ни одного диктатора.

Сен-Жюст (сурово посмотрев на Вадье и Билло). Республика будет чистой только тогда, когда не останется ни одного хищника.

Вадье (хихикая). Республика будет свободной, Республика будет чистой только тогда, когда не будет самой Республики.

Сен-Жюст. Идеи не нуждаются в людях. Народы умирают, но ими жив бог.

РОБЕСПЬЕР

"Декларация прав
человека и гражданина"

21 avril, 1793.

SOCIÉTÉ

DES

AMIS DE LA LIBERTÉ ET DE L'ÉGALITÉ
SÉJOURNANT ANTEAUX CI-DEVANT JACOBINS, SAINT-
HONORÉ, A PARIS,

DÉCLARATION
DES DROITS DE L'HOMME
ET DU CITOYEN,
PRÉSENTÉE
PAR MAXIMILIEN ROBESPIERRE.

Максимилиан Робеспьер.

Игральная карта времен Революции
Юстиция ("равенство перед законом")

Гильотина

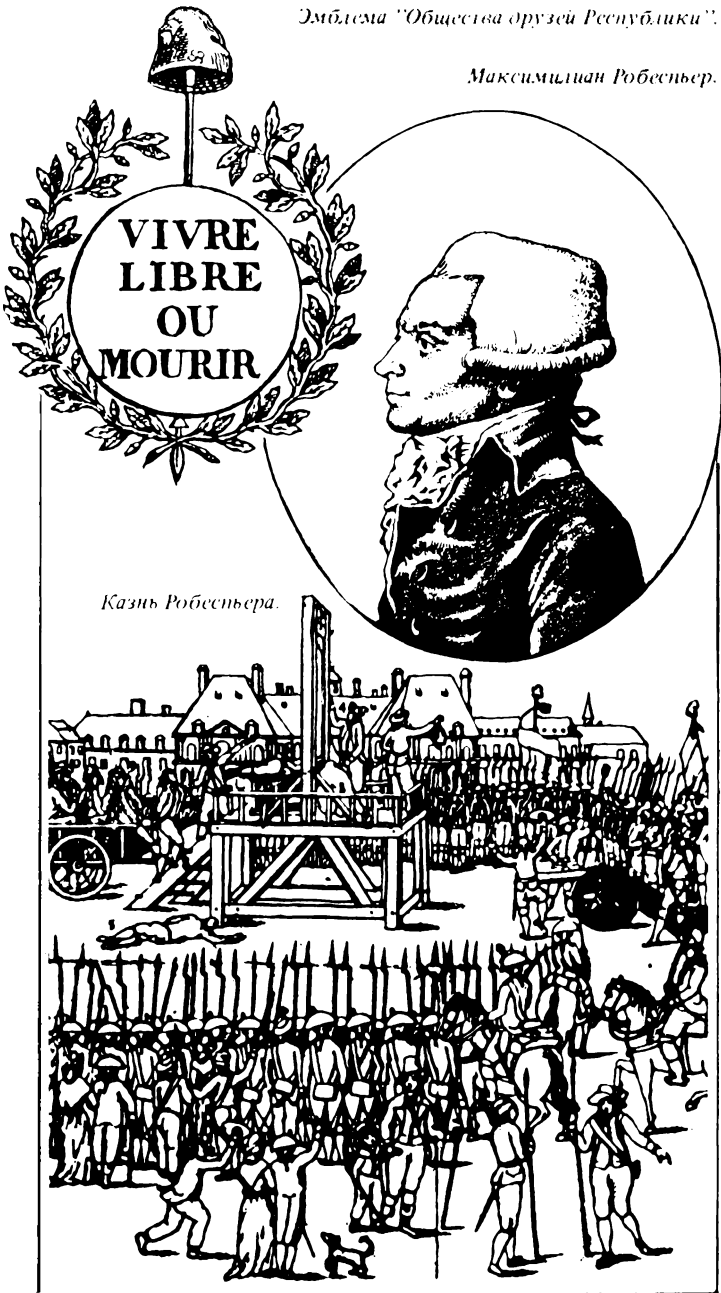

9 термидора 1794 г.

Эмблема "Общества друзей Республики".

Максимилиан Робеспьер.

Казнь Робеспьера.

Мне было тридцать лет, когда я задумал написать обширную драматическую эпопею в двенадцати пьесах о Французской революции. И вот в семьдесят два года я заканчиваю произведение, которое, по мысли моей, должно завершать собою этот цикл — драму «Робеспьер». Я никогда не переставал о ней думать, но взялся за перо только в этом году, когда почувствовал, что овладел темой всецело. Сейчас, кажется, настало время осуществить этот замысел.

Суть трагедии можно изложить в немногих словах.

Три с половиной месяца протекают между началом и концом драмы, между казнью Дантона и казнью Робеспьера.

Все лица, которых я вывожу на сцену (кроме шайки роялистских шпионов и заговорщиков на заднем плане да нескольких авантюристов и прожигателей жизни, вроде Барраса), эти суровые проконсулы, члены обоих Комитетов и представители Конвента в провинции, все они — искренние и пламенные республиканцы. Не только убеждения, но и личные интересы побуждают каждого из них спасти Республику, ибо их судьбы неразрывно связаны с ее судьбою: все они, даже Фуше, бесповоротно скомпрометировали себя, голосуя за казнь короля. И, однако, они с ожесточением разрушают свое собственное создание — Республику. Их обуевают страсти, ненависть, подозрения; необузданная ярость мешает им видеть, куда они идут, предает их в руки злейших врагов Республики. В этом их роковая судьба, тот неотвратимый рок, с которым некогда вступил в спор Эдип. (Припомните слова Наполеона: «Политика — это современный рок...».) Несмотря на свою прозорливость, Робеспьер, так же как и его противники, не в силах вырваться из смертоносных объятий змея. В иные минуты, словно при вспышках молнии, люди эти видят, в какую бездну они летят, они ужасаются, но уже не могут вернуться вспять. Добавьте к этому, что силы их подорваны за пять лет революции, что все они измучены постоянным напряжением и усталостью. Многие из них тяжело больны, как, например, Робеспьер и Кутон. В довершение всего невыносимо жаркое лето 1794 года, сорок дней палящего зноя, способного све-

сти с ума. И, наконец, множество опасностей, угрожающих им всякий день и отовсюду, — войны внешние, войны внутренние, нашествие неприятеля, заговоры, убийства, взаимное недоверие, болезненная подозрительность и мания преследования.

Я не старался их идеализировать. Я не пытался утаить их ошибки и заблуждения. Меня самого захватила могучая волна, которая увлекла их за собой. Я видел то, что было искреннего в этих людях, губивших друг друга, я видел грозную судьбу революций. Так было не только в те времена. Так бывало и во все времена. И по мере сил я попытался это показать.

Ромен Роллан

26 октября 1938 года

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Максимилиан Робеспьер, 36 лет	}	члены Комитета общественного спасения.
Сен-Жюст, 27 лет		
Кутон, 39 лет		
Лазар Карно, 41 года		
Вилло-Варенн, 38 лет		
Колло д'Эрбуа, 44 лет	}	члены Комитета общественной безопасности.
Вертран Баррер, 39 лет		
Робер Лендэ, 51 года		
Приер из департамента Кот д'Ор, 30 лет		
Леба, 30 лет		
Давид, 46 лет		
Вадье, 60 лет		
Амар		
Жозеф Фуше, 35 лет		
Тальен, 27 лет		
Баррас, 39 лет	}	члены Конвента.
Матьё Реньо, 56 лет		
Сийес, 46 лет		
Карье, 38 лет		
Огюстен Робеспьер, 31 года		
Лоран Лекуантр, 50 лет		
Вурдон из департамента Уазы, 36 лет		
Мерлен де Теонвиль		
Тюрьо		
Фрерон, 40 лет		
Дюран-Майян, 65 лет	}	члены Совета Парижской коммуны.
Генерал Лазар Гош, 26 лет.		
Гракх Вабеф, 34 лет.		
Флерио-Леско, архитектор, мэр Парижа, 38 лет		
Пэйан, уполномоченный Коммуны, 27 лет		
Кофиналь, врач, командир канониров Коммуны, 50 лет		
Морис Дюпле, старик столяр, присяжный Революционного трибунала, 56 лет.		
Молодой Дюпле, сын его, 16 лет.		
Симон Дюпле, по прозвищу Деревянная Нога, племянник его, секретарь Робеспьера, 25 лет.		
Элеонора Дюпле, 26 лет.		
Элизабета Дюпле, жена Леба, 22 лет.		
Анриетта Леба, сестра Леба, 19 лет.		

Жанна Фуше, жена Фуше, 30 лет.
Кларисса, секретарша Баррера, 25 лет.
Старуха крестьянка, 60 лет.
Межан, секретарь Карно, 35 лет.
Коллено, шпион роялистов, 45 лет.
Анрио, командующий Национальной гвардией, 33 лет.
Мерда, жандарм, 22 лет.
Вилат, присяжный Революционного трибунала.
Народ Парижа.
Депутаты Конвента, стражники, жандармы, канониры, вооруженные секционеры, якобинцы, мюскадены, заговорщики, шпионы, перекупщики, зеваки, женщины и дети, разношерстная толпа.
Действие происходит в Париже с 5 апреля по 28 июля 1794 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

*Дом Дюпле на улице Сент-Оноре, № 576, 16 жерминаля
11 года (5 апреля 1794 года).*

Старик Дюпле с помощью младшего сына и племянника Симона поспешно затворяет окна, выходящие на улицу.

Дюпле. Затворяйте, затворяйте окна, запирайте, запирайте ставни!

Молодой Дюпле (высовывается в окно и затворяет ставень). Вон телега, смотрите!

Из двери слева появляется Робеспьер; на мгновение останавливается на пороге. Он мертвенно бледен.

Дюпле (оборачивается, видит его). Максимилиан, лучше ступай к себе.

Робеспьер (как будто не слыша). Да. (Выходит на середину комнаты.)

Дюпле. Сейчас они проедут мимо нас... Я затворю окна.

Робеспьер, не двигаясь с места, безмолвно кивает головой в знак согласия.

Слышатся крики толпы. Все голоса покрывает чей-то бешеный рев.

Симон Дюпле. Это рычит Дантон. (Подходит к Робеспьеру и почтительно берет его за руку.) Тебе бы лучше уйти.

Робеспьер (как будто не слыша). Да. (Садится у стола посредине комнаты. Выпрямился, застыл, напряженно прислушивается.)

Симон Дюпле (*подходит к старику Дюпле и указывает глазами на Робеспьера*). Напрасно он... Уведи его отсюда.

Крики толпы становятся громче.

Дюпле (*подойдя к Робеспьеру*). Максимилиан, ты был тяжело болен, ты и теперь еще нездоров — ступай к себе, уйди отсюда, тебе здесь не место.

Робеспьер. Оставь меня, Дюпле. Я хочу быть здесь. Мне это нелегко, сам знаешь. Но я не должен прятаться.

Снаружи доносятся стук колес, скрип телеги, конский топот.

Голос Дантона (*подобный грому*). Эй, Робеспьер!..

Робеспьер встает, выпрямляется.

Ты здесь, ты спрятался... Убийца!..

Оскорбительные возгласы, подхваченные другими осужденными, тонут в шуме и реве толпы. Но вот среди криков выделяется один пронзительный вопль.

Голос Камилла Демулена. Максимилиан!

Робеспьер бесстрастно, с гордо поднятой головой выслушал проклятия Дантона, но зов Камилла словно ранит его в самое сердце; он прижимает дрожащие руки к груди.

Симон и молодой Дюпле (*друг другу*). Это Демулен.
Голос Демулена. Спаси меня! Спаси меня! Я был тебе другом!

Голос Дантона. Замолчи, трус! Ты нас позоришь...

Голос Демулена. Пощады! На помощь! На помощь!
Максимилиан!

Робеспьер подымается со стула, делает несколько шагов к окну. Старик Дюпле преграждает ему дорогу, ласково берет за руку.

Голос Дантона. Не трать слез понапрасну! Довольно вопить, плюнь в лицо твоему палачу!

Голос Демулена. Мясник! Живодер! Режь нас! НÁ, бери мою голову. Пей нашу кровь!

Робеспьер бежит к двери, невольно затыкая уши. Слышно, как телега удаляется, крики затихают.

Голос Дантона (*издалека*). Робеспьер!.. Я первый схожу в могилу. Ты последуешь за мной... До скорого свидания...

Робеспьер обернулся, прислонился к стене, возле двери, высоко подняв голову.

Р о б е с п ь е р (*твердым голосом*). Ну, что ж! До скорого свидания!.. Пусть будет так!..

З а н а в е с.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дворец Тюильри, Комитет общественного спасения, вечер 5 апреля. Угловой павильон, наискосок от фасада павильона Равенства. В глубине — три больших окна с частым переплетом, выходящих на площадь Карусели. У задней кулисы — стол председателя и двух его помощников. Справа и слева, под прямым углом, — еще два стола, для остальных членов Комитета. Напомним, что в Комитете осталось одиннадцать членов — двенадцатый, Эро де Сешель, гильотинирован несколько часов назад. Последние отблески заката.

Б и л л о - В а р е н н, К о л л о д'Э р б у а, К а р н о, Б а р р е р.

К о л л о. Уф! Наконец-то прикончили зверя!

К а р н о. Его рычание доносилось сюда через весь парк.

Б а р р е р. Да, теперь, когда он умолк, наступила тишина, пустота во мраке!

Б и л л о. До той самой минуты, пока ему не отрубили голову, я все опасался, как бы он не взбаламутил толпу, неверную, изменчивую, полную врагов.

Б а р р е р. «Врагов»? Нет. И друзей тоже. Это зрители на бое быков. Они рукоплещут и быку и удару шпаги матадора.

К а р н о. Удар был метко направлен.

Б а р р е р. Да, у юноши твердая рука. Без доклада нашего Сен-Жюста Конвент не пошел бы на это.

К а р н о. Но ведь доклад продиктовал твоему Сен-Жюсту тот, другой, наш безупречный, наш Неподкупный...

Б и л л о. Трудненько было вырвать у него согласие. Целые две недели мы с Колло его уламывали. Пришлось пойти на уступки. За голову Демулена — голову Эбера. Он ни за что не хотел выпускать свою добычу.

К а р н о. Просто боялся. Ведь он трус. Боялся падения Дантона. Привык прятаться за его спину.

Б и л л о. Нет, Карно, тебя ослепляет ненависть. Я не меньше твоего ненавижу Робеспьера. Но надо же быть справедливым. Вспомни, как этот человек, больной, измученный, изнуренный лихорадкой, встал с постели, чтобы сразить-

ся со сворой Папаши Дюшена и с преторианцами¹ Ронсена; вспомни, как он через силу дотащился до Клуба якобинцев и дал отпор смутьянам, приняв все их угрозы и проклятия на свою голову. Я сам был тому свидетель. Кто смеет назвать его трусом? Кто из нас, одиннадцати, не заключил договора со смертью? Но он-то — он обречен и сам это знает. Знает, что смерть ждет его, настагает и что ему предстоит погибнуть или от рук наших врагов, или, если он собьется с пути, от нашей руки; иного выбора у него нет. И это тоже ему известно.

Б а р р е р. Ты, Билло, охотно защищаешь людей от других. А кто их защитит от тебя?

Б и л л о. Честность республиканца. Пусть не домогаются власти.

Во время этого разговора входит М е ж а н, начальник канцелярии Комитета, с пачкой бумаг, которые он дает на подпись то одному, то другому. Подносит их и Барреру.

Б а р р е р (*подписывает, продолжая разговаривать*). В данный момент Комитету выгодно поддержать авторитет Робеспьера. Нам необходимо его влияние, чтобы задушить стоглавую гидру мятежа.

Б и л л о. Да, ты прав, Баррер. Хотя мы беспощадно отсекаем ей головы, они снова и снова вырастают со всех сторон. Еще месяца не прошло, как мы раскрыли заговор Ронсена, этого нашего Кромвеля; помните, какое брожение началось во всей армии? Если бы не энергичные действия Комитета, Республика оказалась бы под сапогом самой гнусной военной диктатуры. Затем Питт с помощью английского золота, через своих банкиров вел торг с Дантоном и продажными членами Конвента, добиваясь восстановления монархии. Весь вопрос в том, кто из нас опередит другого. Мы отрубили головы жожакам. Но их подлые шайки все еще скрываются. Как их выловить? Коварные обманщики прячутся то под личиной милосердия, то под личиной самого ярого якобинства. Враги кишат всюду.

К а р н о. Враг пробрался и сюда. О наших тайных совещаниях кто-то доносит Питту.

Б и л л о. Теперь уже никто не донесет. Тот, кто нас предавал, негодяй Эро, погиб сегодня на эшафоте.

К а р н о. Нет, нас выдают по-прежнему. Только что перехва-

¹ Преторианцы, преторианская гвардия — привилегированная часть войска в Древнем Риме, основная опора императорской власти.

чено еще одно донесение, отправленное из Парижа в ставку эмигрантов королю Веронскому; ему доносят о том, что известно одним только нам. Письмо написано уже после того, как Эро посадили под замок. Дай-ка сюда, Межан... Вот оно! *(Показывает письмо, которое вручил ему Межан.)*

Билло *(хватает письмо)*. Быть не может! *(Читает и, ошеломленный, опускается на стул.)* Среди нас есть предатель!

Колло вырывает у него письмо. Бумага переходит из рук в руки. Все поражены и взволнованы.

Колло *(ходит по комнате большими шагами)*. Негодяи... Разбойники! Где их захватить? Как их обнаружить?

Билло *(разъяренный, вскакивает и обходит своих коллег, всматриваясь каждому в лицо)*. Уж не ты ли? А может быть, я сам?

Баррер *(затворяет окна)*. У стен, у окон есть уши.

Входит Сен-Жюст.

Сен-Жюст. Что это с вами?

Баррер. Читай, Сен-Жюст!

Сен-Жюст *(прочитав письмо)*. Эро оставил после себя гниль и заразу. Все ваши канцелярии надо сжечь дотла. Ваши министерства — это свалка бумаг, зловонная яма, где притаилась продажная сволочь, торгаши, шпионы, все предатели Республики. *(При этих словах он взглядывает на Межана — тот собирает бумаги и быстро выходит.)*

В продолжение этой сцены Межан еще раза два бесшумно проскальзывает в зал — якобы для того, чтобы подписать какие-то бумаги. С самым безразличным видом он внимательно прислушивается к разговорам, не упуская ни слова.

Карно. Кто обвиняет всех, не обвиняет никого. Скажи, кого ты подозреваешь?

Сен-Жюст. Тебя, Карно, и весь этот сброд из военного министерства, четыре сотни чинуш, мужчин и женщин, завязтых крикунов и развратников, которыми командуют бывшие дворяне! Тебя, Баррер, тебя, фронт на красных каблуках...

Баррер *(смеясь)*. И, добавь, в красном колпаке.

Сен-Жюст. Тебя, чьи канцелярии на улице Шерути стали рассадниками щегольства и наглости, приютом монархистов, тебя, который пригревает в канцелярии иностранных дел чиновников-немцев да еще сажает их начальниками.

Баррер. Я ручаюсь за своих щеголей.

Колло (насмешливо). И за своих щеголих, Анакреон?

Входит Кларицца, молоденькая секретарша Баррера, и подает ему новую пачку бумаг для подписи.

Баррер (подписывает бумаги, берет ее за подбородок и отпускает). Вот за эту я ручаюсь.

Кларицца уходит.

Благодаря ей нам удалось изобличить Эро.

Билло (недоверчиво). Она предает одного, чтобы вызволить других. Она выщиплет тебе все перья.

Баррер (улыбаясь). Она мое перо.

Колло. Вернее, твоя перина.

Сен-Жюст. После поговорите о своих грязных похождениях. Ваш разврат — оскорбление для нищего, голодного народа. Мы здесь находимся на посту, — мы слуги Нации и ей лишь обязаны дать отчет. Во всех ваших канцеляриях и даже здесь, в самом Комитете, царит преступный беспорядок, безделье, хаос, а расходы громадные. Бумаги теряют или выкрадывают. Это — гнездо предателей. Я требую чистки канцелярий. И начать надо, Карно, с твоих людей, с твоего министерства, там полно контрреволюционеров.

Карно. Ты с ума сошел! Эти люди помогают нашей победе.

Сен-Жюст. Если бы мы с Леба не находились при армии и не противодействовали им, они помогли бы нашему поражению.

Карно. Ты ничего не смыслишь в военном деле и не имеешь права судить о нашей стратегии. Пока я возглавляю военное министерство, я один всем распоряжаюсь. Мы посылаем тебя в армию только для того, чтобы проверять выполнение наших приказов. Но оспаривать их ты не вправе, так же как любой из моих офицеров.

Сен-Жюст. «Твоих» офицеров. Ты что, Цезарь?

Карно. Я скорее стал бы Брутом, если бы среди нас появился Цезарь. Но что до тебя, я спокоен: Цезаря из тебя не выйдет. Ты просто школяр, который вы зубрил трагедию по указке своего учителя — педанта.

Баррер. Перестаньте ссориться! Теперь не время. Наши Комитеты, сама Революция в опасности, кругом заговоры.

Карно. Однако топор поработал на славу.

Билло. Вот именно. Мы расправились с гидрой мятежа, но обрубки ее — жирондисты, эбертисты, дантонисты — из-

виваются в бешенстве, точно разрубленные змеи, и пытаются вновь срастись.

К о л л о. Этим пользуются враги; за ними тучей тянутся фельяны, роялисты, попы и буржуа — все, кто одержим бешеной ненавистью к Революции.

Б а р р е р. И всюду рука Англии, ее интриги и золото. Всюду прокрались ее тайные агенты — в наши крепости, где они взрывают арсеналы, в наши клубы, где они разжигают вражду. Английские биржевые маклеры, банкиры, разные темные дельцы добиваются падения курса денег, играют на понижение, обрекают народ на голод и стараются обратить против нас ослепленных страданиями людей.

С е н - Ж ю с т. Это наша вина, тяжкая вина. Признаем ее. Мы слишком часто забываем, в чем наша главная цель. Она в том, чтобы народ был счастлив. Нечего хвалиться, что вы создали Республику, если она не принесла счастья народу. Отнять у народа радость — значит отнять у него родину, республиканскую гордость: он не любит Свободу, он ничего не любит. Вам говорили: «Свобода или смерть!» А я говорю вам: «Счастье народа или смерть!»

К а р н о. Пустые слова! В чем оно, счастье? Кто знает?

С е н - Ж ю с т. Да, счастье — идея новая для Европы. Наша задача — исторгнуть из земли это пламя.

Б и л л о. Каким путем?

С е н - Ж ю с т. Путем экспроприации угнетателей. Раздайте беднякам имущество тех, кто угрожает Свободе. Я требую ввести в действие Вантозовские декреты. Вам не удастся положить их под сукно. Обездоленные — это великая сила земли, они — ее хозяйева, за ними слово.

К а р н о. Они не хозяйева. Не надо нам хозяйев. Ни тех, ни других. Мы правим страной на благо всех граждан без различия.

С е н - Ж ю с т. Вы правите на благо тех, кто богат.

К а р н о. Для того чтобы править, нужны деньги. Мне необходимы деньги на войско, на порох, на боевые припасы, на провиант. Если ты изгонишь из Франции богачей, кто даст мне денег? Уж не твои ли оборванцы?

С е н - Ж ю с т. Они дают тебе свою кровь — это их единственное достояние. Уделите им долю в общественном богатстве, во владении земель. Приобщите их к Революции. Тогда никакие силы не смогут пошатнуть Республику. Какое безрассудство! Для того ли Революция отняла привилегии у знати, чтобы даровать привилегии богатым? Камбон потворствует богачам. За последние четыре

года одни только богачи извлекают выгоду из жертв, которые приносит Нация. Новая аристократия торгашей, более хищная, чем прежняя аристократия, дворянская, присваивает все наличное сырье, прибирает к рукам торговлю и промышленность, расхищает богатства земли и сокровища ее недр, хлеб, леса и виноградники. И все это под нелепым предлогом свободы торговли. А вы, вы позволяете им грабить, вы берете под покровительство злейших врагов и приносите им в жертву народ, нашего единственного друга!

Б а р р е р. Берегись! Ты проповедуешь идеи бешеных, мятежников, которых мы разгромили с согласия и одобрения Робеспьера.

Б и л л о. Мы громили их, но не их идеи! Сен-Жюст, я разделяю твои взгляды! Мы боролись лишь против преступного применения этих идей, против честолюбия бешеных, кто бы они ни были, предатели или одураченные простаки, против тех, кто угрожал самим устоям Республики. И поверь, мне это было нелегко!

Б а р р е р. Опасность грозит слева, опасность грозит справа, прямой путь пролегает по узкой тропе.

С е н - Ж ю с т. Зато она ведет к Революции. Революция еще не завершена.

К а р н о. Но ведь мы совершили ее дважды. Революцию четырнадцатого июля и Революцию десятого августа.

С е н - Ж ю с т. Только третья идет в счет. Когда же мы ее начнем?

Входит Робеспьер.

Р о б е с п ь е р. Мы начнем ее, когда настанет время. Время еще не настало.

С е н - Ж ю с т. А когда оно наступит, Максимилиан?

Р о б е с п ь е р. Когда народ поймет, в чем состоит его долг.

С е н - Ж ю с т. А буржуазия поняла, в чем ее долг?

Р о б е с п ь е р. Я не жду, что враги без принуждения, по доброй воле станут уважать закон. Ваше дело их принудить. Но наши друзья из народа должны подавать пример справедливости. Они этого не делают. Мы силимся обеспечить народу максимум заработка. Это требование не соблюдается. Демагогические надбавки развратили народ. Люди требуют еще более высокой оплаты. Они забывают, в каком трудном положении находится отчизна, вынужденная отражать нашествие неприятеля. Более того, они пользуются нашими затруднениями. Они скорее готовы отказаться от работы, чем согласиться с установ-

ленной платой. Пекари, грузчики в порту, сельские рабочие, оружейники бросают работу и предъявляют все новые требования, нанося этим ущерб государству. Предатели! Пора их заставить одуматься. А если будут упорствовать, — предать их суду Революционного трибунала.

Билло. А ты не находишь, что у нас и так достаточно врагов? Вряд ли разумно превращать во врагов наших друзей. А народ ведь, несмотря ни на что, наш единственный друг, как сказал Сен-Жюст.

Робеспьер. Мне ли не знать этого? К чему говорить о своих страданиях? Не я ли связал свою судьбу с судьбой народа? Не в нем ли я находил утешение, когда меня жестоко преследовали, не черпал ли я новые силы в постоянном общении с ним? Но теперь надо иметь мужество признаться: народ отдаляется от нас, он разочарован, он безучастен к нашей борьбе, можно подумать, что он застал на нас злобу.

Билло. Он не может простить нам казнь своего любимца Эбера.

Робеспьер. Эбера мало было казнить! Он развратил наш народ. Мы не в том должны раскаиваться, что уничтожили Эбера, а в том, что нанесли удар слишком поздно: яд демагогии уже успел проникнуть в душу народа. А теперь нелегко искоренить отраву. И, однако, необходимо произвести эту мучительную и опасную операцию. Мы были бы не друзья, а враги народу, если бы не карали беспощадно всякое нарушение долга перед родиной. Не думаю, чтобы Сен-Жюст проповедовал слабость и близорукое попустительство, когда речь идет о тех, кого он с полным правом назвал «нашим единственным другом».

Сен-Жюст. Я не говорил, что мы можем позволить нашим друзьям поддаваться безрассудной анархии и тем губить наше общее дело. Они не понимают, что это и их кровное дело. Надо иметь смелость спасать людей наперекор им самим. Чтобы восстановить дисциплину, я сам возил гильотину по фронтам действующей армии. Если мы хотим победы, надо всю Францию превратить в военный лагерь.

Билло. А завтра страна окажется в руках военной диктатуры? Ну, нет! Когда у нас двенадцать армий стоят под ружьем, нужно искоренять не только измену и анархию: самая грозная опасность — честолюбие полководца, возглавляющего эти армии. Вот зло, которое сгубило все республики! Марий не лучше Суллы. Пока я жив, диктатору не бывать!

Робеспьер. Разве мы говорим о диктаторе? Мы признаем только диктатуру добродетели, и никакую иную. Нас губит испорченность нравов, продажность. Она проникла в недра Республики, она просочилась вглубь, до самых корней. Признаемся же в этом! Вспомните, чем вдохновлялся у нас революционный порыв: разве не чудовищным призывом «обогащайтесь», призывом буржуазии, которая разграбила имущество дворян и духовенства? Мало того, что роскошь, взращенная на нищете народной, являла собой ужасное зрелище. Те самые, кому было поручено бороться с развратителями и развращенными, все эти проконсулы в провинции, вроде вашего Фуше, которые хвалились, что несут беднякам «подлинную революцию», они-то и развратили народ. Ведь это они яростно ополчились на нравственные устои, на благотельную веру в божество и в бессмертие души.

Билло. Не верю я этому. Уж не прикажешь ли служить мессу?

В кресле на колесах ввозят Кутона.

Кутон (*насмешливо*). А ведь тебе случилось служить мессу, гражданин Билло. Ты же был священником. (*Обращаясь к тому, кто катит кресло.*) Эй, Катон, осторожнее. Ты так меня толкаешь, словно хочешь прошибить стену тараном.

Баррер (*шутливо*). Ему мерещится, будто он все еще берет приступом Лион.

Билло. Ты попрекаешь меня, Кутон, поповской рясой. Я давно ее скинул, а вот Робеспьеру не так-то легко вытряхнуть из себя свою поповскую душу.

Робеспьер (*пожимая плечами*). Я не терплю попов, мне не нужна церковная религия. Но я утверждаю, что атеизм — это роскошь, доступная лишь аристократам. Бедняки, честные люди, те, кому приходится вести повседневную жестокую борьбу, мучительную и тщетную борьбу с человеческой злобой и нищетой, ищут опоры в мысли о провидении, которое охраняет угнетенную невинность и карает торжествующее преступление. Мы должны укреплять в них эту надежду — ведь она помогает им жить, как в свое время помогала жить и мне (я не стыжусь в том признаться). Все, что целительно, все, что дает народу силу жить, — это и есть истина. Горе тому, кто убивает веру в сердце народа!

Билло. Если сердце народа настолько слабо, что возлагает заботу о справедливости на какого-то идола, то наша обя-

- занность перековать ему сердце. Мы научим его понимать, что народ, сам народ должен установить справедливость на всей земле. Революция — вот наше божество.
- Робеспьер.** Если Революция берется заменить собой божество, пускай она выполнит его предназначение, пусть установит царство добродетели! Пускай беспощадно пресекает беззакония проконсулов, которые под предлогом защиты Революции позорят ее грабежами, распутством и жестокостью.
- Баррер.** Мы уже отозвали с постов Тальена, Барраса, Матьё Реньо, Фрерона, Фуше, Карье... Довольно с тебя?
- Робеспьер.** Надо привлечь их к суду.
- Баррер.** И привлечем.
- Робеспьер.** Не верю. Вы не дадите огласки делу.
- Баррер.** Пойми, Робеспьер, не в наших интересах озлоблять этих деятельных людей; пусть они даже и виновны в превышении власти, зато честно послужили Республике в годину опасности. Для чего разглашать во всеуслышание те прискорбные злоупотребления, которые, быть может, явились залогом их побед? Нечего поминать грехи прошлого. В делах общественных в счет идет лишь настоящее.
- Робеспьер.** Настоящее отравлено ядом прошлого. Рана загноилась. Надо очистить ее.
- Баррер.** Остерегайся бередить рану. Ты сам сказал, что народ Парижа не может нам простить ареста Шометта и казни эбертистов. Люди перестали нас понимать. Они не ропщут открыто, но охладели и отвратились от нас. Всюду глухое недовольство.
- Карно.** А главное, усталость. Все измучены вконец. За четыре года ни минуты отдыха.
- Билло.** А мы-то, разве мы отдыхали?
- Карно.** Однако мы обязаны держаться и поддерживать в народе бодрость духа вплоть до победы.
- Баррер.** Да пощадите вы людей, дайте им передышку, довольно смущать их умы!
- Колло.** Не надо новых процессов, не надо раздоров в рядах республиканцев.
- Робеспьер.** Ради спокойствия Нации необходимо, чтобы убийцы и грабители дали отчет в своих проступках.
- Колло.** На кого ты намекаешь? На Фуше? На Карье? Я их тебе не выдам. Клянусь честью, они спасли родину.
- Робеспьер.** В Лионе ты был сообщником Фуше.
- Колло.** Уж не в меня ли ты метишь?
- Кутон.** Нет, Колло, никто из нас не сомневается в твоей

республиканской честности. Но ты сам знаешь, что твой приятель первый предал бы тебя, если бы нашел это выгодным, так же как он предал одного за другим всех своих прежних союзников — короля, священников и на-нтских купцов.

К о л л о. Выдать врага отнюдь не преступление. Он работал для Республики не жалея сил.

Б и л л о (*указывая на Робеспьера*). Я-то знаю, Колло, чего он не может ему простить: что Фуше предал господу бога, низвергнутого самодержца... Ведь Робеспьер взял его под свое высокое покровительство, так же как всех этих жаб из Болота, которых он пригрел на своей груди. Нет, мы не выдадим ему Фуше.

Р о б е с п ь е р. Погодите, придет день, когда он заставит вас в этом раскаяться.

Б и л л о. А ты не слишком-то доверяйся своим сторонникам в Конвенте, всем этим лжецам и трусам, бессловесным рабам твоего серала.

Р о б е с п ь е р. У меня нет других сторонников, кроме честных людей.

Б и л л о. Ну, в таком случае долго ты не продержишься.

Р о б е с п ь е р. Я и не рассчитываю на это, Билло. А ты со своими сторонниками думаешь продержаться дольше?

К у т о н. Мы правим Республикой, но кто из нас уверен в завтрашнем дне?

С е н - Ж ю с т. Наш день недолог. И пусть его сияющий свет, угасая, указывает путь человечеству на века!

К у т о н. Нас слишком мало, и нам отпущено слишком мало времени. Кому это знать лучше меня? Ведь я уже наполовину мертвец. (*Показывает на свои парализованные ноги.*) Нам некогда спорить. Отбросим в сторону все, что нас разделяет. Объединим наши усилия, вместо того чтобы нападать друг на друга. Силы каждого из нас отданы Республике. Пускай столкновения между нами неизбежны — не будем считаться обидами! Мы готовы в любой час пожертвовать жизнью. Что нам стоит пожертвовать своими привязанностями и ненавистью ради единения, ради того, чтобы укрепить дело Революции! С нами, или без нас, или вопреки нам пусть победит Революция!

Б и л л о и К а р н о. Да победит Революция!

Каждый словом или жестом поддерживает этот возглас.

Р о б е с п ь е р. Мы — ничто, Революция — все!

Все пожимают друг другу руки.

К о л л о. Время позднее. Скоро два часа ночи. А такой день, как сегодня, можно считать за два. Пора спать.

К а р н о. Кто из нас несет дежурство?

С е н - Ж ю с т. Сегодня моя очередь, вместе с Баррером.

Р о б е с п ь е р. Прощайте, друзья.

Все уходят, кроме Сен-Жюста и Баррера.

Б а р р е р. Давай ложиться. *(Укладывается на полу между столами.)*

С е н - Ж ю с т. Прежде всего потушим лишние свечи. Довольно и одной. *(Задухает свечи.)*

Б а р р е р. Жесткое ложе, нечего сказать!

С е н - Ж ю с т. Дай я сверну тебе свой плащ вместо подушки.

Б а р р е р. А ты сам?

С е н - Ж ю с т. Я сплю, подложив руку под голову. Я ведь старый солдат. *(Ложится на полу неподалеку от Баррера.)*

Б а р р е р. Тебе хочется спать?

С е н - Ж ю с т. Сон — привычка мирного времени. На войне от нее отвыкаешь.

Б а р р е р. Ну а мне спится хорошо только с Клариссой.

С е н - Ж ю с т. С твоей секретаршей? А она не обижается на это?

Б а р р е р. Ей не приходится на меня обижаться. Но после богослужения хорошо соснуть на алтаре, пока звонарь не зазвонит к заутрене.

С е н - Ж ю с т. Мы назначим тебя звонарем в Телемское аббатство. Помнишь старика Рабле?

Б а р р е р. Я бы не прочь перечитать при свете этой свечи благочестивый устав ордена Телемитов.

С е н - Ж ю с т. Я помню его наизусть. *(Читает по памяти.)*
«Вся жизнь их размерена была не по закону, не по правилам либо уставам, но по их доброй воле и свободному выбору. Подымались с постели, когда взбредет в голову, пили, ели, работали, спали, когда придет охота; никто их не будил, никто не приневоливал...».

Б а р р е р. Увы, увы! Бедные мы подневольные, изгнанные из рая!

С е н - Ж ю с т *(продолжает)*. «...никто не приневоливал ни к питью, ни к трапезе, ни к иному прочему. Понеже так положил Гаргантюа. В уставе их было одно лишь правило...».

Б а р р е р и С е н - Ж ю с т *(вместе, с шутливой торжественностью)*. «Делай что хочешь!»

З а н а в е с

Занавес падает и тут же поднимается снова. Видно тесное помещение, вроде узкого коридора, между шкафами книгохранилища и перегородкой, отделяющей от библиотеки зал заседаний Комитета общественного спасения. Коллено, сидя на табурете, пишет, держа бумаги на коленях. За перегородкой слышны голоса: Сен-Жюст декламирует Рабле, Баррер со смехом подсказывает, когда Сен-Жюсту изменяет память.

Г о л о с Сен - Ж ю с т а. «Ибо люди свободные, высокородные, просвещенные, вращающиеся в высшем обществе, одарены врожденным чутьем, которое побуждает их к добрым поступкам и отвращает от порока: именуется же это чутье честью...».

Г о л о с Баррера (*подхватывает*). «Но ежели жестоким насилием и принуждением они принижены и поработены, то их благодарное стремление, свободно влекшее их на стезю добродетели, обращается на то, чтобы свергнуть и сбросить ярмо рабства...»

Г о л о с а Сен - Ж ю с т а и Баррера (*вместе*). «Ибо мы всегда тянемся к тому, что запрещено, и питаем вождение к тому, в чем нам отказано!..»

Пауза.

Г о л о с Баррера (*со вздохом*). Ах, как жизнь прекрасна!
Не выразишь словами!

Оба замолкают. Во время их беседы приотворяется потайная дверца, ведущая в библиотеку, и просовывается голова Клариссы, молодой секретарши Баррера. Коллено прикладывает палец к губам. «Тсс, тише!» Они замирают на несколько мгновений, прислушиваясь к голосам Сен-Жюста и Баррера за стеной, пока те не умолкают.

К л а р и с с а (*шепотом*). Все тихо.

К о л л е н о (*так же*). Да... Должно быть, уснули. (*Передает Клариссе свои записки.*)

К л а р и с с а. Межан переправит бумаги Дантрегу. В конце недели они будут доставлены Конде. Через четверть часа уезжает Сен-Лоран.

К о л л е н о. Паспорт у него есть?

К л а р и с с а. Межан изготовил ему фальшивый паспорт.

К о л л е н о. Ты слышала, что они перехватили последнее донесение?

К л а р и с с а. Это мы сами им подсунули, по приказу Дан-трега, чтобы посеять среди них недоверие.

К о л л е н о. Однако они помирились.

К л а р и с с а. Только на словах! Их всех терзает подозрение.

Каждый следит за соседом. Мы прикончим их всех, одно-го за другим. (*Протягивает Коллено бутылку вина и еду.*)

Теперь поешь и ложись спать.

К о л л е н о (*с набитым ртом*). Всех прикончим!

К л а р и с с а затворяет дверцу и скрывается в библиотеку.

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

У Фуше на улице Сент-Оноре, № 315, четвертый этаж, 18 жерминаля (7 апреля), около полудня. Убогая комната, голые стены, грязные занавески на окнах, жалкая постель, колченогий столик, соломенные стулья. У детской кровати сидит ж е н щ и н а (ребенка не видно). Наружная дверь отворяется. Входит Ф у ш е. Бесшумно закрывает дверь, на минуту задерживается на пороге. Женщина поднимает голову, оборачивается. Фуше — старообразный человек 35 лет, высокий, тощий, костлявый, слегка сгорбленный, прямые, редкие рыжеватые волосы с проседью, бледное лицо, пронзительный взгляд, сжатые губы. Одет в тесный, поношенный темный сюртук.

Ф у ш е. Ну как?

Ж а н н а Ф у ш е. Ну как?

Оба задают вопрос одновременно. Супруги обмениваются тревожным взглядом, но ни голосом, ни жестом не выражают волнения. Видно, что Жанна забита и обижена судьбой. Фуше не привык обнаруживать свои чувства.

Ф у ш е. Как дочка?

Ж а н н а. С тех пор как ты ушел, она даже не шевельнулась. Совсем ослабела.

Ф у ш е. Ее утомило долгое путешествие.

Ж а н н а (*вопросительно глядя на Фуше*). А ты, что ты делал с утра?

Ф у ш е (*опускается на стул*). Ничего. Ничего нельзя по-делать.

Ж а н н а. Ты видел наших друзей в Конvente?

Ф у ш е. Друзей? У Жозефа Фуше не осталось больше друзей.

Ж а н н а. Где же они?

Ф у ш е. Их уже нет на свете. За десять месяцев, пока нас тут не было, в Париже шла такая резня! В Конvente больше сотни мест пустует. Настоящее кладбище. Как еще Робеспьер там крестов не поставил!

Ж а н н а. Жозеф, не глумись над крестом.

Ф у ш е. Глупая, ты же не веришь в бога!

Ж а н н а. Кто знает... А может, он нас покарал... *(Показывает на колыбель с ребенком.)*

Ф у ш е *(пожав плечами)*. Я знал, что не встречу в Конvente жирондистов, хотя там до сих пор в ушах звенит от лая этих дворовых псов, которые ворочались, рычали, грызлись, искали блох... И я знал, еще до отъезда из Лиона, что эбертисты разгромлены; я вовремя повернул руль и обрубил канат, которым был привязан к их гибнущему кораблю... Но я ошибся в расчете. Я делал ставку на победу Дантона. А он, глупец, сам попался в западню. Да, я недооценил Робеспьера. Ведь хозяин-то он... пока что он...

Ж а н н а. Ты оскорбил его. Мы погибли.

Ф у ш е *(небрежным тоном)*. Пустяки, проиграть одну партию, — не значит потерять все. Нужно только продолжать игру. И самое главное — выиграть время.

Ж а н н а. Они придут и арестуют тебя.

Ф у ш е *(тем же тоном)*. У нас есть время вывернуться. Они еще заняты, им нужно покончить с охвостьем Эбера и Дантона, подавить тюремный заговор. Завтра или послезавтра настанет черед Шометта.

Ж а н н а. Ты был с ним заодно!

Ф у ш е *(сухо)*. Был когда-то. Теперь он погиб.

Ж а н н а. А если он потащит тебя за собой?

Ф у ш е. Он этого не сделает. Помочь я ему ничем не могу. А он не из тех, кто, погибая сам, тащит за собой и другого. Он действительно честный малый. Он никого не подведет.

Ж а н н а *(с горечью)*. Ты бы, конечно, поступил иначе.

Ф у ш е *(спокойно)*. Конечно. Я защищаю свою жизнь, твою и жизнь нашего ребенка. *(Наклоняется над колыбелью.)* Она не шевелится. Нужно все-таки покормить ее.

Ж а н н а. Я дала ей немного молока. Она с трудом глотает по капле.

Ф у ш е. Дай мне... Я попробую. *(Опускается на колени перед колыбелью и заботливо, терпеливо поит ребенка с ложечки.)* Пей, моя милочка... моя маленькая Невра... сокровище мое!...

Ж а н н а. Ты не сказал мне, что делал в Конvente.

Ф у ш е (*встает и старательно отряхивает пыль с колен*).

Кругом одни тени, ничего с ними не сделаешь. В них умерло все живое, кроме страха. Когда я хотел подняться на трибуну и прочесть им отчет о моей деятельности в Лионе, они растерялись, — они отослали мой доклад в Комитет, Робеспьеру. И первый, кто поспешил это предложить, был Бурдон из Уазы, а он, я знаю, до смерти ненавидит Робеспьера. После двойного удара, который сокрушил эбертистов и дантонистов, они там совсем как пришибленные. Да и кто там остался? Обломки прошлого — Сийес, Дюран-Майян, Буасси д'Англа. Они сгрудились все, как стадо баранов, жмутся друг к другу, спорбились, съежились, животы подвело, сердце сжалось от страха. А посмотришь на них, отворачиваются, глаза отводят. Их так долго заставляли молчать, что они и говорить-то разучились. Точно в пещере Полифема — гадают, чья очередь, кому сегодня быть съеденным, и стараются вытолкнуть вперед любого вместо себя. При виде меня их единственная мысль была отдать меня на съедение — я сразу это понял.

Ж а н н а. Мы погибли... погибли...

Ф у ш е. Да нет, голубушка, ничего! Когда беда придет, успеем найти выход. Она еще не пришла.

Ж а н н а. На что ты надеешься? Ведь какую ненависть ты возбудил против себя!.. Тысячи жертв в Лионе... кровь... развалины...

Ф у ш е. Пожалуй, я действовал там слишком круто. Но, я знаю, здесь они довольны плодами моего труда. Теперь они не прочь были бы свалить на меня одного всю тяжесть ответственности за те неизбежные жестокости, которые сами же приказали мне совершить. Мне следовало бы вспомнить, как некий итальянский принц приказал верному слуге избавить его от опасного соперника, а затем велел четвертовать слугу на городской площади, дабы показать добрым подданным, что совесть его чиста, а руки не запятнаны. Самый осторожный человек недостаточно осмотрителен. Если затеваешь рискованное дело, постарайся впутать туда и других. Я человек мягкий и доверчивый, но с годами становишься умнее. В следующий раз я не оплошаю. Правда, я и теперь принял кое-какие меры предосторожности. В комитете немало людей, которым невыгодно поднимать историю о моем управлении в Лионе. Я ничего не подписывал один, без Колло, и даже, по счастливой случайности, при особенно важных решениях я скромно отступал, а Колло подписывался первым.

Scripta manent... Что написано пером... Я сохранил бумаги на всякий случай.

Жанна. Это еще опаснее. Они постараются отнять у тебя эти бумаги.

Фуше. Я избавлю их от хлопот. Я сам представлю бумаги в Комитет. *(Направляется к двери.)*

Жанна. Куда ты?

Фуше. К нашему соседу, Максимилиану.

Жанна *(всплеснув руками)*. Ты сам идешь в логово волка!

Фуше. В старых сказках волк не всегда остается победителем.

Жанна. Но он ненавидит тебя!

Фуше. В политике не место чувствам. Если верно то, что говорят о Робеспьере, он, как человек государственный, укротит свою желчь.

Жанна. Ты сам этому не веришь.

Фуше. По правде сказать, я сомневаюсь, однако посмотрим.

Жанна. Он оскорбит тебя.

Фуше. Не так-то это легко. В игре только одна цель — выиграть. Я не обращаю внимания на оскорбления... До свиданья, моя милая, до свиданья, моя цыпочка! *(Целует ребенка, идет к выходу, берет за ручку двери.)*

Жанна. Ах, я совсем забыла... Заходил Карье. Спрашивал, когда можно с тобой повидаться.

Фуше. Пока еще рано, я и сам не знаю. Там видно будет.

Жанна. Ему, как и тебе, угрожает опасность со стороны Робеспьера.

Фуше. Вот именно! Все зависит от моей беседы с Максимилианом. Нынче вечером я буду знать, кем из двух придется пожертвовать.

Жанна. Жозеф! И ты еще можешь колебаться между врагом и союзником?

Фуше. Я и не колеблюсь. Что бы ни было, я твердо решил не жертвовать собой. *(Уходит.)*

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

У Робеспьера. В тот же день, полчаса спустя. Маленькая комната на втором этаже, в окно виден двор и сараи. Камин. Кровать орехового дерева с полотняным синим пологом, затканым белыми цветами. Скромный письменный стол. Несколько соломенных стульев. Шкаф с книгами. Справа и слева двери. Правая ведет в комнату Симона Дюпле, откуда выход на парадную лестницу, а затем в подъезд на улицу

Сент-Оноре. Левая дверь ведет в спальню г-жи Дюпле, отделенную от спальни Робеспьера умывальной комнатой; отсюда выход на деревянную узкую лестницу, спускающуюся во двор.

Робеспьер вдвоем с Симоном Дюпле, по прозвищу Деревянная Нога. Симон сидит за столом, заваленным грудой писем и бумаг. Робеспьер ходит из угла в угол по тесной комнате. Под столом лежит датский дог, по кличке Браунт.

Молодой Дюпле (*приотворяет левую дверь; запыхавшись*). Максимилиан! Во дворе гражданин Фуше, он хочет с тобой поговорить.

Робеспьер. Я не желаю его видеть. Для него моя дверь закрыта.

Молодой Дюпле, затворив дверь, исчезает.

Робеспьер. Симон! Ты разобрал сегодняшнюю почту?

Симон. Разобрал, немало пришлось потрудиться. (*Указывает на груды писем.*) Экие болтуны! Брызжут чернилами, как слюной.

Робеспьер. Я не вправе их упрекать. Я и сам много говорю.

Симон. Ты говоришь за них, за всех нас. Они хотят отблагодарить тебя.

Робеспьер. Что они пишут? Дают советы, шлют приветствия?

Симон. Вон в той большой пачке — одни приветствия и похвалы. (*Указывает на груды писем.*)

Робеспьер. Тогда не стоит читать. Займемся серьезными делами.

Симон. Разве тебе не приятно узнать, кто твои друзья?

Робеспьер. Гораздо важнее знать, кто враги Республики.

Симон. Чтобы разгромить врагов, тебе полезно знать, на кого ты можешь рассчитывать.

Робеспьер. Вряд ли я найду ответ в этих письмах. Не верю я им. Те, кто восхваляет меня, — или боятся, или хотят о чем-то попросить.

Симон. Может быть, и так. Но не стоит в этом разбираться. Ведь ко всему, что мы, бедняги, делаем, всегда примешан личный интерес. Впрочем, не беда, лишь бы это шло на общее благо! Послушай-ка, что пишут твои сторонники из Болота — Дюран-Майян, Сийес, Буасси и жирондисты, которых ты спас: «Дорогой наш коллега! Пусть твое бескорыстие и порожденная им славная не-

зависимость суждений возвеличат тебя над всеми прочими республиканцами... Вставай и впредь на защиту слабого, не давай пощады предателям и заговорщикам... Мы будем хранить глубокую признательность к тебе до последнего биения сердца».

Робеспьер (*махнув рукой, прерывает чтение*). Знаю... Знаю... Трясутся там от страха в своем Болоте. Не будь меня, давно бы какая-нибудь цапля проглотила их живьем. Никто бы и не заметил исчезновения этих людей, как не замечали их самих при жизни. Существа без цвета, без запаха, без вкуса. Но не злые. Пока они сознают, что их судьба связана с моей, они могут быть полезны Республике. Вот и приходится беречь их.

Симон. Вспомни басню, как некий простак отогревал на груди змею. Остерегайся Сийеса.

Робеспьер. Из всей моей бессловесной команды один только Сийес способен мыслить. Он ценит порядок. И может мне восстановить его.

Симон. Другие корреспонденты, попроще, просят тебя быть крестным отцом. В трех семействах назвали младенцев Максимилиан, Максимилиана и Робеспьер. А в четвертом дали сыну имя Неподкупный Максимилиан...

Робеспьер. Глупцы! Когда сын вырастет, он первым делом постарается стереть с себя это клеймо.

Симон. Вот объяснение в любви от какой-то девицы. Юноша посылает прядь волос своей возлюбленной с просьбой благословить их союз. Священник предлагает поминать твое имя в церкви.

Робеспьер. Плут и провокатор! Это Вадье подсказал ему, чтобы погубить меня.

Симон. Да нет же, нет. Он от чистого сердца. Каждый по-своему выказывает любовь к тебе. Одни — в стихах, другие — в песнях, священники — в акафистах.

Робеспьер. А убийцы прячут кинжал в букете цветов.

Симон. Убийцы? О ком ты говоришь? Все твои враги обезоружены.

Робеспьер. Не далее как сегодня в Комитет явился Лежандр, насмерть перепуганный; он показал анонимное письмо, где какой-то тайный наш противник, разжигая его честолюбие, призывает вооружиться парой pistols и застрелить меня и Сен-Жюста прямо в Конвенте. И ты думаешь, этот презренный трус, бывший друг Дантона, не убил бы нас, если б не боялся быть уличенным? На свете больше трусов, чем убийц. В этом наше спасение. Но гордиться тут нечем.

С и м о н. Народ за тебя стоит стеной, мы защитим тебя грудью.

Р о б е с п ь е р. Вы будете крепко спать, как ученики Иисуса в Гефсиманском саду.

С и м о н. Максимилиан! Как ты можешь сомневаться?

Р о б е с п ь е р. В тебе, Симон, я не сомневаюсь. Все в этом доме преданные и верные друзья. Но ты знаешь лучше всякого другого — ведь ты каждый день читаешь вместо меня донесения полиции, у тебя и теперь лежит их целая кипа, — ты знаешь сам, как народ утомлен, разочарован, ненадежен, как легко его смутить нелепыми подозрениями и подлой ложью, которую распускают коварные враги. Когда я вышел на улицу, проболев месяц, я был потрясен той переменой, которая произошла в народе. Наши враги сеют недовольство. И трудно решить, какой враг опаснее — тот, что ругает за королевскую власть, или тот, что заведомо лжет, расточая посулы, насаждая продажность и злоупотребляя террором. Стоило ли казнить Эбера? Его яд остался. Для подлых людей Революция только добыча. Лишите их наживы — они тотчас покажут клыки, отойдут в сторону, предадут нас. Кто истинная опора Республики? Горстка людей. Их так мало, и все их могущество в силе слова.

С и м о н. Но ведь это самая благородная, самая возвышенная сила.

Р о б е с п ь е р. Я узнал ей цену в Конвенте. Не очень-то надежна эта сила. Я видел там страх и покорность побитого пса, трусливого и хитрого, с которого нельзя ни на минуту спускать глаз, иначе он того и гляди вцепится в вас исподтишка. Славный мой пес Браунт! (*Ласково трогает его ногой.*) Прости, что я сравнил собак, наших преданных друзей, с людьми без чести и совести... Но горше всего видеть, как вокруг нас, по всей Франции, распространяется гнусная зараза продажности. Да будут прокляты деньги! Это проказа на теле Республики. Она разъедала людей, которым я верил всей душой. Позорный скандал в Ост-Индской компании обнажил эти язвы. Напрасно мы вырезаем один гнойник за другим — ковальная болезнь косит всех направо и налево; и те, кого мы посылаем на борьбу с ней, заражаются сами. Первыми заболевают лицемеры, которые усерднее других выставляют напоказ свою гражданскую доблесть. Под флагом террора наши посланцы в провинциях бесстыдно торгуют революционным правосудием: продают помилования, отменяют приговоры, грабят имущество...

Фуше, Тальен, Фрерон, Баррас... негодяи, запятнавшие себя кровью и грабежами... Вот и сейчас в Воклюзе орудуют черные банды, на вербованные Ровером с помощью Журдана, этого чудовища, версальского головореза, который вырвал сердце у Фулона, — они там скупают за бесценок государственные земли. И в эту шайку разбойников, по донесениям, полученным мною, входит более пятисот человек, занимающих общественные должности... Страшно подумать! Республика в опасности — республиканцы продают ее с торгов!

С и м о н. Надо покарать их.

Р о б е с п ь е р. Надо покарать их... Но это не в наших силах! Когда не нужно, трибуналы щедро проливают кровь. Но как только дело доходит до этих подлецов, чья-то могущественная рука удерживает занесенный топор. У злодеев оказываются защитники в самом Комитете. Бесплезно предавать суду богачей, они всегда изыщут способ обойти закон. Одних бедняков приносят в жертву. Следовало бы провести чистку обоих Комитетов и перестроить все судопроизводство.

С и м о н. Так сделай же это.

Р о б е с п ь е р. И сделаю. Но я знаю, Симон, что это и погубит меня. Они обвинят меня в стремлении к диктатуре. Оружие древнее и обоюдоострое: его создали защитники Свободы для борьбы с тиранами, а тираны пользуются им против защитников Свободы. Вот уже два года контрреволюция применяет это оружие против меня. Хитрый дьявол Питт наводнил всю Францию воззваниями, где говорится о м о и х солдатах и м о е й армии, как будто я король Республики. Они стараются посеять тревогу, восстановить против меня добрых граждан и разжечь ревнивые подозрения моих товарищей.

С и м о н. Мелкие неудачи неизбежны — такова расплата за твой высокий моральный авторитет. Не унывай! Ты должен радоваться и гордиться. Твоя сила в бескорыстии, твоя цель — благо Нации. Ты победишь, как мы победили при Вальми. Так велит разум. Разум всегда побеждает.

Р о б е с п ь е р. Славный ты малый.

Въезжает К у т о н в кресле на колесах.

К у т о н. Максимилиан! Я встретил у твоих дверей Фуше.

Он, кажется, просил его принять, а ты отказался.

Р о б е с п ь е р. Это правда.

К у т о н. Его не так-то легко спровадить. Он все еще ждет, мкнет там у подъезда, шагает взад и вперед под дождем.

Робеспьер. Я презираю его в такой же мере, как грязь, которую он топчет. Будь моя воля, я бы втоптал его в эту грязь.

Кутон. Это не в твоей власти — по крайней мере теперь. Плут принял все меры предосторожности. У него есть покровители в Комитете.

Робеспьер. Ты знаешь лучше всякого другого, какая цена их покровительству.

Кутон. Больше чем кто-либо другой я имею основание не щадить этих лионских палачей, Колло и Фуше: они отстранили меня, они свели на нет все мои попытки внести умиротворение. Но какой смысл выказывать чувства, если ты не в силах претворить их в действие? В водовороте политических событий мы не смеем позволить себе роскошь личной вражды. Одно из двух — или сокрушить врага, или, если не можешь, не доводить его до ожесточения. Советую принять Фуше! Что тебе стоит повидать его, выслушать, выведать, какие у него планы, и хоть на время усыпить его подозрения?..

Робеспьер. Что нового он может мне сказать? Ненавижу этого мошенника. При виде его я не смогу скрыть свое омерзение. Пускай обивает пороги, я не приму его.

Кутон. Тогда он пойдет к своей прежней поклоннице — твоей сестре Шарлотте — и будет лить слезы у ее ног. Хоть он изменил ей, она до сих пор к нему равнодушна, ты же сам знаешь. Она прибежит и станет умолять тебя.

Робеспьер (*в тревоге*). Нет, нет, только не это! Избавьте меня от нее, умоляю вас! Она выводит меня из себя. Я не выношу ее.

Кутон. Тогда прими этого негодяя. Другого выхода нет.

Робеспьер. Ну, что ж! Придется пойти на это, раз ты так решил. Ты всегда умеешь добиться чего хочешь, хитрец.

Кутон. Я хочу только общественного блага, а оно неразрывно связано с твоим.

Робеспьер. Хорошо, согласен. Приведите его. А ты, Кутон, останься здесь. Мне важно, чтобы ты был свидетелем нашего разговора.

Кутон. Ни за что! Я слишком хорошо знаю, что здесь произойдет — хоть и прошу тебя быть сдержанным, — я не хочу присутствовать при унижении врага и тем унижить его еще более. Зачем напрасно вызывать его ненависть? Даже если ты порвешь с ним, мне бесполезно будет сохранить связи с вражеским лагерем.

Увезите меня. Я отлично все услышу из соседней комнаты...

Робеспьер. А ты, Симон, останешься здесь.

Кутон. Было бы лучше...

Робеспьер. Я так хочу.

Симон. Я тоже. Пока ты у нас в доме, Максимилиан, мой долг — охранять тебя. Я дал себе слово никогда не оставлять тебя одного с посетителями.

Кутон. Ты прав. Хорошо было бы, если бы так охраняли Марата.

Симон вкатывает кресло Кутона в соседнюю комнату и неплотно притворяет за ним дверь. Возвращается к Робеспьеру, выходит в противоположную дверь. Слышно, как он свистом подзывает кого-то с улицы.

Симон (бесцеремонно). Эй! Эй ты там! Гражданин! Можешь войти.

Оставшись один, Робеспьер встает и оглядывает себя в зеркале. Поправляет галстук. Лицо его становится холодным, непроницаемым. Возвращается Симон. Робеспьер стоит в ожидании, облокотившись на камин, не глядя на дверь. Поспешно входит Фуше, в поношенном сюртуке, застегнутом до подбородка, длинном, словно сутана, весь промокший от дождя. Он зябко потирает руки и покашливает.

Фуше. Прости, Максимилиан, что я потревожил тебя среди твоих неусыпных трудов. Но я желал, вернувшись после долгого отсутствия, поскорее дать тебе отчет в своей миссии. Меня влекла к тебе также приятная обязанность поздравить старого друга, выразить восхищение твоей борьбой против врагов Республики, твоими великими победами, твоими талантами. Я горжусь тобой больше всех, ведь я с самых первых шагов предвидел твой могучий взлет. Сколько лет прошло с тех пор?.. Помнишь?.. Пять или шесть?.. Не то это было вчера... не то давным-давно... Помнишь наши незабвенные вечера в Аррасе, в коллеже Оратории, в академии Розати?.. И Карно был с нами... Нас роднила страсть к науке и прогрессу, общая вера в будущее человеческого разума. Уже тогда ты блистал среди нас своим красноречием, душевной чистотой. Нас восхищала в тебе доблесть античного героя, благородное стремление освободить и просветить человечество, твое чувствительное сердце. Ты остался верен себе. С каждым днем ты вырастал все выше, но ты не изменился.

Робеспьер. И ты не изменился. Ты всегда лгал, всегда предавал.

Фуше. Максимилиан...

Робеспьер. Ты предал бога, именем которого клялся, церковь, которой служил, избирателей, которые доверились тебе, предал все партии и всех друзей, которые имели глупость рассчитывать на тебя, предал короля, Республику, все человечество!

Фуше. Максимилиан! Не будь несправедлив, не отнимай у искреннего человека права признать свои заблуждения, перейти в другой лагерь, если он видит, что истина там.

Робеспьер. Для тебя истина там, где твоя личная выгода. Ты прошел в депутаты как роялист, чтобы защищать привилегии и нагребленное добро твоих сообщников, работяг и корсаров из Нанта. И на другой же день ты предал их; ты потребовал казни короля, которого накануне клялся защищать, лишь только увидел, что выгоднее перейти в другой лагерь. Ты был с жирондистами, пока верил, что они прочно стоят у власти. И на другой же день отступился от них и стал эбертистом, самым отъявленным. Разумеется, лишь только прошел слух, что Эбер падет, ты отрекся от него и усердно содействовал его падению. Твоя беда в том, что ты жил в двух-трех днях пути от Парижа и осведомлял тебя скудно и с большим запозданием. Ты поверил в близкое падение другого человека и старался всеми средствами ускорить это падение. Но ты ошибся: этот человек цел и невредим, и он смотрит на тебя сейчас с гневом и отвращением.

Фуше. Робеспьер! Твои доносчики ввели тебя в заблуждение.

Робеспьер. Неужели ты думаешь, что я не знаю о твоих происках в Лионе против Кутона и меня, о кознях и подкопах, о кличке «модерантисты», которой ты нас заклеил, о тайных сношениях с моими врагами в Конвенте, о преследовании моих друзей и агентов, о перехваченных тобою письмах? Ты думаешь, мне неизвестно, что два часа назад, прежде чем прибежать сюда, ты пытался подкупить кое-кого в Конвенте и хитростью выманить одобрение твоей миссии в Лионе, чтобы уклониться от проверки со стороны Комитета? Ты надеялся обмануть Конвент и противопоставить его Комитету. Твоя затея провалилась. И вот тебе пришлось вернуться в Комитет, к тому самому, кого ты надеялся обойти.

Ф у ш е. Нечего делать, признаюсь. Ты слишком проницателен, Максимилиан, с тобой никакие уловки не помогут. Поверь, я не сомневался в твоём могуществе, но не подозревал, что оно так безгранично. Моя ошибка преступительна. В провинции, где я пробыл около года, нет возможности быть столь же осведомленным, как ты. Знай я все, уж поверь, я бы старался ни в чем с тобой не расходиться.

Р о б е с п ь е р. Неужели ты считаешь, что такой цинизм может расположить меня в твою пользу?

Ф у ш е. Я считаю тебя, Максимилиан, великим политиком; ты отлично понимаешь, что, когда ведешь армию в бой, перед тобой единственная цель — победа; значит, надо объединять свои усилия с теми, кто лучше других поможет одержать победу.

Р о б е с п ь е р. Не потому ли ты связался с теми, кто способен принести поражение? Со всеми врагами Республики?

Ф у ш е. С твоими врагами, Максимилиан. Только вернувшись сюда, я узнал, что они также и враги Республики. Но теперь я помню это твердо. Отныне они и мои враги.

Р о б е с п ь е р. Значит, тебе придется стать врагом самому себе!

Ф у ш е. Давай наконец объяснимся начистоту. Конечно, прискорбно, что ты не любишь меня, Максимилиан, меня это глубоко огорчает. Но мы оба не такие люди, чтобы зависеть от личных чувств, мы выше этого. Нами управляет разум, мы должны подчиняться соображениям здоровой политики. В чем ты как политик можешь меня упрекнуть? Почему отозвали меня из Лиона? Я готов хоть сейчас дать отчет в своей миссии. Кто обвиняет меня и в чем?

Р о б е с п ь е р. Я обвиняю тебя, я! И моими устами — твои бесчисленные жертвы, все, кого ты замучил, ограбил, оскорбил, погубил. Моими устами тебя обвиняет Республика, которую ты залил кровью и опозорил. Гекатомбы твоих жертв вызывают ужас во всем мире, ты нас всех запятнал кровью. Мало того, что ты навлек на нас проклятия, ты покрыл нас бесчестьем. Подлым преследованием религии и бедных, простых людей, которые ищут в ней утешения, ты разжег фанатизм. Грубым глумлением над христианством, шутовским карнавальным атеизмом ты доставил повод Питту и его своре писак распускать ядовитую клевету и высмеивать нас; ты

восстановил против Революции все страны, еще не вошедшие во вражескую коалицию. Чем искупить то зло, которое ты причинил Республике? Можешь гордиться делом рук своих.

Ф у ш е. Да, я горжусь своей работой. За десять месяцев я выполнил задачу четырех-пяти проконсулов. Я один управлял от имени Конвента четвертой частью Франции. Когда я уехал по вашему поручению, она пылала со всех сторон. Жирондисты, вандейцы, лионцы и англичане окружали Францию железным кольцом, все теснее затягивали на ее шее петлю. Я, да, я помог разорвать кольцо. Я собрал, снарядил, снабдил продовольствием несколько армий, я отправил на фронт тысячи солдат — в Нант, Мэн, Канны, Лион, Тулон. Я укрепил якобинцами все канцелярии, муниципалитеты, управления в департаментах центра. Я произвел там полную революцию. Чтобы сломить сопротивление любой ценой, мне пришлось применять гильотину, интриги и подкупы. Я жестоко подавил мятеж. Но ты отлично знаешь, что Колло д'Эрбуа, твой товарищ по Комитету, участвовал в подавлении мятежа наравне со мной. Пускай эти карательные меры часто раздирали мое чувствительное сердце, я должен был сдерживать его трепет, дабы выполнить свою задачу, дабы «ценой нескольких загубленных жизней» подготовить «всеобщее счастье потомства»¹.

Р о б е с п ь е р. В твоих устах самые священные слова звучат гнусно. Я знаю тебя, Жозеф Фуше. Что тебе всеобщее счастье, человечество, будущие поколения? Твои жестокости тем более омерзительны, что ты совершаешь их с ледяным спокойствием. По мне, уж лучше кровожадный волк, вроде Карье. Ты лицемер до мозга костей.

Ф у ш е. В лицемерии ты большой знаток. У меня даже пропала охота возражать. Весь вопрос в том, выгодно ли для меня и тебя, для Революции — раз, по твоим словам, ты и Революция составляете единое целое, что я готов допустить, — выгодно ли для Революции, чтобы мы с тобой заключили мир!

Р о б е с п ь е р. Никогда!

Ф у ш е. В политике слово «никогда» не существует.

Р о б е с п ь е р. Для тебя не существует ни «да», ни «нет». Хамелеон! Пока мы говорим, ты на глазах меняешь окраску.

Ф у ш е. Я хочу только блага Республике.

¹ Подлинные слова Фуше. — Р. Р.

- Робеспьер.** Благо Республики в том, чтобы не иметь с тобой никакого дела. Исчезни, гинь.
- Фуше.** Исчезнуть я всегда успею. Удели мне несколько минут.
- Робеспьер.** Избавь меня от твоей гнусной физиономии.
- Фуше.** На тебя мне тоже не очень приятно смотреть, но то, что я хочу тебе сказать, слишком серьезно и не терпит отлагательства.
- Робеспьер.** Нам не о чем больше говорить.
- Фуше.** То, о чем я должен с тобой поговорить, не для ушей твоего жандарма. *(Указывает на Симона Дюпле, который молча присутствует при их беседе.)*
- Робеспьер.** У меня нет тайн от моих друзей.
- Фуше.** К чести твоей, позволю себе усомниться в этом. При управлении государством часто необходимо, чтобы правая рука не ведала, что делает левая.
- Робеспьер.** Пусть моя правая рука, так же как и левая, ведают, какое презрение ты вызываешь во мне.
- Фуше.** Я отлично понял, что ты решил устроить мне прием при свидетелях, чтобы я вдвойне оценил эту честь... и даже удивился, что не застал у тебя Кутона, который меня опередил. Но тут же успокоился, увидев, что дверь в соседнюю комнату приотворена. Ты здесь в своей семье. Весьма признателен, что ты и меня допускаешь в семейный круг. Ну, что ж, раз тебе так хочется, я буду обращаться к Робеспьеру и его семье.
- Робеспьер.** Да, семье... У тебя, живой мертвец, семьи никогда не будет.
- Фуше.** Вот и ошибся, Максимилиан! Хотя я и очень беден *(показывает на свою поношенную одежду)*, но в этом я гораздо богаче тебя — у меня есть ребенок... Однако таким людям, как мы с тобой, не стоит говорить о детях. Перейдем к делу! Робеспьер! Мне незачем напоминать тебе, что ты со всех сторон окружен врагами. Они скрываются повсюду, даже в числе твоих друзей. В Конvente ты заставил всех молчать, но ты знаешь не хуже меня, что под этим молчанием таятся страх и жажда мести. Даже в Комитете против тебя ведется подкоп. Самые твои успехи навлекают на тебя ненависть врагов, внутренних и внешних. Я хорошо изучил тебя. За сутки, что я провел в Париже, за всю ночь без сна и день без отдыха, я учел все силы, взвесил все возможности и вижу, что ты один способен навести порядок в хаосе и вернуть Революцию на правильный путь. Ты хочешь и можешь этого добиться. И я готов помочь тебе.

- Робеспьер.** У тебя есть дело поважнее — помочь самому себе.
- Фуше.** Я слабый, смиренный человек, Робеспьер. Но ведь в басне голубю — если ты дозволишь сравнить тебя с голубем — очень пригодилась в трудную минуту помощь муравья.
- Робеспьер.** Как ты смеешь предлагать мне свою помощь, когда ты олицетворяешь в политике все то, что мне ненавистно, с чем я буду бороться всеми силами, пока не очищу Республику? Ты — воплощение самого чудовищного злоупотребления террором.
- Фуше.** Не будем поминать прошлое. Возможно, что мне случалось ошибаться. Я старался как умел. В то время подобные крутые меры, пожалуй, были необходимы. Теперь они уже не нужны, признаю, и ты прав, что осадил меня. Однако убрать паруса во время бури не так-то легко. И тебе очень бы пригодился на корабле сын капитана дальнего плавания. Предлагаю тебе свою помощь.
- Робеспьер.** А для чего? Исправить то, что ты испортил? Восстановить то, что ты разрушил? Клеймить твою грязную политику? Карать тех, кто замешан в кровавых преступлениях, твоих зловещих соучастников — Карье, Фрерона, Барраса, Тальена?
- Фуше.** Почему бы нет? Я не страдаю ложным самолюбием. Если я признал, что твоя политика правильна, что настало время натянуть удила, я с той же минуты готов приняться за дело; не такой я человек, чтобы отступить перед крутыми мерами, я это доказал. Самые крайние средства хороши, если они целесообразны, и я согласен применять любые.
- Робеспьер.** Иуда! Вечно ты рыщешь, выискивая, кого бы предать, чему бы изменить.
- Фуше.** Ах, Робеспьер, как надоели твои постоянные ссылки на Евангелие! Я знаю не хуже тебя, а может быть, даже и лучше в силу своей профессии тексты из бывшего Священного писания. Они полезны для тех, кто может себе позволить мирную, бездеятельную жизнь. Но нам отказано в подобной роскоши, мы должны держать у изголовья иную книгу — книгу опыта. Пускай в ней немало противоречий, но в государственной деятельности кратчайшая линия между двумя точками редко является прямой. Тебе известно лучше всякого другого, что средства для спасения народа и государства не всегда одинаковы. Порой надо сражаться, порою притаиться, вы-

нуждая противника к маршам и контрмаршам, чтобы обессилить его. Иногда могут пригодиться самые решительные меры, но только на короткий срок. Вскоре от них отрекаются и заимствуют у противника умеренность, на которой тот строил свою политику. При умелой стратегии пользуются поочередно то Горой, то Болотом. В этом искусстве, скажу не хвастаясь, я могу быть полезен даже такому учителю, как ты.

Робеспьер. Твои учителя не здесь.

Фуше. Где же?

Робеспьер. В могиле, где Дантон и Эбер. Очередь за тобой!

Фуше. Я еще не умер. Если меня вздумают столкнуть в могилу, уж я постараюсь, чтобы другие опередили меня. Ты не прав, Робеспьер. Для тебя гораздо выгоднее иметь во мне друга.

Робеспьер. Гораздо менее опасно иметь в тебе врага.

Фуше (*направляется к двери*). Посмотрим... Очень жаль, Робеспьер. Гордость всегда была твоей слабой стороной, она погубит тебя... Прощай. Дело не выгорело! Что же, тем хуже для меня, но тем хуже и для тебя! (*Выходит в дверь направо*¹.)

Из левой двери появляется Кутон, которого выкатывает младший Дюпле.

Робеспьер. Гадина...

Кутон. Не следует на гадину наступать. Но если уж ты это сделал, — дави ее насмерть немедленно.

Робеспьер. Я так и поступлю.

Кутон. А в силах ли ты? Ты же видел, Комитет сопротивляется.

Робеспьер. Я это сделаю.

Кутон. А до тех пор, Максимилиан, не стоило так его озлоблять. Куда благоразумнее усыпить его подозрения. Ну, да сделанного не воротить. Постараемся опередить его.

Робеспьер. Теперь он уползет в свою нору.

Кутон. Там он не менее опасен. Эта мерзкая тварь умеет рыть подземные ходы и ускользнет из любой ловушки.

Робеспьер. Или попадетя в собственные силки.

Из двери направо появляется Леба.

¹ Вниманию исполнителей. В этой сцене Фуше ни разу не повышает голоса, говорит ровно и однотонно. Напротив, Робеспьер, как ни старается сдержаться, судорожно сжимает руки за спиной, все в нем клокочет, и голос его по временам срывается от гнева. — Р. Р.

Леба. Привет вам, братья!

Кутон. Привет, Леба!

Робеспьер молча, с приветливой улыбкой пожимает руку Леба.

Леба. Мне только что попался навстречу Жозеф Фуше
рука об руку с Карье.

Робеспьер. Уже успел!

Кутон. Вот видишь, схватка началась.

Леба. Карье так дико вращал глазами и так был взволнован, что даже не заметил меня. Не знаю, что такое нашептывал ему Фуше.

Робеспьер. Несколько минут назад он предлагал мне голову Карье.

Кутон. Думаю, что теперь он предлагает Карье твою голову.

Леба. Напрасно вы собрали в стенах Парижа всех этих опальных проконсулов.

Робеспьер. Необходимо было освободить от них измученную провинцию, довольно эти пиявки сосали кровь Франции.

Леба. Если вы не можете (а я бы этого хотел) заключить с ними мир, то вы должны их обезвредить.

Робеспьер. Им удалось впутать в свои грязные дела многих членов Конвента, чьи голоса нам необходимы. Правосудие Революции уже больше не в наших руках.

Чтобы одолеть этих негодяев, обычные способы не годятся.

Кутон. Изобретем новые.

Робеспьер. Мы не должны нарушать законы.

Кутон. Да ведь законы исходят от нас. Зачем же нам нарушать их? Издадим новые законы, нужные Республике.

Леба. Довольно препираться! Если заговор налицо, не теряйте времени! По закону или против закона, разите врага, пока он не успел опомниться!

Робеспьер. Ты ли это, прежний законник, столь педантичный в суде? Ты был так щепетилен, ты первый требовал точного соблюдения законов.

Леба. В армии мы с Сен-Жюстом поняли, что высший закон — это любой ценой добиться победы. Каждую минуту нам приходилось самолично, бесконтрольно принимать решения, не подлежащие обжалованию. С точки зрения закона мы, пожалуй, заслуживали порицания. Но, подобно Цицерону, приказавшему удавить Катилину, я мог бы сказать: «Клянусь, что мы спасли отечество!»

Робеспьер. Вы спасли его. Но и спасители могут когда-нибудь стать опасными для Республики.

Кутон. Таковы судьбы Революции. В ее буйном кипении формы непрерывно меняются, и надо зорко следить, как бы орудие, выкованное в свое время для защиты Свободы, не стало впоследствии орудием угнетения. Тогда ломайте его немедленно.

Робеспьер. Именно таким орудием стали наши ярые террористы, проконсулы в провинциях.

Кутон. Однако и противоположный полюс — перерожденные роялисты — представляет не меньшую опасность. Чтобы обуздать и тех и других, бешеных и умеренных, нам придется, Максимилиан, разоружив проконсулов, завладеть их оружием и, заменив их, смело возглавить борьбу за равенство, довести до конца Революцию.

Робеспьер. Я желаю этого не менее пламенно, чем ты. Вам известны мои сокровенные мысли. Я всегда был и всегда буду за народ, заодно с народом, против бесстыдного класса алчных торгашей, хищников, пиявок, сосущих кровь Революции, хотя мы все трое (чем я отнюдь не горжусь) происходим из буржуазии, а для нее, как говорил Руссо, сама Свобода — «лишь средство беспрепятственно приобретать и благополучно владеть». Буржуазия на все пойдет, ни перед чем не остановится, лишь бы держать народ в ярме и задушить все успехи Революции. Наша главная внутренняя угроза — это алчность и эгоизм ненасытных буржуа. Мы убедились во время их дикого произвола в Марселе, Бордо и Лионе, на что они способны. Они одержали бы верх и в Париже, если бы тридцать первого мая народ не восстал. Мы должны постоянно поддерживать пламя восстания в народе, постоянно сохранять огонь под пеплом¹. Пусть ничто не нарушает нашей кровной связи с народом! Вместе с тобой и Сен-Жюстом я признаю необходимость классовой политики, изъятия награбленных богатств в пользу неимущих — в этом суть наших Вантозских декретов. Но при невыполнении этих декретов необходимо соблюдать осторожность. Мы вынуждены быть осмотрительными, пока неприятель топчет нашу землю. В руках богачей государственный кредит, от них зависит снабжение армий. За вами дело, Леба, Сен-Жюст, — ведите наши доблестные войска, отбросьте внешнего врага за пределы

¹ Подлинные слова Робеспьера (из секретных записок между 31 мая и 2 июня 1793 года и из речи якобинцам 28 июня 1793 года).. — Р. Р.

родины, и тогда наконец мы сможем обратить силы против врага внутреннего!

К у т о н. А до тех пор сколько вреда он успеет причинить!

И одно из главных зол: щадя врага, мы потеряем доверие народа, который не поймет нашей политики.

Р о б е с п ь е р. Народ готов пойти на все жертвы, если воззвать к его высоким чувствам, к священному источнику, который пытались замутить эбертисты. Наш первый, неотложный долг — пробудить в миллионах сердец французского народа веру в нравственность, врожденное религиозное чувство, которое закаляет душу и помогает бестрепетно пройти сквозь огонь и пламя, вселяя в нас надежду на бессмертие.

К у т о н. Разумеется, это не может повредить. Но, мне кажется, еще более насущная задача — удовлетворить земные нужды народа, его материальные потребности.

Р о б е с п ь е р. Ты не прав, Кутон. От тех, кого любишь больше, надо и требовать больше. Больше героизма, больше самоотречения. Народ здоровый духом — а таков наш народ — не желает поблажек. Он почитает вождей, которые зовут его к жертвам во имя идеала, — конечно, если эти вожди жертвуют собой наравне с ним.

Л е б а. Я не разделяю твоей уверенности. Даже в армии, во время боя, мы с Сен-Жюстом не раз оказывались бы одинокими перед лицом врага всего лишь с горсткой солдат, если бы позволили основной массе повернуть обратно. Призвание жертвовать собой доступно не всем. Но с тобой, Максимилиан, я не хочу спорить. Ты веришь в величие человеческой души, и в этом сказывается твое собственное величие. Ну, что ж! Воскреси в народе веру в верховное существо, если можешь. Однако какую бы политику в области нравственной и социальной вы ни проводили, на одном я всегда буду настаивать — на примирении всех республиканских партий. Вражеский фронт растянулся так широко, что мы не можем противостоять ему силами одной лишь партии. Как бы могуча она ни была, фронт ее слишком узок. Расширьте линию фронта.

Р о б е с п ь е р. Я сам этого хочу. Я готов протянуть руку честным гражданам всех партий. Но не допущу соглашений с теми, кто предал и запятнал Революцию, — с разными Карье и Фуше.

Л е б а. Очень жаль. Они послужили Революции и могли бы еще послужить.

Робеспьер. Если таково твое мнение, значит, ты осуждаешь казнь Эбера и Дантона?

Леба. Я сожалею о свершившемся. Пусть были все основания презирать и остерегаться этих людей — благо Республики требовало сохранить их ради общей дружной защиты от врагов. Строй революционеров поредел после безжалостных порубок в их рядах. Нам стало трудно справляться с нашей миссией. Будь моя воля, я объявил бы священной голову каждого, кто участвовал в Революции десятого августа.

Кутон. Пустое! Тебе же говорил Сен-Жюст: если бы мы не разгромили одним ударом шайку Эбера и Ронсена, они уничтожили бы нас. Страна была накануне военного переворота. Мы удушили заговор в зародыше.

Леба. Неужели такова плачевная судьба Революции, что она должна пожирать одного за другим своих сыновей? Довольно жертв! Пресекайте заговоры беспощадно, но не толкайте на преступления наших противников. Попробуем в последний раз заключить мир с опальными проконсулами.

Робеспьер. Нет, я против! Я несу ответственность за душу народа, я охраняю его нравственную чистоту. Я буду защищать народ.

Кутон (*делает знак Леба*). Бесплезно спорить. К тому же слишком поздно для примирения. Разрыв окончательный и непоправимый. Раз жребий брошен, надо действовать, не теряя времени. Нам остается проверить и отточить оружие. Пойду работать, мне надо подготовить декреты.

Робеспьер. Печальная необходимость! Не думай, Леба, что я не страдаю. Я жажду избавиться от этого бремени.

Когда же нам будет дано положить конец террору?

Кутон. Только террором можно прекратить террор.

Кутон уводит в кресле Симон Дюпле. Робеспьер и Леба остаются одни.

Робеспьер. Ты опечален, друг? Ты нас осуждаешь?

Леба. Нет, меня смущает не нарушения закона — это допустимо во имя общественного спасения. Кутон прав: законы — творение человека, он их создает, он же их отменяет. Пока Революция не завершена, меняются и законы, еще не настало время их закреплять. Но наступит час, когда державный облик нового, наконец установленного строя воплотится в законе, и тогда закон станет неприкосновенным. Не буду возражать и против

вашего желания порвать с крайними партиями — вам виднее все их интриги. Равно нет у меня охоты сожалеть о судьбе этих грабителей, — скорее, меня тревожит то зло, что они могли вам причинить. Меня огорчает другое, Робеспьер, — позволь доверить тебе мысли, которые уже давно меня гнетут. Я вижу, как Революционный трибунал посылает на эшафот без разбора вместе с хищниками много невинных (тебя коробит это слово?), несознательных людей, слабых и безобидных созданий, женщин и детей... Максимилиан! Неужели ты допустишь, чтобы завтра осудили на смерть Люсиль Демулен?

Робеспьер (*судорожно сжимает руки, лицо его выражает страдание*). Не напоминай мне о том, что терзает мне сердце. Несчастливая женщина! Ты думаешь, я не хотел бы ее спасти?

Леба. Как? Хотел бы и не можешь? Так скажи об этом по крайней мере, заяви, что ты этого хочешь.

Робеспьер. Неужели я не спас бы Демулена, если бы мог? И тем более его подругу! Ах, Леба, ведь я их пожевал, я держал на руках их ребенка. Я не из тех, кто забывает прошлое. Поразив друга, я ранил себя. Но разве ты не видишь того, что отлично видят они, не видишь, что именно этой казни они и добивались.

Леба. Кто они?

Робеспьер. Мои коллеги по Комитетам. Они выслеживали меня. Они отлично поняли, где мое уязвимое место. Чтобы вырвать у них смертный приговор Эберу и Ронсену, я принужден был выдать им нашего неосторожного болтуна, опьяненного своим красноречием пустозвона, который играл на руку всей замаскированной реакции. Сделать исключение значило бы поколебать столь необходимое Республике доверие народа, который встревожен непрерывными предательствами. И так уж завистники стараются подорвать доверие ко мне, распуская слухи о моей нерешительности.

Леба. Когда карают таких, как Демулен, — я это принимаю. Эти бессовестные болтуны, сами того не сознавая, приносят вред в порыве оскорбленного самолюбия. Мы, мужчины, обязаны нести ответственность за свои ошибки, даже за опрометчивые поступки. Но — женщины? Неужели нельзя держать их в стороне от наших кровавых столкновений?

Робеспьер. Они сами завоевали право в них участвовать после удара кинжалом Шарлотты Корде.

Леба. Что общего у Люсиль с этой помешанной?

Робеспьер. «Нина от любви безумна...». Ты же знаешь; она замешана в тюремном заговоре.

Леба. Бедная заговорщица! Она старалась хоть чем-нибудь заглушить свое отчаяние.

Робеспьер. Она убила бы всех нас, если бы могла. Я понимаю ее и жалею, но ничем не могу ей помочь. Она подкупала наемных убийц.

Леба. Это пахнет предательством, ей поставили западню.

Робеспьер. Может быть, но она попала в нее. И теперь уже неммыслимо ее спасти. Чем больше сочувствия я к ней проявляю, тем яростнее они стараются ее погубить. А потом будут порицать меня же за бесчеловечный приговор — такова их двойная игра! Стоило мне отозваться с уважением о юном Гоше (ты его знаешь), стоило ему выказать мне свою преданность, как он стал мишенью для ожесточенных нападков Комитета. И даже Сен-Жюст на их стороне.

Леба. Гош и в самом деле самонадеян, заносчив, ни с кем не желает считаться.

Робеспьер. Пусть так, он молод, горяч. Республика не настолько богата талантливыми генералами, чтобы не дорожить такими, как Гош... И все-таки придется принести его в жертву, не то меня обвинят, будто я окружаю себя преторианской гвардией. Остерегайся дружить со мной, а то и тебя заподозрят.

Леба. Отчего же ты не порвешь с негодяями, которые завидуют тебе и порочат твое имя?

Робеспьер. Еще не время. Мы должны быть едины, таково веление Революции. Сам же ты сейчас призывал нас к единению. Видишь теперь, как нелегко быть в союзе даже с теми, кто слывет и кого я сам считаю, несмотря на личную неприязнь, самыми истыми, самыми стойкими республиканцами. За любое совместное решение несут бремя ответственности все сообща, хотя бы совесть того или иного возмущалась и скорбела. Я беру на себя ответственность за все постановления Комитета, и долг повелевает мне все их отстаивать, не отрекаясь ни от единого слова. О счастливое время, когда я выступал один против всех, одинокий перед лицом враждебного собрания! Теперь, когда в моих руках власть, я не менее одинок, но гораздо менее свободен...

Уже несколько минут из-за стень налево доносятся юные женские голоса и веселый смех. Леба становится рассеянным, прислушивается. Робеспьер улыбается.

Робеспьер. Да ты меня не слушаешь. То, что говорят за стеной, интересует тебя гораздо больше.

Леба (*смутившись*). Прости меня, Максимилиан.

Робеспьер (*сердечно*). За что же? Там твоя молодая жена с сестрами, они смеются и болтают. Она нарочно смеется громко, чтобы ты услышал ее. Ей не терпится увидеть тебя поскорее. Мы имели жестокость разлучить вас, оторвать друг от друга; может быть, в следующем месяце нам придется снова отослать тебя в армию. В глубине души за каждую минуту, что мы у вас похитили, вы проклинаете меня, как за тяжкое преступление. Не отрицай! Я сам сознаю свою вину... Ну, что же, пойдем к нашим милым подругам!

Уходят.

Занавес.

Тут же занавес подымается снова.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната дочерей Дюпле в глубине двора, во втором этаже. Окно выходит в сад женского монастыря «Непорочное зачатие». На сцене — Элеонора, Элизабета и Анриетта, сестра Леба.

Элеонора (*Элизабете*). Садись сюда! (*Усаживает ее в кресло у окна.*) Ты устала, должно быть. В твоем положении от Люксембургского сада до улицы Сент-Оноре конец немалый. Бедные твои ножки!

Элизабета. Да, мне становится тяжело таскать этого постреленка. Я едва доплелась; хорошо, что милая Анриетта поддерживала меня. Я несла одного, а ей-то приходилось тащить на себе двоих.

Анриетта. Вот лгунишка, это она торопила меня. Я не могла угнаться за ней.

Элеонора. Ты бежала бегом? Зачем было так спешить?

Анриетта. Чтобы догнать своего сокола.

Элеонора. Мужа? Его здесь нет.

Элизабета (*полусердито, полусмеясь*). Неправда. Он сказал, что придет сюда... Неужели он обманывает меня?

Элеонора. Он приходил и ушел.

Элизабета (*огорчена*). Не может быть... Он обещал меня дождаться.

Элеонора. Он вернется. Он не думал, что ты придешь так рано. Тебя ждали только к ужину.

- А н р и е т т а. Не успел Филипп уйти, как она потащила меня вслед за ним.
- Э л е о н о р а. И не стыдно тебе так гоняться за женщиной?
- Э л и з а б е т а. Нет, не стыдно. Он мой.
- А н р и е т т а. Можно подумать, что у тебя его отбивают.
- Э л и з а б е т а. Еще бы! Конечно, отбивают.
- А н р и е т т а. Кто же?
- Э л и з а б е т а. Все! И Конвент, и Комитеты, и армия, а главное, — Максимилиан... Все, все! Отнимают на недели, на месяцы, и, даже когда он здесь, в моих объятиях, когда я держу его крепко, они не могут оставить его со мной даже на день, на целый день. Я наконец похищу его и спрячу, да так, что никто и не найдет.
- А н р и е т т а. Я краснею за тебя. Как тебе не стыдно?
- Э л и з а б е т а. А ты, моя скромница, моя душенька, лучше не задевай меня. Не то я скажу, кто из нас больше спешил и кого ты надеялась здесь встретить.
- А н р и е т т а. Элизабета, молчи, не смей!..
- Э л и з а б е т а (Элеоноре). А что, красавец Сен-Жюст не заходил к Робеспьеру?
- Э л е о н о р а. Его уже давно не видно. Не знаю, что с ним такое.
- А н р и е т т а. Какая ты злая, Элизабета! Я же просила не говорить о нем со мной.
- Э л и з а б е т а. Да я не с тобой и говорю. (Элеоноре.) Подумай, эти чудачки вот уже две недели как в ссоре.
- А н р и е т т а. Неправда! Ты не имеешь права читать мои мысли... И потом, теперь все кончено... Да и вообще между ним и мной никогда ничего не было.
- Э л и з а б е т а. Ты сама себе противоречишь: если никогда ничего не было, почему же теперь все кончено?.. К тому же ничего не кончено. И он тебя любит, и ты его любишь. Да, да, да, да!
- А н р и е т т а. Нет, нет! Он никогда меня не любил. А я разлюбила его... Все кончено. (Плачет.)
- Э л е о н о р а. Она плачет... (Обнимает ее.) Ну, перестань, милочка... Все обойдется.
- А н р и е т т а. Нет, не обойдется... Да я и не хочу... Я и не думаю плакать... Зачем она меня мучает? (Указывает на Элизабету.)
- Э л и з а б е т а. Душенька моя! Я не хотела тебя огорчать... Я не думала, что ты примешь это так близко к сердцу... Я просто пошутила...

- А н р и е т т а. Ты вот счастливая. Пожалела бы тех, кто несчастен.
- Э л и з а б е т а. Но ты будешь, будешь счастлива, я хочу этого. О да, я знаю, что я счастливая. И как это прекрасно! Судьба всегда меня баловала. Но я не эгоистка. Я хочу поделиться с вами, хочу, чтобы и вам было хорошо. И будет хорошо. Будет чудесно. Три друга — Леба, Сен-Жюст, Максимилиан, — три брата. И три сестры... Я, хоть и моложе, буду старшей среди вас, я вас обогнала. Чего вы ждете? Следуйте моему примеру, да поскорее!
- Э л е о н о р а. Ты балованный ребенок, тебе всегда все доставалось первой. Ну а мы, мы должны заслужить свое счастье, если только на нашу долю выпадет счастье.
- Э л и з а б е т а. Так что же, значит, по-вашему, я не заслуживаю счастья? *(Сразу меняет тон.)* О да, конечно, я недостойна его. Вы заслужили его больше, чем я.
- Э л е о н о р а. Никто не заслуживает счастья. Это дар судьбы. Благословен тот, кто его получает. И за дар этот ничем нельзя отплатить. Можно только принять его с благодарностью.
- Э л и з а б е т а. Я каждый день благодарю судьбу.
- А н р и е т т а *(с улыбкой)*. И каждую ночь.
- Э л и з а б е т а. Нет, ночью мне не до этого.
- Э л е о н о р а. Она потеряла всякую скромность. А такая была застенчивая, смущалась от любого слова, любого взгляда. Прямо не узнаю ее. Мне подменили сестру.
- Э л и з а б е т а. А что я сказала? Ничего дурного. *(Анриетте.)* Это твой негодный брат подменил меня.
- А н р и е т т а. Мы все расскажем Робеспьеру.
- Э л и з а б е т а. Ах нет! Пожалуйста, не надо! Он будет презирать меня.
- Э л е о н о р а. Он знает, что у тебя ветер в голове.
- Э л и з а б е т а. Он такой мудрый. Он не может понять наших безумств.
- Э л е о н о р а. Ты ошибаешься, Максимилиан понимает все. А твоим безумствам он сочувствует и любит их, как и я их люблю. Мы хорошо знаем, что для чистых сердцем все чисто...
- Э л и з а б е т а. Вы так добры. Он всегда был так добр ко мне!.. И все же... Я очень люблю его, но как-то теряюсь в его присутствии. Я преклоняюсь перед тобой, что ты его невеста... И перед нею тоже... *(Указывая на Анриетту.)* Восхищаюсь ее выбором.
- А н р и е т т а *(умоляюще)*. Элизабета, не надо!

Элизабета. Как я рада, что мне достался мой Леба! Может быть, он не такой герой, как ваши избранники, но так я даже счастливее. Он больше мне подходит. Я не робею перед ним, мне с ним легко. Нет, нет, я бы не променяла своего милого на ваших...

Элеонора. Да никто их тебе и не предлагает, дерзкая девчонка! Мы их не уступим, правда, Анриетта?

Анриетта. Увы, мне некого уступить.

Элеонора. Ну, скажи, чем ты расстроена? Небольшая размолвка? Полно, просто облачко набежало, от этого не тускнеет небо влюбленных.

Элизабета. Он ревнив? Или ты его ревнуешь?

Анриетта. Нет, дело гораздо серьезнее.

Элизабета. Что же может быть серьезнее на свете?

Элеонора. Ну скажи, дорогая. Доверься своим сестрам!

Анриетта. Я оскорбила Сен-Жюста. Я знаю, какой он вспыльчивый, и не упрекаю его; я еще больше люблю его за это — мне нравится гордость и горячность его нрава. Но я имела дерзость спорить с ним о политике и осуждать его.

Элеонора. О, как ты осмелилась? Нам не следует вмешиваться в государственные дела, бремя которых несут наши избранники. Можно высказать свое мнение только тогда, когда они сами тебя об этом спросят. Даже мой отец с Робеспьером, уважая независимость друг друга, избегают взаимных расспросов: один о делах трибунала, другой о делах Комитета. Я никогда не позволю себе первая заговорить с Максимилианом о его политической деятельности.

Элизабета. А мы с Филиппом не занимаемся политикой, у нас есть занятие поинтереснее.

Анриетта. Нет, я принимаю все это слишком близко к сердцу. И не мыслю, как можно отстраняться от самого главного в жизни любимого человека. Дело идет не о государственных тайнах... да если и так, его тайны стали бы моими, я имею на то право. Но как могу я закрывать глаза на все несчастья и жестокости, которые происходят каждый день по вине моего друга, да и ваших возлюбленных?

Элизабета. Какие жестокости?

Анриетта. Разве ты не знаешь о безжалостных приговорах, которые выносятся последние месяцы, день за днем, день за днем?..

Элизабета (*упрямо*). Нет, не знаю...

Анриетта. Нам сулили, что после казни короля, пре-

- дателей жирондистов, после Эбера, Дантона и Демулена меч правосудия будет вложен в ножны, воздух Франции станет чистым и мирным. И что же? С каждым днем льется все больше крови, все тяжелее становится бремя, все больше жертв, даже женщин и детей... Они проходят у вас под окнами, они тянутся нескончаемой чередой.
- Элизабета. Под нашими окнами?
- Анриетта. Ты же видишь, как мимо вас по улице проезжают телеги с осужденными.
- Элизабета. Нет, нет, ничего не вижу, ничего не видела.
- Элеонора. Наш добрый отец, благодарение богу, никогда не разрешал нам смотреть на этих несчастных. Когда их везут мимо, ставни всегда затворены наглухо.
- Анриетта. Но ведь сердце ваше не глухо. Вы не можете не знать, куда везут телеги свой страшный груз, вам должно быть известно, что руки наших близких причастны к этому.
- Элизабета (*упрямо*). Ничего не знаю, ничего не хочу знать.
- Анриетта (*Элеоноре*). Твой Робеспьер и мой Сен-Жюст издают законы, направленные против этих несчастных. Твой Леба и Комитет безопасности заключают их в тюрьму. Ваш отец в Революционном трибунале приговаривает их к смерти.
- Элизабета (*затыкает уши*). Это неправда!
- Элеонора. Все они исполняют свой тяжкий долг с болью в сердце, Анриетта, ты же знаешь. Я часто вижу, как жестоко страдает Максимилиан, хотя он и молчит, чтобы не огорчать меня. Никогда я не позволю себе, как ты, неосторожная, усугубить его муки, омрачить своими тревогами чело возлюбленного.
- Анриетта. Неужели призыв к милосердию может огорчить его?
- Элеонора. Требуется немало сил, чтобы нести бремя вершителей правосудия. Это необходимо для спасения Республики. Неужто нам ослаблять их волю?
- Анриетта. Да разве я хочу видеть их слабыми? Но я не хочу, чтобы мой Сен-Жюст был менее справедливым. Пусть будет более справедливым, более достойным своего славного имени, более человечным.
- Элеонора. Неужели ты думаешь, что этих людей надо учить любви к человечеству, к обездоленному человечеству? Ведь они трудятся ради его освобождения, ради его славного будущего! Ему они посвятили ныне свое счастье, а может, и саму жизнь!.. Полно, наш долг утешить их

своей нежной заботой, успокоить, укрепить их веру — вот чего они втайне молят у нас. Я читаю в их сердцах печаль, порою даже сомнения... хотя эти гордые люди стараются казаться непреклонными и скрыть от нас свою бесконечную усталость...

Анриетта. Ты думаешь? Правда? Даже мой Сен-Жюст? Он так суров!

Элеонора. Он только кажется суровым, как многие молодые люди. Это броня. Разве ты не видишь, какая скорбь в его глазах?

Анриетта (*с волнением*). Да, вижу. Как могла я не задуматься над этим? Я была сурова с ним, я не понимала его, как должно...

Элизабета. А мой Филипп ничего от меня не скрывает. Он говорит мне все, я говорю ему все и знаю, как он добр и благороден. Зачем я стану мучить его?

Анриетта (*горестно*). А я мучаю, я часто мучила моего друга. Зато теперь я жестоко наказана. Он ушел от меня.

Элеонора. Он вернется!

Анриетта. Нет, он не из тех, кто прощает. Я-то знаю его. Ведь я не поверила в него, не пошла за ним слепо и покорно, а он не допускает колебаний в той, кого избрал своей подругой. И как бы я ни любила, как бы ни страдала от его отчуждения, я даже и теперь не способна стать такой, как он требует.

Элеонора. Оба вы упрямы и своенравны, как дети. Но я уверена, вы полюбите друг друга еще горячее. Ссорьтесь, упрямитесь, безрассудные. Настанет день, когда вы будете целовать ушибы, нанесенные друг другу.

Входят Робеспьер и Леба. Элизабета радостно вскрикивает от неожиданности и бросается в объятия мужа.

Робеспьер (*с улыбкой обращаясь к Элизабете*). Вот я вам привел его, маленькая сирена. Лишь только он слышит ваше пение, он уже ни на что не годен. Возвращаю его вам... Нет, уступаю на время.

Элизабета (*вырываясь из объятий Леба, с возмущением*). На время?.. Уступить на время мою собственность? Ах, грабители!

Элеонора (*строго*). Какое неуважение!

Элизабета. Пускай уважают мои права!

Робеспьер (*улыбаясь*). «Моя собака, моя!» — кричат наши бедные дети...

Элизабета. Ну разумеется! Это моя собака, никому не отдам!

- Анриетта.** Балованный ребенок!
- Робеспьер.** Такая уж она от природы. Такой мы ее и любим.
- Анриетта.** Это верно. Она счастливица, и она права. Виноваты только неудачники.
- Робеспьер** (*сердечно*). Дружок мой, не сомневайтесь — и вам улыбнется счастье.
- Анриетта.** Разве вы знаете?
- Робеспьер.** Я знаю, что у него, как и у вас, благородная душа. И верю в вас обоих.
- Анриетта** (*с горячностью*). Спасибо! (*Порывисто наклоняется и целует руки Робеспьера, прежде чем тот успевает их отдернуть.*)
- Робеспьер** (*повернувшись в Элеоноре, обменивается с ней понимающей, ласковой улыбкой и берет ее за руки*). Побудем вместе хоть несколько минут, насладимся этим чудесным весенним вечером. О блаженный уголок! Каждый раз, когда я вхожу сюда, я словно попадаю в мирную тишину леса. Огромный монастырский сад, старые деревья, щебетание птиц... Все остальное кажется дурным сном: город, жестокие схватки, бои на площади... Небо даровало вам счастье провести здесь детство, Элеонора и Элизабета.
- Элеонора.** Да, мы с детских лет любовались этой мирной картиной. Мы жили словно за сто верст от Парижа.
- Элизабета.** А я даже забывала, что Париж существует. Сколько мы тут мечтали!
- Леба.** И болтали!
- Элеонора.** О, ей не нужно было собеседника... Элизабета болтала сама с собой. Мне оставалось только слушать... а я не слушала. Она одна щебетала, как птичка в клетке. Ворковала целые дни.
- Леба.** Мне это знакомо!
- Элизабета** (*обиженно*). И ты недоволен?
- Элеонора** (*поддразнивая сестру*). Вы скоро привыкнете... Перестанете слушать, как я... Это очень легко...
- Элизабета.** Гадкие, противные!.. Я больше ни слова не скажу — вот вам!
- Робеспьер.** О нет, пожалуйста, мой дружок! Я так люблю ваш голос, он так подходит к этой картине. Лучше спойте нам вместе с воробушками и дроздами, которые воспевают угасающий день. Спойте романс Руссо!
- Элизабета** (*обращаясь к Леба*). А ты садись мне аккомпанировать...

*Леба садится за клавесин. Элизабета поет романс на прос-
тую мелодию Жан-Жака Руссо¹. Анриетта, опершись на кла-
весин, смотрит на брата. Робеспьер сидит у окна. Элеонора
подходит сзади и, слегка склонившись, кладет ему руки на
плечи. Во время второго куплета дверь отворяется. Входит
С и м о н Д ю п л е.*

С и м о н Д ю п л е. Извини, Максимилиан. Важные извест-
тия!

Э л и з а б е т а. Неужели нельзя было подождать, пока я
спою романс до конца?

С и м о н. Один из агентов принес важное сообщение. Можно
вести его сюда?

Р о б е с п ь е р. Нет, я не допущу, чтобы политика врыва-
лась в ваш священный приют. Сейчас иду, Симон. Прос-
тите, друзья! Продолжайте. (*Уходит вслед за С и м о
н о м*).

Э л и з а б е т а. Мне уже больше не хочется петь.

А н р и е т т а. Как было хорошо, когда он сидел вместе с
нами!

Э л е о н о р а. И как редко это случается! Никогда не да-
дут ему отдохнуть хоть немного, а он так нуждается в
покое! Меня очень тревожит его здоровье.

Л е б а. Да, когда я вернулся из департамента Самбр-э-Мез,
я нашел в нем большую перемену.

Э л е о н о р а. В начале февраля он слег в постель. Мы все
так беспокоились!

Л е б а. Только сила воли помогла ему встать на ноги.

Э л е о н о р а. Ему необходимо было три месяца полного
отдыха. А мы едва убедили его отдохнуть хотя бы
месяц, и то с большим трудом...

Л е б а. Без него невозможно обойтись.

Э л е о н о р а. А что будут делать, если он умрет от уста-
лости?

Л е б а. Он не умрет, пока он необходим Республике.

А н р и е т т а. Ну, так он никогда не умрет — ведь он всегда
будет ей необходим.

Э л е о н о р а (*растрогана*). Милая Анриетта! Ах, если бы
избавить его хоть немного, хоть на малую долю от непо-
сильного бремени, которое лежит на нем!

А н р и е т т а. Наша беда в том, что мы, женщины, так
мало можем сделать для любимого.

¹ Романс на стихи Белло: «Апрель — краса лесов и месяцев краса» —
Р. Р.

Леба. Вы можете очень много, вы можете все. Вы и не подозреваете, как благотворна ваша любовь и ласка для сердца мужчины, поглощенного неустанным трудом. Когда тебя гнетут заботы и усталость, когда ты пал духом, какое вы для нас утешение и поддержка!

Элизабета. Ну, да, понимаю. Ты должен нести на плечах тяжелую ношу. А я — нести тебя.

Леба. Озорница!

Элизабета (*озадаченная, смущенно смеется*). Ах нет, я не то хотела сказать...

Леба. Ты отрекаешься от своих слов?

Элизабета. Нет, и не думаю. Ну а ты, бессовестный, скажи-ка, что бы с тобой случилось, не будь меня?

Леба. Ах, никогда не знать тебя — это еще не самое худшее.

Элизабета (*изумлена и обижена*). Боже мой, вот так комплимент!

Леба. Самое худшее, — узнав тебя, думать, что жизнь могла бы пройти без тебя и что может наступить день разлуки с тобой.

Элизабета. Не смей и думать об этом! Запрещаю тебе это раз навсегда! Теперь ты со мной не разлучишься, даже если бы захотел. Я срослась с тобой навеки.

Дверь отворяется, входит Робеспьер.

Робеспьер. Сидите спокойно, друзья, продолжайте беседовать. Леба, на два слова!

Леба подходит к Робеспьеру. Они стоят у порога и разговаривают вполголоса.

Я должен уйти. Мне только что сообщили, что Фуше успел вызвать к себе Барраса, Тальена, Карье, Матьё Ренью и вечером они соберутся в Клубе якобинцев. Мне надо быть там, чтобы отразить нападение врагов.

Леба. Я пойду вместо тебя. Не ходи туда. Это утомительно для тебя, да и опасно.

Элеонора, подойдя к ним, безмолвно, с мольбой сложив руки, смотрит на Робеспьера.

Робеспьер. Нет! Я разгадал их подлые замыслы. Я должен пресечь их.

Леба. Ты должен побереечь себя.

Робеспьер (*твердо*). Я пойду.

Леба склоняет голову.

Элеонора. Максимилиан! Позволь приготовить тебе ужин.

Робеспьер. Свари одно яйцо.

Элеонора уходит.

Оставайся здесь, Леба. Видишь, как грозно смотрит на меня твоя маленькая повелительница. Успокойтесь, красотка. Никто его у вас не отнимет.

Леба. Я не могу отпустить тебя одного.

Робеспьер. Тебе нечего бояться. Меня надежно охраняют. Анриетта! Прежде чем уйти, мне хотелось бы поговорить о том, что вас заботит. Пока милая Элеонора готовит мне ужин (я огорчил бы ее, если бы от него отказался), пойдём поговорим о нашем отсутствующем друге.

Анриетта с благодарной улыбкой подходит к Робеспьеру, он ласково кладет ей руку на плечо; они уходят вместе, улыбнувшись на прощание Элизабете и Леба. Леба и Элизабета остаются вдвоем.

Леба. Все равно я пойду вместе с ним. Я не буду спокоен, зная, что он там один среди врагов.

Элизабета. Но ведь он же сказал, что ты ему не нужен. А мне ты нужен.

Леба. Я вернусь к тебе через несколько часов.

Элизабета. «Несколько часов»! Разве это мало? Если я их лишусь, кто мне их возместит?

Леба. Мы наверстаем их вдвойне. Полно, я не найду покоя в твоих объятиях, если отпущу его одного.

Элизабета. Я ревную тебя к нему... но понимаю, что так надо. Ступай же, охраняй нашего славного друга, ради него я согласна уступить тебя.

Леба. Подожди меня здесь. И поспи до моего возвращения. Когда я приду, тебе не удастся заснуть.

Обнимаются. Леба прислушивается.

Вот он уходит. Даже не успел поужинать.

Слышно, как хлопает входная дверь.

Элизабета. Он, когда торопится, всегда закусывает на ходу.

Леба. Я выйду немного погодя... Он рассердится, если увидит, что я следую за ним по пятам. Ах, не люблю я, когда его втягивают в эти схватки! Если бы можно было их избежать!

- Э л и з а б е т а. Наш дорогой друг не боится борьбы. Ему достаточно появиться, чтобы одержать победу.
- Л е б а. Нет, нет, на сей раз это опасный бой. Противник пускает в ход отравленное оружие.
- Э л и з а б е т а. Как? Фуше, этот жалкий человек, такой смиренный, такой незрочный, с постной физиономией? Я видела, как он крался по лестнице вдоль стены; он покашливал и все кланялся, словно извинялся перед каждой ступенькой.
- Л е б а. Не доверяйся пауку! Он протянул паутину по всем углам.
- Э л и з а б е т а. Я не боюсь паука, я не мушка, а пчела.
- Л е б а. Бедная моя пчелка! Где же твое жало?
- Э л и з а б е т а. Да, правда, мне ни разу не приходилось пускать его в ход — меня избаловали. Я с детства привыкла к тому, что все меня защищают: отец, братья, потом возлюбленный. Вся моя сила в вас.
- Л е б а. И все же ты должна привыкать обходиться без меня.
- Э л и з а б е т а. Ни за что! Обходиться без тебя? А тебе без меня? Жестокий! Разве ты опять меня покинешь?
- Л е б а. Нам придется снова разлучиться.
- Э л и з а б е т а. Ах нет, нет, я не хочу! Что они еще выдумали, на мое несчастье? Неужели ты позволишь, чтобы тебя опять послали в армию? Не прошло ведь и двух месяцев, как ты оттуда вернулся. А как я тосковала без тебя зимой, как мерзла одна в холодной постели! Сердце леденело, ноги стыли... Нет, больше ни за что тебя не отпускаю.
- Л е б а. Теперь твоим ножкам будет тепло. Наступила весна.
- Э л и з а б е т а. Сердцу холодно в любое время года, если оно одиноко.
- Л е б а. Покуда я жив, оно не будет одиноким, где бы я ни находился.
- Э л и з а б е т а. Ну, да, ты будешь любить меня издали, в письмах... Благодарю покорно! Мне нужны твои губы, мне нужно прижаться к твоей груди. А поцелуи на бумаге только бесят меня, я даже плакать не могу с досады.
- Л е б а. Не отнимай у меня последних сил, мой нежный друг, у меня и так их немного. Нам обоим нужно запастись благоразумием. Каждому в отдельности благоразумия не хватает.
- Э л и з а б е т а. Значит, это правда? Ты опять уедешь?
- Л е б а. Говорят, да... Но не сейчас.
- Э л и з а б е т а. Когда же?

- Леба. Должно быть, недели через три, в начале будущего месяца.
- Элизабета (с облегчением). Ах, недели через три... в будущем месяце? Ну, значит, у нас еще есть время. Может быть, кончится война... или наступит конец света... А вдруг ты и не уедешь... Нет, нет, даже и думать не хочу!
- Леба. Ах, если бы я только мог!
- Элизабета. А кто же может кроме тебя, кроме нас с тобой? Позволь мне попросить Робеспьера! Он так любит и тебя и меня, он так добр... Ты же сам видел сейчас... Он оставит тебя, он не разлучит нас.
- Леба. Нет, Лизетта, не позволю. Мне будет стыдно.
- Элизабета. Стыдно за меня?
- Леба. Стыдно перед тобой. Ведь ты — это я. Ты не можешь требовать, чтобы твой Филипп нарушил свой долг.
- Элизабета. А разве нет у тебя долга по отношению ко мне? Разве ты не обязан оберегать свою подругу и малыша, который спит вот здесь? (*Кладет руку на живот и подходит к Леба.*)
- Леба сидя прижимается щекой к ее телу.*
- Леба. Он будет умником, он поспит еще добрых два месяца, а к тому времени я вернусь и разбужу его.
- Элизабета. Подумай только: а вдруг он родится без тебя? А вдруг я умру?
- Леба. Перестань, не смей и думать об этом! Вот сумасшедшая! Ты такая здоровая, цветущая, красивая, как вешний день. В мое отсутствие ты поживешь у своих, тебя будут лелеять, баловать, как котенка... Чего ты боишься! Я же буду недалеко. При малейшей опасности я вернусь.
- Элизабета. Ты обещаешь?
- Леба. Если только...
- Элизабета. Ты уже обещал!
- Леба. Если только позволят обстоятельства на фронте и Сен-Жюст сможет обойтись без меня.
- Элизабета. Ну, на это нечего рассчитывать: Сен-Жюст — человек бессердечный. Ты же старший, неужели ты не можешь решать без него?
- Леба. Ни он без меня, ни я без него. Мы все делим поровну: и власть, и обязанности, и возложенные на нас поручения.
- Элизабета. Хотелось бы мне знать, почему это самые трудные поручения всегда доверяют именно вам?

Леба. Вероятно, потому, что мы недурно справляемся с ними. А кроме того, дорогая моя, если бы не тяжесть разлуки с тобой, то, по правде сказать, в армии, под неприятельскими пулями, чувствуешь себя гораздо лучше, чем здесь, в Париже.

Элизабета. Что ты? Разве тебе не спокойнее в Комитете?

Леба. Слишком много интриг, зависти, коварства. Все завидуют, все боятся друг друга. Каждый готов предать. Чтобы защитить себя, самому тоже приходится хитрить. Не знаешь, кому довериться. Порой теряешь всякую веру в человечество... Если не иметь, как я, любимой подруги да нескольких друзей — двух, трех, в которых уверен, — можно впасть в отчаяние. Ах, если бы ты знала, какое я питаю отвращение к политике!

Элизабета. Так брось политику. Уедем отсюда.

Леба. Нет, невозможно. Именно потому, что честные люди отстраняются от дел, политика попала в руки негодяев. Наш долг — остаться и вырвать ее из недостойных рук. От нас, от нашей политики зависит судьба наших потомков, их слава или позор. Разве не обязан я завоевать нашему ребенку счастливую, свободную жизнь? Я тружусь для него. И не для него одного, для всех малышей — они вправе требовать от нас отчета. Разве они не стоят того, чтобы потрудиться и помучиться ради них? Для них я пожертвую всем, ради них не страшны ни усталость, ни отвращение.

Элизабета. О да, пусть он будет счастлив, наш маленький. Все для него!.. И для меня тоже. Я бы хотела и все отдать и все получить от жизни.

Леба. Все радости? Какая ты жадная, моя крошка!

Элизабета. Я создана, чтобы быть счастливой. Я это чувствую. Не укоряй меня. Разве это дурно?

Леба. Нет, моя прелесть. Я радуюсь твоему счастью. Я люблю счастье, так люблю, что хотел бы оделить им всех на свете. Но сколько работы еще предстоит! Боюсь, понадобятся столетия, чтобы людей принудить к счастью.

Элизабета. Счастье по принуждению? Что же, это каторга, что ли? Не хочу! Хочу своего собственного счастья, такого, как наше с тобой.

Леба. Мы насладимся им, когда утихнут бури. Лишь только Республика окрепнет и отчизна перестанет нуждаться в нас. Милый мой друг, как хорошо будет уехать в деревню, ко мне на родину, в Артуа! Маленький домик, клочок земли... Долгие дни, целые годы без тревог и

волнений. Какое блаженство! Я заранее наслаждаюсь им вместе с тобой.

Э л и з а б е т а. Зачем же откладывать на завтра?

Л е б а. Нет. Сначала надо заслужить наше счастье.

Э л и з а б е т а. Милый мой проповедник!

Нежно обнимаются.

З а н а в е с.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Пале-Рояль. Терраса кофейной «Корацца». Вечер 3 прериаля (22 мая). За столиками — пестрая, живописная толпа. Направо, немного пониже, — сад, куда спускаются по ступенькам. Стеклянная перегородка отделяет часть террасы в глубине направо. Другая половина террасы, на переднем плане, выходит прямо в сад, где непрерывно движется людской поток.

На переднем плане слева — столы дельцов, перекупщиков, ростовщиков. В центре расположились проконсулы и члены правительства — К о л л о, Б и л л о, Б а р р е р, М е ж а н и прочие. Позднее — Г о ш, потом — Т а л ь е н. В глубине налево, на возвышении, — столики партии Болота и переодетых роялистов, среди которых можно узнать К о л л е н о, шпиона роялистов в Комитете. Ф у ш е, появившись из сада, направляется к проконсулам, нигде не задерживаясь, бесшумно лавируя между столиками, бросая направо и налево отрывистые фразы; наконец он пристраивается за столиком в глубине сцены, направо, откуда наблюдает за всем происходящим, сам оставаясь незамеченным.

Перекупщики и торгаши (переговариваются между собой вполголоса, иногда раздаются громкие возгласы).

— Ну, как дела?

— Крутим.

— Обкрутим кого надо.

— Чем не золотой век?..

— Не золотой, а бумажный. Ассигнации падают с каждым часом.

— Да здравствует понижение! Барыши сами плывут в руки... Одна нога в Париже, другая в Лондоне. Спрос и предложение, дел по горло. И есть же люди, которые жалуются на тяжелые времена!

— Я-то приспособился... Да здравствует Революция! Жирный кусочек!

— Купля-продажа национального имущества... Никогда

еще не торговали так бойко... Блестящие сделки... На прошлой неделе мои подручные выхватили в Лимузине из-под носа у конкурентов прекрасные земли, фермы, замки — совсем по дешевке. А стоит пустить их в продажу — с руками оторвут. Сиди сложа руки, перекупщики сами набьют цену.

— А в графстве Венессен поместья идут задаром. Хватай, не зевай. Черные банды поработали на славу. Журдан нагнал страху на бывших владельцев. Они расплзаются как муравьи. «Бывшие» сами навязывают свое добро в обмен на заграничный пропуск.

— Осторожнее, берегитесь! Наши загребалы перестарались. В воздухе запахло жареным. Слыхали? Журдана уже засадили под замок. Как только его сцапали, трусы распустили языки. Дело скверное. Как бы не сломать шею! Комитет решил ввести контроль.

— Пускай попробует! Товар теперь не залеживается. Был да сплыл. Поди-ка поищи. Ничего не видел, ничего не знаю... Я тут ни при чем.

— Насчет суда не беспокойтесь. Кое-что, конечно, попадет им в лапы. Ничего не поделаешь! Без потерь не обойдешься. Впрочем, особого улова не будет, уж вы поверьте. Если дать делу огласку, пришлось бы притянуть всю Францию. Тут замешана уйма чиновников, управителей в департаментах, судей, прокуроров; все и завяжут. Можете спать спокойно.

— Я протестую. Не допущу никакого контроля. Они покушаются на свободу торговли. Не согласен! Я старый либерал, имею право покупать и продавать как мне вздумается, по любой цене.

— А кто воду мутит? Это тупица Робеспьер, мартышка сухозадая. Так бы и дал ему пинка! Коли не осадить его, всякой торговле конец. Он еще имеет нахальство требовать от нас отчета в наших барышах!

— Пусть только сунется, пусть попробует. Нас голыми руками не возьмешь, не то что этих болтунов из Конвента.

— А я вот считаю, что неплохо было бы с ним столкнуться. Как-никак с ним лучше иметь дело, чем с головорезами из Комитета, — например, с этим угрюмым попом Билло или с экстремистами, которых Робеспьер отозвал из провинции. Вон, гляди, видишь? Входит Карье. Этот уж ничего не разбирает. Руби головы, грабь имения — все под один ранжир.

— Не скажите, всегда можно приноровиться. И среди

них найдутся покладистые ребята, вроде Барраса или Тальена. Эти любят сладкую жизнь, до всего падки: женщины, вино, жратва, наряды и деньги, деньги, деньги... За глотку или за брюхо, а уж мы их ухватим.

— Так-то оно так, да разве можно на них положиться? Люди пустые, неустойчивые, шатаются из стороны в сторону, ни последовательности, ни порядка. А нам необходим порядок в управлении государством; особенно теперь, когда мы нажились, нам нужна прочная власть. Робеспьер — человек твердый. Он единственный из всех способен восстановить порядок и хочет порядка. Он был бы полезен в нашем деле, если бы удалось его умаслить. Ну а если заупрямится и станет нам поперек дороги — пусть проваливает.

— Я больше скажу: сбросить его к чертям! Нечего тут церемониться. На что он годен, этот скряга? Не понимает священных прав богатства. Если бы еще Камбон не держал его в узде, он конфисковал бы все наши капиталы и роздал своим оборванцам.

— Ха! Попробуй отними! Не так-то легко! Пока дело идет о том, чтобы рубить головы, Конвент на все согласен, они сами протягивают шеи, точно цыплята. Но едва коснется кармана, Конвент бросится на защиту как лев. — Не стоит портить себе кровь! Для умных людей еще наступят хорошие денечки.

Пьют. Входят Матьё Реньо и Баррас.

Матьё Реньо (*подозрительно оглядываясь кругом, брезгливо поводит носом*). Куда ты завел меня, Баррас? Что это за притон франтов и щеголей? С самого порога здесь пахнет предательством и взятками. Ну и рожи — плюнуть хочется! (*Отвернувшись от торгашей, плюет.*)

Баррас (*со смехом*). Тише, тише! Потерпи, Реньо! Нечего разыгрывать Тимона Афинского. Ты так смотришь на людей, словно вилами в навоз тычешь.

Реньо. Они хуже навоза. Я носом чую.

Баррас. А если и так? Добрый навоз стоит золота.

Реньо. Золото и дерьмо! Недаром такая вонь... а вокруг вьются тучи мух...

Баррас. Без них мы еще не научились обходиться. Даже сам Неподкупный принужден идти на уступки...

Реньо. Если бы он послушал моего совета, я научил бы его, как с ними разделаться...

Баррас. Ты не злопамятен! Робеспьер снял тебя с поста, а ты как будто готов мириться?

Ренъ о. Мириться? Нет, я обид не забываю. Такой несправедливости я никогда не прощу. Ведь я честно служил Республике, я подавил бунт у себя в провинции. Может быть, я действовал круто, не спорю. Ломал кресты и статуи в церквах, целыми сундуками отправлял Конвенту церковную утварь, очищал храмы и монастырские постройки под школы и жилища для бедняков, конфисковал поместья у аристократов, отбирал ценности, брал на учет капиталы богачей... пускай теперь дерут глотку, дело сделано. Могли бы хоть поблагодарить меня. Вот и отблагодарили: разжаловали. Говорят, будто я слишком размахнулся, «перешел границы»... А по-моему, служба Революции, нельзя «перейти границы», до тех пор пока не осуществится полное, священное, всеобщее равенство! Что это здесь происходит?.. Каким еще ветром подуло? *(Подходит к столу, где сидят Билло и Колло.)* Скажи-ка, Билло, ведь ты меня знаешь, с ума вы, что лк, сошли в Комитете? Почему вы меня отозвали?

Билло. Я тебя защищал. Но Робеспьер с Кутоном яростно требовали искоренить эбертизм в провинции, как искоренили его в Париже. А ты еще, на свою беду, спутался с Шометтом.

Ренъ о. Я не так подл, чтобы от него отрекаться. Шометт — честный, истинный патриот, Революция может гордиться им. Вся его вина в том, что он испугался и спасовал перед Робеспьером, когда надо было громко и решительно отстаивать свои убеждения. Я их разделяю и всецело поддерживаю.

Билло. Ты что, хочешь последовать за ним на эшафот? Помолчи, не создавай для нас лишних трудностей, нам и так едва удалось тебя спасти.

Ренъ о. Можешь не стараться! Пускай меня лучше казнят, не хочу унижения.

Билло. Вот чертов дурень! Лучше уж добровольно пойти на унижение. Кичишься своими принципами, а не видишь, куда они тебя завели. Ведь ты едва не стал слепым и покорным орудием самого гнусного военного переворота, который бы поставил над трупом Республики диктатора в солдатских сапогах, Ронсена...

Ренъ о. Как?.. Ронсена?

Билло. Ты ничего не разглядел, болван. Ничего не понял. Ты заслужил, чтобы тебя сто раз казнили. Но я понимал, что у вас в провинции тебе трудно было разобраться в их темных интригах. Я знал все, что ты сделал и чего ты стоишь. Я спас тебя от Робеспьера. Веди себя смиренно по

крайней мере! И не ополчайся на людей, которые служат тебе защитой. Ты еще можешь нам пригодиться, а мы — тебе, чтобы поддержать и упрочить Республику. Ей угрожают ханжество и пустословие тех самых людей, кто призван охранять ее.

Р е н ь о. О ком ты говоришь?

Б и л л о. О Робеспьере. Он замышляет создать нам нового бога из обломков той религии, что мы с таким трудом разрушили.

Р е н ь о. Бога?

Б и л л о. Ну, да, бога... как тебе это нравится? И верховным жрецом этого бога, разумеется, будет он сам, Робеспьер. А ведь от алтаря до трона один только шаг, не так ли?

Р е н ь о. Быть не может! Что за бред!..

Б и л л о. А вот увидишь! Как раз через две недели состоится торжественное официальное празднество, посвященное так называемому верховному существу — это и есть бог, только переряженный.

Р е н ь о. Если ты против, зачем же было поддерживать Робеспьера?

Б и л л о. Да, правда, две недели назад я голосовал по указке Робеспьера и признал существование бога и бессмертие души. Нам пришлось даже узаконить этого самого бога специальным декретом. Умора, да и только, за себя стыдно... Ты не подозреваешь, Реньо, какую власть Робеспьер забрал над Конвентом. Непостижимо! Голос глухой, рожа постная, очки на носу, а как только начнет говорить — всех захватывает, слушаешь, слушаешь не отрываясь. У него паучья логика, он опутывает тебя со всех сторон и завораживает... Напиток пресный, но с каким-то дурманом.

Р е н ь о. Знаю, сам пил.

К о л л о. Следует запретить ему выступать.

Б и л л о. Мы издали его речь в двухстах тысячах экземпляров, разослали по всей Франции, обязали прочесть во всех коммунах. И все эти дни непрерывно, из всех коммун, из всех городов Франции его заваливают восторженными письмами. Даже за границей, во всей Европе, речь произвела поразительное впечатление. И ведь нельзя не признать необычайной важности подобного политического шага, равно как и его своевременности. Всей стране, даже врагам, он внушил убеждение, что Революция уже миновала опасные рифы, что новый порядок установлен.

- Ренъо. Раз это послужило на благо Республике, что же ты ставишь ему в вину?
- Билло. Я ставлю ему в вину, что он совершил это ради своих целей, чтобы установить теократию, самый гнусный государственный строй, который позорит и унижает человечество.
- Ренъо. Может быть, твои подозрения напрасны?
- Билло. Я не доверяю человеку, который вопит о душе и добродетели, корчит из себя всеми гонимого праведника, а сам втихомолку прибирает к рукам всю власть. И что бы он ни делал, он старается убедить нас, будто этого хочет народ, будто народ — это он.
- Ренъо. Быть может, он сам в это верит.
- Билло. Тогда это еще опаснее. Придется его прикончить.
- Ренъо. Ты никогда его не любил, Билло.
- Билло. Не любил, будь он проклят! С первого дня, как я учуял этого зверя, я весь ощетинился. Даже когда склонен был восхищаться им, я и то его ненавидел.
- Ренъо. А мне труднее порвать с ним. Признаюсь, я любил его.
- Билло. Так что ж, пожертвуй ради него своей головой.
- Ренъо. Моя голова еще понадобится Республике. Горе тому, кто посягнет на меня. Я не сдамся без боя. Я защищаю не одного себя, у меня семья, дети...
- Фуше, бродящий между столиками, в эту минуту оказывается рядом с Ренъо.*
- Фуше. И у меня есть ребенок.
- Ренъо (*узнав его, жмет ему руку*). А, вот и ты, Фуше. Да, правда, ведь у тебя дочка.
- Фуше. Малютка. Ньевра... все, что мне осталось от моего проконсульства в доходных провинциях, где я будто бы обогащался... Самое драгоценное мое сокровище...
- Баррас (*услышав их разговор, со смехом напевает на уху Колло*).
- «Мои крошки так прелестны...»
- Ренъо. Я не боюсь врага, но предпочитаю встречаться с ним лицом к лицу. Если Робеспьер настроен против меня, значит, его ввели в заблуждение. Я хочу объясниться с ним начистоту.
- Фуше. Берегись, не делай этого. Тебе не выйти живым из его логова.
- Ренъо (*упрямо*). Его обманули. Я открою ему глаза. Несмотря на всю его несправедливость, я по-прежнему преклоняюсь перед его личностью и талантами.

Ф у ш е. Пусть так, его талантов я не отрицаю. Однако не очень-то ему доверяй. Наш гений подготавливает втихомолку тайное соглашение с роялистами.

Р е н ь о. Это ложь!

Б и л л о. Ты слишком далеко заходишь, Фуше!

Ф у ш е. Не дальше, чем нужно.

Б и л л о. У тебя нет доказательств!

Ф у ш е. Бедняга Билло! Они у тебя под носом. Подумать только, сколько месяцев вы все, одиннадцать членов Комитета, то есть без него вас десять, ломаете себе голову, каким путем секретные документы попадают в Верону!..

Б и л л о. Уж не намекаешь ли ты...

Р е н ь о. Куда? В Верону?

Ф у ш е. Ну, да, к королю веронскому, братцу Капета и его клике титулованных шпионов.

Б и л л о. Неужели он?.. Немыслимо!.. Если бы только знать наверное! *(Еле переводит дух от бешенства.)*

Ф у ш е *(невозмутимо)*. Я знаю наверное.

Б и л л о. Докажи! Докажи!

Ф у ш е. А вот спроси у него. *(Кивает на Межана, который сидит за соседним столиком.)*

Р е н ь о. Кто это?

Ф у ш е. Межан, секретарь Карно и его правая рука. У него есть доказательства.

Б и л л о. Если они есть у него, значит, он изменник; почему он не сообщил ничего Комитету?

М е ж а н. Мы с Карно хотели проверить все как следует.

Р е н ь о. Стало быть, у вас еще нет доказательств.

Ф у ш е. Нет, есть.

Р е н ь о. Я поверю только в том случае, если увижу собственными глазами.

М е ж а н. И увидишь, если придешь ко мне на дом. Ты же сам понимаешь, гражданин, подобных документов в кармане не таскают.

Р е н ь о *(поворачивается к нему спиной)*. Фальшивая твоя харя! Не верю я тебе. Ты лжешь, Фуше.

Ф у ш е. Ну а если я ткну тебя носом в доказательства и ты убедишься в измене твоего любимца Робеспьера, что тогда?

Р е н ь о *(яростно)*. Я убью его своими руками.

Входит Гош в генеральском мундире. Ему двадцать пять лет, черные пронзительные глаза, умное, открытое лицо со шрамом, звучный голос, живые, энергичные движения. Направляется к столику, где сидят Реньо, Билло и Колло.

Гош. Здорово, Реньо!

Реньо. Гош! Что ты тут делаешь? Там сражаются без тебя?

Гош. Там идет сражение, а я здесь бешусь. Здравствуй, Билло!

Билло что-то ворчит в ответ. Колло сердито поворачивается к нему спиной.

Меня только что отозвали из Мозеля, где я командовал армией, и неизвестно зачем переводят на итальянский фронт.

Билло. Тогда почему ты торчишь здесь? Париж тебе не по дороге.

Гош. Все дороги ведут через Париж. Я следую к месту назначения. Но я хочу знать, зачем меня отозвали из Эльзаса накануне военных операций, которые я подготовлял, хочу знать, пользуюсь ли я по-прежнему полным доверием.

Билло. Тебе нечего знать, кроме полученного приказа. Выполняй приказ!

Гош. Я нуждаюсь в доверии и поддержке Комитета. Ничего хорошего не получится, если мы не уверены друг в друге.

Билло. А ты уверен в своем соседе?

Колло (*круто повернувшись, бросает на Гоша угрожающий взгляд*). Комитет доверяет только тем генералам, которые ему повинуются.

Гош. А я разве не повинуюсь?

Колло. Ты много раз не выполнял указаний, которые тебе были посланы.

Гош. Обстановка вынуждала меня изменять их. Республика от этого только выиграла!

Реньо. Эльзас отвоеван, Ландау освобожден от блокады, войска герцога Брауншвейгского улепетывают. В самом деле, гражданин Гош недурно поработал!

Билло. Тебе незачем его расхваливать. Тут он в помощи не нуждается!

Гош. Это правда, я люблю славу. Этим, что ли, вы довольны? Я ведь приношу ее в дар отечеству.

Колло. Надоело нам твое самодовольство, похвальба, зависть, вечные раздоры с другими командирами, неповиновение приказам — довольно с нас!

Гош. Что же, я действительно отказался от губительного похода в разгар зимы; мои солдаты были измучены, плохо вооружены, разуты, голодны. И я оказался прав.

- Колло.** Ты даже не сумел одеть и накормить их за счет военной добычи, как тебе было предписано.
- Гош.** Да, не сумел и горжусь этим. Я не пожелал притеснять нищее население и разорять завоеванные деревни. Ни на вражеской, ни на своей земле я не стану отбирать у матери последнюю горстку муки и морить голодом ее детей. Я не потерплю, чтобы мои солдаты грабили крестьян. Ты ставишь мне в вину мою чрезмерную гордость? Но это гордость за нашу Республику. И пока я командую, я никому не позволю ее бесчестить.
- Билло** (*раздражен*). Охранять честь Республики поручено Комитету. Ему решать, чего требует честь Республики. Если солдат имеет дерзость оспаривать приказы командования, он бунтовщик.
- Гош** (*всплыв*). Посмей только назвать бунтовщиком победителя при Гейсберге и Фрешвиллере!
- Билло.** Прошлые победы не избавляют генералов от ответственности за последующие преступления.
- Гош.** Если я совершил преступление, пусть меня арестуют.
- Колло.** И арестуют. Приказ уже подписан.
- Гош** (*в бешенстве*). Разбойники! Что же, вы в заговоре с Брауншвейгом? Я обращаюсь с жалобой к Робеспьеру, он ценит мое усердие.
- Колло.** Он тоже подписал приказ вместе со мной и Карно.
- Гош** (*ошеломленный, падает на стул*). Нет! Не может быть!..
- Реньо** (*обращаясь к Билло и Колло*). Граждане! Это же безумие. Республике нужны все ее защитники, а Гош один из самых верных, ручаюсь вам.
- Колло** (*бросает на Реньо угрожающий взгляд*). Не вмешивайся в дела Комитета. Нечего заступаться за других. Отвечай лучше за себя. (*Отходит в сторону вместе с Билло.*)
- Гош** (*с трудом овладев собой, после внутренней борьбы обращается к Реньо*). Не тревожься за меня, друг. Я уже сидел в тюрьме и вышел оттуда с гордо поднятой головой, как Марат¹.
- Реньо.** А уверен ли ты, что Марат сегодня отделался бы так легко? Началось какое-то повальное безумие. Не разбирают, где друзья, где враги. Слишком долгая привычка к власти отравляет разум. Я-то знаю это по себе. Не раздражай их. Ты слишком неосторожен на язык.

¹ В апреле 1793 г. жирондисты добились предания Марата суду Революционного трибунала, который завершился полным его оправданием и триумфальным возвращением в Конвент.

Гош. Согласен, я уже заплатился за это. Я не умею обудывать свои порывы.

Фуше (*следивший со стороны за их спором, подходит и вмешивается в разговор*). Лучше поменьше болтать, да побольше делать.

Гош. Я говорю, что думаю, и делаю, что говорю.

Фуше. Ну, положим, неприятелю ты не все говоришь.

Гош. Здесь мы не на войне.

Межан (*вполголоса*). Ошибаешься, товарищ. Мы со всех сторон окружены врагами.

Гош (*подозрительно отшатываясь от него*). Кто же здесь враг? Ты, что ли?.. Я видел тебя в канцелярии Карно. Уж не ты ли доставлял ему ложные доносы на меня?

Межан. Ошибаешься. Я тебе друг.

Гош. Друг по нынешним временам — все равно что публичная девка, которая путается с первым встречным.

Фуше. Не отталкивай тех, кто предлагает тебе дружбу в час опасности.

Гош. У меня один только друг, и иных мне не надо. Это народ Парижа, мой славный, гордый народ. Он меня знает, и я его знаю. Мой народ всегда со мной...

Фуше. Ты думаешь? Ты знал народ времен четырнадцатого июля и десятого августа. Того народа больше нет. Не надейся, что он придет тебе на помощь!

Гош. Я надеюсь на себя, на мои права и на справедливость Робеспьера.

Фуше. Ты же слышал сейчас — Робеспьер против тебя.

Гош. Его обманули. Он признаёт свою ошибку.

Фуше. Если ты поверишь ему, ты погиб. Защищайся!

Межан. Мы тебя поддержим. Давай вместе защищать Республику.

Гош (*окинув Межана недоверчивым взглядом*). А против кого? Против тех, кто вместе со мной создавал Республику? Я предпочитаю пожертвовать собой! Я не пойду по стопам Лафайета и Дюмурье.

Фуше. Да кто же говорит об этих изменниках? Теперь изменников надо искать не там.

Гош. Где же?

Фуше. Ослеп ты, что ли? Да оглянись вокруг, скорее разорви паутину!

Гош. Какую паутину?

Фуше. Поздно. Ты уже попался! (*Отходит.*)

Агент (*подсев к Гошу, обращается к нему вполголоса*). Генерал! Я очень сожалею, но я обязан выполнить приказ.

Гош. Тебе приказано арестовать меня?

Агент. К сожалению, да. Не подымай шума. Допей вино. Я не тороплю тебя.

Гош. Так выпей и ты за мое здоровье! (*Подзывает слугу.*) Реньо (*шепотом*). Как? Ты не окажешь сопротивления?

Гош. Неужели ты хочешь, чтобы все эти проходимцы и распутники стали свидетелями наших раздоров?

Реньо. Ты прав. Незачем развешивать перед ними грязное белье Республики.

Гош. И потом, знаешь ли, Реньо, хотя мне всего двадцать пять лет, но за эти двадцать пять лет я испытал столько тяжелого, видел такую бездну человеческого горя, нужды, невежества, глупости, столько боролся, не зная ни сна, ни отдыха, чтобы выбраться из ямы и вывести за собой слепых, неразумных людей, которых продавали, тащили на бойню, как скот, что, право, мне кажется иногда, будто на моих плечах бремя двадцати пяти веков. Я не сгибаюсь под этой ношей, я иду, шагаю вперед, я отважно тащу свой тяжелый груз. Но у меня такое чувство, словно всех нас гонит рок. И я покоряюсь без страха и упрека, куда бы судьба ни вела меня — к славе или к могиле.

Фуше (*снова приблизившись, говорит ему на ухо*). Тем хуже для тебя, товарищ. Кому суждена долгая жизнь, тот всегда умеет управлять судьбой. Нити судьбы можно сплетать и расплетать, как веревку.

Гош (*с презрением*). Некоторым людям ничего не остается, как тянуть за веревку. Иначе веревка затянется на их шее.

Фуше отходит.

Реньо. Напрасно ты его оскорбил... Он честный республиканец, как и ты, и его тоже преследуют.

Гош. Ох, это хуже всего. Пусть меня преследуют, но от таких спутников увольте. (*Агенту.*) Пойдем, товарищ, я готов. (*Встает.*)

*Входит Баррер со своей хорошенькой секретаршей
Клариссой.*

Баррер. Здравствуй, Фуше!

Фуше. Здравствуй. А ты не боишься водиться с отлученным от церкви?

Баррер. Здесь же не церковь. Здесь сборище веселых чертей.

Ф у ш е. И хорошеньких чертовок! *(Смотрит на Клариссу с любезной двусмысленной усмешкой.)*

Б а р р е р. Верно, друг мой. Это лучшее доказательство, что я умею работать всюду.

Б а р р а с *(насмешливо)*. Побереги себя. Не переутомись.

К л а р р и с а. Вы же знаете Баррера. Он больше говорит, чем делает.

Взрыв хохота.

Б а р р е р *(смеясь)*. Если бы мои дела соответствовали моим словам, ты бы запросила пощады, душенька. *(Сталкивается с Гошем, тот идет к выходу.)* Гош!

Г о ш. Баррер!..

Б а р р е р. Ты с ума сошел! Зачем ты сам лезешь в пасть к волку?

Г о ш. Меня еще пока не растерзали.

Б а р р е р. Мы попытаемся вытащить тебя оттуда.

Г о ш. Но вы не попытались меня охранить.

Б а р р е р. А что мы могли сделать, упрямая башка? Вольно же тебе все портить! По поводу других в Комитете еще были разногласия. Но ты, ты действовал так, что восстановил против себя всех поголовно.

Г о ш. Когда все заодно, значит, все не правы. Истина познается в спорах.

Б а р р е р. Вон идет Карно... Не попадайся ему на глаза. Он больше всех на тебя зол.

К а р н о большими шагами проходит к выходу.

Б и л л о *(окликает Карно)*. Эй, Карно, постой, постой!

К а р н о *(на ходу)*. Будто ты не знаешь, что сейчас каждая минута дорога! Мы начали крупное наступление. Пишгерю пошел в атаку на Куртрэ!

Г о ш *(удрученный, снова опускается на стул)*. А меня там не будет!

К а р н о. Это решающее сражение. Я не могу выпустить нити из рук. Мне нужно быть на своем посту в Комитете. *(Уходит.)*

Б и л л о. Да, нас призывает долг. Погоди, Карно, я иду с тобой. А ты, Межан? *(Поспешно уходит.)*

М е ж а н *(шепчется с Кларрисой)*. Сю минуту. *(Продолжает разговор и остается, затерявшись в толпе в глубине сцены.)*

Б а р р е р. А мне не к спеху... Их дело добиться победы. А потом я буду ее воспевать.

К о л л о (*ворчливо, обращаясь к Барреру*). Я бы справился с этим не хуже его.

Б а р р а с. Даже гораздо лучше. С твоим басом великолепно можно изобразить грохот битвы. Но успех у публики имеют только тенора, они ее с ума сводят. (*Клариссе*).
Не правда ли, красotka?

К л а р и с с а. Музыка оставляет меня равнодушной.

Б а р р а с. Значит, ты неравнодушна к инструментам?

А г е н т (*наклоняясь к сидящему Гошу*). Ну, что ж, товарищ, пойдем. Не унывай, с тобой или без тебя, все равно Республика победит.

Г о ш (*встает с прояснившимся лицом*). Ты сказал правду. Я подготовил все для победы. Пускай Пишегрю одержит ее вместо меня!.. Трудно было снести такую обиду, но теперь все прошло. Как бы ты ни любил отечество, нелегко все-таки поступиться самим собой. Самолюбие застревает в глотке, точно рыба кость. Ничего, я справлюсь. Пойдем, товарищ! Что бы со мной ни случилось, я с честью послужил Республике. Оценит она мои заслуги или нет, все равно я принес ей пользу. С меня этого довольно. (*Выходит вместе с агентом*.)

Фуше перешептывается с подружкой Баррера, пока тот беседует с друзьями и не обращает на нее внимания. Во время следующей сцены Кларисса шепчется с Межаном и переглядывается со шпионом Коллено, сидящим в глубине зала, слева. Кокетливо переходя от стола к столу, она как бы ненароком приближается к Коллено и быстро, на ходу, говорит ему несколько слов; потом, строя глазки и покачивая бедрами, возвращается на авансцену, небрежно опирается на плечо Баррера и вслед за тем проскальзывает в правый угол зала, где Фуше, заняв укромное место, внимательно наблюдает за Коллено, пристроившимся в левом углу; время от времени они обмениваются понимающим взглядом. Межан тоже прохаживается взад и вперед между столиками. В кофейную врывается Тальен, в растерзанной одежде, потрясая кулаками и расталкивая всех на своем пути.

Т а л ь е н. Мерзавцы!

Б а р р е р. Что с тобой, Тальен?

Т а л ь е н (*вопит*). На помощь, граждане!.. Они вырывают из наших объятий жен и любовниц!

Б а р р а с (*посмеиваясь*). наших подруг! Ты что, поешь «Марсельезу»?

Т а л ь е н. Ах, друзья, мало того, что приходится сносить их оскорбления, их угрозы, — это еще полбеды... Пускай

вскроют мне вены! Я не боюсь. Пускай пьют мою кровь!
(*Тяжело падает на стул около Барраса и Реньо.*)

Слуга из кофейной. А ты что пьешь, гражданин?

Тальен (*подняв голову, деловито*). Грело-ляроз, восемьдесят шесть. (*Прежним трагическим тоном.*) Эти палачи вырвали у меня сердце.

Баррас (*спокойно*). Что у тебя вырвали?

Тальен (*смотрит, неистово колотя себя в грудь*). Сердце!

Баррас (*невозмутимо*). Где, черт их дери, они откопали у тебя сердце?

Тальен (*не слушая его, голосит*). Моя Тереза!

Баррас. Тереза Кабарюс?

Тальен (*так же*). Ее похитили у меня!

Баррас. Ах, чтоб их!.. Верно, для оргий Робеспьера.

Раздаются смешки. Подходят любопытные, никто не выражает сочувствия, и все-таки вокруг Тальена собирается толпа.

Тальен. Как ты можешь шутить?.. Если это так, я убью его. Убью.

Баррас (*толкая его локтем*). Не ори так громко!

Тальен (*сразу остыв*). Да я ничего не говорил. Я же не сказал, кого убью...

Баррас. Расскажи-ка лучше спокойно, по порядку, что произошло.

Тальен (*наливает себе вина*). Спокойно, по порядку! Да разве это возможно? О, моя Тереза!.. Я даже имени ее не могу спокойно произнести — вся кровь во мне так и кипит. Ты, Баррас, видел эту дивную женщину. Какая грудь, бедра, стан богини, вся она прекрасна и соблазнительна с головы до пят. Как же я могу говорить о ней без трепета? Я стараюсь и не могу вообразить ее всю целиком, меня приковывает каждый изгиб... Мне хочется описать все ее прелести одну за другой.

Баррас (*подзадоривая его*). Описывай, Тальен, не стесняйся, валай!

Тальен (*снова приходит в ярость и стучит по столу стаканом, из которого только что прихлебывал вино*). Негодяи! Они посмели арестовать ее! Они хватили своими гнусными лапами ее нежное тело, созданное для любви... Дивная женщина плачет и призывает меня из своей темницы.

Баррас. Тебе остается только составить ей компанию. Твой долг совершенно ясен.

Карье (*до этого безмолвно сидевший в стороне, высокий, тощий, сгорбленный, с длинными руками и ногами, с узкой, осиной талией, вдруг встает и стучит кулаком по столу, опрокидывая стаканы*). Перестань шутить, Баррас! Удар, нанесенный Тальену, угрожает нам всем. У каждого из нас есть дорогие сердцу существа. А кто поручится, что нынче ночью не арестуют кого-нибудь из наших близких? Никто не застрахован от мести тирана.

Реньо. За что же мстить неповинным?

Карье (*мрачно*). Сын врага всегда виновен. Ах, как жаль, что у Робеспьера нет ребенка!..

Реньо (*с возмущением*). Карье, ты сам не лучше тирана!

Карье (*упрямо*). Око за око, зуб за зуб.

Баррас. Берите пример с меня. Я не завожу детей. Во время Революции это лишняя обуза.

Еще несколько человек присоединяются к кружку проконсулов: Тюрьо, Лекуантр и другие. Не стоит их перечислять, они как бы изображают хор. Их участие в действии выяснится позднее. На переднем плане справа, у лестницы, ведущей в сад, стоят Межан и Кларисса, настороженно чего-то выжидая.

Тюрьо. Мне все-таки не верится, что Робеспьер такой безумец. Ему и с нами-то довольно хлопот.

Лекуантр (*мрачно и запальчиво, как Карье*). Именно потому, что ему не так-то легко справиться с нами, он хочет захватить наших близких, одних как заложников, других из мести!

Баррер (*сидящий за соседним столиком, оборачивается к Реньо и незаметно для других беседует с ним вполголоса*). Они мелют вздор. Это девка Кабарюс пострадала вовсе не за то, что она любовница Тальена. Мы же знаем, что ради своих нарядов и кутежей она заставляла его грабить и разорять жителей Бордо. Царица красоты держала там лавочку — торговала своими милостями и паспортами. А Тальен разыгрывал из себя сатрапа. Прямо Антоний и Клеопатра!

Реньо. А теперь пришел Октавиан... И станет Августом.

Баррер. Ну, этого можно не опасаться. В сенате достаточно кинжалов наготове... Что до этого бесноватого (*указывает на Тальена*), то, будь моя воля, он отделался бы просто выговором. Нам известно, что он добрый патриот. Он попался в сети коварной Калипсо. Плоть слаба. Мы-то, южане, хорошо это знаем. Но Неподкупный не признает шуток ни с прекрасным полом, ни с государственной

казной. И он прав по-своему. Надо быть чистым по мере сил... А если не можешь, будь милостив к грешнику... Всякий из нас был грешен, есть или будет. *Absolvo te!*, особенно если согрешил один из своих, да и славный малый к тому же. Мы постараемся его вызволить. Можешь передать ему это от моего имени.

Р е н ь о. Он ничего не желает слушать! У него буйное помешательство.

Баррер, хватившись своей секретарши, ищет ее глазами и идет за ней в глубь сцены. Теперь на переднем плане остался кружок проконсулов и недовольных. Во время предшествующего диалога Тальен продолжал громко стонать и всхлипывать, потягивая вино.

К а р ь е (*Тальену*). Чем хныкать и реветь, как бык, ты бы лучше не терял времени, а действовал заодно с нами... И ты, Баррас, перестань паясничать, корчить из себя Фигаро и упиваться собственными остротами — ведь бритва не у тебя в руках! Чувствуешь, как щекочет тебе шею нож гильотины?

Б а р р а с (*другим тоном*). Обо мне не беспокойся, Карье. Я вовремя схвачу руку, которая держит нож. А если острие приблизится, я знаю, против кого его повернуть.

К а р ь е. Так чего же ты медлишь? Ведь он нас всех уничтожит, одного за другим. Надо выступить первыми.

Б а р р а с. Торопиться некуда.

К а р ь е (*подозрительно, с угрозой*). Что ты замышляешь? Недаром говорят, что ты хочешь сговориться с тираном за нашей спиной!

Б а р р а с. Чего ты на меня глаза вытаращил?.. Ты и сам бы охотно с ним сговорился, да только тебе это не удастся...

Р е н ь о. И тебе не удастся, Баррас. Неужели ты вообразил, что можно подольститься к Робеспьеру? Это не человек, это ходячий принцип.

Б а р р а с. Пустяки! Принципы существуют для того, чтобы служить личным интересам. У Неподкупного больше желаний и страстей, чем у всех нас, вместе взятых. Что нам, простым смертным, нужно? Тальену — обниматься со своей красоткой. Мне — вести жизнь деятельную, полную приключений. Каждому из нас хочется удовлетворить свое честолюбие и жажду наслаждений и всем — получить долю в барышах. Но этому черту с холодной кровью

Отпускаю грехи твои (*лагин*).

подавай все. Одно хорошо: он понимает, что может добиться желаемого лишь с нашей помощью. Без нас он слаб и немощен, смотреть не на что: скрипучий голос да очки на носу. Один он ни черта не стоит.

К а р ь е. И ты согласен ему служить?

Б а р р а с. Согласен служить самому себе.

Р е н ь о. Мало надежды с ним сговориться.

Б а р р а с. «Мало надежды»?.. Ну, так ему придется горько раскаяться.

Р е н ь о. Ваш эгоизм погубит вас. Если тиран дерзнет взойти на трон, лучшей ступенью ему послужит ваше гнусное правило: «Каждый за себя!» Мы можем противостоять ему, только объединив все наши силы и возможности.

Б а р р а с. Когда вы начнете действовать, я буду с вами. Но вы годны только на то, чтобы трепать языком или выть, как этот болван! (*Указывает на Тальена.*)

Т ю р ь о. Если дать ему бой в Конvente — наше поражение неминуемо. Там за него большинство; эти полутрупы ползают на брюхе и ловят его приказания. В Комитете он всех извел своими требованиями, но никто и пикнуть не смеет. Он держит в руках беснующуюся свору якобинцев. Что тут можно поделать?

К а р ь е (*яростным свистящим шепотом, едва сдерживаясь*).
Надо убить его, как собаку!

Реньо и Баррас шикают на него, стараясь, чтобы никто их не услышал. Но Тальен, окончательно опьяневший, уловив его слова, подхватывает их.

Т а л ь е н. Надо убить его! Верно!.. А кто это сделает? Я сделаю!

К а р ь е. Нет, я.

Л е к у а н т р. Нет, я.

В эту минуту из сада доносится шум. Межан и Кларисса переглядываются с довольным видом. Слышны суматоха, беготня, крики.

Г о л о с с у л и ц ы. Они убили Робеспьера! Неподкупный заколот кинжалом!

Межан подходит к Фуше. Кларисса бежит к Барреру. Коллено вскакивает с места. В сад врывается разъяренная толпа. Вся улица бурлит и клокочет.

К а р ь е (*оглядываясь на других с мрачным торжеством*).
Дело сделано!

Т а л ь е н (*восторженно*). Есть еще бог на небе!

Ф у ш е (*выйдя из своего угла, поспешно устремляется к*

столу проконсулов и повелительно говорит приглушенным голосом). Молчите!

Баррас и Реньо, сознавая опасность, пытаются унять разбушевавшегося Тальена.

Тальен. Что такое? Почему я не имею права дать волю своим чувствам?

Фуше (громогласно). Всенародная скорбь...

Баррас (Тальену). Заткни глотку, болван, и слушай.

Снаружи гул поднимается, словно морской прилив. Толпа ревет, запрудив лестницу террасы. Колышется море голов. Угрожающие лица. Булыжник, брошенный с улицы, разбивает стекло.

Голоса из толпы. Вот где притон убийц! Франты, богачи проклятые, кровопийцы! Поджигайте их логово, спалим его дотла!

Часть посетителей рассеивается, убегает в глубь кофейной. Остальные пытаются преградить дорогу грозной стихии.

Баррер (выступает вперед). Спокойствие, граждане! Я — Баррер, друг Робеспьера.

Фуше. Мы все здесь верные друзья Робеспьера.

Голос из толпы. Баррер... верно, это свой, это добрый патриот.

Баррер (указывает на Карье). А вот Карье, гроза вандейских разбойников.

Голос из толпы (с удовлетворением в голосе). Пускай примется за парижских разбойников.

Карье (засучив рукава). А ну, пошли!

Баррер. Да где же они, подлые убийцы?¹

Реньо. Кто они такие? Кто их видел?

Фуше. Кто может рассказать толком, что же случилось?

Юноша (кричит с улицы). Я, я свидетель, я там был! *(Прокладывает себе путь.)*

Голоса из толпы. Пусть говорит!

Юношу выталкивают вперед, почти внося на руках с улицы на террасу кофейной; он забирается на стул и возбужденно рассказывает.

¹ В суматохе следующей сцены Баррер незаметно скрывается вместе с Клариссой, пока Фуше и Карье разжигают толпу. — Р. Р.

Юноша. Какой-то негодяй, исчадие ада, притаился у дверей Комитета общественного спасения. Целый день он подстерегал Робеспьера. Благодарение богам, Робеспьер не явился. Тогда убийца в отместку разрядил пистолеты в Колло. Как раненый лев, Колло бросился на него...

Лекуантр (*тихо*). Сорвалось!

Карье (*вполголоса*). Придется начинать сначала!

Фуше (*подойдя к ним, повелительным тоном*). Придержите язык! Нас слушают... (*Громко*.) Радуйтесь! Наш возлюбленный Максимилиан невредим!

Тюрью. Республика спасена!

Баррас. Верховное существо оберегает его жизнь, столь драгоценную для отчизны... (*Вполголоса*.) Тальен, твой черед!

Тальен. Предлагаю направить депутацию к Максимилиану. Принесем ему горячие поздравления и выразим наши глубокие патриотические чувства.

Фуше (*которому Межан что-то шептывает*). Граждане! Сейчас схватили девушку, которая пыталась проникнуть к Максимилиану, при ней нашли два кинжала.

Крики усиливаются.

Мы требуем, чтобы подлых злодеев карали как отцеубийц... черный мешок, отрубить руку...

Баррас (*вполголоса*). Это уж чересчур! Ты перехватил...

Фуше (*вполголоса*). Если твой враг уцелел, восхваляй его выше меры, пока он не станет ненавистен всем... (*Обернувшись к Карье*.) А теперь, Карье, веди их за собой!

Карье (*тихо спрашивает у Фуше*). Куда? На кого их направить?

Фуше (*та же игра*). На лавки богатых торговцев в Западной и Центральной секциях.

Карье (*та же игра*). Но они все разгромят!

Фуше (*та же игра*). Пускай громят! Пускай грабят!

Карье (*та же игра*). Ты с ума сошел!

Фуше (*та же игра*). Дай им волю!... Кто был причиной народных беспорядков? Робеспьер. Кому придется жестоко расправиться с погромщиками? Робеспьеру. Стало быть, нечего церемониться, Карье! Спустим их с цепи! (*Обернувшись к Коллено, кивает на группу мюскаденов, которые его окружают*). А эти господа, разумеется, охотно нам помогут.

Фуше, Межан и Коллено переглядываются. Они сразу поняли друг друга, и шайка мюскаденов поняла их без слов.

К а р ь е (*собирая вокруг себя толпу*). Именем Неподкупного!
Отомстим за него!.. Бей негодяев, бей торгашей, долой
кровопийц, долой грабителей, бей буржуа!

Толпа с ревом устремляется на улицу.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

*Утро 20 прериала (8 июня). Троицын день и праздник в честь
Верховного существа.*

Помещение судьи Вилата, на третьем этаже во дворце Тюильри. В глубине сцены, прямо против публики, — широкое, настезь распахнутое окно; на фоне сияющего неба — вершины деревьев, флажки, развевающиеся на ветру знамена и в перспективе — аллеи Тюильрийского парка. При поднятии занавеса в воздухе кружатся стаи белоснежных голубей с длинными трехцветными лентами на лапках. Повсюду розы гирляндами свисают с окон, обвивают древки знамен, рассыпаны на столе среди стаканов; у входящих ж е н щ и н в руках букеты роз.

Снаружи доносится шум невидимой толпы, наводнившей площадку и трибуны у стен дворца, восторженный, ликующий гул и говор.

В момент поднятия занавеса на пороге двери справа появляется Р о б е с ь е р, которого вводит В и л а т.

В и л а т. Входи, Максимилиан, полюбуйся на творение рук своих. На великий народ, который собрался, чтобы прославить Верховное существо.

Робеспьер входит и сразу останавливается, ошеломленный ярким светом и гулом огромной толпы, ее шумным, радостным гудением. Он невольно отшатывается, как будто порыв ветра ударил ему в лицо. Характерным жестом, увековеченным на портрете Давида, он прижимает обе руки к груди, словно стараясь умерить биение сердца.

Что с тобой? Может быть, мы слишком быстро поднялись по лестнице? Садись, садись! (*Пододвигает ему стул.*) Ты мой гость. Пока празднество еще не началось, может, ты не откажешься разделить со мной и друзьями нашу скромную трапезу? (*Указывает на скромно накрытый стол.*)

Стол засыпают розами женщины, входящие с букетами в руках. Появляются приглашенные — мужчины и женщины, друзья и враги, они ходят по сцене, смотрят в окно, с любопытством разглядывают Робеспьера.

Робеспьер. *(отстраняет рукой стул, предложенный Вилатом, и отказывается от угощения).* Нет, благодарю, Вилат. Мне ничего не надо.

Вилат. Тогда подойди к окну, отсюда лучше видно.

Робеспьер *(опершись рукой на стол).* Нет... Погоди немного... Потом... *(Как бы извиняясь.)* Я слишком взволнован. Это зрелище так неожиданно!

Вилат. Ты же знал... Разве ты не видел по дороге сюда, какое ликование на улицах? Весь Париж поет.

Молодые женщины *(громко переговариваются между собой в надежде, что Робеспьер услышит их и заметит).* Во всех окнах флажки... У каждого порога деревья в цвету... А какой аромат... Повсюду розы... Сам Париж словно большая роза.

Молодые женщины с улыбкой подносят Робеспьеру букет из роз и колосьев; тот машинально берет его. Не слыша ничего, что происходит вокруг, взволнованный, устремив взгляд вперед, Робеспьер приближается к окну, словно притягиваемый магнитом; все расступаются, чтобы дать ему дорогу. Лишь только он появляется у окна, толпа узнает его. Раздаются приветственные возгласы, один, два, затем оглушительные, восторженные крики.

Толпа. Максимилиан!

Громкие приветственные крики нарастают и переходят в пение: толпа запекает хором «Гимн Верховному существу» Шенье и Госсека.

*«Источник истины, что клевета грязнит!
Всего живущего ты пламенный властитель,
Свободы бог, природы покровитель,
О ты, кто создает и кто хранит, —
Твое сияние сердцам необходимо,
Как добродетельных законов ясный свет,
Враг подлых деспотов, прибежище гонимых,
Всей Франции сыны несут тебе привет!»*

Робеспьер, потрясенный, сияющий от радости, словно в экстазе смотрит в окно, не слыша ничего, что говорится вокруг.

Робеспьер. Народ... о мой народ!.. Я твой, я принадлежу тебе, все мои помыслы с тобой... Возьми меня, вкуси, испей,

тебе я приношу в жертву всего себя. Народ, великий народ! Блажен, кто родился в твоих недрах, еще блаженнее тот, кто умирает за твое счастье!

Среди приглашенных в зале Вилата находится несколько членов Конвента, настроенных враждебно к Робеспьеру. Име- на их могут остаться публике неизвестными. Это Вадье, Бурдон, Мерлен де Тионвиль.

Вадье (*насмешливо*). Да сбудется твое желание, Максимилиан! Подобного блаженства достичь не так уж трудно.
Бурдон. Вы только послушайте, он будто с любовницей разговаривает. Мы здесь лишние. Он готов положить народ к себе в постель.

Молодая женщина. О, как он прекрасен! Как он трогателен!.. Максимилиан, полюби и нас! Мы тоже из народа.

Робеспьер (*ничего не замечая*). О родина! Благословенная страна, так щедро обласканная Природой! Ты — алтарь славы и Свободы. Гордый народ с чувствительным сердцем, ты, который опередил человечество на два тысячелетия. При одной мысли о нашем празднестве бледнеют и трепещут тираны. Мы сами творцы Победы. Я слышу шелест ее крыльев в лучезарном небе. Пламя Революции охватило полмира. Другая половина еще дремлет во мраке. Но мы пробудим ее от дремоты. Мы сообща установим священное согласие всех народов. Мы защищаем их честь, мы отстаиваем их права. Мы зовем их принять участие в нашем празднестве. Когда же они смогут ответить на наш призыв? Когда отпразднуем мы вместе с ними великое торжество рода человеческого?

Вадье. Не слишком ли ты далеко заглядываешь? Сейчас род человеческий ведет войну против нас.

Робеспьер. А мы ведем войну только против его угнетателей. Мы ничего не хотим для себя, мы добиваемся счастья, богатства, Свободы, чтобы разделить эти блага по-братски между всеми людьми.

Бурдон. Нам и самим-то этих благ не хватает!

Робеспьер. Бедность становится богатством, горе — радостью, когда такой ценой мы оплачиваем счастье будущих поколений.

Вадье (*язвительно*). Лучше синица в руки... Живешь ведь только раз.

Робеспьер (*бросая на него гневный взгляд*). Позор низким душам, которым сладостно зловоние их ничтожества! Пускай они захлебнутся в грязи. Пусть не смеют эти червивые плоды отравлять здоровые соки наших цветущих

садов, заражать своими язвами наши нивы!.. Нет, пока я жив, они не будут своими зловредными учениями потакать пороку и смущать добродетель!

Б у р д о н (*заискивающим тоном*). Твои неусыпные благородные заботы делают тебе честь, Максимилиан. Но не кажется ли тебе, что наш свободный народ достаточно вырос и не нуждается в руководстве? Разве ты призван стеречь его?

Р о б е с п ь е р. Я не отвечу тебе словами Каина. Да, я сторож брату моему!

Ж е н щ и н ы. Ты наш добрый пастырь. Счастлив народ, который ты ведешь!

Р о б е с п ь е р. Немного бы я стоил, если бы не искал вдохновения в народе! Без него я слаб, всю мою энергию и познания я черпаю в нашем великом народе, чей порыв возносит нас и придает нам силы. Любите же народ, любите в нем самих себя! Друзья, и ты, Вадье, забудьте мои резкие слова (хотя я не могу от них отречься). Забудем наши раздоры в этот светлый день, пусть станет он для всех гордостью и ликованием! Ведь это наше общее торжество! (*Стоя у окна, простирает руки и, обращаясь к толпе, пылко восклицает.*)
Братья!

Толпа, восторженно восклицая, повторяет: «Братья!»

Братья Франции и всей вселенной! Великий народ собрался здесь, чтобы завязать узы всеобщего братства. Мы чествуем человека, самое высокое создание Природы. Истинное служение Верховному существу — это свято исполнять человеческий долг. Прославим же человека! Внушим ему самое священное из чувств — святое уважение человека к человеку.

В а д ь е, **Б у р д о н**, **М е р л е н** и другие (*собравшись в кружок в левом углу залы, говорят между собой*). Недурно бы для начала подкрепить проповедь личным примером.

— Проповедь проповедью, а там, напротив, в глубине сада, красуется гильотина...

— Ради такого случая ее завесили полотнищем.

— Напрасно. Это же алтарь. Каждый вечер там служат мессу.

— Робеспьер ни разу не взглянул на нее.

Звучат трубы; пение становится громче, толпа неистовствует. Робеспьер замирает с воздетыми руками, устремив глаза к небу.

— Полюбуйтесь на дервиша. Слышите? Он молится своему богу.

— Вот негодяй! Мало ему быть королем, ему еще надо корчить из себя папу!

Крики толпы на площади становятся все более громкими и властными.

Толпа. Максимилиан!.. Приди!.. Приди!..

Грубый голос (*отчетливо и громко*). А ну, скорей спускайся сюда! Тарквиний! Долго еще тебя ждать?

Вилат (*подобострастно*). Дорогой Робеспьер! Они теряют терпение. Час, назначенный для церемонии, уже истек.

Робеспьер (*сразу опомнившись*). Что же ты не сказал мне раньше! Меня так заворожило это зрелище, что я потерял счет времени. (*Поспешно идет к двери.*)

Навстречу ему входят, запыхавшись, Леба и Давид.

Леба. Мы с Давидом пришли за тобой. Билло вне себя от гнева. Комитет возмущен твоим опозданием.

Давид. Что ты скажешь о моем творении? (*Показывает на перспективу в окне.*) Я воздвиг для тебя Капитолий.

Мерлен де Тионвиль. А ты не собираешься, Давид, воздвигнуть ему скалу?

Давид. Какую скалу?

Мерлен де Тионвиль. Ту, что ему подобает, — Тарпейскую.

Давид (*с возмущением обращаясь к Робеспьеру*). Зависть всегда сопутствовала триумфам Цезаря.

Робеспьер (*с упрехом*). И ты, Давид. Сравнение с Цезарем для меня худшее оскорбление!

Давид. Прости меня, Неподкупный! Я желал бы для тебя только его славы.

Робеспьер. Во всей его славной судьбе я завидую лишь тридцати кинжалам заговорщиков. Вон они, посмотри! (*Указывает на группу недовольных: Бурдона, Вадье, Мерлена и прочих.*) Они торопятся обессмертить меня. (*Уходит быстрым шагом в сопровождении Леба и Давида.*)

Вилат бежит вдогонку с букетом цветов и колосьев, который Робеспьер бросил на столе.

Вилат. А букет, ты забыл букет! (*Не догнав Робеспьера, возвращается с букетом в руках.*)

Молодые женщины накидываются на Вилата и с жадностью расхватывают цветы.

Женщины. О, дай его мне, гражданин!

— Нет, мне!

— Разделим по-братски, как он нас учил, эти священные реликвии!

— О сладчайший Максимилиан, покойся на моей груди!

Это восклицает юная, прелестная девушка, пряча розы и колосья под легкой косынкой, прикрывающей грудь.

За окном раздается «Походная песня», сочиненная и впервые исполненная в эти дни. Бурдон, Вадье, Мерлен и другие подходят вслед за Вилатом к окну и смотрят на площадь.

Мерлен де Тионвиль. Это поют новобранцы во главе с Сен-Жюстом. Нынче вечером они выступают в поход на Флерюс. Туда им и дорога! У Робеспьера в Париже остается меньше защитников.

Все подхватывают песню, раздающуюся за окном: «Победа с песнопениями нам открывает путь...»

З а н а в е с

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Комитет общественного спасения, 27 прериала (15 июня) вечером¹. Билло, Карно, Колло, Баррер — все очень взволнованы. Зашли навестить соседей члены другого Комитета (общественной безопасности) — Вадье, Амар и прочие; они горячо спорят. Все стоят, присаживаясь только на минуту, когда секретари Комитета приносят им бумаги на подпись. Билло и Карно шагают из угла в угол, размахивая руками.

Билло. Он стал невыносим!

Карно. Он мнит себя неограниченным монархом.

Колло. Он решает все сам, рубит сплеча и ни с кем не советуется...

Вадье. Как вы могли одобрить подобный закон? Ведь это значит дать ему в руки меч!

Билло. Мы и не давали. Он взял сам. Нас даже не предупредили!

Колло. Он теперь не считает нужным совещаться с нами.

Он сочинил этот декрет у себя дома, а Кутон, не представив нам на рассмотрение, внес его прямо в Конвент.

Вадье. А вы-то кто? На что вы годны? Распустите Комитет.

Вы уже не существуете.

Амар. Теперь он может по своему усмотрению арестовать и

¹ Вскоре после того, как Кутон внес на рассмотрение Конвента декрет от 22 прериала. — Р. Р.

приговорить к смерти кого угодно без всякого следствия, без защитников. Свобода всех граждан в его руках.

Билло. Нам нужно, нам необходимо сговориться, какими средствами остановить тирана, замышляющего стать диктатором.

Вадье. Но ведь ты сам, Билло, примкнул к Робеспьеру, когда Тальен в Конвенте пытался выступить против; да и ты, Баррер, ты тоже поддерживал Робеспьера.

Билло. Я выступаю против Робеспьера, но это еще не значит, что я протяну руку Тальену. Я не желаю действовать заодно с мошенником.

Вадье. Не время привередничать. Если на меня нападут разбойники, я буду отбиваться всем, что попадется под руку, подыму с земли любую палку — наплевать, что она вся в дерьме.

Карно. Он прав! Против тирана все годится, все средства хороши.

Колло. Уж я возьмусь за этого негодяя! Я сокрушу Робеспьера!

Баррер. Да не шумите так! *(Затворяет окна, выходящие в сад.)* Могут услышать с улицы. К чему бесноваться? Надо смотреть на вещи трезво. Вы отдаете себе отчет, какими силами он располагает? *(Обращаясь к своей секретарше, которая со смиренным видом стоит у порога.)* Посторожи у двери, Кларисса, дай нам знать, когда он появится!.. За него стоят народные массы, народ предан Робеспьеру, люди воодушевлены зрелищем пресловутого праздника; за него — гарнизон Парижа под началом Анрио; молодые воины из Марсовой школы, подчиненные Леба; якобинцы, податливые, как воск, в его руках; новая Коммуна во главе с Пэйаном и Флерио, которые лизут ему пятки; Революционный трибунал, где он посадил своего тестя Дюпле; и, наконец, на Самбре верные ему генералы Журдан, Пишгерю, безропотно повинующиеся Сен-Жюсту, и армия, готовая хоть сейчас поднять на щит Робеспьера...

Карно. Ну, погоди! Он у меня попляшет на этом самом щите!.. Первым делом надо спровадить на фронт войска, которые грудью за него стоят здесь, в Париже.

Вадье. Что касается народа, то бывает и дым без огня. Пускай горланят зеваки, их восторги не заглушат рокота секций.

Амар. В особенности если умело за них приняться.

Карно. В этом деле можно всецело довериться Фуше. У него правильная тактика: взвалить на плечи тирана все, что вызывает недовольство в народе.

- Б и л л о.** Что ж, справедливо. Раз он желает над нами господствовать, пускай несет ответственность за весь этот развал в государстве. Уж мы сумеем потребовать с него отчета.
- Б а р р е р.** Остерегайтесь разрыва с ним. Он еще слишком силен.
- Б и л л о.** Неужели мы должны склонить перед ним шею, а он будет нас ногами топтать?
- Б а р р е р.** Гнев — плохой советчик, Билло... Если нам суждено непременно сразиться с ним, пусть схватка начнется, когда мы будем уверены, что возьмем верх. Сейчас еще не время. Сначала мы должны усыпить бдительность врага и ослабить его. С Сен-Жюстом он уже разлучен. Удалим Кутона.
- К а р н о.** Старый черт не доверяет нам. Я уже предлагал ему выехать с поручением в провинции. Он и ухом не повел.
- В а д ь е.** Проклятая старая лиса!.. Мы избавимся от него другим способом... Но первым делом следует очистить Конвент. Удалим оттуда приспешников тирана. Разошлем их по самым отдаленным провинциям, на границы, на берег океана. Что может возразить Робеспьер? Ему должно быть лестно, что его друзья назначают на опасные посты.
- Б а р р е р.** Мы уже позаботились об этом. К концу месяца полсотни человек из его старой гвардии будет рассеяно по всей Франции.
- К а р н о.** Но подорвать его власть надо именно здесь, в самом Париже.
- В а д ь е.** А ведь я ловко подложил ему свинью сегодня в Конвенте, правда?
- Б и л л о.** Bravo, Вадье! За этот год ты добился большего, чем кто-либо из нас. Ты сумел поднять его на смех в Собрании. Подделом мерзкому святоше! Он задумал стать богом, а ты откопал ему богородицу, Катрину Тео, помешанную старуху, которая на него молится. погоди! Мы еще устроим в трибунале целое карнавальное шествие, сгоним туда дурацких ханжей и идиотов, всю эту свиту Робеспьера. То-то будет потеха! Весь Париж животы надорвет.
- Б а р р е р.** Только допустит ли Робеспьер?
- В а д ь е.** А ты бы взглянул на него во время моей речи! Ощерился, как щука.
- Б а р р е р.** У щуки острые зубы.
- Б и л л о.** Эх ты, храбрый вояка! Баррер воспевает победы, а сам дрожит от страха за свою шкуру.
- Б а р р е р** (*пожав плечами*). Вы просто сумасшедшие. Если вы хотите сокрушить врага, зачем вам раздражать его?
- В а д ь е.** Чтобы посмеяться ему в лицо!

Баррер. Теперь не до развлечений!

Билло. Ну, ты уж слишком хитер. Глядя, как ты лебезишь перед своим заклятым врагом, невольно думаешь: кого же обманывает Баррер — нас или Робеспьера?

Баррер. Ради блага Республики я предпочел бы сохранять согласие между ним и нами. Если нашему союзу суждено быть нарушенным, пусть уж лучше зачинщиком будет он. Я слишком ясно вижу, что от нашего разрыва больше всего выигрывают враги Республики.

Билло. Я тоже этого боюсь. Но победа деспота представляет для Республики не меньшую опасность. Надо помешать этому во что бы то ни стало. А там подумаем и о другой опасности.

Баррер. Постараемся по мере сил избежать ее, будем разрешать наши споры без лишнего шума, при закрытых дверях. Главное не выносить их на площадь, не посвящать посторонних в наши решения и ни в коем случае не давать Робеспьеру повода воззвать к народу. Вместо того чтобы сокрушить тирана, я предлагаю окружить его, удержать при себе, лишив свободы действий.

Карно. Неужели ты думаешь, он пойдет на это и не попытается грубо навязать нам свою волю?

Баррер. Нас большинство, мы будем сопротивляться.

Вадье. Э-э, шумите вы много, а потом сдаетесь.

Билло. На этот раз я не сдамся. Я растопчу его, испепелю!

Баррер. Не горячись, Билло! (*К Вадье, с упреком.*) Очень нужно его подзадоривать!.. Пойми, Билло, мы должны постараться его обойти. Держи себя в руках. Не бросайся вперед очертя голову, точно бешеный бык.

Билло. Что поделаешь! Я не умею притворяться, как ты, не говорить ни «да», ни «нет», называть черное белым, все смягчать, от всего уклоняться. Когда я пускаюсь на хитрости, ложь так и прет из меня; мне это нестерпимо, я сам себе противен, меня тошнит...

Баррер. А ты держись потише. Думай про себя что хочешь! Но зачем же трубить во всеуслышание?

Билло. Ладно, постараюсь.

Кларисса с порога, где она стоит на страже, делает знаки Барреру.

Баррер (*остальным*). Робеспьер...

Сразу водворяется тишина. Билло и Карно, склонившись над столом, делают вид, что поглощены работой, Амар и Вадье собираются уходить, Баррер, стоя у стола, спиной к окну, перелистывает бумаги. Колло расхаживает вразвалку

по комнате, посмеиваясь про себя. Быстрым шагом, с опущенной головой, входит Робеспьер. Вслед за ним вкапывают кресло Кутона. Едва не столкнувшись с Вадье, Робеспьер круто останавливается и пронзительно смотрит на него.

Робеспьер. Что ты тут делаешь?

Вадье. А разве я должен спрашивать у тебя разрешения?

Комитет общественной безопасности имеет право входить куда угодно.

Робеспьер. Комитет общественной безопасности занимается чем угодно, кроме своих обязанностей. Вместо того чтобы преследовать врагов народа, он всячески старается опорочить его верных слуг. Вы позорите себя, распуская грязные сплетни. Над вами смеются.

Вадье. Смеются, да только не над нами.

Колло хихикает. Билло и Карно посмеиваются, не подымая глаз от бумаг.

Робеспьер. Ты пришел сюда, чтобы тебя похвалили за вероломство?

Вадье. Какое вероломство? Ты должен радоваться, что я вытащил из норы жалких, вонючих гадов, которые прикрывались именем Робеспьера.

Робеспьер. Ты воображаешь, что одурачил меня, что я не разгадал твоих коварных плутней? Ты отлично знаешь, что эти смешные, безбидные бедняги не приносят никакого вреда Республике. И ты громишь их лишь для того, чтобы из всяких глупых бредней создать отравленное оружие против меня.

Вадье. Ого! Тебе, должно быть, пришлось по вкусу прорицания твоей пифии?

Колло. Всякому лестно слышать, что его приход предсказан самим пророком Иезекиилем! Примите наши поздравления, дорогой коллега! Для нас величайшая честь, что в наших рядах обретается сын божий!

Все прыскают со смеху.

Робеспьер. Дурацкие шутки!

Вадье. Вот тебе раз! Ведь это сказала твоя любезная Тео, мать божия, стало быть твоя родная бабушка.

Смех усиливается.

Билло *(не подымая глаз от бумаг)*. Она сказала правду. Ведь именно Робеспьеру мы обязаны восстановлением религии.

Робеспьер. Конвент восстановил не религию, а высокие принципы добродетели, на которых зиждется всякая Республика, достойная этого имени. Ни один честный человек не усомнится в том.

Вадье. Так вот почему в деревнях, прослушав твои нудные славословия Верховному существу, крестьяне служат мессу и распевают «Veni Greater»¹.

Карно. У нас в Бургундии, открывая собрания в клубах, уже осеняют себя крестным знаменем и бормочут молитвы.

Баррер. А у нас в Беарне отменили счет по декадам. По-прежнему празднуют воскресенье.

Билло. Уж ты постарался угодить попам, нечего сказать! Почему бы тебе не принять титул почетного пономаря?

Кутон (*лукаво*). Ты ведь был монахом, Билло. У вас идет спор монаха с мирянином.

Робеспьер. Перестань, Кутон! Я не могу помешать подлым врагам кривляться и паясничать в бессильной злобе. Но друзьям моим не подобает отвечать на их глупые шутки.

Билло (*в гневе стучит кулаком по столу*). Я не шучу! Посмей-ка отрицать, что ровно неделю назад ты официально восстановил во Франции культ бывшего бога и сам отслужил обедню в Париже в качестве первосвященника.

Робеспьер. То, что я сделал, я сделал с полного одобрения Конвента, после единогласно принятого решения.

Билло. Ты насильно вырвал у них согласие, запугал их, захватил врасплох. Знаем мы твои штучки! Едва ты кончишь распевать соловьем, как выскакивают один за другим твои прихвостни и с воплями превозносят тебя до небес. Попробуй-ка возрази! Никто не успевает опомниться.

Робеспьер. Если верно то, что ты говоришь, это бесчестит твоих товарищей и тебя самого. Ты клеветешь на Конвент.

Билло. Ты оглушаешь нас длиннейшими риторическими периодами, ты зубришь свои речи дома перед зеркалом. Конца им нет! Тебе никогда не надоедает собственная декламация. Все засыпают, никто не слушает. Когда речь кончается, тебе аплодируют с облегчением, в восторге, что фонтан заткнулся. Внушив публике, что она восхищена твоими нудными проповедями, ты спешишь поскорее их отпечатать. А на другой день их тошно читать,

¹ Приди, создатель (*латин.*)

до того несет от них ладаном, до того претит реакционный дух, который скрывается за пышными фразами.

Робеспьер. Ты называешь реакционным стремление утвердить Республику на устоях добродетели? Ведь Революция, проложившая путь Республике, была только переходом от царства преступления к царству справедливости.

Билло. Мы и сами отлично справимся с этой задачей! Зачем припутывать сюда бога?

Робеспьер. Никто из нас не совершенен. Верховное существо — это всеобщее братство, высочайшая цель, всегда стоящая перед нашим взором, далекий предел, к которому должен стремиться человеческий род.

Билло. Называй вещи их именами! Твое Верховное существо — просто поповская западня. Скажи человеку правду: «Тебе не на кого рассчитывать, кроме как на себя самого. Страдай и борись! Никакого бога нет! Не тешь себя иллюзиями. Жизнь жестока. Жизнь мрачна. Научись видеть ее такой, как она есть».

Вадье. Не преувеличивай, Билло. Жизнь хороша. Она кажется мрачной только попам и монахам. В тебе старая закваска бродит.

Баррер (*кивая на Билло и Робеспьера*). Бедняги! Их ни разу не пригрело наше южное солнце.

Карно (*упрямо*). Бога нет. Не надо нам бога! Столько веков мы боролись против обмана и заблуждений, которые притупляли человеческий разум и помогали тирании поработать его! И вот едва мы успели разорвать вековые цепи, как из нашей среды появляется отступник и снова кует их, снова приводит к нам лицемерного Тартюфа, боженьку, которого мы изгнали с таким трудом. Я называю твои деяния изменой разуму.

Робеспьер. А вы совершаете еще худшую измену! Вы предаете слабых, обездоленных, оставляете без поддержки и опоры народные массы, которыми призваны руководить. Я сообразовался с благом отчизны и интересами человечества. Любые законы, любые учения, способные утешить и возвысить душу, я считаю благотворными и целительными и принимаю их. Идея Верховного существа служит рукой справедливости. В нужде и тяжелых испытаниях народ возлагает на нее свои надежды. Вы не вправе лишать его этой надежды. Что вы можете предложить взамен?

Карно. Свободный разум!

Робеспьер. Скажи лучше, хаос, дух отрицания.

Карно. Хаос? Нет, реальность, только в ней истина.

Робеспьер. А откуда ты знаешь, в чем истина? Кто разрешил тебе мерить на свою мерку лжеученого, ограниченного и нетерпимого, беспредельность мировых сил? По какому праву ты смеешь оскорблять и разрушать веру тысяч простых людей в бессмертие души и в провидение, подавлять священный инстинкт, быть может более прозорливый, чем твои сухие, холодные умствования?

Карно. Только дай тебе волю, ты бы на много веков повернул вспять человеческий разум.

Робеспьер. Ты говоришь словами жирондистов Гадэ, Верньо и Жансонне, которые упрекали меня в том, что я произносил слово «провидение».

Карно. Уж не за это ли ты отправил их на гильотину?

Билло. Не смей путать их преступления против родины с их справедливыми нападками на твое нелепое фиглярство; они бичевали тебя во имя здравого смысла. Пускай мы отрубили им головы, это не мешает нам воспользоваться их бичом.

Робеспьер. Горе попам, лжепроповедникам безбожия и отрицания! Прячась под маской разума, низменного и тупого, они пытаются подрезать крылья святому порыву нашего народа, пытаются задушить своей растленной ученостью пламень духа, основу всех великих подвигов!

Билло. Горе тебе, подлый лицемер! Вечно ты треплешь языком о боге, добродетели, нравственности, и все для того, чтобы упрочить свою власть на трупах противников.

Колло. Торквемада! Ты бы не прочь восстановить у нас святую инквизицию.

Робеспьер. Из всех видов фанатизма самый опасный — это фанатизм безбожия.

Баррер. Всякий фанатизм одинаково ненавистен.

Билло. Фанатизм разума — священнейший долг Революции. Я буду бороться за него всеми силами, буду бороться именем закона против изменников вроде тебя, которые лукавят и вступают в сделки с церковью, исподтишка расчищая путь теократии; это самая гнусная власть, не считая военной диктатуры, даже еще более зловеющая и позорная, ибо она проникает ползком в глубь сознания, отравляя и поработывая его... Не отрицай! Ты воображаешь, что обманул нас? Я вижу твои плутни насквозь. Уже давно я за тобой слежу! Проныра! Шут! Тиран!.. Ты хочешь захватить разом и трон и алтарь!.. Проваливай в Рим, в Верону — лизать пятки королям и поповской своре! Твое место там, среди нас тебе нечего делать...

Дав волю гневу, Билло постепенно возвышает голос до крика. Его слышно с улицы, так как Кларисса, секретарша Баррера, потихоньку растворила окна, выходящие на площадь.

Колло (*громовым голосом*). Вместо сестры Капета, к которой ты сватался, там тебе подсунут в невесты какую-нибудь старую деву из королевского дома да подыщут место королевского лакея, если только твоя Корнели Капо, девица Дюпле, отпустит тебя...

Карно и Вадье (*дуэтом*). «Ах, мое сердечко!...»...

Робеспьер (*тщетно пытаясь перекричать их, бледный от ярости, чуть не плача*). Негодяи! Я запрещаю вам...

Карно. Ты пока еще не папа, чтобы нам запрещать...

Все говорят одновременно. Среди общего шума слышны пронзительные крики Робеспьера.

Робеспьер. Люди без стыда и совести! Разбойники!

Билло. Наемник Питта! Королевский лакей!

Робеспьер. Я призову народ! Народ нас рассудит!

Билло. Ты готов послать на гильотину весь Конвент!

Робеспьер старается вырваться от Билло и Колло, схвативших его за шиворот. С улицы доносится невнятный шум. Слышны крики:

— Это в Комитете!

— Они там убивают друг друга!

Баррер (*обернувшись, замечает раскрытые окна*). Кто отворил окно! (*Поспешно затворяет окна.*)

Кларисса, вернувшаяся было на свой пост у порога, спешит к нему на помощь. Остальные, опомнившись, затихают. Наступает тишина. Противники, устыдясь своей ярости, застывают неподвижно, бросая друг на друга злобные взгляды. Запыхавшийся Робеспьер шумно дышит, поправляя дрожащей рукой сбившийся галстук и помятое жабо.

Кутон (*до сих пор сидевший неподвижно в своем кресле, не принимая участия в перебранке и наблюдая за всеми зорким, насмешливым взглядом, язвительно произносит среди общего молчания*). Вот так побоище! Хороши вы, нечего сказать, храбрые палadini разума! Ваши яростные возгласы никого не обманут. Отнюдь не Верховное существо приводит вас в негодование — вы скрываете истинную причину. Вы взбесились, вы не можете переварить декрет о Революционном трибунале, за который

вы же сами голосовали. А прямо нападать вы не смеее из страха, что декрет обернется против вас.

Колло и Карно хрипят от злости. Однако в конце сцены никто уже не повышает голоса до крика, как прежде; ярость звучит приглушенно.

Колло и Карно. От страха?

Карно. От страха перед тобой, ублюдок?

Колло. Кто вас боится, жалкие пигмеи?

Билло. Да, правда, я обвиняю тебя, обвиняю вас обоих, коварные лицемеры! Вы задумали захватить правосудие в свои руки, чтобы истребить оба Комитета.

Кутон. А я обвиняю вас в том, что вы целых два месяца всеми средствами пытались помешать применению народного правосудия. Вопреки всем вашим стараниям рука закона покарает разбойников, за которых вы ратуете. Все честные граждане требуют этого. Закон — прибежище всех слабых, бедных, неповинных. Он страшен лишь врагам народа.

Билло. Кого только ты не разумеешь под этим именем? Ты готов включить в свои проклятые списки всякого, кто тебе противоречит.

Кутон. На воре шапка горит. Нечистая совесть сама себя выдает.

Билло. Как? Ты смеешь угрожать мне? Мне? Тебе не выйти отсюда живым! *(Замахивается на него.)*

Кутон пожимает плечами. Баррер и Карно оттаскивают Билло, он старается овладеть собой. Робеспьер, хранивший молчание во время этой схватки, говорит ледяным тоном.

Робеспьер. Идем, Кутон, этот человек прав. Нам здесь не место.

Колло. Ступай вон, иди к своим сообщникам!

Робеспьер. Я иду к народу. Он мой единственный друг, мой властелин. Завтра он станет твоим судьей.

Билло. Мы изгоняем тебя из Комитета!

Робеспьер. А я, я изгоняю вас из Республики... Вы хотите войны?

Билло, Колло, Карно. Да!

Робеспьер. Ну, что ж, война так война! *(Уходит вместе с Кутон.)*¹.

З а н а в е с

¹ Напоминаем еще раз: конец сцены идет в тоне приглушенной ярости, но внешне спокойно. — Р. Р.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Там же. Комитет общественного спасения. 4 термидора (22 июля). Баррер, Карно, Колло, Билло, хмурые и подавленные. Межан за столом разбирает бумаги.

Баррер. Хороши мы, нечего сказать! Вот уже месяц, как мы выгнали Робеспьера из Комитета, а он неустанно восстанавливает против нас народные массы. Он стал сильнее во сто крат.

Колло. Как он этого добился? Кто бы мог подумать! Кажалось, он уже ни на что не годен. Совсем выбился из сил.

Карно. Ненависть придает ему силы. Он покоя не найдет, пока не отомстит нам.

Баррер. Если ты это предвидел, зачем было дразнить его?

Карно. Не мог совладать со своими чувствами.

Колло. А теперь он как с цепи сорвался! Выступает в Якобинском клубе каждые три дня. Сеет подозрения, разжигает ненависть. В народе растет брожение. Если не положить этому конец, мы погибли.

Билло (*неподвижный, сосредоточенный, вновь распаляясь ненавистью*). Тиран! Пизистрат!

Карно. Попробуй теперь заткни ему рот!

Билло. Кинжал Гармония...

Баррер. Это обожествит его. Напротив, мы должны оберегать его от кинжалов. Ведь всякое покушение приписали бы нам. Робеспьер открыто обвиняет нас в том, что мы знали о заговорах против него и ничего не предприняли. Я лично не придаю значения угрозам Лекуантра и его хвастливой шайки: слишком уж они шумят. Один взгляд Робеспьера обратит их в бегство. Но нам нужно зорко следить за их происками. При малейшей попытке какого-нибудь безумца напасть на Неподкупного на нас накинется вся свора якобинцев.

Колло. А кто поручится, что Робеспьер сам не подстраивает покушений, о которых он кричит на всех перекрестках? Все эти незадачливые заговорщики появляются так кстати, что иной раз думаешь: уж не сам ли он подбивает их через своих людей?

Карно. Повсюду рыщут его агенты, сеют подозрения против нас. Они мутят народ и в провинции. Мне только что сообщили (*кивает на Межана*), что один из его посланцев в Булонь-сюр-Мэр распускает обо мне грязные

слухи. Негодяй смеет обвинять меня — это меня-то — в том, что я будто бы хотел сорвать победу!

Б а р р е р. Он натравливает на нас полицию. Он громит нас в речах... Нет, своими силами нам не удастся устранить Робеспьера. Заклучим с ним мир!

К о л л о. Теперь поздно. Он не хочет мириться.

К а р н о. И я не хочу! Огонь или вода... Либо он, либо мы!..

К о л л о. Даже если заключить мир на сегодня, он все равно будет нарушен завтра. И опять все пойдет по-старому.

Б а р р е р. Выиграем хотя бы один день. Мы еще не готовы к бою. Прежде всего надо разоружить народ, очистить Париж от якобинских отрядов, в особенности от канониров. А главное объединить всех недовольных, всех противников Робеспьера.

К о л л о. Над этим неутомимо трудится Фуше. Он уверяет, что все будет готово к концу недели.

Б а р р е р. Напрасно он об этом пишет. Агенты Робеспьера только что перехватили в Нанте письмо Фуше, из которого явствует, что столкновение неминуемо.

Б и л л о. Плохо дело. Тиран испугается и опередит нас.

К о л л о. Это состязание на скорость. Давайте начнем первые!

Б а р р е р. Благоразумнее отсрочить выступление. Надо усмирить Робеспьера. Любой ценой заставить его вернуться в Комитет.

К о л л о. По-твоему, это так просто? Каким же образом?

Б а р р е р. Любыми средствами. Хотя бы обещаниями уступок.

Б и л л о. Ни за что!

К а р н о (*после некоторого раздумья делает усилие над собой*). Ну, Билло, уж если я соглашаюсь, при всей моей ненависти к Робеспьеру, то ты и подавно можешь на это пойти.

Б и л л о. Я не умею кривить душой. А если бы умел, презирал бы себя.

К а р н о. Военная наука велит нам иной раз отступить, чтобы завлечь противника.

Б и л л о. И ты надеешься заманить его? Он даже и слушать нас не пожелает.

Б а р р е р. Он послушает Сен-Жюста. Предоставь это мне.

Входит Сен-Жюст.

(Идет ему навстречу, ласково берет за руки.) Друг! Ты давно не видел Максимилиана?

С е н - Ж ю с т. Я прямо от него. Но с ним теперь трудно

- разговаривать. Он все пишет, сидит взаперти, а если выходит из своего уединения, то только в Клуб якобинцев. Народ — его единственный друг и поверенный.
- Б а р р е р.** Неужели, по-твоему, достойно доброго гражданина совершенно не считаться с нашими Комитетами? Я уверен, что Робеспьеру ненавистна роль диктатора. Так зачем же он постоянно обращается прямо и непосредственно к народу и тем дает повод обвинять его в стремлении к диктатуре?
- С е н - Ж ю с т.** Мне известна несправедливость подобных обвинений. Однако — не боюсь заявить об этом прямо — мне не по душе, когда Робеспьер уединяется, как весь прошлый месяц. Это вредит ему. Тот, кто предается горьким думам, мукам уязвленного сердца, перестает видеть действительность, понимать людей и события. Но кто виноват? Вы сами. Вы оттолкнули его своим недостойным поведением.
- Б а р р е р.** Мы признаем, что были несдержанны и несправедливы. Но разве справедливы его резкие нападки на Комитет? Согласись, что при нашей утомительной, лихорадочной работе, без единой минуты отдыха, невозможно взвешивать каждое слово! Пусть он признает свою вину. Мы, со своей стороны, готовы признать нашу.
- С е н - Ж ю с т.** Тут дело не только в словах. Вы мешаете проводить в жизнь законы, принятые по его предложению. Вы постоянно чините ему препятствия во всех его действиях.
- Б а р р е р.** А зачем он действует, не считаясь с Комитетом? Впрочем, не стоит вспоминать наши взаимные заблуждения! Они одинаково губельны для Республики. Чтобы восстановить согласие, обе стороны должны пойти на уступки. Мы не хотим упорствовать. Поищем сообща почву для примирения. Пусть каждый внесет свой вклад. Чего требует Робеспьер, чтобы убедиться в нашей доброй воле? Мы говорим искренне, призываю в свидетели любого из моих коллег.
- К о л л о.** Возможно, я был слишком резок. Признаюсь откровенно. Я протягиваю руку Робеспьеру. Мою честную руку.
- К а р н о.** У меня на родине виноградари иной раз дерутся как черти. Но после потасовки дружба только крепнет.
- Б и л л о** (*с явным усилием*). Робеспьер несправедлив ко мне. Отрава недоверия гнездится в его больном воображении. Я люблю Робеспьера. (*Отвернувшись, сплевывает.*)
- С е н - Ж ю с т** (*бесстрастно и высокомерно*). Я не спрашиваю

о ваших чувствах к Робеспьеру. Мне они известны. Я спрашиваю, что вы готовы сделать ради примирения с ним и какую цену запросите?

Б а р р е р. Ну, вот желая доказать, что мы не чиним ему препятствий, мы предлагаем особым постановлением со временем внести в действие Вантозовские декреты. Для начала можно образовать, скажем, четыре народные комиссии, которые отбирали бы подозрительных лиц и направляли в Революционный трибунал... Все согласны?

Остальные кивают головой.

Б и л л о. Можно даже создать выездные сессии Революционного трибунала, чтобы вершить суд и выносить приговоры на месте.

Б а р р е р. Чтобы засвидетельствовать перед всеми наше доверие к тебе и Робеспьеру, мы поручаем тебе, Сен-Жюст, от имени Комитета представить Конвенту доклад о политическом положении в стране. Ты доложишь им с полной откровенностью о наших дружеских разногласиях и о решениях, принятых сообща. Однако по справедливости вы тоже должны отбросить вашу обидную подозрительность.

К а р н о. Вы уже столько времени задерживаете приказ об отправке в Северную армию отряда парижских канониров, которые необходимы для продолжения кампании! Молва приписывает Робеспьеру намерение образовать из них свою преторианскую гвардию. Положите конец этим оскорбительным слухам ради нас и ради вас самих. Подпишите приказ! Это самое малое, чего мы можем потребовать.

К о л л о. Мы требуем доверия и прямоты и сами доверяем вам. В наших сердцах нет дурных помыслов.

С е н - Ж ю с т. Сердце здесь ни при чем. В интересах Нации необходимо, чтобы мы отложили наши внутренние распри, которые мешают нам действовать сплоченно против внешнего врага. Мы возобновим спор, когда французская земля будет очищена от неприятеля. Я согласен стать посредником между вами и Робеспьером. Что касается меня, я принимаю ваши предложения. Я составлю доклад со всем беспристрастием, к какому обязывает меня долг перед высоким собранием.

К а р н о. А приказ об отправке на фронт канониров?

С е н - Ж ю с т. Я подпишу его.

Б и л л о. Итак, все улажено. Приведи к нам Максимилиана. Он убедится, что ему нигде не найти более верных друзей, чем мы.

Все кивают в знак одобрения.

Баррер. Пора в Конвент. Заседание уже началось. Ты идешь, друг?

Сен-Жюст. Нет, мне надо поработать.

Баррер. Мы еще застанем тебя здесь. *(Все пожимают ему руку.)*

Карно. Нам с тобой подчас было трудно ужиться. Но я тебя уважаю. Ты славный малый.

Колло. А я люблю тебя... *(Протягивает руки.)* Обними меня!

Сен-Жюст *(уклоняясь)*. Нет, нет! Мы не на сцене... Или ты играешь Нерона?

Колло *(со смехом)*. «Соперника я обнимаю...». Ты не видел меня в этой роли? Она мне удалась!

Сен-Жюст. Отчего бы тебе не вернуться к старому ремеслу?

Колло. С новым ремеслом я тоже недурно справляюсь!

Все уходят.

Сен-Жюст *(один, смотрит им вслед)*. Все они лгут!.. От них за двадцать шагов несет ложью. Неужели эти глупцы воображают, что я ничего не вижу?.. Колло паясничает... Карно корчит из себя добродушного дядюшку-виноградаря... Неуклюжий Билло прямо давится от ненависти, его так и распирает... Ну а Баррер уж и сам не может разобрать, когда он лжет, когда говорит правду... Грязь и навоз... На что, на кого положиться? И это опора Республики! Жизнь отдал бы за настоящего человека!

Входит Леба, он пришел из Комитета общественной безопасности.

Леба *(с радостным изумлением)*. Сен-Жюст! Ты один?

Сен-Жюст *(погружен в свои мысли)*. Вот, быть может, настоящий человек!..

Леба. Ты занят?.. Не хочу тебе мешать. *(Собирается уходить.)*

Сен-Жюст *(удерживая его)*. Останься! Ты мне нужен. Леба. Говори! Я весь к твоим услугам. Чего ты хочешь?

Сен-Жюст. Просто побыть с тобой. *(Положив руки на плечи Леба, смотрит на него с светлой улыбкой.)*

Леба *(радостно)*. Антуан! Значит, ты еще не лишил меня своей дружбы?

Сен-Жюст. То, что я дарю достойному, я никогда не отнимаю.

Леба. Так почему же ты так долго чуждался нас?

Сен - Жюст. Тебя — никогда.

Леба (*тихо*). Ты сердился на меня из-за Анриетты?

Сен - Жюст. Твоя прелестная сестра ни в чем не виновата.

Если я сержусь, то не на нее и не на тебя.

Леба. На кого же?

До этой минуты Сен-Жюст продолжал стоять в той же позе, положив руки на плечи друга. При этих словах он отстраняется от Леба.

Сен - Жюст. На самого себя... Видишь ли, Филипп, самую трудную борьбу не всегда ведешь с врагами. Подчас труднее бороться с самим собой. Когда я вступаю в этот поединок, я бегу от людей, пока не решится исход битвы.

Леба. Бой состоялся?

Сен - Жюст. Состоялся.

Леба (*робко*). Со счастливым исходом?

Сен - Жюст. Для меня исход несчастный. Но Анриетте лучше забыть обо мне. Она бы очень страдала, если бы стала моей женой.

Леба. Она будет страдать гораздо больше, если не станет твоей женой.

Сен - Жюст. Нет, друг, если любимые существа готовы по неразумию погубить себя, наш долг быть разумными вдвойне ради них. Было бы безумием для молодой женщины связать свою судьбу с таким, как я, с обреченным.

Леба. Обреченным? На что?

Сен - Жюст. Приносить гибель и ждать смерти.

Леба. Друг! Нам всем угрожает смерть. Но, я надеюсь, ей еще долго придется ждать.

Сен - Жюст. Она близко, она уже стучится в дверь.

Леба. Ты видишь все в слишком мрачном свете.

Сен - Жюст. Я вижу слишком ясно. И нас и тех, других.

Леба. Я знаю не хуже тебя, какие грозные тучи нависли над Робеспьером, я слышал о заговорах против него. Но он расстраивал самые коварные козни. Конвент покорен ему, и народ Парижа за него горой.

Сен - Жюст. Конвент только и думает, как бы его предать. Нам надо неотступно следить за нашими врагами. Иначе они ринутся и разорвут Робеспьера, как дикие звери. А за кого стоит народ, на чьей стороне он будет нынче вечером или завтра, я не знаю, да и сам он не знает. Это уже не прежний народ десятого августа. Он утомлен и растерян. Его сбила с толку, развратила подлая демагогия эбер-

тистов, суливших высокие заработки и праздность. Чтобы подтянуть ослабевшие поводья, нужна поистине железная рука. А Робеспьер уже не владеет такой мощью. Он уже не прежний Робеспьер, не тот, что в Первом году Республики вел Революцию в бой против внешних и внутренних врагов. Революция изматывает своих бойцов. Он и сейчас безупречно честен и неподкупен. Но он болен, озлоблен, подозрителен, чересчур занят самим собой. Он замыкается в себе и теряет связь с событиями как раз в те дни, когда их течение принимает роковой оборот. Чтобы остановить их неотвратимый ход, надо решиться ввести диктатуру, как бы ненавистна она ни была для вольных и гордых людей, для всех истых республиканцев... Поверь, никого так не страшит, как меня, эта чудовищная угроза, нависшая над Республикой, вынужденной вести войну; угроза эта созревает на полях сражения, и я с содроганием вижу, как надвигается военная диктатура... Но именно потому единственный способ преградить ей путь — это взять ее в свои руки, захватить мориру, направленную в сердце Республики, и повернуть ее против врага. Я твердо убежден, Леба, что диктатура Комитета общественного спасения — ныне единственный путь к спасению Республики. И власть эта должна быть сосредоточена в руках одного вождя, а не тех десяти правителей, что пожирают друг друга в нашем Комитете. Нужна твердая власть, сила, стоящая над всеми другими силами, которые соперничают меж собой и сводят взаимные усилия на нет. Нужно, чтобы она разила неотвратимо, как молния, и, как молния, ударив, мгновенно исчезала. Только твердая власть может расчистить путь Республике и избавить ее от врагов. Но я знаю, что никто из нас не возьмет на себя это бремя, никто не отважится... Только один, пожалуй... Но он не хочет... Робеспьер, которого обвиняют в стремлении к диктатуре, страшится ее, отрекается от нее. Он убежденный законник и способен действовать только в рамках закона; если приходится преступить законы, он предпочитает создавать новые, а, пока эти законы вводят в жизнь, время действия уже упущено. Он отдал всю свою энергию на то, чтобы заставить Конвент утвердить Прериальские декреты, а на то, чтобы ввести их в действие, у него уже не хватает сил. Так он возбуждает всеобщее недовольство, не пожиная плодов своих усилий. Робеспьер уступает поле действия врагам, а сам сгорает в бесплодных препирательствах и религиозных мечтаниях... Не думай, что я осуждаю его. Мне так по-

нятна его горечь! Его ожесточили гнусные нападки врагов, он поддался чувству усталости, отвращения, он более не в силах общаться с низкими душами — мне самому знакомо это чувство. Я люблю его и жалею. Но мы не вправе отступать и предаваться грезам; надо подавить отвращение, побороть его. Робеспьер обязан возвратиться в Комитет, я дал слово привести его туда. Чего бы это ему ни стоило (а мне это еще труднее), мы должны восстановить на время единство фронта, чтобы сообща разгромить заговорщиков. Если он откажется, если ему претит лицемерное примирение, которое никого не обманет, но необходимо для пользы государства, я пойму Робеспьера. Но он погубит себя, погубит всех нас... Это еще полбеды — он погубит Республику.

Леба. Если так, возьми бразды правления ты. Твоя рука моложе и тверже.

Сен-Жюст. Нет! Я наткнулся бы на сопротивление единственного человека, чья опора мне нужна, — на Робеспьера. Его уносит потоком. Он силится ввести поток в русло, ища союза с умеренными против крайних. Он хотел бы восстановить в Республике законность и порядок. Слишком рано: Революция не должна останавливаться до тех пор, пока не выполнит свою социальную миссию до конца. Если остановить ее, она погибла, ибо новый порядок не может воцариться, пока не будет разрушен старый. Нельзя вступать в сделки с прошлым. Половинчатость губительна. Нам предстоит перекопать землю, выкорчевать сорную траву, иначе она разрастется и заглушит молодые всходы. Мы бросаем в почву семена Республики. Но почва заражена, ее может очистить только плуг диктатуры. А Робеспьер не соглашается. Он боится диктатуры, как чумы, и его обвиняют в стремлении к диктатуре... Какая ирония судьбы!.. Он наш вождь... Пусть будет так! Я склоняюсь перед его волей, мы ведь только его помощники. Он превосходит нас обширным опытом, блеском дарований. Он — оплот Республики. Куда бы он ни повел нас, я последую за ним. Я разделю его судьбу. Но тебе лучше на несколько месяцев уехать из Парижа.

Леба. Разве я могу вас покинуть, если вам грозит хоть малейшая опасность?

Сен-Жюст. Зачем подвергать тебя опасности, если нам это не поможет?

Леба. Ты так мало меня ценишь?

Сен-Жюст. Я ценю тебя слишком высоко, чтобы дать те-

бе погибнуть без пользы для нашего дела. Ты лучше послужишь Республике, защищая ее интересы в провинции или в армии.

Леба. Только вместе с тобой. Как Кастор и Поллукс. Ведь уже не раз мы делили с тобой и славу и опасности.

Сен-Жюст. Как бы я был рад! Знаешь, Леба, только в армии я чувствую себя легко. Там ясно, в чем твой долг, там встречаешь врага лицом к лицу. А здесь враг жмет тебе руку, и ты принужден молча выносить это унижающее пожатие... Но с меня довольно! Карно не доверяет мне. Мои приказы отменяются. Я не хочу возвращаться в армию... К тому же развязка трагедии близка. Я должен оставаться здесь.

Леба. Тогда и я остаюсь!

Сен-Жюст. Вспомни о жене, о ребенке, которого ты ждешь! Увези семью из Парижа. Ты можешь, ты должен. Тебе лично никто не угрожает, не то что мне. У тебя нет врагов.

Леба. Пускай ваши враги станут и моими. Не обижай меня! Я достоин разделить с вами опасности.

Сен-Жюст. Прости меня, друг! Я страшусь за тебя, хоть и знаю, что ты бесстрашен. Но если я без сожаления принесу в жертву свою брэнную плоть и с презрением брошу ее в пасть смерти, то твою жизнь я хотел бы вырвать у нее. Тебя, твой светлый ум, твоё тело, жену, которую ты любишь, сына, которого ты зачал. И мне будет утешением мысль, что частица меня самого — самая лучшая, самая чистая — переживет меня и будет жить в вас.

Леба. Но лучшее во мне, мой светлый разум, — это твои идеи, это ты, Сен-Жюст. Я не могу обойтись без тебя.

Сен-Жюст. У тебя есть любимая жена.

Леба. Ею полно мое сердце. Но душе этого мало. Ей нужна твоя дружба.

Сен-Жюст. Моя дружба всегда с тобой. При жизни и после смерти наши имена соединены навеки.

Леба. Имена меня мало заботят. Мне нужен ты, Сен-Жюст, и я. Живые и сильные. Я не верю в славу. Я верю только в эту брэнную землю, где мы живем всего лишь краткий миг. А ведь сколь прекрасной могла бы быть эта земля, которую мы обгащаем кровью, родимая земля, залитая палящим солнцем термидора!..

Сент-Жюст. Ты юный грек. Ты не выносишь мрака.

Леба. Я настоящий француз. Я люблю свет, лишь бы он не слепил глаза, люблю простые сердца, хороших людей.

Сен-Жюст. Вот потому-то я и люблю тебя. А ты за что меня любишь?

Леба. Ах, разве я знаю, за что? Я не выбирал тебя. Это я был избран. Покорен нашей дружбой.

Сен-Жюст. Да, дружба — чувство не менее властное, чем любовь.

Леба. Даже более. Любовь щедра, она дарит и берет полной мерой. Дружба скромна и довольствуется малым. Но это малое драгоценнее всего. Ради этого умирают.

Сен-Жюст. Еще недавно мне было все равно — жить или умереть. Ты пришел — и я возвратился к жизни, чтобы защищать тебя... Пойдем со мной, попытаемся спасти то, ради чего мы живем, — Республику.

Занавес

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

На холмах Монморанси, 7 термидора (25 июля). Палящее послеполуденное солнце клонится к западу.

Справа из глубины подымается дорога, пересекает сцену под острым углом и полого спускается направо к авансцене. С вершины холма, возвышающегося над равниной, открывается широкий горизонт, и вдалеке, в знойной, солнечной дымке, вырисовывается громада Парижа; там и сям кровли домов сверкают в косых лучах заходящего солнца. Налево, у края дороги, небольшая дубовая роща — опушка леса, туда ведет узенькая тропинка.

Справа по дороге быстрым шагом подымается Робеспьер, держа шляпу под мышкой. На вершине холма он оставливается, запылавшись, оглядывается направо и налево, на окрестные поля и далекий Париж, на дорогу. В изнеможении, словно ослепленный, закрывает глаза.

Робеспьер. Как палит солнце! Стоит зажмуриться — и перед глазами мелькают красные пятна. Голова кружится. (Садится на откос слева, под тенью деревьев.)

Вдалеке слышен голос Симона Дюпле — он кличет Робеспьера, не называя по имени.

Симон Дюпле. Эй!.. Ого-го!

Робеспьер. Нелегко скрыться от такого стража. Бедный Симон тревожится, должно быть. Ведь он считает своим долгом не отпускать меня ни на шаг... Ничего, пускай поищет. Иногда нужно побыть в одиночестве, среди природы, наедине с богом. Вырваться хоть ненадолго из от-

равленного воздуха большого города. (*Кивком указывает на Париж.*) Даже такой славный малый, как Симон, напоминает своим присутствием о роде человеческом, о людях, с которыми связала нас судьба, о гнусном скопище грязи, безумия и жестокости... Хотя час забвения! А дозволено ли это во время битвы? Голова кружится... Я слишком быстро шел в гору под солнцем... (*Закрывает глаза.*) Как дороги мне эти места, сколько воспоминаний! Десятки раз я мысленно возвращался сюда, ища душевного мира и доверия, которых не мог обрести... А тот лучезарный день, чей отблеск стоит у меня перед глазами даже теперь, через пятнадцать лет... (*Немного помолчав, начинает мечтать вслух.*) Мне не было тогда и двадцати лет... На этих холмах я встретил старика Жан-Жака. С тех пор ничто не изменилось. Только выросли деревья — тогда здесь была молодая рощица. Как и сегодня, в небе звенел жаворонок. (*Не открывая глаз.*) Я сидел здесь, на этом самом месте. И прямо на меня, вот по этой дороге, подымался в гору философ. Он шел один, слегка согнувшись, с непокрытой головой, с букетом в руках; изредка он нагибался, срывая цветок, и тихонько говорил сам с собой...

При этих словах на дороге показывается незнакомец, осанкой и чертами лица напоминающий Жан-Жака Руссо, и повторяет все жесты, описываемые Робеспьером. Но тот, сидя с закрытыми глазами, не видит его и продолжает вполголоса грезить вслух.

Он не заметил меня, он был погружен в свои одинокие думы. А я — я узнал его с первого взгляда, я был ошеломлен, не мог прийти в себя. На вершине холма он остановился, чтобы оглядеться вокруг... Потом двинулся дальше, опираясь на палку, по тропинке, которая сворачивает в лес... Проходя мимо меня, он поднял глаза — большие, как у филина, темные и без блеска, пронзающие насквозь, и заглянул мне прямо в душу...

Тут Робеспьер открывает глаза и видит перед собой незнакомца — тот пристально смотрит на него, молча и неподвижно, затем проходит мимо; он сворачивает по тропинке, ведущей в лес, и исчезает, словно призрак... Робеспьер поражен; несколько секунд он сидит не шевелясь, пробует крикнуть, подносит руки к горлу, порывается встать; наконец, овладев собой, зовет.

Робеспьер (кричит). Симон!

Голос Симона отвечает издали, затем все ближе; справа на дороге появляется Симон Дюпле; он бежит, прихрамывая.

Симон Дюпле. Насилу я нашел тебя, Максимилиан! Зачем ты скрылся от меня? Если бы ты знал, до чего я перепугался! (Замечает необычайное волнение Робеспьера.) Что с тобой?.. Ты весь дрожишь. Глаза блуждают... Куда ты смотришь? Что случилось?

Робеспьер (с усилием берет себя в руки). Ты не видал... человека... вон там, на дороге?

Симон. Что? Я никого не видел... Ах да, верно, передо мной шел какой-то прохожий...

Робеспьер. Каков он с виду?

Симон. Не разглядел... Я думал только о тебе и не заметил ничего. Да и видел-то я его со спины... Теперь припоминаю. Как будто пожилой. Одет по-старомодному... Да, вспомнил: мне говорили в деревне, будто здесь скрывается старик изгнанник, какой-то философ из шайки Каритá и госпожи Ролан. Это он, что ли, попался тебе навстречу? Так я догоню его... Куда он удрал?

Робеспьер (останавливает его жестом). Оставь его... Дай на тебя опереться. У меня голова кружится.

Симон. Присядь здесь. (Ведет его в тень, к стволу срубленного дерева.) Отдохни немного. Ты столько месяцев сидел взаперти, а нынче такое солнце! Все поля выжгло.

Робеспьер (закрывает глаза). Солнце! Ты выпиваешь недуги земли. О, если б ты выпило и мою жизнь! Этот дурной сон...

Симон. О чем ты говоришь?

Робеспьер. Жизнь... Что я сделал со своей жизнью? Нелепый вопрос! Следовало бы спросить: что сделала со мной жизнь? Не того я хотел, не о том мечтал.

Симон. Кто лучше тебя умел идти прямо к цели?

Робеспьер. Знай, Симон, «в Революции заходят далеко тогда, когда не знают, куда идут»¹.

Симон. Ты не из тех людей, которые не знают, куда идут.

Робеспьер. Да, ты прав. Я не из тех счастливцев, что живут изо дня в день, не страдая постоянно ни от предвидения будущего, ни от воспоминаний о прошлом. И, однако, Симон... «сила вещей приведет нас, быть может, к цели, о которой мы и не помышляем».

¹ Подлинные слова Робеспьера. — Р. Р.

С и м о н. О чем ты задумался?

Р о б е с п ь е р. Я думаю о кумире моей юности, о Жан-Жаке, моем учителе и спутнике. Я как будто слышу его голос. Он говорил: «Ничто на земле не стоит цены крови человеческой», и еще: «Кровь одного человека драгоценнее, чем свобода всего человеческого рода...»

С и м о н. И ты так думаешь?

Р о б е с п ь е р. Я думал так прежде. Эти благородные слова когда-то врезались мне в душу. Я поклялся возвести их в закон и заставить людей признать его. Не сам ли я утверждал три года назад, что «если именем закона будет литься кровь человеческая и откроются взорам народа жестокие зрелища и истерзанные трупы, значит, законы искажают в сердцах граждан идеи справедливости, рождают в сознании общества дикие предрассудки, которые породят еще худшие»?

С и м о н. Кто же прав? Ты теперь судишь иначе?

Р о б е с п ь е р. Нет. Сила вещей решила за меня — против меня. Так было надо. Я поступал, как повелевала жизнь. Но тяжело быть ее орудием!

С и м о н. Если так было надо для блага Республики, — значит, остается только повиноваться. Значит, все хорошо.

Р о б е с п ь е р. Ты рассуждаешь как солдат, Симон. Счастливцев! Ты перелагаешь всю ответственность на плечи командира. А вот командиру не с кем ее разделить. Он сам должен доискиваться, обдумывать и находить решение. И это решение нигде не начертано, его не подсказывает сердце. Решение предписывается нам извне. Нам приходится изо дня в день распутывать змеиный клубок событий, изо дня в день менять решения, приспособляясь к тому, чего требует сегодняшней день, — так соединяются в одну цепь звенья неумолимого рока. Вырваться невозможно. А когда видишь, к чему нас привел рок, что он заставил нас совершить, то ужасаешься и спрашиваешь себя: чего же он потребует от нас завтра?

С и м о н. Ты утомлен, ты сомневаешься в себе, Максимилиан. Зато мы в тебе не сомневаемся. Мы тебя поддержим.

Р о б е с п ь е р. Верные мои друзья! Ты прав, то была минута слабости. Да еще эта недавняя встреча...

С и м о н. Какая встреча?

Р о б е с п ь е р. Ничего... Все прошло. Пусть и для тебя это пройдет бесследно, Симон. Позабудь все, что я здесь говорил. Давай наслаждаться покоем этих мирных по-

лей, золотым пурпуром заката, лучами солнца, прежде чем не наступит ночь и не придется выйти на мрачную арену, которая меня ждет.

С и м о н. Ты все-таки решил выступить завтра в Конвенте?
Р о б е с п ь е р. Я должен.

С и м о н. Будь осторожен.

Р о б е с п ь е р. Истине и добродетели незачем соблюдать осторожность.

С и м о н. Берегись, не нарушай перемирия, которое Сен-Жюст заключил от твоего имени.

Р о б е с п ь е р. Никто не вправе давать обещания за меня. Я не заключаю перемирия с предателями!

С и м о н. Ты уверен, что Конвент пойдет за тобой?

Р о б е с п ь е р. Он выслушает меня. А прочее пусть решают боги.

С и м о н. Я не больно-то полагаюсь на богов. Куда надежнее иметь хорошо вооруженную охрану; позволь нам защитить тебя.

Р о б е с п ь е р. Решительно запрещаю! Это дало бы новый повод обвинить меня в диктаторстве. Единственная диктатура, которую я согласен принять, — это могущество истины. Единственное мое оружие — это сила слова.

С и м о н. Разве ты не знаешь, какие силы, какое оружие они втайне готовят против тебя?

Р о б е с п ь е р. Мне все известно, известны малейшие подробности заговора. Но одно из двух: либо я сокрушу его перед лицом всей Франции, либо не стоит жить там, где правосудие — один обман. Завтра я кликну клич, я обращусь с последним призывом к честным гражданам всех партий и вне партий. Пусть решают они.

С и м о н. Лучше бы ты обратился за поддержкой к народу.

Р о б е с п ь е р. Я никогда не переставал черпать в нем вдохновение. Народ — моя сила.

С и м о н. А ты твердо уверен, что он по-прежнему с тобой?

Р о б е с п ь е р. Я с ним и за него. Отступившись от меня, он отречется от себя самого. А если он отречется, тогда для меня все кончено. Значит, мы прожили жизнь напрасно. Но я буду бороться до конца.

С и м о н. Пора в обратный путь. Скоро проедет дорожная карета на Париж. Пойдем на почтовую станцию.

Р о б е с п ь е р. Это тот беленький домик, что там, внизу?

С и м о н. Тот самый. А вон вьется дорога, по которой проедет почтовая карета.

Р о б е с п ь е р. Ну, это недалеко отсюда, всего несколько

шагов. Ступай вперед, займи нам места. А я еще побуду здесь немного. Чудесный вечер, не хочется терять ни минуты. Кликни меня, когда придет время.

С и м о н. Вон идет какая-то женщина, оставляю тебя на ее поечение. *(Указав на старуху с корзинкой за плечами, которая поднимается на холм. Симон уходит направо по дороге, спускающейся к авансцене.)*

Старуха садится на ствол срубленного дерева рядом с Робеспьером.

Старуха. А ну-ка, гражданин, не в обиду тебе будь сказано, подвинь свой зад и дай мне место.

Робеспьер. Садитесь, матушка, снимите корзину, она тяжелая.

Старуха. Ну уж, нет. Коли скотина устала, не распрягай ее, пока не пригонишь на конюшню. Мне в упряжке удобнее. Ох, поясницу ломит!

Робеспьер. Тяжело подыматься в гору с такой ношей!

Старуха. Небось я старый муравей, привыкла тяжести таскать. Без ноши вроде бы не хватает чего-то.

Робеспьер. Откуда вы идете?

Старуха. С поля, из-под горы. Там у меня огород, хожу овощи поливать. Никак не напоишь их досыта в такую жару — эдакие пьянчуги! Черпаешь, черпаешь воду, а колодец-то все больше высыхает. Вот и топчешься с утра до ночи.

Робеспьер. Разве вам некому помочь? У вас нет внуков?

Старуха. Было у меня девять сыновей. Семеро уж на покое.

Робеспьер. Где?

Старуха. В сырой земле. А двоих старших у меня забрали. Говорят, будто послали их защищать землю от врагов. А от каких врагов — почем я знаю? Не то с запада, не то с востока. Уж больно их много. Вот у меня врагов нет, что с меня взять-то, кроме горя да беды?

Робеспьер. Вы говорите о горе, а сами улыбаетесь.

Старуха. Мы с горем-то век скоротали, уж свыклись друг с другом, не грех и посмеяться.

Робеспьер. Святая мудрость хижин! Я завидую вашей доле.

Старуха. Хоть задаром ее бери, сынок. Я бы не прочь променять свою лачугу на домик побольше да побогаче.

Робеспьер. С богатством у вас будет больше тревог, больше забот, чем здесь, среди природы.

Старуха. Что за природа такая? Это земля-то? Да, как

же, пока гуляешь по ней, она стелется бархатом, так и ластится, хитрая кошка. Ты ее не знаешь! За лето весь наш урожай пожгло. Вся работа пошла прахом.

Робеспьер. Бедная женщина! Тяжела ваша доля, но и моя немногим легче. Нас вознаграждает сознание, что труды наши не пропадут даром. Верховное существо бодрствует и охраняет нас.

Старуха. Ну, стало быть, нынче летом господь бог всхрипнул маленько. Ничего не поделаешь: стар становится. Что ж, он поработал на своем веку. Всякому свой черед.

Робеспьер. Как, матушка, значит, вы не верите в бога?

Старуха. Да я и сама не знаю. Я не против. Отчего же не верить? Это не повредит. Только есть ли хозяин или нет, а ты на него не надейся, лучше сам не плошай. Дело вернее будет. По крайней мере всю работу сделаешь.

Робеспьер. Но разве мысль о лучшей жизни, о бессмертии души не приносит нам утешения в нужде и несчастье?

Старуха. Что ж, не так плохо и совсем уснуть. Нет охоты начинать все сызнова. Поработала я вволю, жаловаться грех. Коли все перечесть, жизнь недаром прожила. Да уж пора и на покой, пускай молодые покряхтят, теперь их черед. Я передам им свою поклажу. А ты свою никому не уступишь?

Робеспьер. Я не люблю уступать свою ношу, пока не довел дела до конца.

Старуха. Видно, тебе некуда спешить. Придется ждать до скончания века. Ну а я не хочу все тяжести одна таскать. Оставляю чего-нибудь на долю тех, кто придет после меня, — и радостей и горя. Им еще надолго хватит того и другого.

Робеспьер. Мы старались сделать так, чтобы будущее было лучше настоящего.

Старуха. Кабы вы постарались, чтобы настоящее стало чуть лучше, и на том спасибо.

Робеспьер. Для этого мы и совершили Революцию.

Старуха. Ах, так это вы пустили все кувырком?

Робеспьер. Но ведь вы, гражданка, совершили Революцию вместе с нами. Вместе со всем народом. Революция — наше общее дело.

Старуха. Ну, нет, у меня своих дел по горло. Ваших дел я знать не хочу.

Робеспьер. Ах, гражданка, так не годится! Нельзя быть безразличной к общественному благу. Ведь мы не одни

живем, соседи должны помогать друг другу. А на земле все, кто трудится, кто страдает, — наши ближние и соседи. Может ли быть, чтобы у вас в деревне были равнодушны ко всему, что Революция делает для вас, к ее великим трудам, к ее борьбе?

Старуха. Да нет, у нас в церкви бывали собрания, наши горлодеры болтали там всякую всячину. А иной раз приезжал из Парижа красавчик, весь разряженный, и показывал нам волшебные картинки. Говорил, будто весь свет скоро перевернется. Мы смотрели, вылупив глаза, ждали, ждали, да так ничего и не увидели. Народ устал. Дворян и попов мы прогнали, а что толку? Ни денег, ни скота нам не досталось. Теперь пошли новые богачи. А бедняки так и остались бедняками. И, правду сказать, никто не доволен. У нас в деревне работники отказываются убирать урожай.

Робеспьер (*раздраженно*). Да, они готовы скорее сгноить на корню и хлеб и траву, чем согласиться на твердые ставки, назначенные Комитетом. Они дурные патриоты, они пользуются затруднениями государства. Но если они будут упорствовать, мы сломим их, они ответят перед Революционным трибуналом.

Старуха. Без них все равно не обойтись.

Робеспьер (*с возрастающим раздражением*). Мы призовем на помощь солдат. А если понадобится, пошлем на уборку урожая даже военнопленных. Надо, чтобы сила была на стороне закона.

Старуха. Так-то оно так! А почему закон-то не на нашей стороне?

Робеспьер. Все равны перед законом. Все обязаны его соблюдать.

Старуха. А по-нашему, пускай бы лучше кто победнее, тому бы и прав давали побольше.

Робеспьер (*поражен; сразу смягчившись*). Вы верно сказали, я тоже так думаю... (*В волнении*). Ах, гражданка, как бы мы хотели строить Республику с помощью одних бедняков и для них одних! Нам отлично известно, что для богатых Революция была лишь поводом к незаконной наживе, хищениям, ростовщичеству, мошенничеству и воровству. Нам отлично известно, что истинные друзья Революции, преданные ей бескорыстно, — это бедный люд, крестьяне, рабочие, те, кого угнетают богачи. Мы не жалеем сил для защиты бедняков. Но разве они не видят, что, пока Республика со всех сторон окружена врагами, мы вынуждены требовать жертв от бедняков, на-

ших верных друзей, и идти на уступки богачам, ибо нуждаемся в них для защиты от натиска королевских армий? Ничего не поделаешь, добровольно или силой мы должны создать общий фронт богатых и бедных — ведь дело идет сейчас о жизни и смерти тех и других, о жизни и смерти всей Франции и того немногого, что мы успели сделать для Республики... Позднее, когда отчизна будет спасена, Революция снова пойдет вперед: она уже выиграла немало битв и одержит еще новую победу, великую победу народа. Но до этого надо дожить, а чтобы жить, надо победить. Потерпите немного!

Старуха. Мне не к спеху, я ничего не жду, я терпеливая. Но у других-то терпения не хватает, уж им столько всего наобещали. Как говорится, «лучше грош, да в кармане...». Мы не больно-то верим посулам этих молодчиков из Парижа. Чего они только не напели! Думаешь иной раз: на что они там время тратят? А они только и делают, что грызутся промеж себя. Кто из них выиграет, кто проиграет — нам-то какое дело? Кто бы ни ударил — побоито ведь нам достаются.

Робеспьер. Вы несправедливы, матушка. Нельзя же сваливать всех в одну кучу.

Старуха. Да разве в них разберешься? Все их путают... Был у нас когда-то добрый господин Марат. Был у нас тоже наш Робеспьер... Но он уже давненько ничего для нас не делает.

Робеспьер. Говорят, однако, что несколько месяцев назад он обещал разделить между бедняками имущество подозрительных лиц.

Старуха. Это так... Обещать-то нетрудно... А на деле ничего не видать!

Робеспьер. Вероятно, он не в состоянии сделать все, что хотел бы...

Старуха. Может, и так... Вот у нас и говорят: пусть лучше каждый работает на своем поле, а те, в Париже, пускай выпутываются как знают... Верно я говорю? Чего ты голову повесил?

Робеспьер (с грустью). Да, матушка, я думал... Но я ошибся... Я верил, что у нас будет великое братство, союз всех честных людей...

Старуха. Когда-нибудь и будет, только не скоро, не скоро, сынок. Не унывай! Мы порем, когда это будет. Но раз будет, то невелика важность, живы мы или померли. Знать, что это случится, даже без тебя, — и то хорошо, верно я говорю?

Робеспьер (поражен). Как вы догадались, матушка?

Разве вы знаете меня?

Старуха (лукаво). А может, и ты его знаешь, этого самого Робеспьера?

Они обмениваются ласковой, понимающей улыбкой. Внизу слышен голос Симона.

Голос Симона (зовет). Максимилиан!

Робеспьер встает и уходит.

Занавес

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ¹

Вечер с 8 на 9 термидора (26—27 июля). Последние лучи заката. Широкий двор; в глубине — низкое деревянное строение со стеклянной крышей, похожее на мастерскую. Справа и слева — глухие стены домов. Слева узкий проулок выводит на пустыри. Главный выход на улицу — через коридор в углу стены, справа. Действующие лица входят и выходят с двух сторон, через коридор и через проулок; у правого и левого входов сторожат дозорные и опрашивают вновь прибывающих. При поднятии занавеса двор полон народу; все волнуются, окликают, спрашивают друг друга; образуются и тут же распадаются небольшие группы², все движется вокруг главной оси, в центре которой — Фуше. Несмотря на общее возбуждение, все стараются говорить тише; стоит громкому возгласу выделиться из общего хора, тотчас же раздастся шиканье, и снова возобновляется гул, точно сердитое жужжание ос, накрытых коллаком.

В начале сцены среди смутного шума и гомона, гневных восклицаний, жалоб и горьких упреков выделяются негодующие возгласы: Лекуантр, Тальен, Баррас, Бурдон, Карье, Реньо в бешенстве наскакивают

¹ Двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая, пятнадцатая, шестнадцатая и семнадцатая картины составляют одно действие, которое развертывается на протяжении полусуток, с 9 часов вечера до 10 часов утра. — Р. Р.

² Основные группы:

1. Билло, Колло, Реньо, Карье и др.
2. Тальен, Баррас, Бурдон, Лекуантр, Фрерон и др.
3. Сийес, Дюран-Майян, Буасси д'Англа — представители Болота.
4. Роялисты.
5. Бабеф держится особняком, колеблется, Фуше направляет его действия.
6. Сыщики и шпионы, Межан, Коллено и др. — Р. Р.

на Билло и Колло, смущенных и мрачных. Фуше, не принимая участия в перепалке, следит за всеми и в нужный момент вмешивается в спор.

Тальен. Все потеряно! Мы пропали!

Баррас. Зачем вы допустили, как вы могли допустить, чтобы он вернулся и выступил в Конвенте? Он давно уже там не появлялся, мы надеялись, что его позабыли...

Колло. Он внушил якобинцам, будто мы препятствуем его выступлениям в Конвенте. Мы опасались, что народ поддастся на его подстрекательства и восстанет против Конвента. Наша тактика состояла в том, чтобы вернуть Робеспьера, при условии что он согласится на примирение.

Баррас. Никаких условий он не принял, ничего не обещал. Вас одурачили, как баранов.

Колло. Кто мог предполагать, что через три дня после соглашения он сорвется с цепи и не пощадит никого из нас?

Карье. Вы сами поощряете его, подлые трусы! Пока он говорил и поливал вас грязью, никто из вас и пикнуть не посмел.

Матьё Реньо. Да разве можно было его прервать? Все слушали, затаив дыхание. Мы не подумали о силе его проклятого красноречия.

Лекуантр. Почему никто не заткнул ему глотку? Чего ты смотрел, Билло? Ты же его знаешь и так люто ненавидишь. Тебе надо было разоблачить его, пока он не успел взойти на трибуну.

Билло. Уж кому-кому, а не тебе меня учить, Лекуантр! Бесстыдный хвостун! Похвалялся, что заколешь кинжалом Пизистрата, а не успел он замолчать, ты первый стал вопить, чтобы речь его отпечатали. А кто помешал этому? Я!

Лекуантр. Верно, я краснею за себя! Сам не знаю, что со мной случилось. Все кругом приветствовали его. Меня точно волной подхватило.

Фуше. Пока он говорит, ничего нельзя поделать. Главное — заткнуть ему рот. Но сначала мы должны обо всем столкнуться. Мы больше не можем позволить себе роскошь доверяться случаю. Надо все обсудить заранее. Еще одно такое поражение, как сегодня, и все сроки будут упущены. Завтра все решится. Либо вы объединитесь, чтобы сокрушить тирана, либо погибнете все до одного. Вы слышали, как он угрожал всему Конвенту?

М а т ь ё Р е н ь о. Он не захотел назвать тех, кого имел в виду.

Ф у ш е. Ему пришлось бы назвать нас всех. И он побоялся. Но скоро вас всех арестуют, вы не успеете ни защититься, ни убежать. Вы читали списки?

Л е к у а н т р. Они у тебя?

Т а л ь е н. А меня там нет?

Беспорядочно толпясь вокруг Фуше, вырывают у него и друга у друга листки, с трудом разбирая имена в надвигающихся сумерках. При каждом новом имени раздаются возгласы тех, кто упоминают в списках.

Б а р р а с. Нет, я не попал в списки!

Ф у ш е. Не радуйся раньше времени. Вот еще листок...

Баррас хватает список, находит там свое имя и злобно вскрикивает. Равнодушно читают чужие имена и яростно возмущаются, находя свое. Через несколько секунд все приходят в неистовство.

Т а л ь е н. Чудовище! Он нас всех перережет, если мы не убьем его.

Л е к у а н т р. Я заколю его перед всем Конвентом!

Б и л л о. Ты уже раз двадцать это обещал. Ничего ты не сделаешь.

Л е к у а н т р. Нет, заколю. Вот мой нож!

Т а л ь е н. А вот и мой!

М а т ь ё Р е н ь о. И мой! Я всегда ношу его при себе. И не промахнусь, сразу злодея, а если меня схватят, то убью себя.

Ф у ш е (*устало*). В девяти случаях из десяти такие покушения не достигают цели и оборачиваются против самих же нападающих. Толпа разорвет вас на части. Да, мы поразим Робеспьера, но другим, более надежным оружием.

М а т ь ё Р е н ь о. Каким же?

Ф у ш е. Мы навалимся на него всей массой, всем Конвентом.

М а т ь ё Р е н ь о (*с презрением*). Конвентом? Ты же видел, как они все запуганы.

Ф у ш е. Их слабость — в раздорах. От вас зависит положить этому конец, вступив в союз против тирана. Если вам угодно знать, такой союз уже подготовлен. Я трудился над этим много месяцев. С минуты на минуту я жду сюда Сийеса, Буасси д'Англа, Дюран-Майяна — главарей Болота. Нам предстоит обсудить условия соглашения. Я твердо рассчитываю, что вы его подпишете.

Билло (*запальчиво*). Как? Чтобы я... Чтобы я согласился на сговор с этими трусами, мошенниками, которые нас ненавидят? Да я презираю их, как последнюю мразь!
Фуше. Никто не просит тебя их уважать, тебе предлагают воспользоваться их помощью.

Билло. Ни за что!

Фуше. Я не требую у вас согласия на долговременный союз. Я бы первый отверг его. Я только предлагаю им и вам заключить соглашение на короткий срок, ради одной, строго определенной цели.

Билло. Ни за что на свете! Не желаю иметь никакого дела с этими жабами!

Фуше. Но мы можем добиться победы только при поддержке большинства.

Билло. Нет, нет и нет! Лучше быть побежденным, но только не быть с ними.

Фуше. Ты нас погубишь! Что ты уперся, как бык?

Карье. Соглашайся, Билло. Как только мы нанесем удар, я сумею столкнуть их в пропасть, даю тебе слово.

Матьё Реньо. А я одобряю тебя, Билло. Вся наша сила в непримиримости. Нас запяпнает подобный союз.

Карье. Запятнает?! Велика важность! Если понадобится, я пойду на любую подлость ради победы Республики.

Матьё Реньо. Хороша победа, если она играет на руку реакции! Реакция только и ждет, как бы оседлать нас.

Фуше. Я знаю, с кем имею дело, и не спускаю с них глаз. Вы сами поможете мне наблюдать за ними. На другой же день после падения Робеспьера я выдам вам их с головой. Но сегодня мы не можем без них обойтись. Только крайность заставляет нас прибегнуть к их помощи. Уступи, Реньо! Согласись, Билло!

Колло. Для достижения цели все средства хороши. Билло, соглашайся!

Билло (*к Фуше*). Единственное, что я обещаю, — это не мешать тебе возиться с этим дерьмом. Но лучше мне ничего не знать и не присутствовать при ваших переговорах, иначе я за себя не ручаюсь — я передешу изменников своими руками.

Фуше (*пожав плечами*). Ну, что же, тогда я сделаю все сам. Но прошу предоставить мне полную свободу действий... Можете быть спокойны! Лучшей гарантией моей верности служит их ненависть ко мне. В их глазах я навеки заклею тем, что я сделал для Революции; и, что бы я ни делал теперь, реакция никогда не простит мне

моего прошлого. Из нас всех я им наиболее ненавистен. Как же я могу об этом забыть? Предоставьте мне действовать!

Билло, взбешенный, отходит в сторону вместе с Матье Реньо. Группа, окружавшая Фуше, рассеивается.

Фуше (один). Справиться с врагами было бы нетрудно, если бы друзья не доставляли столько хлопот... Бесполезно говорить с этими безумцами... А какой вой они бы подняли, если бы знали, с кем еще мне приходится вступать в сделку! Э-э, если покупаешь товар — плати или по крайней мере обещай заплатить... А обещать — это все равно что дать задаток.

Из коридора направо появляется Сийес с компанией. Дозорные у порога после короткого совещания пропускают их, один из них спешит предупредить Фуше, но тот уже заметил вновь прибывших.

(С поклоном, обращаясь к Сийесу.) Дорогой коллега! Как я признателен вам, что вы пришли! Вы сумели понять, что наступил исторический поворот в судьбах Революции. Вам досталась в удел бессмертная слава отворить в семьдесят девятом году врата Революции, вы удостоитесь не меньшей чести и теперь, направив ее по верному пути.

Сийес (настороженный, как Фуше, но еще более бесстрашный). Решающим историческим событиям предуготован свой определенный день, свой час и минута. Немногим раньше, немногим позже — и все потеряно. Иногда приходится ждать годами.

Фуше. Вы доказали, что владеете великим даром — умением выжидать.

Сийес. Я сумел уцелеть. Согласитесь, дорогой коллега, что это было не так-то просто.

Фуше. Никто лучше меня не может оценить подобную заслугу. Это нелегкая задача для людей нашего склада... Сейчас речь идет об одном весьма щекотливом предприятии, которое не может удалиться без содействия столь прославленного и опытного политика, как вы.

Сийес. Весь вопрос в том, действительно ли это предприятие столь необходимо и неотложно, как вы изволите предполагать.

Фуше. Не сомневайтесь, уважаемый коллега. Вы же сами слышали на сегодняшнем заседании, какие угрозы выкрикивал этот помешанный.

С и й е с. У меня, как и у моих товарищей, нет оснований принимать эти угрозы на свой счет. Напротив, оратор протягивал нам руку в залог дружбы.

Ф у ш е. Разумеется, он щадит вас до поры до времени. Пока он соблюдает видимость законности, он нуждается в вас, в вашей группе, чтобы заручиться поддержкой большинства. Но я слишком убежден в вашем благородстве и высокой человечности, чтобы допустить мысль, что вы поддадитесь на эту кровавую игру — жестокую резню в рядах Конвента.

С и й е с (холодно). Признаюсь, это было бы весьма при-
скорбно, почтенный коллега, и нестерпимо для моего чув-
ствительного сердца. Но оно уже так часто подвергалось
испытаниям, что выдержало бы их и на сей раз. Ведь
в политике — вам это известно не хуже, а может быть, и
лучше моего — человечность является далекой целью, ко-
торой можно достичь лишь весьма извилистыми и порою
жестокими путями. Вы и сами прибегали к ним не раз!

Ф у ш е. Надо стремиться по крайней мере, чтобы эти пути
привели к цели, — я уже не говорю о той далекой цели,
которой мы не всегда надеемся достичь, а хотя бы к са-
мой близкой и определенной цели: спасти себя и вас, а
в вашем лице те высокие идеи, носителем коих вы явля-
етесь.

С и й е с. Эти высокие идеи, бесспорно, не находят в наше
время благоприятной почвы для полного расцвета. Но все
же они могут жить в надежде на лучшее будущее. Ро-
беспьер выказывает им должное уважение.

Ф у ш е. При вашей прозорливости вы должны понять, что он
терпит эти идеи лишь до тех пор, пока при вашей поддер-
жке не сломит окончательно сопротивление Конвента.
Неужели вы допускаете хоть на миг, что вслед за тем он
не повернет оружия против вас с целью установить свою
диктатуру? Тогда в глазах всего света вы станете живым
укором тирании и стяжаете славу предуказанной жертвы.
Не надейтесь, что вам удастся получить гарантии. Тиран
никогда не считает себя связанным своими обязатель-
ствами.

С и й е с. Опасность есть, не спору. И немалая. Но разве
в другом лагере меньше опасностей? В данное время по-
ложение наше крайне выгодно, ибо от нас зависит скло-
нить чашу весов в ту или другую сторону.

Ф у ш е. Но от вас не зависит продлить это время. И завтра
чаша весов склонится независимо от вашего решения. Ес-
ли, покинув нас, вы предоставите все судьбе, то завтра

останетесь одни, без всякого противовеса, лицом к лицу с диктатором.

С и й е с. А чего мы можем ожидать от другой стороны?

Ф у ш е. В общем смятении ваша партия будет единственной не запятнавшей себя, прославленной партией, представляющей самые здоровые силы, самые священные традиции великой Революции, партией, овеянной славой нашего Учредительного собрания. Вот вам случай, которого вы так долго и терпеливо ждали, случай взять бразды правления в свои руки. Мы вам их вручаем.

С и й е с. Вы вручаете нам то, чем не обладаете сами. Кто поручится, что, захватив власть, вы согласитесь уступить ее?

Ф у ш е. Мы не рассчитываем на слепое доверие. Это не к лицу серьезным государственным деятелям. Поручкой вам служит наша явная выгода. После падения тирана, как мы с вами прекрасно знаем (не понимать это могут только безрассудные, одержимые страстью глупцы), тотчас подымется безудержная волна реакции. Вы послужите плотниной против ее натиска. Мы многим рискуем, объединившись с вами. Гораздо больше рискуем, чем вы.

С и й е с. Значит, вы сами признаете, что мы рискуем?

Ф у ш е. Кто же это отрицает? Во всяком деле чем-нибудь да рискуешь. Но когда бездействуешь, рискуешь всем. Надо рисковать или погибнуть.

С и й е с. Нет. Рисковать и жить.

Ф у ш е (*порывисто*). Значит, вы решились?

С и й е с (*холодно*). Увидим завтра, в Конвенте.

Ф у ш е. Но мы не можем полагаться на волю случая. Все должно быть согласовано. Успех возможен, только если заранее разработан план действий.

С и й е с. Ничто не мешает нам составить план.

Ф у ш е. Это невозможно без взаимных обязательств.

С и й е с. Составим план. Дать обязательства всегда успеем.

Ф у ш е. И нарушить их — также?

С и й е с. Разумеется. Осторожность не мешает.

Продолжая беседовать, они удаляются медленным шагом.

Межан (*наблюдая за ними издали, обращается к Коллено¹*). Две старые лисы... Кто кого перехитрит?

Коллено. Я ставлю на рыжего. Ему надо спасать свою шкуру любой ценой. Он на все пойдет. Тот, другой, умеет

¹ Напоминаем: Межан и Коллено — чиновники Комитета общественного спасения и тайные агенты роялистов. — P. P.

только вилять. В конце концов он окажется между двух стульев.

Межан. Тот ли победит, другой ли, — будем ставить на себя!

Фуше, заметив, что за ним наблюдают, оглядывается и, представив Сийесу совещаться со своими спутниками, подходит к Межану.

Фуше. Гражданин Межан! Могу я задержать вас на два слова?

Межан униженно кланяется и улыбается.

Как ни мало значения имеет мой отзыв, мне хотелось вам сказать, что никто больше моего не ценит ваших исключительных талантов. Комитет воздаст им должное, но... *(подчеркивает конец фразы, пристально глядя на Межана)* Комитет, вероятно, не знает, насколько они разносторонни. Я обращаюсь сейчас именно к вашим талантам.

Межан *(на миг озадачен, но тут же отвечает с обычной самоуверенностью)*. Вы все видите, все знаете, гражданин Фуше. Стало быть, вам известно, что все мои скромные способности направлены на благо родины и, следовательно, все к вашим услугам. Разумеется, мои знания далеко уступают вашим, однако... *(подчеркивает последние слова, пристально глядя на Фуше)* однако я тоже располагаю кое-какими сведениями, которые не подлежат разглашению.

Фуше. Таким людям, как мы с вами, бесполезно препираться. Мы знаем то, что знаем. Итак, перейдем к делу. Необходимо предвидеть, к каким последствиям приведет завтрашнее заседание Конвента. Мы должны подумать о том, как на это откликнется народ Парижа. Насколько мне известно, в часы досуга вы с большим успехом выступаете как эбертист в кварталах, прилегающих к Ратуше, особенно в Гравилье. В случае столкновения очень важно, чтобы там не встали на защиту известного вам лица. Займитесь этим, не откладывая, еще сегодня ночью. Вам будет нетрудно их убедить; они не простили ему, что он уничтожил Папашу Дюшена. С вашим другом и коллегой... *(указывает на Коллено — тот, отступив на несколько шагов, явно подслушивает их разговор)* по-видимому, не стоит беседовать отдельно, ибо он и так все слышит. Он тоже мог бы принести нам пользу, взяв на себя буржуазные кварталы. Не давая им точных сведений

(даже лучше оставить людей в тревожной неизвестности), было бы неплохо нарушить их сон и держать их в готовности к действию или, вернее, к поддержке наших действий. Пусть они будут вооружены. Впрочем, военная смекалка подскажет, что надо делать. Я убежден, что в этом у вас нет недостатка. Вы черпаете из верных источников как на севере, так и на юге...

Межан беспокожно настораживается.

Быть может, я слишком нескромен. Но не тревожьтесь. Ведь мы с вами союзники.

Межан. Такой человек, как вы, всего опаснее именно для своих союзников.

Фуше. Этим-то я и силен, так же как и вы. Я не прошу вас слепо следовать за мной. Вы все видите, и я все вижу. Тем лучше. Мы знаем, что завтра будем действовать заодно. Ну а послезавтра — там видно будет.

Межан. Стало быть, поденная работа? Ну, что ж, по рукам! Постараемся выполнить завтрашний урок как можно лучше. Пока что позвольте представить вам новообращенного, который, надеюсь, вам пригодится. Этот озлобленный писака только что вышел из тюрьмы. Он спит и видит пойти по стопам братьев Гракхов и даже носит имя Гракх Бабеф. *(Представляет его.)*

Бабеф *(с наивной восторженностью обращаясь к Фуше).* Гражданин! Правду ли говорят, что вы собираетесь свергнуть тиранов? Я с вами заодно. Но довольно слов! Пора за дело! Вот уже пять лет, как нас обманывают. Все пять лет Революции. Это издевательство!.. К чему привели наши чаяния, наши неисчислимые жертвы? Только к тому, что всякие темные дельцы да биржевые игроки набили себе карманы. Все пошло на пользу богачам. А народу — ничего! Ни один из его вероломных представителей в Конвенте никогда не общался с народом, никогда не понимал его вопиющей нужды, его страданий. Пять лет, целых пять лет я выбивался из сил, отстаивая священные права обездоленных, требуя равенства для всех... Меня преследовали, травили, бросали в тюрьму приспешники власти, слуги богачей, меня гнали, предавали, терзали те самые люди, что должны были бы меня защищать... Довольно! Надо покончить с этим — или нет, пора начинать! Ведь до сего дня ничего еще не сделано. Чем была Революция? Ничем. Чем должна она стать? Всем... Что надо сделать, чтобы придать новый размах Революции? Прежде всего свергнуть подлое пра-

вительство, извратившее демократические принципы, свалить Робеспьера (а когда-то я верил в него!) и его прихвостней. Это они пустили в ход свои сатанинские идеи якобы во имя общественного спасения, провозгласили отечество в опасности и тем заставили народ передать в их руки свои верховные права, это они убедили народ из патриотизма отречься на время от своих прав, дабы тем вернее осуществить их впоследствии. По примеру попов-обманщиков лицемерные тираны украли у нас Свободу, уверяя глупцов, будто лучший способ обеспечить Свободу в будущем — это отказаться от нее в настоящем. Смерть тиранам! Долой обман! Дорогу великому народу!

Межан. Мы всецело разделяем твои чувства. Ты не мог сделать лучшего выбора, как излив их на груди этого добродетельного гражданина. *(Указывает на Фуше.)* Этот бесстрашный, неподкупный человек произвел в Невере и Мулене проверку имущества и разделил между всеми урожай, он отстоял право Республики отбирать излишки у богачей в пользу неимущих, он провозгласил равные права всех граждан на достаток — словом, сделал все, чтобы осуществить полную Революцию.

Фуше *(скромно)*. Не стоит говорить о моих стараниях — все они были безуспешны. Именно за то, на что я дерзнул, меня преследовали, отозвали с поста, мне угрожают тюрьмой. Но я не жалуюсь. Во все времена таков был удел человека, который честно исполняет свой долг.

Бабеф *(растроган)*. Я слышал о тебе. Но твой благородный облик и мудрая речь превзошли мои ожидания. Доблестный гражданин! Подобная стойкость и достоинства не могут не вызывать уважения. Ты мне сразу пришелся по душе. Никто еще не внушал мне такого доверия с первого взгляда... Я предан тебе всецело.

Межан *(наблюдая за ним издали, с усмешкой шепчет Коллено)*. Надо сознаться, у этого Гракха поразительный нюх в выборе привязанностей. Все те, кому он был предан, оказались отъявленными мошенниками, обманщиками и пройдохами. Наш любезный Фуше отнюдь не испортит коллекции.

Фуше *(Бабефу)*. Честные граждане понимают друг друга с полуслова. В их глазах горит огонь добродетели. Я испытываю к тебе такое же доверие, каким ты почтил меня. У меня для тебя весьма ответственная задача — поднять недовольных рабочих, которых на основании возмутительных декретов прериаля и мессидора общественные обвинители преследуют судом как контрреволюционеров.

Необходимо, чтобы завтра, девятого термидора, на улицах и на площади перед Ратушей состоялась манифестация против максимума заработной платы. Я надеюсь на тебя.
Б а б е ф. От всего сердца отвечаю тебе: будет сделано! Спешу туда! *(Стремительно уходит.)*

Фуше провожает его взглядом и, потирая руки, направляется к Межану.

Ме ж а н *(к Фуше)*. Рыбка клюнула. Он сам просится на крючок.

Фу ш е. Он ненасытен. Это человек пылких страстей.

Ме ж а н. У каждого своя страсть.

Фу ш е. Да, но один управляет своими страстями, а другой становится их рабом. Таких большинство.

Ме ж а н. Искусство политики в том, чтобы направлять все страсти к единой цели.

Фу ш е. Безусловно, вы владеете этим искусством не хуже меня, господин Межан. Однако к делу! Итак, вы обещаете, господин Коллено, держать наготове буржуазные кварталы; вы, дорогой собрат *(обращаясь к Межану)*, будете поддавать жару в Гравилье, а наш приятель Гракх подольет масла в огонь среди недовольных рабочих... Вы позволите...

Один из единомышленников Сийеса, Дюран-Майян, отделившись от группы, подходит к Фуше; Фуше, заметив его, идет ему навстречу. Чуть поодаль, на авансцене, они ведут вполголоса переговоры.

Д ю р а н - М а й я н. Я пришел сообщить вам наше решение. Надеемся, что оно вас удовлетворит. Вы достаточно рассудительны, чтобы не ждать от нас невозможного. Вы ведь не требуете от нас действий?

Фу ш е. Я могу быть умеренным. Я прошу вас только держаться в стороне, не мешать нам действовать, оставаться молчаливыми зрителями до тех пор, пока чаша весов не склонится в нашу сторону. Тогда вы безмолвно поддержите нас всем своим весом и ускорите развязку.

Д ю р а н - М а й я н. Мы согласны. Нашей партии не подобает ронять свое достоинство в уличных схватках. Но мы поддержим победу.

Фу ш е. На большее мы и не рассчитываем. Примите нашу благодарность.

Простившись, Дюран-Майян присоединяется к свите Сийеса; Сийес, издали поклонившись Фуше, уходит со сцены через коридор.

(Возвращается к группе Билло-Варенна, Колло и Матъё Реньо.) Надо уметь довольствоваться малым. Самая красивая девушка на свете не может дать больше того, что ей дано природой. Мы заручились их бездействием. Теперь дело за нами!.. Что с тобой, Билло?

Б и л л о. Я чувствую себя запятнанным, опозоренным, — как можно сговариваться с такой сволочью?

Ф у ш е. На что ты жалуешься? Ведь ты ни в чем не принимал участия.

Б и л л о. Довольно того, что ты действовал от нашего имени.

Ф у ш е. Твое имя не упоминалось. В будущем ты всегда можешь поклясться, что ничего не знал.

Б и л л о. Разве я способен лгать, как ты? Ведь для тебя солгать — все равно что плюнуть. Не такой я человек, чтобы отрицать свою причастность к подлому делу. Мне остается только искать искупления в опасной схватке.

Ф у ш е. Не беспокойся! Завтра опасностей будет хоть отбавляй, на всех хватит! Но если тебе не терпится, отправляйся сейчас вместе с Колло в Клуб якобинцев и сразись с Робеспьером. Там на тебя накинется вся его свора.

Б и л л о. Я распорю брюхо этим псам! Идем, Колло. Не найду покоя, пока не отомщу.

К о л л о. За что?

Б и л л о. За самого себя! За свою слабость, за малодушие там, в Конvente. И за позор... (Уходит вместе с Колло.)

Ф у ш е (остальным). Предлагаю всем собраться завтра к десяти часам утра, чтобы обсудить план боя. Мы отдадим последние распоряжения и условимся, как преградить тирану путь к трибуне и начать атаку.

Т а л ь е н. Пускай мне поручат нанести первый удар. Моя Тереза называет меня трусом. (Погрывает письмом.) Я докажу ей, я отомщу за нее, я ринусь на них, ринусь, как лев!

Б а р р а с (язвительно). Лев из «Сна в летнюю ночь»...

Т а л ь е н (не слушая). Поручите мне главную роль!

Ф у ш е. Завтра увидим, останешься ли ты львом, когда ночь пройдет.

Б а р р а с. Когда начнется сражение в Конvente, оставьте за мной место в первых рядах.

Ф у ш е. Я приберегу для тебя место получше.

Б а р р а с. Что же ты мне предлагаешь?

Ф у ш е. Мы должны предвидеть и другие сражения — артиллерийский бой... (Берет его под руку и направляется к выходу, продолжая разговор.)

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Вступление¹ перед спущенным занавесом.

*Проходят Билло и Колло. Билло останавливается.
Он взволнован и удручен.*

Колло. Скорей, Билло! Заседание уже началось. Чего ты ждешь?

Билло. Что мы делаем? Что мы наделали? Если войти — бой с Робеспьером неминуем. Я себя знаю: уж если ввяжусь в борьбу, то пойду на все. Сожгу за собой все мосты.

Колло. Мосты уже сожжены. Нам нечего терять.

Билло. Что мы наделали? Кому мы доверились?

Колло. Не отступать же теперь, раз дело решено. Что тебя мучает? Ты сомневаешься в честности Фуше?

Билло. Я не верю больше никому на свете. Но я верю в Республику. И не могу примириться с тем, что мы в сговоре с ее врагами.

Колло. Только ради того, чтобы спасти Республику. Мы избавимся от врагов, как только они сослужат нам службу.

Билло. Нас втянули в преступную игру... Это азартная игра, Колло! А вдруг мы проиграем? Мы и так уже пошли на риск. Я проклинаю себя, что согласился.

Колло. Ты дал слово. Ты не имеешь права отречься от него.

Билло. Я дал слово пойти к якобинцам и выступить против Робеспьера. И пойду. Но я предложу ему союз.

Колло. Ты с ума сошел! Разве ты забыл, как ты его ненавидишь, забыл, как он тебя ненавидит?

Билло. Я забыл обо всем. Я вижу только пропасть, куда мы летим. И цепляюсь за камни, чтобы не сорваться... Ах, все лучше, чем союз с врагом!

Колло. Но ведь он тоже враг.

Билло. Он мой личный враг. Но что я такое в сравнении с нашей священной Революцией? Ради нее я готов поступиться своей ненавистью... Я протяну ему руку... Если он сделает шаг мне навстречу, я сделаю два... Пойдем, Колло, я решился! Пойдем туда! *(Быстрым шагом, нагнув голову, устремляется вместе с Колло к дверям Клуба якобинцев.)*

¹ Вступление исполняется по желанию. На занавесе — декорация улицы; направо — фасад Клуба якобинцев. Можно воспользоваться и обыкновенным занавесом. — Р. Р.

На пороге они сталкиваются с кучкой якобинцев в красных колпаках и карманьолах¹; те узнают прибывших по шарфам и пристально разглядывают их.

Группа якобинцев. Откуда принесло этих псов, членов Комитета? Ба, да это Билло, главарь той подлой шайки, что нападает в Конvente на нашего Робеспьера!.. И ты посмел явиться сюда, чтобы оскорблять его!

Билло. Пусти!

Якобинцы. Нет, не пущу! Морду разобью! Все кости переломая!

Мюскадены под предводительством Коллено, которые следили издали за Билло и Колло, прибегают на помощь, расталкивают якобинцев и расчищают дорогу Билло.

Мюскадены. Пропусти их!.. Тебе что, Робеспьер не велел пускать сюда Конвент?.. Может, ты откажешься пустить и Республику? Ведь они хотят послушать Робеспьера, это же честь для него!

Якобинцы. Они хотят сорвать его выступление.

Мюскадены. Робеспьер достаточно силен, он сам сумеет с ними поговорить.

Якобинцы. Ладно, пропусти их! Входи, негодяй. Но если ты только пикнешь, смотри у меня! Сейчас кулаком по башке... Да здравствует Робеспьер! Кричи и ты, скотина: «Да здравствует Робеспьер!»

Билло. Долой тирана!

Негодующие крики, угрозы. Мюскадены освобождают проход...

Колло. Хорошо же ты начал, если пришел мириться, нечего сказать!

Входят.

Занавес поднимается.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Зал Клуба якобинцев.

Действие происходит поздним вечером с 8 на 9 термидора (с 26 на 27 июля), около часу спустя после двенадцатой картины. Живописная архитектура монастырского зала яко-

¹ Карманьола — традиционный костюм якобинцев: широкие черные панталоны и красный или трехцветный жилет; дополнялся красным колпаком или шалкой.

бинцев¹; направо возвышается трибуна, бывшая церковная кафедра, высокая и узкая, точно клетка, — видна только голова и грудь оратора; под трибуной четыре ряда скамей, расставленных вдоль стен, перпендикулярно к зрительному залу. Напротив, с левой стороны, разделенные проходом, еще четыре ряда скамей, расположенных так же. На уровне четвертого ряда — стол и кресло для председателя. Сзади другой стол, подлиннее, для президиума. Зал монастыря длинный и узкий, под полукруглым сводом. В глубине видна единственная дверь, узкая и низенькая, подходящая скорее для кельи, чем для обширного зала. Робеспьер, стоя на трибуне, читает свою речь, уже произнесенную днем в Конвенте и названную им «Завещание». Слышатся пронзительные, неистовые крики толпы. Робеспьер в больших очках; он поднимает их на лоб во время пауз между периодами, окидывая взглядом возбужденную, взвинченную аудиторию. Его обычная холодность дается ему нелегко; это также и ораторский прием, которым он пользуется в начале речи и при отдельных репликах, как бы окатывая ледяной водой своих разгоряченных противников. У него скорбное, мученическое лицо праведника, которого преследуют нечестивцы. Но временами речь его становится вдруг резкой, язвительной и запальчивой. Он очень скуп на жесты. И потому, когда он изредка к ним прибегает, они тем сильнее волнуют людей, которые слушают его жадно, с открытым ртом, живо на все отзываясь и как бы отражая всю гамму чувств, звучащих в его речи. (В этой восприимчивости толпы, которая, не отрывая глаз от Робеспьера, чутко и бурно откликается на каждое его слово, и состоит основной эффект сцены.) Среди присутствующих — Леба, Кутон, Пэян, Коффиналь и другие.

Робеспьер (продолжая чтение)... Все объединились против меня...

Толпа. Нет, нет! Не все! Мы с тобой!

Толпа гудит, и этот непрерывный, взволнованный гул вторит словам Робеспьера, словно басы органа или морской прибор, не заглушая, однако, его ясной, отчетливой речи.

Робеспьер. Презренные! Они хотели, чтобы я сошел в могилу опозоренным!

Толпа (возмущенно кричит). Никогда!

¹ Старинный монастырь якобинцев, где происходили заседания клуба, находился, как известно, близ улицы Сент-Оноре, между Вандомской площадью и церковью св. Роха. — Р. Р.

Из узкой двери на заднем плане появляются Билло и Колло, проходят между рядами, но, не найдя свободного места, остаются стоять в глубине налево. Робеспьер, скользнув по ним взглядом, как будто не замечает их.

Робеспьер. ...И я остался бы в памяти народа как тиран...

Негодующие возгласы.

Они называют тиранией мою преданную любовь к вам, доверие, которым вы меня почтили, мое нравственное влияние — единственное оружие истины... Что может быть отвратительнее тирании, которая карает народ в лице его верных защитников? Эти чудовища пытаются наложить запрет на самое священное, самое свободное чувство — на нашу дружбу!..

Толпа (*в порыве восторга и любви*). Друг! Друг! О наш друг!

Робеспьер. ...Это я тиран? Я? Кто же я, которого все обвиняют? Раб Свободы, мученик Республики.

Старая женщина (*рыдая*). Максимилиан, ты святой!

Робеспьер. Разве я не жертва, разве я не враг преступлений? Эти преступники вменяют мне в вину действия самые законные, чувства самые невинные. Они порицают и клеймят мое ревностное стремление служить вам. Мне все запрещено, вся моя жизнь оклеветана. Отнимите у меня сознание правоты, и я стану несчастнейшим из людей!

Девушки (*плача, простирают к нему руки*). Не говори так, не будь несчастным, Максимилиан... Ведь мы обожаем тебя!

Робеспьер. У меня отнимают права гражданина. Да что там! Мне не дозволено даже выполнять обязанности народного представителя. Мне запрещают говорить от вашего имени. Мне препятствуют говорить с вами!

Колло (*к Билло*). Фигляр! Нашел о чем жалеть! Будто нельзя обойтись без его речей!

Билло (*перебивая Робеспьера, с огромным волнением, выдающим жестокую внутреннюю борьбу*). Робеспьер! Мы не враги тебе!

Робеспьер (*подняв на лоб очки, впивается взглядом в Билло и Колло*). Посмотрите на этих коварных врагов. Как они умели злоупотреблять моим доверием! Как лукава и вкрадчива была их дружба!

Билло (*порываясь говорить*). Робеспьер!

Робеспьер. Но вдруг лица их помрачнели, злобной радостью засветились их глаза. В тот час они верили, что их происки увенчались успехом, что им удалось сокрушить меня...

Билло (*взывая к Робеспьеру с яростным отчаянием*). Мы хотим мира, мы предлагаем единение!

Робеспьер (*как бы не слыша*). ...А теперь, когда вы встали на мою защиту, они испугались, они снова заискивают передо мной.

Билло (*кричит*). Это неправда! Я говорю искренне.

Робеспьер. Они стараются выиграть время, чтобы возобновить свои подлые заговоры. Как они презренны и отвратительны!

Толпа. Гадюки! (*Указывая пальцами на Билло и Колло*).
Вон двое из этой шайки... Раздавим их.

Билло. Я хочу говорить!

Колло. Председатель, дай мне слово!

Угрожающие крики и гиканье заглушают их голоса.

Билло (*пробиваясь к трибуне*). Робеспьер! В последний раз! Я хочу объясниться. Дай мне ответить!

Его оттаскивают от трибуны и, осыпая оскорблениями, вталкивают вместе с Колло в толпу. Робеспьер притворяется, что ничего не видит.

Робеспьер. Они посягают на мою жизнь! О, я расстанусь с ней без сожаления!

Толпа (*простирая руки*). Не покидай нас! Останься с нами!

Робеспьер. Опыт прошлого научил меня предвидеть будущее. Стоит ли жить в мире, где коварство неизменно торжествует над истиной, где правосудие — один обман, где самые гнусные страсти берут верх над священными интересами человечества? Какая невыносимая пытка глядеть на чудовищную вереницу предателей, скрывающих свою мерзкую душу под покровом добродетели и даже дружбы! Видя, как неудержимый поток Революции выносит на поверхность вперемежку с добродетелями всевозможные пороки, я содрогался от ужаса при мысли, что в глазах потомства буду обещен близостью с этими развращенными людьми. Но теперь я благословляю их слепую ненависть, отделившую меня от них надежной преградой. Они убьют меня!

Толпа (*вопит*). Нет! Никогда!

Робеспьер. История учит нас, что защитников Свободы

всегда преследовали и предавали смерти. Но гонителей тоже не пощадила смерть. Имена их покрыты позором. А праведнику смерть открывает врата в бессмертие...

Кажется, будто он изнемогает от волнения. Голос его дрожит, прерывается, он низко наклоняет голову, точно стараясь скрыть слезы. Толпа повторяет: «Свобода!»

Женщина (*всхлипывая*). Не плачь!

Толстуха (*рыдая*). Сокровище мое! Приди ко мне на грудь!

Молоденькая девушка (*старается пробиться к Робеспьеру, прижимая платок к глазам*). Позволь утереть тебе слезы!

Старая женщина. О мой Иисус!

Мужчины (*гневно*). Негодяи! Они заставили плакать нашего Робеспьера! Повесить их! Нет, сжечь их живьем!

Давид (*плача*). Неподкупный, ты бессмертен!

Робеспьер (*поднимает голову и, прекрасно владея собой, без единой слезы восклицает резким, грозным, страшным голосом*). Пускай я умру! Но я завещаю народу ненависть к угнетателям. Я завещаю страшную для них правду и смерть.

Народ (*повторяет за ним*). И смерть!

Робеспьер. Революционное правительство спасло отчизну. Надо спасти правительство от изменников, которые его губят. Мы поставили перед собой возвышенную цель: создать великую Республику на основах разума и добродетели. Где разум не властвует, где добродетель гонима, там неминуемо воцаряется преступление и честолюбие. Без владычества разума и добродетели сама победа лишь откроет путь честолюбцам и поработителям... Выпустите на минуту из рук поводья Революции, и вы увидите, как ими тотчас завладеет военная диктатура, мятежные вожаки опрокинут и растопчут народное представительство. Долгие гражданские войны опустошат нашу страну, обрекут ее на бедствия и разорение, и народ предаст проклятию самую память о нас, а ведь она могла бы стать священной для человечества. Воспрянем же! Возьмем в свои руки бразды правления! Пусть Революция возобновит свое победное шествие. На том перевале, которого мы достигли, остановиться раньше срока — значит погибнуть; а мы уже отступили... Вперед! Вперед! На врагов!

Толпа (*подхватывает на мотив «Марсельезы»*). Вперед! К оружию! Вперед на врага!

Всеобщее бурное волнение, крики, пение «Марсельезы», над головами развеваются красные шарфы, колыхаются знамена.

Робеспьер (бесстрастно, повелительно, одним жестом прекращает шум. Потом со всей силой красноречия, впер-
вые простерши вперед руки, которые до тех пор прижи-
мал к груди, восклицает). Народ, о мой народ! Тебя стра-
шатся, тебе льстят и тебя же презирают. Ты властелин,
которого все еще угнетают, как раба. Помни, помни: если
в Республике не установлена верховная власть справедли-
вости, то Свобода там — лишь звук пустой. Покуда не
уничтожена несправедливость, не разбиты и твои окопы,
они лишь заменены новыми... Помни, что твоя слабость
помогла шайке преступников пробраться к кормилу влас-
ти и теперь не ты, а они вершат твои дела; они трепещут
и угодничают перед народными массами, но преследуют
поодиночке всех добрых граждан. Эта нечестивая клика
врагов добродетели, этот заговор против общественной
Свободы свили себе гнездо в недрах самого Конвента, на-
шли сообщников в Комитете общественной безопасности.
Враги Республики противопоставили Комитету обще-
ственного спасения Комитет общественной безопасности
как второе правительство, правительство преступное. В их
гнусном заговоре замешаны даже члены Комитета об-
щественного спасения. Эта банда замышляет погубить
верных сынов родины и самую родину. Что же нужно
делать? Раздавить предателей, изгнать их из Конвента,
очистить Комитет общественной безопасности, очистить
Комитет общественного спасения, крепко сплотить пра-
вительство вокруг обновленного Конвента, который дол-
жен стать собранием честных граждан. Ибо — это я за-
являю со всей торжественностью — отныне я знаю только
две партии — партию добрых граждан и партию дурных
граждан. Патриотизм не есть достояние той или иной
группы, патриотизм есть добродетель. С сердцем, истека-
ющим кровью, после горького опыта измен и преда-
тельств я призываю на помощь республике всех честных
людей. Откуда бы они ни явились, я протягиваю им
руку. Объединимся против преступников и на обломках
крамолы и мятежа возродим всемогущую власть Нации,
олицетворенную в Конвенте. Пусть Конвент станет оча-
гом, горящим пламенем справедливости и свободы...
Справедливость!

Толпа повторяет хором: «Справедливость!»

Свобода!

Толпа повторяет: «Свобода!»

Два великих принципа. Два оплота Республики. Если грозят тому, кто борется за эти принципы, если его оскорбляют, — значит, эти принципы растоптаны и воцарилась тирания, но это не заставит меня молчать. Клевета, оскорбления и угрозы бессильны против того, кто прав, кто готов умереть за отчизну. Пускай меня убьют — они не заставят меня примириться с их злодеяниями, не принудят меня молчать. Я призван бороться с преступлением, а не руководить им. Я все сказал. *(Обрывает свою речь среди нарастающего гула голосов.)*

Короткое молчание, затем бурные, неистовые крики. Робеспьер одним движением руки заставляет толпу умолкнуть.

Друзья мои! Я прочел вам свое завещание, свою предсмертную волю.

Толпа протестует.

(Спокойно.) Я говорю вам правду...

Старая женщина *(в экстазе)*. Иисус! Иисус!

Робеспьер. Я знаю эту клику злодеев, знаю их силу, знаю, что дни мои сочтены. И умру без страха и сожаления. Завещаю вам память обо мне, предаю ее в ваши руки. Защитите мое имя от клеветы... А теперь простимся, друзья мои. Близится час, когда слуги тирании поднесут мне чашу цикуты. Я выпью ее без колебаний.

Давид *(кидается к нему)*. И я выпью ее вслед за тобой. Толпа *(исступленно)*. И мы, мы тоже!

Новый приступ рыданий. Часть толпы сразу переходит от горя и уныния к яростному гневу.

Мы заставим твоих убийц выпить яд!

Указывают друг другу на Билло и Колло, стоящих у выхода, бросаются к ним.

Билло *(отталкивая нападающих)*. Изменники! Посмейте только поднять руку на представителя великого Комитета!

Якобинец *(трясет его за шиворот)*. И руку подниму и ногой тебя пну! *(Дает ему пинка.)*

Обезумев от ярости, Билло отбивается и хватает его за горло. Колло пускает в ход кулаки.

Коллено (*бросаясь вместе со своими людьми на помощь Билло и Колло*). Не мешкайте, граждане! Улепетывайте! Мы прикроем ваше отступление.

Билло и Колло *скрываются. Мюскадены после драки с якобинцами тоже рассеиваются и исчезают.*

Кутон (*сидя у подножия кафедры*). Узнаю этих франтов, это гвардия Фуше. Сам он слишком хитер, чтобы явиться сюда. Он ускользнул у нас из-под носа. Надо найти его. Надо его поймать. (*Велит вынести себя на улицу.*)

Кофиналь (*поднявшись на трибуну, откуда сошел Робеспьер*). Граждане! Все вы слышали бессмертные слова нашего Робеспьера. Нынче днем в Конвенте решили не печатать эту речь. Подлые враги перепугались. И тем выдали себя с головой. Я предлагаю исключить из Клуба якобинцев всех изменников, причастных к этому гнусному делу.

Толпа бурно выражает свое одобрение. Среди шума и криков Кофиналь читает список имен.

Пэян (*подойдя к Робеспьеру, который вышел на авансцену*). Робеспьер, час настал! Одно твое слово — и мы подыдем народ Парижа. Еще до утра Конвент будет разогнан. Ты хозяин положения. Одно только слово. Мы ждем!

Друзья, окружавшие Робеспьера, повторяют: «Мы ждем!»

Робеспьер. Нет, Пэян, я не признаю для себя иного оружия, кроме слова, иного щита, кроме закона. Ты сам видел, как велика его власть над людьми.

Пэян. Здесь самые верные твои сторонники, твой священный отряд. Не суди по ним о всех остальных. Нам нужно немедленно привлечь на свою сторону армию — она ненадежна, там орудуют изменники. Измена проникла и в Конвент.

Робеспьер. Я сражусь с ней завтра.

Пэян. Берегись, как бы они не нанесли тебе удар в спину.

Робеспьер. Я ничего не боюсь. Охраной мне служат истина и добродетель. Моими устами будет говорить истина, и она победит.

Пэян. Она победит, если ей дадут говорить. А если они ее задушат?

Робеспьер. Нельзя задушить истину.

К о ф и н а л ь (*присоединяясь к Пэйану*). Робеспьер! Позволь нам защитить тебя.

Р о б е с п ь е р. Только истина! Такая, как есть! Она не нуждается в защите. (*Обступившей его толпе.*) Теперь, друзья, по домам! Сегодня мы недаром потеряли время. А мы, Дюпле, пойдем домой спать. (*Уходит.*)

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

В ту же ночь, с 8 на 9 термидора (с 26 на 27 июля). Около часу ночи. Комитет общественного спасения.

К а р н о, Л е н д э, П р и е р из Кот д'Ор, Баррер молча работают. Немного поодаль сидит Сен-Жюст, погруженный в работу над докладом.

К а р н о (*передает бумаги сидящему рядом Лендэ*). Подпиши, Лендэ. (*Взглянув на подпись Лендэ, передает папку Приеру*). Приер... (*В гневе.*) Негодяй!

Л е н д э. Кого это ты так?

К а р н о. Предателя, которого мы снова приняли в свою среду и который в Конvente нанес нам удар в спину.

Л е н д э. Ты все еще думаешь о нем? Полно, давай работать. Дела не ждут.

К а р н о. Дела я никогда не откладываю. Но это мне не мешает думать.

Л е н д э. Где уж тут думать! Успеть бы только проверить счета по снабжению двенадцати армий!

К а р н о. Неужели завтра в эту пору на наших местах будут сидеть другие? Вот что меня мучит.

Л е н д э. Тем более надо оставить им дела в образцовом порядке.

К а р н о. Преклоняюсь перед тобой! Но стоит ли так стараться, раз они все равно попадут в руки болванов и невежд?

Л е н д э. Ничего, справятся. Мы-то ведь научились. Нужда кого угодно работать научит.

К а р н о. Меня бесит, когда ты повторяешь их дурацкие выдумки! Ты сам этому не веришь. Ты же знаешь не хуже меня, сколько надо времени и труда, чтобы воспитать хорошего работника. Чудес на свете не бывает. И нам с тобой и Приеру пришлось выдержать немало битв, чтобы оставить в Комитете старых служаек, прошедших, подобно нам, суровую школу еще в мирное время. Я подумать не могу без ужаса, что наши выученики

будут истреблены, начнется развал, станут хозяйничать все кому не лень¹.

Лендэ. Человек не так глуп, чтобы действовать во вред самому себе. Уничтожив нас, они пойдут по нашим же стопам. Настоящее дело продолжает жить. И хорошему работнику можно найти замену.

Карно. Поди-ка скажи это Пизистрату. Он того и гляди проглотит Республику.

Приер. Где ему — подавится! Кусок застрянет в глотке.

Карно. Он нас передушит поодиночке. Неужели мы это допустим?

Баррер (*подойдя к Карно с бумагами, шепчет ему на ухо*). Не допустим! Да и ты начеку, как я слышал. Только тише.

Карно (*поняв, что Баррер кивает ему на Сен-Жюста, с виду невозмутимого и безразличного ко всему, что говорится вокруг*). Ах да! В отсутствие тирана у нас есть его уши. Погоди, я их обрежу.

Приер. Перестань, Карно, не кипятись! Помолчи, если можешь, не мешай работать.

Карно (*вскочив с места, большими шагами прогуливается по залу, подходит к настезь растворенным окнам*). Уф! Душно! Все окна открыты, а дышать нечем. (*Скидывает сюртук*.)

Приер и Лендэ развязали галстуки и распахнули ворота рубашек. Только Баррер и Сен-Жюст застегнуты на все пуговицы. Все кроме Сен-Жюста раскраснелись от жары.

В зал Комитета проходит с докладом секретарь.

(*Секретарю*). Что нового за сегодняшний вечер?

Секретарь. В Якобинском клубе дерутся.

Карно. Вот и отлично. Было бы хуже, если бы Робеспьер служил месу, а его паства внимала ему с благоговением. (*Садится на место и пишет*.)

Баррер (*понижив голос, указывает Приеру на Сен-Жюста и Карно*). Бедняга Карно из кожи вон лезет, до того ему хочется раззадорить этого юношу. А тот и ухом не ведет.

Приер. Что это он там сочиняет?

Баррер. Комитет поручил ему составить доклад к заседанию Конвента.

¹ Разговаривая и возмущаясь, Карно, как и другие, продолжает работать, чередистывает, читает и подписывает дела. Секретари то и дело приносят и уносят донесения и приказы. — Р.Р.

К а р н о (*продолжая писать*). Хоть бы Билло и Колло скорее вернулись!

Б а р р е р. А они пошли туда, к якобинцам?

К а р н о. Мы натравили их на Пизистрата. Билло весь кит после своего поражения в Конvente. Он жаждет мести. Ну а нашего Колло никто не перекричит.

Б а р р е р. Настоящая труба иерихонская. Как рывкнет — стены рушатся.

П р и е р. Если так, спасайся кто может. Вон она трубит, слышите?

Из коридора доносятся вопли Колло.

К а р н о (*вставая*). Это они! Так скоро? Что случилось?

Двери с грохотом распахиваются. Врываются Билло и Колло. Глаза выпучены, одежда разорвана. Билло бледен от сдерживаемой ярости. У Колло на губах пена, лицо налилось кровью.

К о л л о. Мщения! Мщения! Неслыханный позор! Честь Комитета оскорблена!

Б и л л о. Закройте Якобинский клуб!

Б а р р е р. Что там случилось?

К о л л о. Они осмелились поднять на меня руку! Они заткнули мне рот — мне, мне!

К а р н о. И ты это допустил?

Б и л л о. Там были сотни, тысячи... Вся его собачья свора.

Мы не успели рта раскрыть, как они набросились на нас.

К о л л о. Нас едва не растерзали.

Б и л л о. Меня ударили.

К а р н о. Подлецы!

Б и л л о (*с яростью отчаяния*). Они облили меня грязью, меня! А ведь я пришел к ним, чтобы в последний раз предложить примирение...

К а р н о. Чего ты совался не в свое дело? Разве для этого тебя туда послали? И поделом тебе!

К о л л о (*рыча*). Мщение! Бейте тревогу, подымайте секции!

С е н - Ж ю с т (*единственный из всех с начала сцены не вставал с места и теперь в первый раз вмешивается в спор*). Граждане! Вы потеряли рассудок. Опомнитесь! Что с вами?

К о л л о (*повернувшись, впивается в Сен-Жюста налившимися кровью глазами*). Ты еще спрашиваешь? Будто не знаешь! Гаденыш!

Б и л л о. Цепной пес Робеспьера! Чего ему здесь надо, этому предателю?

К а р н о. Он шпионит за нами. Это его ремесло!

К о л л о (*бросается на Сен-Жюста; Сен-Жюст, побледнев, встает во весь рост и опирается руками на стол, отделяющий его от Колло*). Скорпион! Притаился тут в углу! Прихлопнуть его, и все!

К а р н о. Дай ему в морду, Колло!

Б а р р е р (*становится между ними*). Нет, граждане коллеги! У нас в Комитете не место дракам.

Б и л л о. Он не наш!

К о л л о. Я раздавлю его, как вошь!

Б и л л о. Он не наш! Выгнать его, как прогнали нас его прихвостни!

К о л л о. Убирайся вон, а то я вышвырну тебя в окно!

К а р н о. Нет, нет, не надо, Билло! Не выгоняй его, не выпускай на свободу. Пусть лучше сидит здесь. Как заложник.

Б и л л о. Допросите его. Пускай даст отчет во всем.

К о л л о. Ладно! Мы всегда успеем его повесить.

К а р н о. Он что-то писал. Что это он писал? Ты что кропал, дьявол? Говори!

Сен-Жюст надменно выдерживает взгляд Карно, не отвечая на слова, презрительно вскидывает голову. Все обступают его с угрожающим видом.

Б а р р е р (*обернувшись к Колло*). Отними, отними у него бумаги!

Сен-Жюст, положив руки на стол, крепко держит бумаги.

Л е н д э (*Приеру*). Уйдем отсюда, Приер. Здесь невозможно работать.

Оба встают, невозмутимо складывают бумаги и с папками под мышкой выходят из зала, не обращая внимания на спорящих.

К о л л о (*тянет к себе бумаги*). Давай сюда! Пусти! Я тебе глотку перерву!

Б а р р е р (*становясь между ними, высокомерным тоном, еще более оскорбительным, чем ругань остальных*). Оставьте его в покое, Колло, он не опасен. Вы оказываете ему слишком много чести. Это просто зазнавшийся мальчишка, который корпит над школьным сочинением.

К а р н о. Он оттачивает свои фразы, как нож гильотины.

Б и л л о. Он готовит обвинительный акт против нас.

К о л л о. Я вырву у него доказательства его измены! (*Старается вырвать бумаги.*)

К а р н о. Он крепко их держит. Не отдерешь, они словно приросли к его шкуре.

К о л л о. Тогда я сдеру с него шкуру! *(Вытаскивает из-за пояса пистолет).*

Б а р р е р *(удерживая его за руку)*. Стой! Слишком много шума из-за какого-то мальчишки. Он заслуживает самое большее доброй порки.

С е н - Ж ю с т *(бледный как смерть, ледяным тоном)*. Презренные! Гнусности, которые вы изрыгаете, пятнают вас самих, бесчестят весь Комитет. Вы позорите Революцию!

Его противники, пристыженные, отступают. Ярость их угасает, но только внешне.

К а р н о *(язвительно)*. Держи вора — первым кричит вор.

С е н - Ж ю с т. Я презираю вас! Вы подло клеветаете на меня. Я прочту вам сейчас свой доклад Конвенту. *(Собирается читать.)*

К о л л о. К черту! Ты все равно не выступишь в Конвенте.

К а р н о. Еще бы он выступил! Ты у нас в руках. Тебя не выпустят отсюда.

С е н - Ж ю с т. Я свободен.

К о л л о. Нет, уже не свободен. Мы запрем тебя под замок в Комитете.

С е н - Ж ю с т. Вы не имеете права.

К о л л о. Зато у нас есть сила.

С е н - Ж ю с т *(пожимает плечами)*. Сила обернется против вас. *(Садится за стол и снова погружается в работу, не удостоивая взглядом окружающих. Те совещаются между собой.)*

Б а р р е р *(вполголоса)*. Вы не правы. Мы не можем арестовать члена Комитета без согласия Конвента.

К а р н о. Конвент не обязан это знать.

Б а р р е р. Все узнается. Там ждут доклада Сен-Жюста.

Б и л л о. Пусть противник первый употребит насилие и нарушит законность. Опередив его, мы тем самым оправдаем его действия.

Б а р р е р. Не ставьте под угрозу успех завтрашнего заседания.

К а р н о. А в чем залог успеха? На чем порешили?

Б а р р е р. С минуты на минуту должен явиться Фуше, и мы узнаем, к чему привели ночные переговоры. Когда он придет, хорошо бы спровадить отсюда этого молодчика.

Б и л л о. Так прогоним его. Мое первое побуждение было правильным.

К а р н о. А как же доклад?

Входит секретарь и что-то шепчет на ухо Барреру.

Баррер. Мы уже не успеем его прослушать. Фуше здесь.

Билло. Возьмем с юноши обещание, что он вернется к утру и представит доклад на наше рассмотрение.

Карно. А ты веришь его обещаниям?

Билло. Я рассчитываю на его тщеславие. *(Подходит к Сен-Жюсту.)* Ты хотел прочесть нам свой доклад. Он окончен?

Сен-Жюст. Нет еще.

Билло. Ступай домой и окончи его. Я знаю, что ты наш враг. И я тебе враг. Но я не считаю тебя трусом. Среди нас нет трусов. Ты выйдешь отсюда беспрепятственно. И по доброй воле вернешься в Комитет к утру — тогда мы и обсудим твой доклад. Заседание начнется в полдень. Будь здесь ровно в десять часов. Согласен?

Сен-Жюст. Согласен. *(Поднявшись с места, спокойно собирает бумаги и направляется к выходу. На пороге оборачивается.)* Вы нанесли мне смертельный удар, коллеги. Но что значит моя жизнь? И ваша тоже? Важна только судьба Республики. Республика недолго будет существовать. Вы убиваете ее сами. Подумайте над этим. *(Уходит.)*

Билло *(погрязен)*. Что он сказал? Это неправда! Мы спасем Республику.

Карно. Мы вырвем ее из рук Робеспьера, даже если нам суждено погибнуть вместе с ней!

Билло. Нет, нет, Республика не погибнет! Пусть погибнем мы все. Но она должна жить!

Баррер, выходящий встретить Фуше, возвращается вместе с ним.

Баррер. Тебе пришлось подождать, гражданин Фуше.

Нам нужно было сначала удалить отсюда Сен-Жюста.

Фуше. Как? Сен-Жюст был здесь и вы упустили его?

Колло *(остальным)*. Вот видите? Я же говорил, что надо его задержать.

Билло. Он дал слово вернуться.

Фуше. Надежное обязательство, нечего сказать! Ты все еще веришь клятвам, Билло?

Билло. Своим я верю.

Фуше. Тем хуже для тебя. Когда доходит до дела, не стоит обременять себя присягой. Вы поступили глупо, ну, да сделанного не воротишь. Запишем проигрыш и поставим на следующую карту.

Билло. Я отвергаю твои упреки! Мы поступили по закону.

Фуше. Сделай милость, Билло, избавь меня от этого старого хлама. Хочешь ты выиграть сражение или нет? Во время боя отбрось к черту все, что тебе мешает. Завтра, если мы победим, если останемся в живых, можешь снова извлечь на свет божий свои законы... А теперь прошу тебя, прошу всех вас: не перебивайте! У меня времени в обрез. Дома у нас несчастье. Мне надо домой.

Карно. Что у тебя случилось?

Фуше. Ничего.

Баррер (*тихо*). Твоей дочке стало хуже?

Фуше (*утвердительно кивнул головой*). Я не собираюсь говорить здесь о моих делах. Я пришел сообщить вам условия участников заговора. Нелегкое было дело заручиться поддержкой Болота. Они чуть было не отступились от того малого, что обещали. Они дали слово молчать. И их молчание станет могилой Робеспьера. Вам останется только столкнуть его туда. Он потерял большинство в Конвенте.

Колло. Воображаю, чего ты им за это наобещал!

Фуше (*пожимая плечами*). Не все ли равно, раз я не сдержу обещаний? Вот здесь я набросал план действий во время завтрашнего заседания. (*Передает записку Карно.*) Просмотрите. Мне некогда обсуждать его с вами. Разумеется, кое-что придется изменить в зависимости от обстоятельств. Но помните: главное — это не дать Робеспьеру выступить. Ни в коем случае он не должен говорить. Захватите все подступы к трибуне, окружите ее. Прочно завладейте ею. Кто завтра председатель? Ты, Колло?

Колло. Я.

Фуше. Устрой так, чтобы получили слово только свои. Кто выступит первым?

Билло. Я!

Карно. Я!

Колло. Я! Я откажусь от поста председателя.

Фуше. Нет, Колло. Ты будешь там полезнее. Своим ревом ты заглушишь голоса противников. И не забудь: в этот день трибуна станет Мысом Бурь. И на него обрушит свои громы Робеспьер.

Колло. Или сам о него разобьется.

Фуше. Ну а ты, Карно, ты слишком его ненавидишь. Когда ты в ярости — мысли у тебя путаются, язык заплетается. А нам нужна для начала речь-секира, речь-топор,

чтобы каждый удар бил по цели. Пускай начинает Билло — он рубит сплеча.

Б а р р е р. Вы забываете, что заседание начнется с доклада Сен-Жюста.

Ф у ш е. Он сыграет нам на руку. При первых же его нападках риньтесь на него! Тут я надеюсь на Тальена, уж он сумеет заварить кашу.

Б и л л о. Этот шут?

Ф у ш е. Я раздражил его. Он в ярости. Они с Лекуантром да Бурдон с Фрероном будут запальщиками. Они разожгут страсти в Конвенте. Но это еще не все. Надо уловить подходящий момент и найти человека, который был бы нашим рупором, подал бы сигнал. Он и потребует ареста Робеспьера. Тут всего нельзя предвидеть заранее. Это решится в разгаре боя, на месте.

К о л л о. Ты там будешь?

Ф у ш е. Не могу обещать.

Б и л л о. Как? Ты сбежишь в минуту опасности?

Ф у ш е. Я все время живу среди опасностей, Билло. Приду я на заседание или нет, опасность не уменьшится. Мне нечего больше терять.

Б а р р е р. Зато мы много потеряем, Фуше, если тебя там не будет.

Ф у ш е. Я все вам подготовил. Теперь дело за вами. Вы же видите: я в полном изнеможении. Я еле-еле притащился сюда, чтобы вручить вам ключи к победе. Я их готовил и подбирал целые месяцы. Не требуйте же от меня большего. Есть предел, после которого человеку все равно: пусть потолок рухнет, и он пальцем не шевельнет.

Б и л л о. Ты просто измучен, да и мы все тоже. До начала заседания остается еще восемь часов. Ступай поспи.

Ф у ш е. А где я усну? Дома? Там мне покоя не найти. Моя дочка умирает. Прощайте. *(Идет к двери, потом возвращается.)* Победа в Конвенте — это еще не победа. Ведь неизвестно, как откликнется на это Париж. Прежде всего надо заранее прибрать к рукам Коммуну. Велите вызвать сюда Пайана и Флорио-Леско. Арестуйте Анрио. Между секциями идут раздоры, я их разжигаю. Даже секции, прилегающие к Ратуше, не могут простить Робеспьеру, что он обезглавил их штабы, — они пойдут за вами куда угодно. Кроме того, вам обеспечена помощь секций центра, там у меня есть свои агенты. В случае уличных боев с якобинцами можете рассчитывать на железную гвардию — я имею в виду молодчиков буржуа, у них есть все, что нужно, — а также на вооруженных мюскаденов.

Билло. Как? На этих разбойников? Парижских шуанов? Изменник! Ты хочешь предать нас в их руки?

Фуше. Дурак! Я предаю их тебе.

Билло. Я бы пригвоздил этих филинов к дверям их домов! Чтобы я стакнулся с этой шайкой? Да я скорее пойду против них во главе якобинцев Ррбеспьера.

Фуше. Делай как знаешь. Тебя самого пригвоздят ножом к доске твои якобинцы. Ты забыл, как они встретили тебя в клубе нынче ночью? Если бы не пришли на помощь мои мюскадены, тебе бы не уйти оттуда живым!

Колло. У Республики и без них немало защитников из числа добрых патриотов.

Фуше. Немало, это верно. Они явятся по нашему зову со всех концов Франции. Но уверен ли ты, что успеешь собрать их раньше вечера? *(Показывает на окна.)* Вон уже светает. Прежде чем наступит ночь, партия будет сыграна. Неужели вы откажетесь от козырей, которые я вам предлагаю? Пускай карты крапленые, засаленные. Берите! Потом можете их сжечь.

Билло. Скорее я сожгу себе руку!

Фуше. Сожги! Но сначала возьми карты. К тому же сделка заключена. Возврата нет.

Билло. Мерзавец!

Фуше *(отворив дверь, устало).* И ты, Билло, и вы все можете действовать как вам угодно. Я все подготовил для вашего спасения. Воспользуетесь вы этим или нет, дело ваше. Теперь мне все равно, что будет, — спасусь ли я, спасетесь ли вы. Все на свете безразлично. *(Уходит.)*

Колло. Бедняга. Он при последнем издыхании.

Баррер. Не верь ему!

З а н а в е с

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Та же ночь, несколько часов спустя. Брезжит рассвет. Дом, где живет Фуше. Четвертый этаж. Лестничная площадка перед запертой дверью. По витой лестнице подымается дюжий якобинец в красном колпаке, неся на закорках Кутона.

Кутон. Высоко все-таки, а вес во мне немалый. Прости, товарищ! Ссади меня здесь и постучись. Это двери Фуше.

Красный колпак сажает Кутона на ступеньки лестницы, ведущей в следующий этаж, и стучит в дверь. Никто не отвечает.

К у т о н. Колоти сильнее.

Якобинец стучится снова. Никакого ответа. Из соседней квартиры приотворяется дверь. Выглядывает грязная старуха с лохматыми седыми космами.

Я к о б и н е ц. Там никого нет.

К у т о н. Не может быть. Правда, из осторожности он почти никогда не ночует дома. Но как раз сегодня он у себя, я знаю наверное. За ним следили. Во всяком случае, дома его жена. Эй, гражданка! Не знаешь ли, дома гражданин Фуше?

С о с е д к а. Он у себя. Я видела, как он вошел.

К у т о н. Почему же он не отпирает?

С о с е д к а. У него ночью дочка померла. Гражданина Фуше не было дома. Гражданка оставалась одна. Я помогала ей. Когда гражданин вернулся, они с женой заперлись и никого не хотят видеть.

К у т о н. Меня ему все-таки придется увидеть. Мне надо с ним поговорить. *(Велит поднести себя к двери и зовет, колотя в дверь кулаком.)* Жозеф Фуше! Это я, Кутон. Неотложное дело! Отвори!

Внутри ни звука.

С о с е д к а. У них большое горе.

К у т о н. Не такой он человек, чтобы из-за траура запускать свои дела.

С о с е д к а. Когда он узнал про дочку, у него ноги подкосились, даже заплакал.

К у т о н. Такой сухарь? Ты что-то путаешь, гражданка.

С о с е д к а. Он возился с ребенком, как нянька. Ночей недосыпал, баюкал ее, я сама слыхала.

К у т о н. Однако успевал баламутить повсюду, как сатана, целых два месяца. За сегодняшнюю ночь он побывал в сотне мест. Я должен его видеть. Стучи сильнее.

Я к о б и н е ц. Так не годится. Они имеют право погоревать о покойнице. Давай лучше вернемся сюда завтра.

К у т о н. Завтра уже наступило. Теперь или никогда!

Я к о б и н е ц. Что тебе от него надо?

К у т о н *(знаком велев ему замолчать, прощается с соседкой)*. Ну, что ж, гражданка, покойной ночи!

Она запирает дверь.

(Кутон делает вид, что собирается спускаться. Пока носильщик подсаживает его на спину, он говорит ему шепотом.) Весь заговор сосредоточен в его руках. Чтобы спутать им карты, надо вывести из игры Фуше.

Я к о б и н е ц. Арестовать его?

К у т о н. Нет, войти в соглашение.

Я к о б и н е ц. А Робеспьер знает?

К у т о н. Узнает, когда все будет сделано. Я спасу его, хотя бы против его воли.

Я к о б и н е ц (*прислушивается*). Кто-то идет...

К у т о н (*перегнувшись через перила, смотрит вниз и говорит вполголоса*). Карье... Лекуантр... Не торопись спускаться.

К а р ь е (*над ступенями показывается сначала его голова; он видит Кутона*). Это ты, чудовище?

К у т о н (*спокойно*). Да, разбойник.

Л е к у а н т р (*появляется вслед за Карье; оба видны только по пояс*). Как? Ты идешь от Фуше? Ты виделся с ним?

К у т о н. Виделся.

Смотрят друг на друга вызывающе. Носильщик тащит Кутона на спине вниз по лестнице. Лекуантр и Карье, грубо толкнув его, всходят на площадку.

Я к о б и н е ц (*спускается вниз, тихо спрашивает Кутона*). Зачем ты им так сказал?

К у т о н (*гоже тихо*). Пускай думают, что он их предал.

Л е к у а н т р (*яростно к Карье*). Говорил я тебе, что этот пройдоха ведет двойную игру!

К а р ь е (*в бешенстве стучит в дверь*). Если бы я знал, я задушил бы его. Погоди ты у меня! (*Кричит*.) Отопри сейчас же! Это я, Карье.

Внутри полная тишина.

Л е к у а н т р. Не отпирает.

Оба изо всей силы колотят в дверь кулаками.

К а р ь е. Подлец! Мошенник! Негодяй!

На лестнице во всех этажах отворяют двери, раздаются возмущенные крики.

С о с е д и (*волят*). Убирайтесь к черту!

— Не мешайте спать!

— Дайте же людям покой!

Начинается перебранка.

К у т о н (*своему носильщику, который спускается по ступенькам*). Видишь, мы все-таки прогулялись не зря.

Уходят.

З а н а в е с

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Несколько часов спустя. Утро 9 термидора. Комитет общественного спасения. Часы в глубине зала показывают половину одиннадцатого. Те же действующие лица, что в конце пятнадцатой картины, только измученные, растрепанные, с воспаленными после бессонной ночи, осунувшимися лицами. Видно, что здесь спали по-походному: на полу валяются разостланные и свернутые плащи, объедки, три пустые бутылки и всякий мусор.

К а р н о. Его все еще нет.

Б и л л о. Он придет!

Часы бьют половину.

К о л л о. Половина одиннадцатого. Он не придет.

Б и л л о. Не прийти значило бы признать свою трусость.

Сен-Жюст горд.

Б а р р е р. Тогда надо было щадить его гордость. Раз мы так жестоко оскорбили его, незачем было его отпускать.

К а р н о. Ты же сам уговорил его отпустить.

К о л л о. И твои оскорбления были самыми убийственными.

Б а р р е р. Вы, очевидно, забыли, что произошло.

К о л л о. Зато наш красавец Сен-Жюст отлично все помнит.

К а р н о. Мы напрасно теряем время. После ухода Фуше мы ровно ничего не сделали. Битых два часа бесплодно препирались с Пайаном и Флорио-Леско, которых только по дурацкой слабости не засадили под замок. До сих пор еще не арестовали Анрио. Близится час заседания, а у нас ничего не решено. Нас застигнут врасплох.

Б а р р е р. Фуше нам все расписал как по нотам.

К о л л о. А сам удрал. Кто же будет дирижировать?

Б и л л о. Надо отобрать у Сен-Жюста доклад, который мы ему поручили.

К а р н о. Поди-ка поищи его теперь!

Б и л л о (*прислушиваясь к шагам в коридоре*). Стойте!

Идет! Я не ошибся в нем.

Дверь распахивается, появляется К у т о н, которого катят в кресле.

К а р н о (*визгливо хохочет*). Вот она, райская птичка! (*Напеваает.*)

«Ах, мамаша, что за птичка...»

Б и л л о (*сердито поворачивается спиной к Кутону*). Шайка разбойников! Они сговорились.

К у т о н. Я вижу, вы ждали меня с нетерпением. Я и рад

бы прийти пораньше, но уж извините — дела. Зато я не потерял времени даром.

Колло. Ты нам не нужен. Мы ждем Сен-Жюста, а не тебя.

Кутон. Знаю, знаю. Подождем его вместе.

Билло. Ты его видел? Где его черт носит? Уже три четверти часа, как он должен быть здесь.

Кутон. У него много дел, как у всех нас. Он очень сожалеет, что заставляет вас ждать.

Билло. Но он придет?

Кутон (*спокойно*). Разумеется. Он послал меня предупредить вас, чтобы вы запаслись терпением.

Карно. Ты что, шутки шутишь?

Кутон. Что ты! Куда вы так спешите?

Колло. Да ты забыл, что сегодня заседает Конвент?

Кутон (*словно дразня их своим невозмутимым спокойствием, хотя времяами его сотрясает нервная дрожь*). Знаю. Как обычно.

Колло. А ты не слыхал, что там произойдет?

Кутон (*так же*). Ничего не произойдет. Много болтовни, как и всегда. Незачем так торопиться к поднятию занавеса.

Карно. Он издевается над нами! Пусть лучше объяснит свои нелепые угрозы в Клубе якобинцев.

Кутон (*та же игра*). Какие угрозы?

Билло. Да, да отвечай, мошенник: кого ты поносил, не называя по имени, о каких это «бесчестных людях» ты говорил?

Кутон. Я сказал, что их немного, совсем немного.

Карно. Обычная твоя манера нападать исподтишка.

Билло. Ты называл третьего дня каких-то «пять или шесть пигмеев» и призывал Конвент раздавить их, как насекомых. Кто это такие? Осмелся посмотреть им в лица.

Кутон (*невозмутимо*). Я и смотрю им в лицо.

Билло (*угрожающе*). Это я, по-твоему?

Колло. Это я-то «пигмей»?¹ Как ты смеешь, безногий обрубок?

Кутон. У вас просто печень не в порядке. И совесть нечиста. Вы сами себя обличаете.

Карно. Я тебя первого обличаю, проклятый калека! Ты домогаешься трона. Ты хочешь взобраться на него по нашим трупам, как по ступеням.

Кутон (*спокойно и насмешливо*). С моими-то ногами, при-

¹ Колло огромного роста. — P. P.

ятель? *(Показывает на свои парализованные ноги.)* Вы бредите, коллеги... Что говорить, я и сам заплатил дань общему безумию. Слова, слова — они заразительны, как горячка. Они передаются через язык и проникают в мозг. Мы слишком много говорим... Да еще вдобавок палящее солнце термидора жарит двадцать дней без передышки, бешеный зной, от которого стучит в висках...

К а р н о. Просто подохнуть можно! С ума сойти...

К о л л о. Дышать нечем, ходишь весь в поту... Стены трескаются. Череп лопается.

Б и л л о. А ночью еще хуже, чем днем. Невозможно заснуть.

Б а р р е р. Никто не спал в Париже нынче ночью.

К у т о н. Ошибаешься, друг, — один человек спал спокойно. Это Робеспьер. У него чистая совесть.

Карно опять раздражается скрипучим смехом.

К а р н о. У пресмыкающихся кровь холодная.

К у т о н. А вот меня всего жжет.

К о л л о. Это твои преступления.

К у т о н. Нет, мой друг, просто ревматизм.

Б а р р е р. Всем нам не мешало бы полечиться прохладой и тишиной.

К у т о н. А где ее найдешь? Разве только в могиле.

К а р н о *(с горечью)*. Вот почему ты хочешь поскорее отправить нас туда!

К у т о н *(спокойно)*. Я предпочел бы жить с вами в мире. Вы должны отдать мне справедливость, — насколько мог, я старался всех примирить.

К о л л о. Ради своей выгоды!

К у т о н. Но, друг мой, кто же ищет мира себе во вред? Выигрывает самый искусный или самый мудрый. Предлагаю тебе поступать так же.

Бьют часы.

Б и л л о *(подскочив)*. Часы пробили!

К у т о н. Они у вас бегут вперед.

Б и л л о. Одиннадцать часов! А Сен-Жюста еще нет.

К у т о н. Не беспокойся о нем. Я оставил его здоровым и невредимым.

Б и л л о *(в сердцах)*. Мне дела нет до его здоровья. Нам нужно просмотреть его доклад, прежде чем он прочтет его в Конvente.

К у т о н. Успеете еще.

К а р н о *(в гневе)*. Они издеваются над нами!

К у т о н *(благодушно)*. Кто?

К а р н о. Ты и он. Он и ты. Оба вы заодно.

Б а р р е р. Теперь он уже не придет.

К у т о н *(добродушно)*. Что вы, что вы!

К а р н о. Я требую, чтобы его арестовали на дому.

К о л л о. Да, не теряя ни минуты! Нельзя допустить, чтобы он явился в Конвент.

К у т о н. Не посмеете.

Б и л л о. Нет, посмеем! *(Пишет приказ об аресте Сен-Жюста.)*

Остальные, нагнувшись над столом, читают.

К у т о н *(равнодушно пожимая плечами)*. Ну, как знаете. *(Ждет, пока они подписывают. Но когда Карно с приказом в руке идет к двери, чтобы передать его посыльному, произносит кратко и внятно.)* Только его дома нет.

Карно возвращается.

Б и л л о. Где же он?

К у т о н. Почему я знаю? Когда я его видел, он выходил из дому.

К а р н о. Проклятый черт! *(Комкает бумагу в руке.)*

К о л л о. Куда он пошел?

Участники этой сцены, теснясь вокруг Кутона, наседают на него.

К у т о н *(равнодушно)*. Вероятно, сюда... или в другое место... Самое лучшее спокойно подождать его здесь.

К а р н о *(топая ногами)*. Он плюет на нас!

Б а р р е р. Он играет нами, он забавляется.

К о л л о. Я с тебя за это шкуру сдеру! *(Грозит Кутону кулаком.)*

К у т о н *(невозмутимо)*. Сдирай.

В коридоре снова слышны торопливые шаги.

Б и л л о. Ну, уж теперь это он!

Дверь открывается, посыльный приносит письмо.

П о с ы л ь н ы й. От гражданина Сен-Жюста.

К а р н о *(к Билло)*. Дурак! Теперь ты сам видишь!

Билло хватая письмо, распечатывает неловкими, нервными движениями. Остальные окружают его и читают все вместе. Кутон, сидя у стола, искоса наблюдает за ними, не теряя своего насмешливого спокойствия.

Билло (*читает вслух*). «...Вы растерзали мне сердце, я открою его Конвенту...».

На миг все замирают в оцепенении, затем — взрыв ярости. Карно и Колло с бранью мечутся по сцене, воздевая руки и грозя кулаками.

Баррер (*остановившись перед Кутоном, пронзительно смотрит на него*). Хитрая лиса... Ты отлично это знал...

Кутон (*с шутливым сочувствием*). Бедный мальчик! Что же вы с ним сделали, зачем растерзали ему сердечко?

Карно (*грозя ему кулаком*). Вот по ком гильотина плачет!

Баррер (*отстраняя от Кутона Колло и Карно*). Мы после с ним расправимся. Время не терпит.

Часы бьют половину.

Билло. В Конвент! (*Уходит вместе с Колло и Карно.*)

Баррер задерживается; берет из конторки сверток бумаг, затем возвращается, открывает конторку и после некоторого колебания берет второй сверток.

Кутон (*наблюдая за ним, не двигаясь с места; когда Баррер идет к двери, он говорит ему вдогонку шутливо и добродушно*). Это твоя речь? Ну, ну, возьми обе. Так-то оно лучше будет. Одну речь — за, другую — против. Тогда уж выиграешь наверняка.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Конвент. Заседание 9 термидора. Прямо против публики, середине сцены, на помосте¹, к которому ведет деревянная лесенка в восемь ступеней, установлена трибуна; за ней, на возвышении, — стол и кресло председателя, позади — по-

¹ На самом деле помост был, вероятно, совсем не высок. На гравюре Дюплесси-Верто, по рисунку Монне (май 1795 года), трибуна возвышается над полом не более чем на метр. Можно легко достать рукой до края. Но нам необходимо создать впечатление высоты; поэтому мы показываем сцену как бы из глубины оркестра. Наличие амфитеатра, расположенного двумя полукружиями, как увидим дальше, будет способствовать этому впечатлению. — Р. Р.

лукруглая ложа. По обеим сторонам висят доски с текстом Конституции и Декларации прав человека и гражданина. Ярусом выше нависает галерея для публики, подпираемая тонкими колонками. Посреди галереи — громадные эмблемы трибунских связок и знамени. В стенных нишах между трибуной для публики и председательской ложей — статуи Ликурга (слева) и Солона (справа). Несколько дальше, справа, — статуя Платона. Над галереей для публики — высокие окна, узкие, как в церкви, со светлыми стеклами. Над залом невидимый для зрителей полукруглый свод. Справа и слева от центральной площадки (где расположены трибуны, ложа председателя, галерея для публики) идет двумя полукружиями амфитеатр со скамьями для депутатов (рядов по десять с каждой стороны); к ним ведут справа и слева лесенки по пятнадцать ступеней. Рампа срезает эти две дуги, соединяя их с рядами партера зрительного зала; таким образом, зритель театра как бы принимает участие в заседании Конвента. Благодаря такому расположению трибуна снизу представляется гораздо выше, чем была в действительности. Над рядами амфитеатра выступают широкие галереи для публики, которые скорее угадываешь, чем видишь. (В действительности они были построены в два яруса и уходили вглубь.)

Входы в зал заседаний помещаются справа и слева от прощениума, около рампы. (В народном театре можно устроить вход прямо из оркестра, чтобы создать еще большую связь между сценой и зрительным залом.)

На площадке между двумя полукружиями амфитеатра стоят и расхаживают депутаты Конвента; они сошли со своих мест и шумной толпой заполняют зал. Скоро пробьет полдень. Остаются считанные минуты до открытия заседания. Видно, как из правого и левого входов (даже по возможности из оркестра) один за другим появляются заговорщики.

Галереи для публики переполнены. На переднем плане — Тальен, Баррас, Матьё Реньо, Бурдон, Лекуантр и другие из их группы.

Тальен. Где же Фуше?

Баррас. Что-то не видно.

Бурдон. Запаздывает. Вот странно! Обычно он приходит первым.

Тальен. Уж не арестовали ли его?

Бурдон. До открытия заседания осталось всего пять минут!.. Черт! Что же нам делать, если он не придет?

Баррас. И не стыдно тебе? Пора бы уже ходить без помочей!

Бурдон. Необходимо установить порядок, план действий.

Баррас. Все распоряжения сделаны. Выходы оцеплены. Трибуны заполнены нашими людьми. Надо только решиться. Лишь бы никто не сбежал! В разгар битвы самое главное не дрогнуть. Это о тебе, Бурдон, и о тебе, Лекуантр. Вы храбро горланите против Робеспьера, когда его нет, а едва завидите его тень на трибуне — и уж хвосты поджали.

Бурдон. Мы не допустим его до трибуны.

Тальен. Я заколю его на ступеньках!

Баррас. И думать не смей! Он должен пасть не от нашей руки, а под ударом всего собрания.

Лекуантр. А вдруг нас подведет большинство?

Баррас. Они обещали.

Бурдон. Мало ли что обещают!

Лекуантр. Ничего они не обещали. Разве можно полагаться на этих трусов?

Баррас. Тише! Вон они идут!

Входят Сийес, Дюран-Майян и прочие. Бурдон, Лекуантр бросаются им навстречу, горячожимают им руки.

Бурдон. Дорогие коллеги!

Лекуантр. Доблестные граждане!

Тальен. Привет вам! Мы счастливы стоять рядом с вами на страже Республики!

Лекуантр. Вы ее непреступный оплот!

Бурдон. Настал великий день! Будем держаться твердо!

Тальен. Мы полагаемся на вас.

Сийес (*уклончиво*). Республика может быть уверена в нашей неизменной преданности. (*Удаляется со своими спутниками.*)

Баррас (*посмеиваясь*). Неизменные, как хамелеоны.

Матьё Реньо (*Баррасу*). До чего они мне противны! Как можно заискивать перед этими жабами! Уж лучше протянуть руку Робеспьеру.

Баррас. Не забывай, что Робеспьер тоже перед ними заискивает... Тише! Вон Робеспьер-младший. Катит безногого черта...

Появляется Кутон, которого везет в кресле Огюстен Робеспьер. Он оглядывает залу и сразу все замечает.

Кутон (*указывая Огюстену на заговорщиков и представителей Болота, которые обмениваются низкими поклона-*

ми). Смотри, как снюхались эти псы. Надо держать ухо востро да смотреть за ними в оба, тогда они и пикнуть не посмеют. Ведь они даже друг другу не доверяют. (*Поднимает глаза на галерею для публики.*) А вот трибуны мне что-то не нравятся. Откуда эти скверные рожи, мюскадены, сутенеры? Нам подменили публику. Это неспроста... Будь так добр, Огюстен, дай знать нашим друзьям якобинцам — пусть явятся сюда, да чтоб их было как можно больше. И поскорее! Хорошо бы также предупредить Анрио. Пусть держится наготове со своими канонирами.

Огюстен Робеспьер. Да где его найти? Он отправился кутить куда-то, кажется в Антуанское предместье.

Кутон. Нечего ему еще нагружаться. Он уже с самого утра пьян вдрызг... Ну, что ж, пошли хотя бы за якобинцами.

Огюстен, поспешно набросав несколько слов на листке бумаги, передает его секретарю. Тот идет к дверям, но почти сейчас же возвращается.

Секретарь (*Огюстену*). Не пропускают.

Кутон (*оборачиваясь*). Как так?

Огюстен Робеспьер. Теперь уж поздно выяснять. Президиум занимает места. Сейчас начнется.

Проходит мимо Сен-Жюст, надменный и суровый, держа в руке свой доклад. Робеспьер-младший окликает его.

Сен-Жюст!

Сен-Жюст, не повернув головы, продолжает свой путь сквозь толпу депутатов, которые расступаются перед ним.

Даже не отвечает, даже взглядом не удостоивает. Он иногда не прочь поиграть в Великого Могола.

Кутон. Он отдалился от всех. Равно как и твой брат. Это просто бедствие! В час, когда так важна сплоченность, прочность нашего союза, каждый замыкается в своей оскорбленной гордыне, растравляет свои обиды, скрывает свои замыслы. Мы даже не знаем, о чем этот юноша будет говорить с трибуны. Мы верим ему, как и он нам, ибо ведем общую борьбу, и все же он решил сражаться в одиночку, как и твой брат, они не желают советоваться с нами. Нам остается лишь молча подписываться под их ошибками и, если возможно, их исправлять.

Огюстен. Да, ты прав, и корень зла в отчуждении Мак-

симилиана. За полтора месяца, что он отошел от руководства, в наших действиях нет прежнего единства: каждый решает по-своему. К счастью, он наконец сам в этом убедился и сегодня вновь станет у руля.

К у т о н. Слишком поздно!.. Уже полдень...

Часы бьют двенадцать. Билло и Колло врываются в зал.

Б и л л о (*запыхавшись*). Началось?

К о л л о. Мы пришли вовремя. Сен-Жюст еще не начал говорить. (*Поспешно подымается на председательское место.*)

Заседание открывается, при общем невнимании, монотонным чтением текущих дел и донесений. Его заглушает гул голосов. Депутаты не спеша занимают места. Сен-Жюст, стоя у подножия трибуны, ждет своей очереди.

Т а л ь е н (*к Билло*). Ты видел Фуше?

Б и л л о. С ночи не видал.

Т а л ь е н. Должно быть, его арестовали.

К а р ь е (*входя*). Его подкупили. Я был у него на дому. Он продался Робеспьеру.

Б и л л о. Это ложь!

К а р ь е. Продался! Спроси у Кутона. Он может даже назвать точную сумму.

Б и л л о. Не теряйте времени. Будьте наготове. Сен-Жюст всходит на трибуну.

Сен-Жюст подымается с левой стороны, справа от председателя.

М а т ь ё Р е н ь о. А Робеспьер? Где же он?

Б и л л о. Как, Робеспьера нет?

Б а р р а с. В самом деле?

Б у р д о н. Он и не придет. Почуял недоброе.

Т а л ь е н. Если и не придет, все пропало! Мы, как дураки, сидим, запершись в этой клетке, а он тем временем велит канонирам Анрио обложить нас кругом. Он захватит нас, как мышей в норе.

Б и л л о. Не посмеет!

Б а р р а с. Почему? Я бы посмел на его месте.

В группе термидорианцев смятение.

Б у р д о н. Надо проверить, не прервана ли связь с Парижем.

Лекуантр. Кому-нибудь из нас надо пойти в секции, поднять там тревогу.

Карье. Ты задумал удрать, я вижу. Только посмей!

Матё Реньо. Всем оставаться на местах. Победим или умрем, но все вместе!

Тальен. Сен-Жюст уже на трибуне. А Робеспьера все еще нет.

Карье. Он улизнул от нас. Видно, у барсука в логове два выхода.

Матё Реньо. Молчите! Он пришел!

Входит Робеспьер. Термидорианцы поспешно расступаются. Холодно смерив их взглядом, Робеспьер проходит перед их притихшим строем. В эту самую минуту Сен-Жюст начинает свою речь.

Баррас. Оцепите все выходы.

Карье. Зверь в западне!

Робеспьер пересекает амфитеатр слева направо (слева от председателя). Все почтительно уступают ему дорогу и раболепно улыбаются, встречаясь с ним взглядом. Он не удаивает ответом на поклоны. Спокойно, не спеша он садится в первом ряду амфитеатра, справа, на виду у всего зала. Баррас, Тальен, Бурдон, Лекуантр и прочие протискиваются к лесенкам, ведущим на трибуну, и загораживают их.

Сен-Жюст (начинает свою речь среди полной тишины спокойным, бесстрастным, но внятными и твердым голосом¹). Я не принадлежу ни к одной из мятежных клик; напротив, я буду бороться с ними беспощадно. Пускай эта трибуна, если угодно судьбе, станет Тарпейской скалой для того, кто счел своим долгом сказать вам прямо, что наши правители сошли с верного пути. Я полагаю, что вы должны знать правду, что никто не вправе нарушать обет, данный перед лицом своей совести, — дерзать на все ради спасения отечества. Комитеты Общественного спасения и Общественной безопасности поручили мне составить доклад о причинах разногласий, происшедших в последнее время в недрах самого правительства. Я польщен доверием, оказанным мне обоими Комитетами. Но нынче ночью меня глубоко оскорбили, и сейчас я говорю не для тех, кто нанес мне смертельную рану, я обращаюсь прямо к вам. Я хочу обличить перед вами людей, пытавшихся заставить меня погрешить про-

¹ Сокращенный текст подлинной речи. — Р. Р.

тив совести. Я раскрою перед вами свою душу, свои правдивые уста. Я скажу все, что думаю, все, что знаю, не ведая ни гнева, ни сострадания...

При последних словах клика термидорианцев приходит в волнение.

Билло (к остальным). Довольно! Долой! Заткнуть ему глотку!

Карье. Вырвать ему язык!

Тальен взбегает на трибуну и становится рядом с Сен-Жюстом¹.

Тальен. Бесстыдный фарс. Смотрите: вон там сидит человек, который дергает за веревочку этого паяца. (Показывает на Робеспьера.) А этот дохлый Пьеро смеет еще уверять, что не связан ни с каким заговором... Вот я действительно ни с кем не связан, и я разоблачу их гнусный заговор. Сорвите личину с тех, кто ведет эту вероломную игру! Сорвите завесу!

Билло (пригнув голову, бросается на трибуну, откуда с помощью Тальена сталкивает Сен-Жюста. Сен-Жюст до конца заседания неподвижно стоит, прислонясь к трибуне с правой стороны — слева от председателя. Билло, отгеснив Тальена, становится рядом с ним. Оба выкрикивают угрозы и обвинения, перебивая друг друга). Я сорву завесу!.. Граждане! Среди нас есть предатели, которые замышляют погубить Конвент!

Тальен (указывая на Сен-Жюста). Вот один из них!

Билло. Но гнуснее всех вон тот, внизу. Я видел его ночью у якобинцев... Он призывал к мятежу и требовал изничтожить Конвент. Я выступил против. Тогда он стал подстрекать толпу к убийству...

Леба (с места). Неправда!

Билло. Меня ранили вот сюда! (Показывает на грудь.)

Леба (вскочив с места). Подлый шут! Ты сам себя пырнул!

Колло (с председательского кресла). Леба! Призываю тебя к порядку.

Голос с галереи. А ну-ка, Билло, повернись задом, покажи нам, как я тебя саданул каблуком по заднице!

Билло (обезумев от ярости). Арестуйте его! Держите убийцу!

¹ Тальен начинает говорить, еще подымаясь по ступенькам на трибуну. — Р. Р.

*Смех и шум на галерее для публики. Оттуда вытаскивают
какого-то горлана.*

*При первых словах обвинения, брошенных ему Билло,
Робеспьер быстро поднимается, но после вмешательства Леба
застывает на месте.*

Леба (*выходя из амфитеатра*). Я был свидетелем столкновения в Клубе якобинцев. Я хочу восстановить истину, которую так возмутительно искажают здесь. Прошу слова.

Колло (*с председательского места*). Молчи! Я не дам тебе слова. Я сам был свидетелем. Запрещаю тебе извращать факты, которые точно излагает Билло.

Леба. Председатель! Ты не имеешь права выступать в качестве свидетеля. Иначе сойди с трибуны.

Билло (*к Леба, с высоты трибуны*). И ты еще смеешь ссылаться на право? Почему ты молча смотрел, как этот заговорщик, будучи членом правительства, подло попил священные наши права, как он незаконно выдал на расправу разъяренной толпе членов Комитета, с которым его связывает долг?

Леба. Комитеты заткнули ему рот и предали народные интересы. Ему пришлось воззвать к народу.

Колло. Леба! Я лишил тебя слова. Лишаю тебя слова вторично. Если будешь упорствовать, я ударю тебя.

Робеспьер (*сойдя со своего места в амфитеатре, повелительным жестом останавливает Леба, который собирается возражать*). Молчи, Леба! Нападают на меня. Значит, мне и отвечать.

Робеспьер идет к трибуне. Бурдон, Баррас, Лекуантр и другие бросаются наперерез и преграждают ему путь.

Билло. Катилина ушел из Комитета общественного спасения, ибо не мог больше диктовать нам свою преступную волю. Он коварно злоупотребил властью Комитета и провел за нашей спиной свой чудовищный декрет от двадцать второго прериаля, отдающий всех патриотов на милость узурпатора. Он возбуждал народ против законного правительства Нации. Он замышляет погубить Конвент.

Робеспьер (*рвется к трибуне, но натывается на стену заговорщиков*). Это ложь! Это ложь! (*С помощью брата и Леба, вступивших в борьбу с Лекуантром и Бурдоном, пробивается на первые ступени деревянной лесенки, ведущей на трибуну.*)

Заговорщики (снизу). Долой тирана!

— Назад!

— Слезай! (*Вцепившись в него, тащат его вниз.*)

Робеспьер вырывается.

Робеспьер. Я буду говорить. (*Поднявшись на трибуну, сталкивается с Тальеном — тот грубо хватает его за ворот.*)

Тальен. Ты не будешь говорить, Кромвель! Я запрещаю тебе доступ на эту трибуну, на священный бастион Свободы... Свободы, которую ты хочешь погубить. Я загорожу ее своим телом. Прежде чем ее коснутся твои преступные руки, мой кинжал пронзит тебе грудь. (*Заносит кинжал над головой Робеспьера.*)

Робеспьер (бесстрастно). Ударь, но выслушай!

Билло (оттаскивая Тальена за руку). Не убивай его, Тальен. Ему уготовлен другой нож.

Невообразимый шум и смятение охватывают зал. Почти все депутаты вскакивают с мест, за исключением представителей Болота на первых скамьях; их молчание и неподвижность составляют разительный контраст с волнением, царящим в зале. Огюстену Робеспьеру и Леба удаётся, прорвав цепь термидорианцев, пробиться к Робеспьеру и встать на его защиту от наступающего на него Тальена. Но они принуждены спуститься вниз вместе с ним, чтобы уберечь его от толчков и наскоков. Амфитеатр наводняют вопящие, беснующиеся люди. Трибуну осаждают группы термидорианцев — по двое, по трое, вчетвером, впятером (Карье, Бурдон, Лекуантр, Вадье, Лежандр). Все они жаждут выступить, меж тем как Билло и Тальен цепляются за перила, продолжая говорить. Вся эта толчея, напоминающая дьявольский шабаш, страшна и нелепа. Среди оглушительного шума раздаются отдельные бессвязные возгласы: «Смерть тирану! Катилина! Калигула! Тарквиний! Тиберий! Гелиогабал!» Все наперебой стараются выкрикнуть новые обвинения против Робеспьера, не замечая, что противоречат друг другу.

Билло. Предатель противился аресту Дантона!

Карье. Он защищал Дантона, своего тайного сообщника!

Лежандр. Он убийца Дантона!

Вадье. Он лебезил перед попами!

Тальен. Он устраивал оргии вместе с Сен-Жюстом и Анрио!

К о л л о (*вскочив с председательского места, наклоняется над этим жужжащим осиным гнездом*). Он подкуплен Англией!

В а д ь е. Он заставлял служить себе мессы!

К о л л о. Он шпионил за всей Францией, он и его полиция!

В а д ь е. Он собирался восстановить смертную казнь за богоульство!..

Публика на галерее присоединяется к беснующейся банде заговорщиков, крича, улюлюкая, грозя кулаками и завывая. Робеспьер, оттесненный с трибуны, напрасно пытается подняться туда то по правой, то по левой лесенке. Укрепившись на нижних ступеньках, он простирает руки к Горе.

Р о б е с п ь е р. Я взываю к вам, друзья! Неужели вы позволите посягнуть на свободу слова, на святость этой трибуны? Ведь это ваш голос стараются заглушить!

Депутаты Горы поднимаются с мест, вопят и шумят, но не отвечают; те, к кому в упор обращается Робеспьер, отворачиваются, делая вид, что не слышат, или злобно смотрят на него исподлобья. Леба, Кутон, Огюстен Робеспьер ожесточенно спорят с остальными.

Р о б е с п ь е р. Измена! (*В отчаянии бросается на другой конец амфитеатра и взывает к представителям Болота.*) Вас, честные, достойные граждане, я призываю выступить против этих разбойников. У нас общий враг, и вы это знаете. Я защищал вас неустанно, я ограждал вас от ударов. Если враги восторжествуют, они беспощадно расправятся с вами.

Левые в бешенстве оттаскивают Робеспьера от скамей правых, осыпая его градом оскорблений. Правые — Сийес, Дюран-Майян, Буасси д'Англа и другие — сидят бесстрастно и неподвижно, с каменными лицами, без единого жеста, скрестив руки на груди. Они смотрят перед собой невидящими глазами. Волнение Робеспьера нарастает, он устремляется к ступенькам трибуны, хочет взойти туда. На трибуне толкутся ораторы, наперебой требуя предоставить им слово, препираясь друг с другом. Билло на миг покрывает все голоса своими воплями.

Б и л л о. Конвент под угрозой! Я требую объявить заседание непрерывным и не расходиться, пока меч закона не упрочит безопасность Республики.

Б а р р а с. Я требую ареста Анрио и его штаба.

Бурдон. Арестовать Дюма!
Лекуантр. Арестовать Буланже!
Тальен. Арестовать Лавалетта!
Вадье. Арестовать Дюфресса!

Никто не осмеливается произнести имени, которое у всех на языке. В игре актеров должны угадываться эти опасения и недомолвки.

Робеспьер. Я требую слова! *(Тщетно пытается взобраться на трибуну, то по одной, то по другой лесенке; заговорщики грубо толкают его и стаскивают обратно.)*

Матьё Реньо *(к Карье, который злорадно посмеивается)*. Дайте же ему говорить! Даже если он преступник, он имеет право защищаться.

Карье *(хихикая)*. В уме ли ты? Наконец-то мы поймали его. Крыса попалась и мечется в крысоловке. Остается только ее прихлопнуть.

Матьё Реньо *(с омерзением отвернувшись от Карье, обращается к Барреру, который наблюдает за этой сценой как бы со стороны)*. Недостойная игра! Такой сильный противник, такой выдающийся человек имеет право на уважение. Его процесс должен вестись открыто, с соблюдением свободы обвинения и защиты. Иначе приговор будет недействителен. Баррер! Тебя послушают, скажи им это!

Баррер. Поздно! Будь то в моей власти, я, скорее, спас бы юношу. *(Указывает на Сен-Жюста, — тот в течение всей сцены стоит неподвижно, прислонясь к трибуне, застывший как статуя, безразличный ко всему, что творится вокруг.)* Но все уже решено. Игра сыграна. Слишком долго дрожали они перед ним и теперь, сбросив с себя гнет страха, пойдут до конца и уничтожат его. Он обречен. Но и мы тоже. Возврата нет.

Матьё Реньо. Это позор для Конвента. Как? Неужели у нас не хватит сил ответить, опровергнуть его доводы, если он выступит?

Баррер. Ничего не поделаешь, друг мой! Улисс затыкал уши своим спутникам, чтобы уберечь их от пения сирен. Они поступают так же. Даже хитрее. Они затыкают рот самой сирене.

Матьё Реньо. Трусы! Мне стыдно называться человеком.

Баррер. Это у тебя впервые? При нашем-то ремесле!

Во время их диалога ярость в Конvente нарастает.

Робеспьер (стоя на площадке у трибуны, под охраной Леба и Огюстена Робеспьера, откинув голову и прижимая руки к груди, как на рисунке Давида «Клятва в Зале для игры в мяч», кричит председателю Колло, — тот сидит, подперев кулаком подбородок; лицо его искажено злобой улыбкой). Председатель убийц!

Занавес падает, заглушая своим шумом его слова.

З а н а в е с .

КАРТИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Занавес тут же подымается, открывая ложу на галерее для публики, расположенную над председательской ложей и трибуной. Зала не видно, но слышен гул толпы и голос Робеспьера, который заканчивает свою знаменитую фразу.

Робеспьер. Председатель убийц! В последний раз я требую слова!

Голос Колло¹. Ты получишь слово, когда придет твоя очередь.

Межан (сидит в первом ряду ложи, рядом с Коллено и бандой мяскаденов, вооруженных дубинками. Возле них робко жмутся перепуганные буржуа). Болван! Неужели он так глуп, что даст ему слово?

Коллено. Это не всерьез. Они играют с ним, как кошка с мышью.

Межан. Ты плохо их знаешь. У них все еще не хватает духу с ним разделаться. Этих скотов в пот бросало со страху.

Коллено. Что они топчутся вокруг да около, чего юлят? Надоело! Требуют ареста Жана, Жерома, Жака, всей этой безвестной мелюзги! Пора бы взяться за крупную дичь, за Робеспьера! Они ищут вшей у него в голове... Черт их дери! А давно пора бы и голову долой!

Один из зрителей, мелкий буржуа (боязливо).
А за что? Что он такое сделал, наш Робеспьер?

Межан (pronзив его грозным взглядом). Твой Робеспьер? Стало быть, ты заодно с этим предателем?

Зритель (испугавшись). Нет, нет! Я этого не говорил...

Коллено (угрожающе). А что ты говорил? Ты за кого?

Зритель (сбит с толку). Я не знаю... Я ни за кого...

¹ В действительности Тюрью уже сменил Колло на председательском месте. Но для театра это не имеет значения. Сценически наша версия оправдана. — Р. Р.

К о л л е н о (*мюскаденам, которые грозно поднялись с мест*).

Ну-ка пустите в ход дубинки, вышвырните к чертям этого олуха!

Мюскадены хватают буржуа, невзирая на его вопли, и выталкивают за дверь. Его соседи в ужасе уверяют, что они ничего не говорили.

Говорили или молчали, вам здесь не место! Убирайтесь вон!

Мюскадены очищают ложу.

Ме ж а н. Пора! Все как будто ждут сигнала.

К о л л е н о. Они ждут Фуше. Этот пройдоха подвел нас всех. Уполз в нору.

Ме ж а н. Тем лучше. Он был нужен, чтобы открыть бал. А теперь мы обойдемся и без музыки. Он только стеснил бы нас.

К о л л е н о. Да, рано или поздно пришлось бы от него избавиться. Он работал не только на красных, но и на себя самого.

Ме ж а н. Дурачье! Завтра они у нас попляшут!.. А пока поддай жару, накаливай докрасна.

К о л л е н о. Хватит красного! Белое каление пожарче будет.

Ме ж а н. Слишком долго они топчутся на одном месте. Так можно сбиться со следа и упустить зверя... Пошлите ко мне Луше из Лозера. Нет! Лозо из Шаранты. Нет, погодите... (*Обращаясь к стражнику с дубинкой, в красном колпаке.*) Слушай, Фабриций! Спускайся в зал. Отзови в сторону Луше и Лозо. Сунь им под нос вот это. (*Дает ему какой-то значок.*) Ну, пошел! Живо! Сейчас самый подходящий момент.

Стражник уходит.

К о л л е н о. А ты в них уверен?

Ме ж а н. Небось уплачено наличными. Это наши люди.

К о л л е н о. Да им грош цена. В Конvente их никто не знает.

Ме ж а н. Невелика беда. Их дело сказать слово, которого все ждут. А там уж его подхватят сорок глоток.

К о л л е н о (*прислушиваясь к южному говору оратора, который разглагольствует на трибуне*). Кто это там тараторит? Так и несет луком и чесноком!

Ме ж а н. Это Вадье, пожиратель попов. Он никак не может переварить Верховное существо. У него до сих пор отрыжка.

К о л л е н о. Пускай ему дома рыгается. Только зря время отнимает.

Ме ж а н. Кажется, там внизу тоже выходят из терпения.

Снизу слышны крики: «К делу! К делу!»

Г о л о с Т а л ь е н а. Довольно, Вадье! Ты отклоняешься от главного.

Г о л о с Р о б е с ь е р а. Могу вам напомнить о главном!

Р а з н ы е г о л о с а. Да пусть он замолчит! Довольно!

Г о л о с Л у ш е (*запинаясь*). Главное вот в чем... сейчас скажу... Я требую... ареста Робеспьера!

Внезапно наступает мертвая тишина.

(*Повторяет более уверенно, его поддерживает Лозо.*) Мы требуем декрета об аресте Робеспьера...

Вся свора тотчас поднимает крик и вой.

Арестовать Робеспьера!

Межан и Коллено подхватывают крик в ложах для публики; публика присоединяет свои голоса к общему хору в зале.

Ме ж а н. Ату его! Ату его!

К о л л е н о. Ну, вот!.. Наконец-то их прорвало!

Среди общего гама слышен охрипший голос Робеспьера. Робеспьер надсаживается, стараясь перекричать других.

Г о л о с Р о б е с ь е р а. Изверги! Вы не посмеете убить меня, не выслушав! (*Обращается к публике на трибунах.*)

Народ, ты видишь это беззаконие! На помощь! Спасай Республику!

На трибунах отвечают воем и гиканьем.

Ме ж а н (*исступленно*). Он хочет поднять народ против Конвента!

К о л л е н о (*неистово*). Арестовать его!

Голос Робеспьера срывается.

Г о л о с и з з а л а. Ага, подавился! Его душит кровь Дантона!

Г о л о с Р о б е с ь е р а. Трусые! Если вы мстите за Дантона, почему же вы его не защищали?

Раздается звонок председателя.

Г о л о с К о л л о. Декрет об аресте Робеспьера принят!

Вой и рев одобрения.

Голос Огюстена Робеспьера. Я тоже ношу имя Робеспьер. Я и мой брат — одно целое. Я делил его славу — я хочу разделить его судьбу.

Голос Колло. Решено. Декрет об аресте обоих Робеспьеров принят.

Голос из зала. Арестовать Сен-Жюста и Кутона!

Голос Баррера. Не трогайте Сен-Жюста!

Голос Карно. Это почему? Куда волка, туда и волчонка!

Межан (*кричит*). Bravo, Карно! Сен-Жюст опаснее всех!

Коллено. Ты только погляди! Ничем его не проймешь. Кругом бушует гроза, а он не шелохнется.

Межан. Экая жалость, что его нельзя купить... Придется его прикончить.

Голос Колло. Декрет об аресте Сен-Жюста и Кутона принят!

Голос Леба. Я не желаю позорить себя...

Голос из зала (*прерывая его*). Эй, Леба, замолчи!.. О тебе и речи не было.

Голос Леба. Я не могу позорить себя этим гнусным решением. Я требую, чтобы меня тоже арестовали.

Смятение в зале. Возгласы «за» и «против».

Межан. Есть же на свете дураки, которым не терпится умереть!

Голос Колло. Пусть будет по-твоему. Декрет об аресте Леба принят!

Робеспьер отбивается от наскоков и протестует.

Коллено. Как! Этот скот все еще смеет требовать слова?

Межан (*кричит*). Замолчи, предатель!

Голос из зала. До каких пор Робеспьер будет командовать в Конvente?

Голос Колло. Приказываем немедленно взять под стражу всех пятерых преступников...

Крики одобрения. Да здравствует Республика!

Голос Робеспьера. Республика погибла! Торжествуют разбойники!

Шум заглушает его слова.

Голос Бурдона. Ох, до чего же трудно свергнуть тирана!

Межан. Двести против одного! И они еще чванятся! Слышишь? Уже требуют лаврового венка!

Коллено. Что ни говори, а кинжал не так надежен.

Чтобы прикончить врага, нет ничего лучше такого собрания. Как навалются всей тяжестью, так и задавят человека насмерть. Даже крови не видно.

Занавес.

КАРТИНА ДВАДЦАТАЯ

Занавес падает и тут же подымается снова. Виден широкий коридор, нечто вроде фойе, прилегающего к залу заседаний. Сквозь отворенную дверь доносится рев толпы; в глубине видна часть амфитеатра с опустевшими депутатскими скамьями. В дверях непрерывно теснятся беспорядочно движущаяся толпа, и на освещенной стене отражаются как бы китайские тени. Входят пятеро арестованных депутатов. За ними следуют растерянные и смущенные стражники. Впереди, высоко подняв голову, идет Сен-Жюст, Леба держит его руку в своей руке. За ними — удрученный Робеспьер; брат говорит ему что-то. Кутон, которого несут стражники, шутит с ними.

Кутон (стражникам). Ведите же нас, господа жезлоносцы! Вам приказано нас арестовать.

Стражники. Прощенья просим, граждане. Сами не знаем, что и делать.

Кутон. Разве вы не слышали приказа председателя?

Стражники. Дело-то какое! Просто не верится. Может, мы ослышались? Может, вышла ошибка?

Кутон. А все-таки медлить не годится. Или нас надо арестовать, или председателя. Что-нибудь одно.

Стражники. Коли так... просим разрешения у гражданина Робеспьера...

Кутон. Он разрешает. Ну, скажи им, Максимилиан!

Робеспьер (еще не оправившись от потрясения, вызванного недавней сценой). Республика, отечество — все погибло. Все наши надежды на силу разума, на добродетель, справедливость рухнули. Человечество обречено на гибель.

Кутон. У человечества еще много времени впереди. А у нас времени в обрез. Однако, какой бы приговор ни угрожал человечеству, Максимилиан, мы, к счастью, пока еще не осуждены.

Робеспьер (овладев собой). Нет. Пока еще нет. Ты прав. Еще не все решено.

Огюстен Робеспьер. Марат тоже был арестован. Он защищался и добился оправдания.

К у т о н. Главное, мы должны строго соблюдать закон. Ведь закон охраняет нас.

Р о б е с п ь е р. Да, нашим врагам было бы на руку, если бы мы нарушили закон. (*Стражникам.*) Чего вы ждете, граждане? Арестуйте нас.

С т р а ж н и к и. Коли на то твоя добрая воля, гражданин, объявляем тебя арестованным. Уж ты прости!

Р о б е с п ь е р. Вы исполняете свой долг. Это похвально.

Пока стражники исполняют связанные с арестом формальности, Сен-Жюст и Леба, не обращая внимания на окружающих, дружески беседуют.

С е н - Ж ю с т. Ты сам отдался им в руки, а ведь даже эти изверги готовы были забыть о тебе.

Л е б а. Неужели ты считал меня способным снести подобное оскорбление — воспользоваться их забывчивостью?

С е н - Ж ю с т. Нет. Я знал, что ты, как и в прежних битвах, всегда будешь рядом со мной.

Л е б а. Отчего не дано мне, как и в прежних битвах, защищать тебя своим телом?

С е н - Ж ю с т. Ты погубишь себя, друг, а меня не спасешь.

Л е б а. На что мне спасение, если я спасусь один? Раз невозможно спастись вместе, погибнем вместе!

С е н - Ж ю с т. Для меня это значит погибнуть дважды.

Л е б а. Живой или мертвый, я не расстанусь с тобой.

С е н - Ж ю с т. О мой Пилад! (*Обнимает его.*) Но у Пилада не было, как у тебя, молодой жены и ребенка. Он не приносил их в жертву.

Л е б а. Эта жертва — лучший дар моему сыну. Наши страдания станут радостью и славой для наших детей.

С е н - Ж ю с т. Ты прав. Среди бурь и ураганов бросим якорь в будущее.

С т р а ж н и к и (*подходя к ним*). Граждане. Сделайте милость, пройдите в соседний зал.

Пятеро арестованных послушно следуют за ними. Из глубины коридора, стоя у дверей в зал заседаний, за ними наблюдают Баррас, Межан и Коллено. Как только осужденные удаляются, они выходят на авансцену.

М е ж а н. Они что-то чересчур уж спокойны. Что они замышляют?

К о л л е н о. Не все ли равно? Они у нас в руках.

М е ж а н. Мы еще не содрали с них шкуры. Я им не доверяю. Ты заметил, как сразу остыла ярость Робеспьера? Видно, они еще надеются улизнуть.

Баррас. Опаснее всего дать им возможность предстать перед народным трибуналом.

Межан. Можно обойти законный путь; надо постараться, чтобы они сами доставили нам повод объявить их вне закона.

Баррас. Они не пойдут на это добровольно.

Межан. Ничего, мы им поможем.

Баррас. Угадываю твою мысль! Пожалуй, не так уж трудно сыграть на усердии безмозглых сторонников Робеспьера. Они только и ждут сигнала.

Межан. Надо разжечь ярость Коммуны. Это совсем просто. Кофейник бурлит на огне. А присматривать за ним некому.

Баррас (*один из агентов шепчет ему что-то на ухо*). Мне доносят, что в секции Пик и в секции Санкюлотов¹ народ вооружается и идет сюда с криком «На Конвент!».

Межан. Они предупреждают наши желания. Пустим им на подмогу Анрио!

Баррас. Стоит помахать у этого быка перед носом красным лоскутом, и он сам ринется на нож.

Межан. А кто же будет тореадором?

Баррас. Это уж я беру на себя.

З а н а в е с

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вечер 9 термидора, между девятью и десятью часами. Еще светло. На небе собираются зловещие тучи с багровым отблеском. Площадь перед Ратушей. На площади, у набережной волнуется и шумит большая толпа. Многие вооружены. Прерывисто бьет в набат тонким, дребезжащим звонком колокол Ратуши. Из окна второго этажа кто-то громко кричит: «Народ, подымайся! Восстань против бесчестного Конвента!»

Симон Дюпле (*вооружен*). Сюда, секция Пик! Мы готовы к выступлению.

Рабочие и буржуа секции Пик. Они посмели поднять руку на нашего Робеспьера!

— Смерть им!

— Сотрем их с лица земли, чтобы даже памяти о них не осталось!

— А кто же они?

¹ Секция Пик — на Вандомской площади. Секция Санкюлотов — Ботанический сад. — Р. Р.

С и м о н Д ю п л е . Вот список изменников, врагов народа, которых Коммуна постановила арестовать. (*Читает.*) Колло, Карно, Вадье, Фуше, Тальен, Бурдон, Фрерон...

*Остальные имена тонут среди шума и гомона.
Списки читают хором, перебивая друг друга.*

— Здесь кое-кого недостает: Билло, Баррера...

— Весь Конвент надо вымести метлой!

С и м о н Д ю п л е . Верно! Вот и пойдем на них с вилами и метлами!

Подходят отряды двух секций.

К о м а н д и р одной секции. Вот вилы!

К о м а н д и р другой. А вот и метла!

С и м о н Д ю п л е . Секции Обсерватуар и Санкюлотов, как всегда, самые доблестные и верные.

К о м а н д и р ы секций. Мы бросили все и по первому зову явились сюда.

С и м о н Д ю п л е . Сплотимся! Построимся в две колонны. Одна пойдет в атаку по набережной, другая — по улице Сен-Мартен.

К о м а н д и р одной из секций. Нет, нам дан приказ оставаться на площади и охранять Ратушу.

С и м о н Д ю п л е . Для охраны достаточно двух секций. Лучшая тактика при обороне — нападение. Прежде всего сделаем перекличку.

К о м а н д и р ы секций. Из сорока восьми секций только девятнадцать явились принести присягу.

С и м о н Д ю п л е . Кто эти трусы? Кто уклонился?

Г о л о с а секционеров. Западные секции отсутствуют поголовно.

С и м о н Д ю п л е . Ну еще бы! Подлые буржуа! Толстосумы, тюфяки проклятые... Ничего, завтра они за это поплатятся.

Г о л о с а секционеров. Не достает секции Ом-Арме из квартала Марэ.

С и м о н Д ю п л е . Это секция Тальена, проклятого разбойника.

Г о л о с а секционеров. Мы решили ударить в набат в соборе Парижской богоматери, а секция Ситэ не позволила.

С и м о н Д ю п л е . Нечего было спрашивать у них разрешения!

Г о л о с а секционеров. Хуже того: не явились секции Мэзон Коммюн, Гравилье и Арсис.

Симон Дюпле. Измена! Как? Рабочие с улицы Сен-Мартен и набережной Пелетье, бешеные, которые по сигналу тревоги всегда первыми шли навстречу опасности, неужто они трусили, забились в свои норы?

Голоса секционеров. С тех пор как у них отняли Жака Ру и Папашу Дюшена, они затаили обиду на Робеспьера.

Симон Дюпле. Дурацкие обиды! Сами себя губят... Ну, ладно, обойдемся без них. За нас народ, сердце Парижа, предместья Антуан и Марсо.

Голоса секционеров. Не больно-то ручайся! Оба предместья ненадежны. Если Санкюлоты и пойдут за нами, то секции Монтрейль, Попенкур, Финистер и Гоблен с места не двинутся.

Симон Дюпле. Да они рехнулись! Не понимают они, что ли, что этой ночью решается их судьба, судьба всего народа!

Командир одной из секций. Послушай, Симон, мы уж и сами не пойдем...

Симон Дюпле. Как? Чего не поймете?

Командир. Все запуталось, такая неразбериха! Одни стоят за то, те — за другое... А при чем тут народ, еще неизвестно!

Симон Дюпле. Вспомните, что в течение всех пяти лет Революции всюду, где был Робеспьер, он защищал дело народа! Разве не ясно?

Командир. Так-то оно так... да ведь и другие стояли за нас. А где они? Две трети посланы на гильотину. А те, что остались, уничтожают друг друга. В такой свалке не разберешь, за кем идти.

Симон Дюпле. Как вы можете хоть минуту колебаться между продажным Конвентом и нашим Неподкупным? Это вы-то, секция Кенз-Вен, старая гвардия!

Голоса секционеров Кенз-Вен. Наше решение твердо. И сейчас не поддадимся!

— Никого и ничего мы не признаем, кроме Республики, единой и нерушимой!

Симон Дюпле. Это похвально. Но настал час выбора. Или Коммуна, или Конвент!

Голоса секционеров. И Коммуна и Конвент. Не желаем Коммуны без Конвента.

Симон Дюпле. Стало быть, вы уперлись, точно осел меж двух охапок сена, — ни туда ни сюда! Таким «твердым решениям» грош цена!

Командир одной из секций (*вполголоса*). Оставьте их в покое! Если ты принудишь их выступить, еще неизвестно, на чью сторону они переметнутся. Враги давно мутили народ в предместьях. Пускай же лучше соблюдают нейтралитет.

Симон Дюпле. Тогда пойдем одни! Решает дело не количество, а быстрота и стремительность. Надо ударить сразу и крепко. Вперед! На Конвент!

В ту минуту, когда секция Симона и две-три верные ему секции собираются выступить, на площадь с грохотом въезжают канониры Кофиналя; во главе их, верхом на лошади, пьяный Анрио.

Канониры (*секционерам, которые маршируют к набережной*). Вы куда?

Симон Дюпле. На Конвент!

Канониры. Опоздали! Опоздали! Мы только что оттуда. Сорвалось!

Симон Дюпле. А кто виноват?

Кофиналь. Вот этот пьяница! (*В бешенстве указывает на багрового и смущенного Анрио, который едва держится в седле*). Его связали, как овцу, и заперли в Комитете общественной безопасности. Мы вышибли дверь и освободили его. И зря. Уж пусть бы там подышал! С утра нализался. Когда мы ворвались туда, изменники растерялись — можно было захватить всю шайку в самой берлоге. А этот пьянчуга вдруг приказал отступить к Ратуше.

Анрио (*хныча, еле ворочает языком*). Зря ты, Кофиналь, меня попрекаешь... Слушай... Я все объясню.

Кофиналь. Нечего тут объяснять. Ты просто трус!

Анрио. Да пойми ты, черт эдакий, говорят тебе, я получил приказ вернуться сюда и защищать Коммуну.

Кофиналь. Но раньше, балбес, надо было разгромить Конвент! Ты мог захватить их голыми руками. Они там голову потеряли. Всех бы разом и уволокли.

Анрио. Верно, верно, Кофиналь, ты прав... Ну, что ж, повернем обратно!

Кофиналь. Станут они тебя дожидаться! Наверное, давно уж спохватились. Вызвали на помощь своих «молодых патриотов» из лагеря Саблон. Теперь к Тюильри не прорваться.

Анрио. Что же я наделал? Я и сам не понимаю!

Кофиналь. Дурья голова! У тебя мозги набекрень. Ты и в седле-то еле держишься.

А н р и о. Врешь, я крепко держусь... (*Шатаясь в седле.*) Это моя кляча спотыкается.

Кругом смеются.

Кто там зубы скалит? Сукины дети! Всех в полицию засажу... Командир я вам или нет? (*Размахивает саблей и роняет ее на землю. Удрученный, начинает хныкать.*) Правда, у меня туман в голове, того гляди, с лошади свалюсь... Как скотина, нализался, наклюкался, назююкался... Простите меня, товарищи, честь свою потерял... Застрелюсь... (*Канонирам.*) Ребята, вы же знаете — нет у меня привычки напиваться... Но теперь такая жара, да еще гроза никак не разразится... Подохнуть можно... Вот и не удержался... свихнулся... Не достоин я быть вашим командиром.

К а н о н и р ы. Ну, ладно, ладно... С кем не бывает! Поди окуни голову в воду. (*Стаскивают Анрио с лошади и ведут к водоему.*)

Анрио окунает голову в воду. Потом выпрямляется, отряхиваясь, и таращит глаза.

А н р и о. Клянусь, с этой минуты буду пить только воду... (*Фыркает и плюется.*) Брр! Мерзость какая! Зато пришел в себя. Канониры! Подвезти орудия, держать под прицелом все выходы с площади. Нам поручена оборона Коммуны. Я пойду за распоряжениями.

К о ф и н а л ь. А Робеспьер уже прибыл?

С и м о н Д ю п л е. Нет. Нет еще. Он отказался принять делегацию, которая просила его покинуть тюрьму. Сейчас послали вторую.

К о ф и н а л ь. Что с ним? Какие ему еще нужны просьбы?

С и м о н Д ю п л е. Он не хочет нарушать закон. Воображает, будто враги тоже будут соблюдать законы и дадут ему защищаться по всей форме перед трибуналом.

К о ф и н а л ь. Как же, дожидайся! Они давно его подстерегали, теперь уж не упустят. Сейчас не до судов ни им, ни нам, — сейчас или мы их истребим, или они нас.

А н р и о. Я уже наткнулся на отказ, когда хотел освободить его в Комитете. Нельзя терять времени на споры. Надо просто ворваться в тюрьму и увести его силой.

С и м о н Д ю п л е. Силой от Максимилиана ничего не добьешься. Надо, чтобы он решил сам.

К о ф и н а л ь. Ничего, он окажется перед свершившимся фактом. Ради него мы поставили на карту свою жизнь.

Поздно брать ставку обратно. Теперь он не вправе от-
речься от нас.

С и м о н Д ю п л е. И не отречется. Брат его уже здесь, в
Ратуше. А вон идет Леба.

К р и к и в т о л п е. Да здравствует Леба!.. И его славная
женка!

С и м о н Д ю п л е. Молодец! Он сам потребовал ареста,
хотя эти разбойники готовы были забыть о нем.

*Под приветственные возгласы выходит Леба, обнимая
Элизабету. С другой стороны рядом с ним идет Ан-
риетта.*

Э л и з а б е т а. Слышишь, слышишь, как радостно тебя
встречают?

А н р и е т т а. И тебя тоже, сестренка.

Э л и з а б е т а. Спасибо вам, спасибо! *(Посылает в толпу
воздушные поцелуи. Обернувшись к Леба.)* Какое счастье,
что ты свободен! Я знала, что злодеи будут посрамлены...
Как все нас любят! Все тебя любят!.. Почти так же, как
и я... Ах, какие молодцы! Освободили тебя из тюрьмы!
А как извинялся тюремщик, как уверял в своей предан-
ности! А те грозилась разнести тюрьму, не оставить кам-
ня на камне... Когда же они узнали, что я твоя жена,
а она — сестра, они стали такими ласковыми, приветли-
выми... «Ах, гражданка, — говорят они, — пускай нас
хоть на куски изрубят, но мы не допустим, чтобы тронули
нашего Леба, нашего Сен-Жюста, нашего Максимилиана!
Мы себе покоя не найдем, покуда не отомстим их подлым
врагам!..»

Л е б а. Они славные ребята, только бестолковые. Уж лучше
бы они оставили нас там.

Э л и з а б е т а. Как? В тюрьме? Неблагодарный! Как тебе
не стыдно!

А н р и е т т а. В чем ты винишь своих спасителей?

Л е б а. Мое положение и положение моих товарищей было
лучше, или, вернее, не так безнадежно, пока они не вме-
шались.

А н р и е т т а. Почему же?

Л е б а. Пока мы не выходили из рамок закона, врагам было
трудно с нами расправиться. Мне ничего не стоило рас-
строить их козни. Теперь же мы поступили противозакон-
но и они не обязаны с нами считаться. Значит, преи-
мущество на их стороне: мы поставили себя вне за-
кона.

Э л и з а б е т а. Ну и что же?

Леба (*не желая объяснять*). Ничего. Не стоит говорить об этом. Словами не поможешь.

Элизабета (*не поняв*). Чему не поможешь? Ты же свободен! Вернемся домой!

Леба. Нет, дорогая. Именно сейчас надо отстоять Свободу, которую нам возвратили. Я приду домой не раньше, чем битва будет выиграна.

Анриетта (*тихо*). А ты убежден, что она будет выиграна?

Элизабета. Не понимаю! Зачем же еще сражаться, когда весь народ за тебя?

Леба. Хорошо, если бы так!

Анриетта (*вполголоса*). Филипп! Скажи мне: разве ваше положение опасно?

Леба (*вполголоса*). Положение серьезное. Скорее возвращайтесь домой, дорогие мои! Анриетта! Поручаю ее тебе. (*Указывает на Элизабету.*)

Анриетта. Позволь нам подождать тебя в Ратуше.

Леба. Нет, нет, не теряйте времени! С минуты на минуту Ратуша будет оцеплена. Торопитесь, пока путь еще не отрезан.

Элизабета. Пускай будет отрезан! Мы же все вместе. И останемся вместе.

Леба. Здесь для вас опасно. Вспомни нашу поездку в Эльзас. Я не мог взять тебя и Анриетту с собой в лагерь. И вам пришлось вернуться к себе. Отведи ее домой, Анриетта. Элизабета, сердце мое! Твое место около нашего малютки. Если все кончится благополучно, я вернусь к утру. Что бы ни случилось, поручаю вас друг другу и вам обоим поручаю ребенка. Если же... мало ли что может случиться... берегите его, не дайте ему изведать чувство ненависти: этот яд отравляет человека, от него гибнет наша прекрасная Революция!.. Скажите моему сыну, что его отец всегда стремился уберечь себя от этой отравы. Внушите ему любовь к родине! Не сетуйте на меня, дорогие, что я всегда любил отчизну сильнее, чем вас! Зато я люблю вас гораздо больше, чем себя самого.

Элизабета. Ах, значит ты не любишь меня! Ты должен любить меня больше всего на свете. А больше, чем себя, — этого мало.

Леба (*улыбаясь*). Мало?

Элизабета (*обнимая его*). Нет, много. Ты для меня все... Ну зачем только родина отнимает у меня любимого?.. Ненавижу ее!

Леба. Нет, дружок, люби ее всем сердцем, если любишь

меня. Ведь родина — это я, это ты, это все, что мы любим, о чем мечтаем, все, что останется, когда нас уже не будет на свете. Родину зовут матерью, а ведь она наше дитя...

Э л и з а б е т а. Наш дорогой малыш! О да, защищай его, я тоже буду его защищать.

Появляется Сен-Жюст. Подходит сзади и кладет руку на плечо Леба.

Сен-Жюст. Привет, друг!

Леба. Сен-Жюст! Тебя тоже тюрьма не приняла?

Сен-Жюст. Да! Судьба торопит нас. Мы не сумели управлять ею. Что ж, она поведет нас за собой.

Леба. Куда же?

Сен-Жюст. Если отдаешь себя в руки судьбы, все уже наполовину потеряно.

Леба. А быть может, мы одолеем судьбу?

На башенных часах бьет одиннадцать.

Сен-Жюст. Мы узнаем об этом еще до наступления полуночи. Прощайте, Анриетта. Не жалеете ни о чем. Вы видите, нам было отпущено слишком мало времени. Я не мог дать вам счастья.

Анриетта. Я и не хочу счастья. Я хочу разделить вашу судьбу, какова бы она ни была, — и здесь и в вечности. В этом вы не можете мне отказать.

Сен-Жюст. Ну, что ж, пусть будет так. Вы достойный друг. И простите меня — ведь я хотел уберечь вас от своей злосчастной судьбы. *(Долго глядит ей в глаза, потом порывисто целует в губы и быстро уходит.)*

Леба, вырвавшись из объятий Элизабеты, следует за Сен-Жюстом. Оба в одно мгновение исчезают в толпе. Женщины остаются одни. Анриетта стоит, безвольно опустив руки, вся трепещущая, прерывисто дыша, с блуждающим взглядом.

Элизабета дотрагивается до ее плеча.

Э л и з а б е т а. Анриетта!.. Милая, приди в себя! Пойдем домой! Теперь уже я поведу тебя. *(Насильно уводит ее в сторону набережной.)*

Анриетта все еще не может произнести ни слова. В толпе начинается ропот.

Т о л п а. Какого черта мы толчемся здесь, на площади?

— Ну, как? Выступаем? Или ночевать здесь будем?

— Еще нет приказа.

— Куда это запропастился Кофиналь с нашим пьянчугой?

— Они пошли в Ратушу. Бросили нас здесь — поступайте, мол, как знаете!

— Неужто нам всю ночь здесь торчать?

— Секции Мюзеем давно уже был дан приказ разойтись по домам. Коммуна, правда, запретила им это, но они, один за другим, давай удирать с площади! Я сам видел.

— Я бы тоже дал тягу, кабы только Симон отвернулся. *(Пытается улизнуть.)*

Симон Дюпле. Эй, ты, не выходи из строя! Куда пошел?

Секционер. Помочиться.

Симон. Помочишься тут, в строю.

Секционер. Совестно.

Симон. Ну, секцию Пик этим не испугаешь.

Секционер. Слушай, Симон! Чего ради мы торчим на площади? Делать нам здесь нечего. Только стоим зря. Уж лучше бы подождать в кабачке на углу, если что случится — прибежим. У меня в глотке пересохло.

Симон. Ступай к фонтану. Испей водицы, как Анрию.

Секционер *(с презрением)*. Не мужское это дело. Для нас вода не подходит.

Симон. А для кого же она подходит?

Секционер. Для скотины.

В глубине сцены толпа начинает волноваться и шуметь. Слышны возгласы и угрозы.

Симон *(оборачивается, стараясь разглядеть, в чем дело)*.
Что там случилось?

Голос. Робеспьер идет!

Второй голос. Давно пора! Решился-таки наконец!

Симон. Что они там кричат? *(Забыв о своем приказе, расталкивает толпу и бросается вперед, чтобы увидеть Робеспьера. Отсутствует всего несколько секунд.)*

Семпроний. Живее, не зевай! Вы как хотите, а я удеру... Довольно с меня! Жена ждет, бегу домой... *(Убегает.)*

Сципион. А я пойду промочить горло. *(Убегает.)*

Эпаминонд. Погоди, и я с тобой. *(Хочет убежать.)*

Симон *возвращается и сразу замечает исчезновение секционеров.*

Симон. Кто улизнул? Семпроний... Сципион... Вот скоты! Отвернуться нельзя... Стой, ты куда! Эпаминонд, вернись-ка в строй! Неужто вам не стыдно?

Слышны невнятные крики.

Секционер. Что это они орут?

Симон. Ну и люди! Подлое отродье! Родились на свет рабами, рабами и умрут. Не стоит и освобождать их.

Секционер. Кого это ты честишь?

Симон. Когда Робеспьер появился, нашлись подлецы из рабочих, которые вместо приветствия заорали ему: «Долой! К черту твердые ставки!» Его освистали... Им наплевать на Свободу. Ни до чего им дела нет, кроме своего кармана.

Секционер. Есть-то всем хочется.

Симон. Пускай потерпят, черт побери! Не жалко подтянуть пояс потуже, чтобы выиграть великую битву за счастье. Эх, да никто из вас на это не способен. Все вы готовы продать будущее за несколько лишних грошей.

Секционер (*прибегая к набережной*). Симон, Симон! На нас идут две колонны войск Конвента, одна по набережной, другая по улице Сент-Оноре. Ведут их Бурдон и Фрерон, а командует Баррас.

Симон. Идем наперерез. Секция Санкюлотов строит баррикады на улицах Эпин, Ваннери и Таннери. Секция Обсерватуар охраняет ворота Ратуши. А мы, секция Пик, марш по набережной, атакуем их в лоб!

Секционеры разбиваются на три отряда и расходятся по указанным направлениям. На набережной начинается давка; толпа в панике отступает.

Толпа (*отпрянув*). Идут! Идут!

— Путь отрезан!

— Живо! Бегите в другую сторону!

Симон (*останавливая беглецов*). Где вы видели войска?

Голос. Возле моста Шанж.

Симон. Кто ими командует?

Голос. Леонар Бурдон. Во главе идет секция Гравилье.

Симон. Проклятые изменники! А что у тебя в руках? (*Выхватывает у него листок*.)

Голос. А ну, Симон, почитай-ка! Они расклеивают такие листки на стенах и выкликают на перекрестках под барабанный бой.

Симон (*быстро читает*). «Декрет департамента города Парижа. Объявляются вне закона: Анрио, Флерио-Леско, Робеспьер, Коммуна»... Ладно, молчи. Никому ни слова! Вне закона? Мы сами объявим их вне закона.

Вбегают, запыхавшись, Анриетта и Элизабета.

Симон. Как? Вы здесь, сестренки! Я думал, вы уже дома.

Анриетта. Нас оттеснили. Дорога к набережной отрезана.

С и м о н. Скорее! Бегите по улице Кокиль и Верри. Не теряйте ни минуты. Я не могу проводить вас. Ты умница, Анриетта, позаботься о Лизетте. Бегите! (*Спешит в сторону набережной догонять свой отряд.*)

Э л и з а б е т а. Мне страшно! Мне страшно! Ох, Анриетта, кто эти вооруженные люди?

А н р и е т т а. Это отряды Конвента.

Э л и з а б е т а. А кто эти трое, такие страшные, в шарфах?

Они ехали верхом и кричали.

А н р и е т т а. Я узнала их: это Бурдон, Баррас и Фрерон.

Э л и з а б е т а. Они точно взбесились — звери, а не люди...

А что они кричали?

А н р и е т т а. Не знаю.

Э л и з а б е т а. Я расслышала имена наших любимых... За чем они их называли?

А н р и е т т а. Не знаю.

Э л и з а б е т а. Они орала: «Вне закона!» Что это значит?

А н р и е т т а. Не знаю.

Э л и з а б е т а. Неправда, знаешь... Скажи!

А н р и е т т а. Пойдем отсюда! Нам нельзя мешкать.

Э л и з а б е т а. Скажи, что это значит — «вне закона»?

П р о х о ж и й (*пробегая мимо, слышит ее вопрос*). Это значит, красотка, что им крышка!

Э л и з а б е т а (*вскрикнув*). Я не хочу!.. Нет, нет, я не уйду отсюда! Я хочу к ним!

А н р и е т т а (*увлекая ее за собой*). Мы должны исполнить их волю. Они велели нам идти домой. Мы не имеем права ослушаться.

П р о х о ж и й (*пробегая мимо*). Бегите со всех ног на улицу Тиссандри. Путь через Сен-Мерри отрезан.

А н р и е т т а (*увлекая за собой Элизабету*). Бежим! Мы должны спасти твоего ребенка.

Убегают налево, в глубь сцены. Площадь быстро пустеет. На-крапывает дождь.

К а н о н и р ы К о ф и н а л я (*задрав головы*). Наконец-то освежимся. Хоть сверху закапало.

— Долго же мы дожидались!

— Ишь ты, видно, бочка на небе треснула.

— Так бы и растянулся на мостовой кверху брюхом и насосался вволю!

— Ну, нет, уж если пить, так лучше из винной бочки.

Сверкает молния, раздается сильный удар грома.

— Ишь, как запукало Верховное существо!

— Это чертов боженька Робеспьера палит из пушек в его честь.

— Ай да ливень, как хлещет! Не укрыться ли нам под навес?

— А на кого пушки бросим?

— А мы присматривать будем из кабачка. Пушки дождем помочит, а мы глотку промочим.

Убегают вправо, в сторону кабачка. Темнеет.

К о ф и н а л ь (*выходит из Ратуши*). Где же мои канониры? Ах, проклятые! (*Догоняет убегающих канониров и хватает первого попавшегося.*) Чертовы свиньи! Куда ты удираешь? Вернись сейчас же!

К а н о н и р. Да ведь дождь идет...

К о ф и н а л ь. Подумаешь, беда какая! Сукины вы дети! Растваять боишься, что ли? (*Обернувшись, кричит офицеру, который сопровождает его.*) Не видно ни черта! Обрадовались темноте и удрали. На площади черно, как в погребке... Вели-ка осветить фасад.

О ф и ц е р *убегает, и через минуту весь фасад здания Ратуши озаряется огнями, но при свете еще заметнее становится, как безлюдна площадь. Сильный дождь. Поблескивает бульжник мостовой. Кофиналь оглядывается.*

Все улизнули, как крысы... Погоди, я их вытащу из нор! (*Бежит в сторону кабачка.*)

В эту минуту на площадь, под проливным дождем, стремительно въезжает К у т о н в своем высоком кресле на колесах¹. Вцепившись в рукоятки, он вращает их с невероятной быстротой, оглашая всю площадь скрипом и треском. Он мчится, подавшись всем телом вперед и стиснув зубы. По бокам бегут два жандарма (М ю р о н и Ж а в у а р), крича: «Дорогу! Дорогу!» Страшный удар грома. Трехколесное кресло Кутона, наткнувшись на ступени Ратуши, внезапно останавливается под высокими ярко освещенными окнами второго этажа. Башенные часы бьют час ночи.

З а н а в е с .

¹ Смотри в муниципальном музее Карнавалé большое кресло с высокими подлокотниками, обитое лимонного цвета бархатом, с подставкой для ног и вращающимися рукоятками, наподобие ручной мельницы; рукоятки соединены с зубчатой передачей, приводящей в движение колеса — два больших передних и маленькое заднее; кресло тяжелое, деревянное, трехколесное. — Р. Р.

Ратуша. Небольшой зал Равенства. Ночь с 9 на 10 термидора, между часом и двумя пополудни, после ливня. В центре, за столом Исполнительного совета Коммуны, между мэром Флерио Леско и прокурором Коммуны Пэйаном сидит Робеспьер. Против него, по другую сторону стола, сидит в своем кресле Кутон, который только что прибыл¹. Огюстен Робеспьер стоит за спиной брата, склонившись над бумагами, которые тот держит в руках. Сен-Жюст сидит в конце стола с задумчивым видом, не принимая участия в споре. Леба, подойдя к окну и раздвинув занавеси, смотрит на освещенную площадь. Зал находится во втором этаже, над рампой. Окна растворены настежь. Слышно, как журчит дождевая вода. Расстегнув куртки, все тяжело и жадно дышат. Все смертельно устали. Последующие реплики подают несколько членов Исполнительного совета Коммуны, исключая Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона.

- Дождь идет!.. Давно пора!.. Какая прохлада!
- Наконец-то можно дышать!
- Только теперь чувствуешь, как мы смертельно устали за день.
- Сил больше нет! Прямо с ног валишься... Прилечь бы...
- Будь что будет...
- Нет, нет! Надо держаться.
- Заснуть бы хоть на часок! Хоть на четверть часа!
- Ни на минуту! А то все пропало. Заснешь и не проснешься.

Огюстен Робеспьер (склонившись над братом). Ну, Максимилиан, нельзя больше медлить, подпиши.

Флерио-Леско. Мы упускаем из рук Париж. Мы даром теряем время.

Пэйан. В десять часов вечера здесь собрались комиссары двадцати семи секций из сорока восьми. Они явились за распоряжениями. Мы не могли отдать приказ без тебя. Мы прождали тебя целых два часа. Они устали и разошлись по домам.

Леба (у окна). Площадь опустела. Дождь разогнал толпу. *(Подойдя к Сен-Жюсту.)* Сен-Жюст! Вокруг Ратуши нет охраны. Канониры бросили свои орудия. Пойдем со мной, проверим оборону.

Сен-Жюст (не двигаясь). Бесполезно. Чтобы обороняться, надо нападать.

¹ Робеспьер сидит лицом к публике, Кутон — спиной или вполоборота. — Р. Р.

Леба. Что же делать?

Сен-Жюст. Ничего. Слишком поздно.

Пэян (*Робеспьеру*). Мы было арестовали штабы двух подозрительных секций — Мюзеем и Друа-де-Л'ом. Но Анрио упустил их. Они разбежались.

Флерио-Леско. Мы хотели ударить в колокол собора Парижской богоматери. Секция Ситэ отказала нам в этом! Напрасно мы зывали к ним. Только твоим именем, Максимилиан, можно поднять народ Парижа. Кликни клич, обратись к народу.

Огюстен Робеспьер. Подпиши воззвание! Воззвание к народу!

Кутон. Этого мало. Теперь уже этого недостаточно. Что это за народ, который бросает поле битвы, испугавшись дождя? Обратись с призывом к войскам.

Робеспьер. Никогда! Я отказываюсь отдать Республику во власть военного деспотизма.

Кутон. Республика не отказывается от помощи своих генералов, когда надо защищаться от внешних врагов.

Робеспьер. Республика погибнет в тот же час, когда разрешит своим войскам вмешаться в гражданскую борьбу.

Кутон. Она погибнет, если мы допустим ее гибель. (*Внезапно его сводит судорога.*)

Леба (*подбежав к нему*). Что с тобой?

Кутон. Не могу больше. Голова кружится, в висках точно молотком стучит... В глазах темно... Держись, жалкая кляча!

Огюстен Робеспьер (*брату*). Победить любой ценой! Подпиши воззвание к народу!

Робеспьер. От чьего имени?

Флерио-Леско. От своего.

Робеспьер. Я только слуга Республики, только один из ее представителей в Конвенте, в числе трехсот других.

Огюстен Робеспьер. Ну, так от имени Конвента!

Робеспьер. Конвент умер. Никто не в силах его возродить.

Леба. Тогда от имени французского народа!

Робеспьер. Народ должен сам поручить мне это, а не вы.

Леба. Народ — это мы!

Робеспьер. Мы — этого недостаточно.

Кутон (*взял себя в руки*). В Лионе мы были в худшем положении, и все-таки я нашел выход. Надо действовать решительно и разить молниеносно. Я готов действовать. Упорнее вас всех я противился призыву Коммуны выйти из

тюрмы. Я полагал, да и теперь считаю, что мы совершили крупную тактическую ошибку: мы первыми нарушили закон. Но коль скоро решение принято, отступить поздно. Надо собрать все силы и довести дело до конца. Если Конвент объявил нас вне закона, мы должны выбить меч закона из рук Конвента. Следуй за мной, кто хочет! Я, жалкий безногий калека, я пойду во главе патриотов, во главе канониров Кофиналя, я поведу их на Конвент!

О г ю с т е н Р о б е с п ь е р. Я с тобой. Идем!

П э й а н. За нами пойдут все секции, которые остались нам верны. Обсерватуар, Санкюлоты...

Л е б а. Слово за тобой, Сен-Жюст! Отчего ты молчишь?

С е н - Ж ю с т. Я пришел сюда не для того, чтобы говорить, а для того...

Л е б а. Чтобы действовать?

С е н - Ж ю с т. Нет, Леба, чтобы умереть. Время действовать упущено. Вы не сумели или не захотели им воспользоваться. Мы сами дали себя обезоружить.

К у т о н. Ты тоже несешь ответственность за это, Сен-Жюст! Четыре дня назад по твоему приказу были отправлены в Северную армию лучшие, самые верные войска парижского гарнизона.

С е н - Ж ю с т. Я признаю свою вину. Я виноват в том, что взывал к вашей доброй воле. Я полагал своим долгом установить мир в Комитете, в последний раз уговорить противников пойти на соглашение. Ни вы, ни они не сдержали обещаний. Я и сам, подписывая соглашение, не питал особых надежд. Но это было последнее средство, раз никто из вас, боясь обесславить себя, не соглашался сделать единственный шаг, который мог спасти Республику.

К у т о н. Что ты имеешь в виду?

С е н - Ж ю с т. Диктатуру. Нам следовало, как римлянам в годину испытаний, сосредоточить всю власть, гражданскую и военную, в руках одного человека, доверить ему разящую секиру Республики. За несколько месяцев, быть может даже недель, он сумел бы уничтожить стоглавую гидру заговора и мятежа, сокрушить все преграды на славном пути Революции. Выполнив свою миссию, вновь введя могучий поток Революции в его державное русло, этот человек сам сложил бы к вашим ногам окровавленную секиру, и вы сломали бы свое оружие.

Р о б е с п ь е р. Нет! Пока я жив, ни один человек, как бы надежен он ни был, не завладеет мечом диктатуры. Даже если он, подобно Цинциннату, выполнив свою миссию, добровольно отрекся бы от власти, все равно Республика и На-

ция остались бы обесчещенными, допустив посягательство на свои верховные права.

К у т о н (*ему вторят Леба, Огюстен и Пэлан*). Обратись же с призывом к верховному властелину, к народу! Подымем вооруженное восстание против изменников народа.

Р о б е с п ь е р. Я в это не верю.

О г ю с т е н. А год назад верил.

Р о б е с п ь е р. Больше не верю.

К у т о н. Ты был в первых рядах народного восстания против жирондистов.

Р о б е с п ь е р. Прошли времена тридцать первого мая!

О г ю с т е н. Что же изменилось с тех пор?

Р о б е с п ь е р. Все изменилось. Тогда действовали в согласии самые могучие, самые животворные силы Революции: Марат, Дантон, Эбер... Теперь же — признаем это — вокруг нас пустыня.

К у т о н. Кошунственные речи! Неужели, по-твоему, надо было пощадить Дантона и Эбера?

Р о б е с п ь е р. Это было невозможно. Если бы пришлось начинать сызнова, я поступил бы так же.

К у т о н. Но ты жалеешь о том, что произошло?

Р о б е с п ь е р. Я никогда не переставал сожалеть об этом. Истинное бедствие, что деятельность таких людей стала гибельной для Революции. И что ныне мы снова вынуждены сражаться против честных республиканцев — таких, как Билло, Баррер, Карно...

К у т о н. Против тех, кто тебя ненавидит.

Р о б е с п ь е р. Кого я сам ненавижу.

К у т о н. Ты нынче обуян христианскими чувствами, Максимилиан.

Р о б е с п ь е р. Я люблю Республику больше самого себя. И с горечью сознаю, какой непоправимой утратой была каждая из этих смертей, как много пролито крови лучших людей Республики. Не будь я убежден, что эти безумцы погубят Революцию, я поборол бы свою личную неприязнь. Но если братоубийственная война неминуема, вести ее можно лишь при условии, что мы найдем опору среди честных людей Конвента... Я искал такой опоры и не нашел ее. Честные люди отвергли протянутую им руку. Они предали меня. Где, в ком искать нам теперь опоры? Сен-Жюст прав. Единственное спасение — диктатура. Но мы не хотим ее. Это значило бы отречься от самих себя.

С е н - Ж ю с т. Я понимаю тебя, Максимилиан, и покоряюсь. Сохраним наше доброе имя незапятнанным, хотя бы для будущего.

К у т о н. Мы сохраним его, если одержим победу. Будь уверен, Максимилиан, и ты, Сен-Жюст, что поражение покроет вас позором на веки веков.

Р о б е с п ь е р. Я это знаю, Кутон. Меня оклеветают. История — трусливая прислужница успеха.

С е н - Ж ю с т. Но после бесславия настанет черед справедливости. В конце концов она восторжествует. Минуют столетия. Придут иные времена, и наш прах станет священным для счастливого и свободного человечества будущих веков.

К у т о н. У побежденных нет будущего.

С е н - Ж ю с т. Я никогда не буду побежденным! У тех, кто, подобно нам, дерзал на все ради Свободы, можно отнять жизнь, но нельзя отнять смерть-избавительницу, освобождающую от рабства, нельзя отнять наш свободный, независимый дух, который будет жить в веках и на небесах¹.

Ф л е р и о - Л е с к о. Какое нам дело, что Сен-Жюст сохранит свой независимый дух даже в могиле? Мы боремся за жизнь. И будем защищать ее до последнего вздоха. Максимилиан! Мы пошли за тебя на смерть! Ты не вправе отстраняться от борьбы. Ты должен подписать!

Р о б е с п ь е р. Это бесполезно.

П э й а н и О г ю с т е н Р о б е с п ь е р. Подпиши!

Л е б а (*повернувшись к окну, глядит на площадь*). Кто эти люди? Чьи это колонны пересекают пустую площадь?

Входит К о ф и н а л ь.

Кофиналь, посмотри!

К о ф и н а л ь (*не глядя*). Все идет хорошо. Наши войска вполне надежны. Я отпустил их немного освежиться. Надо только дождаться подкреплений, которые мне обещали, и выступать. Подпиши, Робеспьер.

Л е б а (*у окна*). Они направляются к главному входу. (*Сен-Жюсту, который подходит к окну*). Погляди, Сен-Жюст! Ты знаешь этих людей?

С е н - Ж ю с т. Не все ли равно? Дай мне спокойно подышать ночной прохладой.

Л е б а. Давно я не видел тебя таким просветленным. Твое чело, твои глаза словно излучают счастье.

С е н - Ж ю с т. Да, я счастлив, друг. Я вышел из пучины жизни.

Л е б а. А я нет. Я привязан к жизни, я держусь за нее всем существом.

С е н - Ж ю с т. Насладись же этими последними минутами.

¹ Подлинные слова Сен-Жюста. — Р. Р.

Скоро эту тишину нарушат, эту дивную ночь осквернят.

Леба. Не могу... Меня томит тревога... Они входят... Подымаются... Слышишь, Сен-Жюст? Кто это идет?

Дверь распахивается. Друзья, столпившиеся вокруг Робеспьера, не оборачиваются. Робеспьер подписывает бумагу. На пороге появляется Бурдон с отрядом жандармов.

Бурдон¹ (указывая на Робеспьера молодому жандарму).
Вот он, предатель! Стреляй, Мерда!

Молодой жандарм стреляет в Робеспьера. Робеспьер падает ничком на стол. Все окружающие вскакивают в смятении.

Кюфиналь (бросившись к Бурдону, хватая его за горло).
Негодяй!

Жандармы врываются в зал. Вступают в борьбу с Флерио-Леско и Пэйаном. Огюстен Робеспьер пытается выскочить в окно. За большим столом остался только Робеспьер, упавший лицом в лужу крови, и напротив него — беспомощный Кутон, покинутый друзьями на произвол судьбы. Напрасно он взывает то к одному, то к другому: «Унесите меня!» Наконец он пытается подняться сам, но при первом же усилии падает на пол, возле рамы. Жандармы Бурдона топчут его ногами, затем поднимают, как куль, и выбрасывают на лестницу. Стоя неподвижно спиной к окну, Сен-Жюст за все время ни разу не шелохнулся. Он бесстрастно наблюдает за роковым исходом — он его предрекал. Леба бросается к столу, затем бежит к Сен-Жюсту.

Леба. Они его убили. Республика погибла... На что мне жизнь! Прощай, брат! (Стреляет себе в грудь.)

Сен-Жюст подхватывает его на руки.

Сен-Жюст. Прощай, Леба! Вот ты и свободен! Ты избежал нашей участи... Но я не вправе это сделать. Остается самая тяжелая часть пути. Я пройду ее без тебя... Спи спокойно, брат мой, я завидую тебе. (Бережно опускает его на пол.)

Бурдон (приподняв голову Робеспьера). Он еще не умер. Но он умрет.

Жандарм Мерда (самодовольный, фатоватый молодой парень, усмехаясь и покручивая усы, глазеет на свою

¹ Бурдон был историческим «героем» этой развязки. Но его может заменить на сцене Баррас как личность более известная. — Р. Р.

окровавленную жертву и ударяет себя в грудь). Меткий выстрел! Ай да Мерда!

Б у р д о н (обернувшись к нему и хлопнув по плечу, говорит торжественно). Мерда! Твое имя навеки войдет в историю.

Сен - Жюст идет к Робеспьеру, которого с бранью укладывают на стол. Жандармы оттесняют Сен-Жюста и связывают ему руки.

С е н - Ж ю с т (через стол обмениваясь взглядом с Робеспьером). Учитель, я здесь. Я не покину тебя.

З а н а в е с .

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Утро 10 термидора (28 июля). Павильон Равенства во дворце Тюильри. Приемный зал Комитета общественного спасения, куда принесли раненого Робеспьера. Он лежит лицом к публике на столе с медными золочеными гербами в стиле Людовика XV, под головой у него патронный ящик. Глаза его открыты, взгляд неестественно напряжен и неподвижен. Он утирает губы белым кожаным мешочком, который тут же окрашивается кровью. В нескольких шагах от него, высоко подняв голову, сидит С е н - Ж ю с т с изможденным от усталости лицом, без галстука, с разодранным воротом. Немного дальше, в углу зала, сидят Д ю м а² и П э й а н. На стене, прямо против публики, над столом, где лежит Робеспьер, висит на видном месте Декларация прав человека и гражданина. Зал набит ж а н д а р м а м и, с е к ц и о н е р а м и, к а н о н и р а м и, г а з е т ч и к а м и, з е в а к а м и и п р о с т о л ю д и н а м и, которые толпятся и спуют.

Г о л о с а. Король предателей!

— Вот ему и крышка!

— Надо бы прибить его гвоздями, как сову, на главных дверях Конвента.

— Какая мерзкая рожа!

— А ведь считал себя красавцем. Говорят, он распутничал в одном замке: кругом зеркала да свечи, а с ним три сотни голых баб — гетер, что ли? Как их там называют?.. Приведут к нему жен и дочерей арестованных. «Ложись со мной, — говорит, — коли хочешь его спасти». Уж по-

¹ Merde — по-французски «дерьмо».

² На сцене Дюма можно заменить Флерио-Леско, который участвовал в предыдущей картине. — Р. Р.

нятно, бедняжка ничего этим не спасала — ни отца, ни друга, ни своей девичьей чести...

— А под замком нашли подземелье, где зарыты горы трупов. Ведь он хотел зарезать шесть тысяч парижан...

— Не может быть!

— Верно говорю. А вон тот молодчик (*указывает на Сен-Жюста*) послал на гильотину бедную девушку, а из ее кожи велел шить себе штаны.

— Изверг! С него бы самого содрать кожу живьем!

Жандармы оттесняют толпу.

Жандармы. Тише, граждане! Не напирайте! Надо уважать закон. Тут все по закону, тут вам не самосуд. Будьте покойны, закон расправится с ними. Еще до вечера все на гильотину попадут.

Голос. Их мало казнить!

Жандармы. Довольно с тебя! Мы ведь не людоеды.

Один из толпы (*в тринадцатой картине, в Клубе якобинцев, он восторженно приветствовал Робеспьера*). Дай мне поглядеть!

Второй. Ты, кажется, был с ним знаком?

Первый. Нет, нет!.. Я видал его только издали... Как все.

Робеспьер глядит на него в упор. Человек отворачивается в замешательстве и старается улизнуть.

Второй. А я слышал, будто ты с ним приятель.

Первый. Тебе наврали. Ей-богу, нет.

Второй. Коли ты правду говоришь, плюнь ему в лицо.

Первый. Плюю и проклинаю. (*Поспешно скрывается в толпе.*)

Пэян. Экая сволочь! Я отлично помню этого труса. У якобинцев он пресмыкался перед Робеспьером.

Дюма. Спасает свою шкуру. А вот мы, дураки, шкуры своей не сберегли. И все ради него. (*Указывает на Робеспьера.*) И все из-за него. Мы погубили себя, чтобы его спасти. А он не способен был ни себя защитить, ни нас. Связал нас по рукам и ногам. Ох, если бы меня вовремя послушались!

Пэян. Теперь поздно охать, все равно ничего не поправишь. Мы погубили наше дело. И сами погибли. Это бы еще полбеда, но погибла Республика. Надежды больше нет... Это конец. Конец всему.

Дюма. В эдакой жаре и пылище подохнешь от жажды... (*Жандармам.*) Граждане! Даже осужденным на смерть нельзя отказывать в глотке воды.

- Жандарм.** Что ж, я с охотой. Кто бы они ни были, а все же люди. *(Уходит за водой.)*
- Второй жандарм** *(останавливая его)*. Постой, Регул! А это разрешено?
- Первый жандарм.** Я буду в ответе. Мне велено их стеречь, а не мучить.
- Дюма.** Принеси две кружки.
- Пэян.** Принеси три. *(Указывает на Сен-Жюста, застывшего и неподвижного; он слишком горд, чтобы просить, и слишком погружен в свои думы, чтобы замечать страдания.)* Посмотри на него! Он совсем без сил. Три ночи подряд глаз не смыкал. Точно прирос к стулу. Слова от него не добьешься. Кажется, вот-вот рухнет сразу.
- Дюма.** Нет, его поддерживает гордость. Она у него на первом месте. Все — и нас в том числе — принес в жертву своей гордыне. Ему все безразлично, лишь бы держаться с достоинством до самой казни.
- Пэян.** А если и так, что ж тут дурного? Я люблю юношу и жалею его.
- Дюма.** Слишком уж ты жалостлив. А я больше себя жалею.
- Пэян.** Стоит ли рассуждать, что мое, что твое, когда жить-то осталось всего пять или шесть часов!
- Дюма.** Тем более.
- Жандарм приносит три кружки воды. Пэян кивает ему на Сен-Жюста — тот сидит не шевелясь.*
- Пэян** *(ласково)*. Выпей, Сен-Жюст.
- Сен-Жюст на миг выходит из задумчивости и, обернувшись к Пэйану, безмолвно благодарит его взглядом.*
- Первый жандарм** *(глядя на Робеспьера, судорожно прижимающего к челюсти скомканный окровавленный кожаный мешочек)*. А этому бедняге нечем даже кровь утереть... *(Вынимает из корзины клочки бумаги и сует в руку Робеспьеру, отобрав у него мешочек.)* На, утри рожу!
- Второй жандарм** *(подбирает с полу брошенный мешочек и разглядывает его)*. Что это тут написано? *(Читает.)* «Поставщик великого монарха». Ага, вот улика, значит, он замешан в заговоре! Снюхался с королем...
- Первый жандарм.** Да будет тебе, болван! «Поставщик великого монарха» — это вывеска парфюмерной лавки на улице Оноре.
- Второй жандарм.** Нет, меня не проведешь! Там написано «мо-нарх» *(читает по складам)*, с буквой «М», а это значит «король». Чего еще надо?

Третий жандарм. Должно быть, это у них вроде пароля, раз он держит в руках эту дрянь?

Первый жандарм. Что ж, по-твоему, он и ночью, во время всей этой кутерьмы, таскал с собой мешочек из-под духов?

Второй жандарм. А по-твоему, как?

Первый жандарм. А так, что ему это подсунули.

Второй жандарм. Где же? Кто?

Первый жандарм. Да здесь. Один из этих шпионов. (Указывает на шпионов, которые рыщут вокруг.) Давеча я заприметил одного... он тут околачивался...

Четвертый жандарм. Ты бы лучше не пялил глаза да держал язык за зубами... Со шпииками шутки плохи!

Первый жандарм. Да что ж... Мне наплевать.

Второй жандарм (упрямо). А все-таки что написано, то написано. Смотри (читает по складам): «монарх», через букву «М»... Долой Капета!

Зеваяки (подойдя к Робеспьеру). Глянь-ка на эту обезьяну! Ишь как морщится! Вашему величеству нездоровится?

В эту минуту лицо Робеспьера искажается от муки: чтобы не видно было его страданий, он закрывает глаза. Сцена темнеет, заволакивается багровым, затем пепельно-желтым туманом, под покровом которого реальная сценическая картина сменяется такой же картиной на экране: Робеспьер лежит на столе. Затем лицо его приближается и все окружающее исчезает. Крупным планом дается лицо Робеспьера, его глаза, расширенные от боли, словно заполняющие весь экран...

Потом этот кадр исчезает и все погружается во тьму. Внезапно сцена освещается, и на экране разворачиваются, сменяя друг друга, видения Робеспьера.

По мере того как они проходят одно за другим, к ним дает скупые пояснения голос Робеспьера, печальный, протяжный и слегка монотонный.

В и д е н и я.

- 1. Пейзаж Арраса под серым, туманным небом.*
- 2. Весна, запоздалая и ненастная. Первые зеленые побеги.*
- 3. Редкие, безрадостные солнечные лучи пробиваются сквозь дождевые облака; облака набегают, рассеиваются и снова заволакивают небо. Короткий весенний ливень.*
- 4. Старая улица. Старый дом.*
- 5. На темной каменной лестнице с почерневшими, стертymi ступеньками возле слухового окошка, сидит мальчик лет*

шести-семи, одетый в траур. Прислонясь головой к стене, он мечтательно смотрит, как по небу пробегают облака.

6. На грязном дворе старого провинциального коллежа, в уголке, примостившись у стены, читает книгу школьник лет десяти-двенадцати, не обращая внимания на шумные игры товарищей.

Г о л о с. Печальные дни детства, старый город, неприятный дом у чужих людей, ребенок, выросший без матери, как Руссо... Он был не создан для счастья. Душа его искала в книгах сердечного тепла, которого ей недоставало в жизни.

В и д е н и е.

В нетопленной комнате коллежа Людовика Великого юноша лет восемнадцати-двадцати, сняв камзол, дрожа от холода, штопает продранную на локтях одежду, не отрывая глаз от книги. Дверь отворяется. Входит учитель, аббат. Юноша вскакивает, в смущении пряча книжку и заплатанную одежду. Аббат, насмешливо и покровительственно улыбаясь, делает вид, что ничего не заметил.

Г о л о с. Нищета, одиночество, упорный труд. Двенадцать лет учения на казенный счет, жизнь в большом городе, где он не может даже выйти на улицу, стесняясь своей ветхой одежды и дырявых башмаков. Богатые ученики презирают его; наставники снисходя к бедности способного ученика, унижают его самолюбие. К приезду королевской четы его облачают в новое платье и посылают перед воротами коллежа прочесть приветственную речь королю в момент приезда их величеств.

В и д е н и я.

1. Улица Сен-Жак, перед порталом коллежа Людовика Великого. Виден пологий склон и королевский кортеж, поднимающийся на гору Святой Женеьевы. Прямо на мостовой, под дождем, в парадном новом костюме, стоит на коленях юный Робеспьер перед окошком кареты, откуда выглядывают скучающие лица царственных путешественников.

2. Внутри кареты виден король; он жадно обглаживает крыльшко цыпленка, не глядя на юношу за окном, который декламирует свою приветственную речь. Королева зевает, обмениваясь насмешливыми замечаниями с сидящей напротив княгиней Ламбаль, — та презрительно смеется, лорнируя стоящего на коленях бедного школьника.

3. Снова улица под дождем. Карета следует дальше, обрызгав юношу грязью. Он встает с колен, скомкав рукопись.

которую так и не успел дочитать, смущенный и мрачный.

Карета медленно удаляется в гору по улице Сен-Жак...

4. И в тумане, сгустившемся над этой сценой, появляются очертания гильотины...

Эти четыре видения не поясняются ни единым словом. В словах нет надобности. Silet, sed loquitur...¹

Новое видение.

Вскоре туман рассеивается.

Солнечный день в Эрменонвиле, на острове Тополей. Перед могилой Жан-Жака Руссо, увенчанной урной, юный Робеспьер стоит на коленях, как некогда перед королевской каретой. Но теперь лицо его выражает скорбь и благоговение. Он приник лбом к могильной плите. На гробнице высечена надпись: «Здесь покоится друг Природы и Истины».

Могилу окружают высокие тенистые деревья. Щебечут птицы.

Г о л о с. О Жан-Жак, о мой учитель! Я видел твои величавые черты, отмеченные печатью горьких невзгод, на которые обрекла тебя людская несправедливость. Взирая на тебя, я постиг тяготы благородной жизни, посвященной служению истине. Я тоже жажду нести это бремя. На чреватом опасностями поприще, которое открывает перед нами небывалая, невиданная доселе Революция, я даю клятву следовать по стопам учителя!

Видение.

Над распростертым у могилы юношей появляется тень Жан-Жака Руссо и кладет руку на плечо Робеспьера. Робеспьер не оборачиваясь выпрямляется.

Г о л о с Ж а н - Ж а к а. Несчастный! Знаешь ли ты, что сулит тебе этот путь?

Г о л о с Р о б е с п ь е р а. Если даже мне суждены твои страдания, я благословлю их, они священны для меня. Я не боюсь неблагодарности и ненависти людей, ибо, подобно тебе, я твердо знаю, что всегда желал только блага людям.

Г о л о с Ж а н - Ж а к а. Горше всего не то зло, что причиняют тебе люди.

Г о л о с Р о б е с п ь е р а. А что же?

Г о л о с Ж а н - Ж а к а. Для души, подобной твоей, горше всего то зло, которое ты сам причиняешь людям, желая сделать им добро...

¹ Молчание красноречиво (латин.).

В и д е н и я
Сцена меняется.

1. Париж, вооруженный народ, улица в Сент-Антуанском предместье. В глубине высятся башни Бастилии. Шумная, ликующая толпа устремляется туда бурным потоком. Ружейные выстрелы, пушечная пальба. Вопли и крики. Толпа с ревом пронесится мимо. На острие пики качается отрубленная голова. Тридцатилетний Робеспьер, депутат третьего сословия, в темном строгом сюртуке, отступив к стене дома, смотрит на толпу, бледнея от ужаса.

2. Зал Учредительного собрания. На трибуне заканчивает свою речь Мирабо. Собрание внимает ему с энтузиазмом. Депутаты толпятся, ходят, собираются группами, шумно спорят. Со скамьи поднимается никем не замеченный молодой депутат из Арраса, неловкий и застенчивый, в больших очках. Он нерешительно пробивается сквозь толпу к переполненной трибуне, откуда по ступенькам спускается Мирабо. Столкнувшись с ним, Мирабо меряет взглядом с ног до головы юного депутата, похожего на педантичного классного наставника; тот, растерявшись, невольно уступает ему дорогу. Заметив смущение новичка, Мирабо хлопает его по плечу, благодухно подталкивает к трибуне и удаляется, тут же позабыв о нем. Поднявшись на трибуну, Робеспьер листает свою рукопись, откашливается, начинает говорить. Никто в зале его не слушает. Все громко болтают, повернувшись к оратору спиной.

3, 4, 5. В последующих трех картинах упорно повторяется все та же декорация: на переднем плане слева возвышается трибуна, общий тон — нарочито смутный, туманно-серый. (Робеспьер близорук, и зал представляется ему неясно, в виде шумной, движущейся массы, откуда, как из темной бездны, выплывают и приближаются к трибуне какие-то фигуры.) И в каждой картине неизменно, три раза подряд, виден Робеспьер, поднимающийся на трибуну. Но с каждым разом окружающая его обстановка меняется.

Во второй раз, лишь только Робеспьер начинает говорить, два-три депутата перебивают его язвительными шутками, и в собрании раздаются смешки; оратор приходит в замешательство, но тут же овладевает собой и упрямо продолжает свою речь. В третий раз на лицах депутатов вокруг трибуны появляется совершенно иное выражение — серьезное, внимательное, но враждебное. Видно, как нарастает злобное сопротивление Робеспьеру. На экране, по мере того как он говорит, расступаются стены, и в глубине, за трибуной, открывается парижская улица. Там, на заднем плане, слева — толпа мужчин и женщин, пока еще редкая; но постепенно она растет и сгуща-

ется позади Робеспьера, словно могучей волной омывая подножие трибуны.

В четвертый раз — в Учредительном собрании взрыв возмущения против Робеспьера. Робеспьер на трибуне. Он говорит бесстрастно, вполне владея собой, шум и ропот жирондистов стихает. Справа видны исступленные лица, гневные жесты, сжатые кулаки, угрожающие оратору. А с другой стороны, слева, приближается и растет, наводняя зал, захлестывая ступеньки трибуны, волна народа — народа бедного, босого, в лохмотьях; в конце картины вооруженный люд с пиками в руках заполняет уже всю сцену, громко прославляя Робеспьера.

И в шуме начинающейся схватки слышны голоса.

Голос из народа (*громко и отчетливо*). Неутомимый защитник народа!

— Неусыпный страж!

— Опора бедняков!

— Апостол! Друг угнетенных!

Голос Робеспьера. Угнетенные — сила земли...

Голос из народа. Неустрашимый!

— Неподкупный!

— Знаменосец равенства!

— Вождь народа-властелина!

Голос Робеспьера. Народ — наш подлинный властелин. Во Франции есть только две партии: народ и его враги. Есть только два класса: одни — это защитники бедных и обездоленных, другие — покровители несправедливого обогащения, приспешники тех, чья тирания зиждется на крови и золоте. Вот как в действительности разделена Франция. Кто не стоит за народ, тот наш враг¹.

В и д е н я

1. Открывается улица Парижа. Народ, с пиками и знаменами, несет петицию на Марсово поле.

2. Марсово поле. Народная делегация хочет возложить петицию на алтарь отечества. Национальная гвардия под начальством Лафайета и Байи разгоняет народ. Барабанный бой, грубые окрики.

3. Издали слышны ружейные выстрелы, стоны раненых и изувеченных. Расстреливают народ. Крики доносятся в залу Клуба якобинцев, где идет непрерывное заседание. Выступает Робеспьер.

¹ Из речи Робеспьера в Клубе якобинцев 8 мая 1793 года. — Р. Р.

Г о л о с а. Враги народа разоблачили себя. На Марсовом поле отряды буржуа по приказу Лафайета расстреливают народ. Робеспьеру угрожают убийством.

Г о л о с Р о б е с п ь е р а. Я обвиняю богачей, я обвиняю буржуа, которые совершили Революцию ради наживы и барышей и теперь стремятся преградить ей путь. Я обвиняю Национальное собрание, которое предало народ и призывало к резне. Я знаю, что после этих слов над моей головой будут занесены сотни кинжалов. Пусть придет смерть и избавит меня от зрелища стольких злодеяний.

Г о л о с н а р о д а. Мы все умрем с тобой!

— Нет! С тобой мы победим!

В и д е н и я

1. *Улица. Робеспьера с триумфом несут на руках под звуки фанфар и ликующие клики. На нем венок из дубовых и лавровых листьев. Матери протягивают к нему детей под благословение. Юноши склоняют перед ним знамена.*

2. *Колесница Революции. Она торжественно движется среди несметной толпы по широкой дороге, уходящей вдаль к багровому горизонту. На троне восседает прекрасная женщина, олицетворяющая Республику. У нее в руках меч, перевитый пшеничными колосьями. За колесницей шествуют депутаты Конвента. Впереди, ведя под уздцы белых коней, выступает Робеспьер. Рядом с ним — Сен-Жюст, Леба, Кутон, члены обоих Комитетов. Колесница катится меж двойного ряда пик, ружей, знамен и щитов с обозначениями одержанных побед. Но движется она под грохот битв и треск пожаров; временами дым заволакивает весь горизонт и, застилая пеленой торжественное шествие, скрывает его от*

глаз...

Каждый раз как рассеивается дым и кортеж появляется снова, толпа все редеет, лик Республики меняется — становится грозным и страшным; растрепанная, окровавленная, она встает во весь рост, потрясая мечом (сноп колосьев уже брошен наземь и затоптан), исступленная и яростная, как статуя Свободы, изваянная Рюдом. По краям дороги, словно вехи, вырастают могилы, холмы, подобные курганам: роль жирондисты, Эбер, Дантон...

Потом исчезает и сама колесница... Только Робеспьер с горсткой приверженцев продолжает свой путь, пробиваясь сквозь хмурую и безмолвную толпу, к которой он взывает в тревоге.

Г о л о с Р о б е с п ь е р а (*Робеспьер простирает руки к народу*). О мой народ, мой единственный друг! Что бы ни

случилось, мы останемся навеки вместе. Счастье и горе, радость и страдание, жизнь и смерть — все я поделю с тобой. В твоей любви, в твоём доверии — единственный смысл моей жизни. Не отнимай же их у меня! Я твой. Я так долго боролся за тебя! Ночь приближается. Я так устал! Не покидай меня!

Г о л о с н а р о д а . Мы не покинем тебя. Мы последуем за тобой, куда бы ты ни шел.

Г о л о с Р о б е с п ь е р а . А знаешь ли ты, куда я иду?

В и д е н и е

В конце проспекта, уходящего вдаль, как аллея Елисейских полей, в самой глубине, вместо Триумфальной арки появляются очертания гильотины... И вдруг эта картина, эти видения — все исчезает. Робеспьер по-прежнему лежит на столе. Вокруг него шумит и толпится народ.

В о з г л а с ы . На гильотину!..

— Ты спишь, предатель?

— Просыпайся!

Лицо Робеспьера искажается от боли. Сен-Жюст встает с места и старается через головы людей увидеть Робеспьера, но ему мешают шеренга зевак, которые толпятся вокруг стола и осыпают раненого оскорблениями.

П е р в ы й ж а н д а р м (заметив Сен-Жюста). Дайте же ему посмотреть на своего учителя!

Толпа расступается и пропускает Сен-Жюста, тот, подойдя к столу, склоняется над Робеспьером. Они без слов обмениваются долгим взглядом, полным любви и преданности... Сен-Жюст выпрямляется и глазами указывает Робеспьеру на доску¹, прибитую к стене над его изголовьем.

С е н - Ж ю с т . Декларация прав человека... Наше создание... Она победит!

З а н а в е с

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Заключительная сцена для народного театра. В тот же день, 10 термидора (28 июля), около 6 часов вечера. Площадь Революции (ныне площадь Согласия). Вид на площадь с

¹ См. гравюру Дюплесси-Берто, где Робеспьер делает судорожные усилия, чтобы повернуться и увидеть у себя над головой доску с текстом Декларации. — Р. Р.

угла, возле террасы Тюильрийского сада (со стороны нынешней улицы Риволи). Находящиеся на сцене видят гильотину посреди площади, но из зрительного зала ее не видно. Густая толпа внимательно, тревожно, настороженно смотрит на площадь. Многие поднимаются на цыпочки, некоторые несут на плечах детей.

В заднем ряду (ближе к публике), прижавшись к стене террасы стоят Билло, Баррер, Матьё Реньо, Бабеф, потрясенные и безмолвные. Карье с трудом сдерживает прерывистое дыхание. Поодаль стоят Межан, Коллено, шпионы, подвизающиеся в Комитете, мюскадены. Впечатление огромной толпы, которая, простираясь за пределы сцены, бушует и волнуется, словно океан. Занавес подымается в ту самую минуту, когда под резкую барабанную дробь падает голова Робеспьера. При этом звуке толпа содрогнулась и отхлынула с громким криком «а-а!».

Голос из толпы. Ты слышал, как волк завыл?

Карье (в неистовстве). Скатилась с плеч голова тирана! Голос (из группы Межана и мюскаденов). Смотри, Карье, как бы и твоя не скатилась!

На площади наступает глубокая тишина. Реньо и Билло, опустив головы, не смеют поднять глаза.

Реньо (удручен). Приди в себя, Билло!

Билло (тоже удручен). Уже кончено?

Голоса в толпе. Нет, еще один.

— Кто это?

— Сен-Жюст.

— Он будет говорить?

— За весь день он не разомкнул губ...

Мгновение полной тишины; толпа затаила дыхание. Затем громкое «а-а!», как удар топора, — и больше ни звука.

Коллено. Счет закрыт.

Межан (искоса взглянув на Билло, Реньо и других).

Нет, пока еще нет. Счет остается открытым. (Направляется к Бабефу, отвернувшись, чтобы не видеть площади.)

Поздравляю, Бабеф. Не прошло и недели, как ты вышел из тюрьмы, а времени даром не потерял.

Бабеф (со стоном). Нет, нет, я этого не совершал!

Матьё Реньо. Мы это сделали! Мы все, и ты тоже, Бабеф, мы совершили самоубийство!

В этот миг Билло, до сих пор молчавший, в отчаянии хватается за голову и, расталкивая соседей, бросается прочь.

Реньо (*удерживая его за руки*). Нет, Билло! Теперь не время бежать... Слышишь? Мы должны держаться вместе.

Остервенелая, бушующая толпа подступает к ним... Вой, рев, визгливые плясовые напевы, ликующие злорадные песни. Реакция сразу подняла голову; она страшна в своем неистовом, разнузданном натиске. Тайные агенты и мяскадены Межана науськивают людской поток против якобинцев, инстинктивно сплотившихся на углу площади.

Беснующая толпа (*остановившись против якобинцев*). А про этих забыли?

— Им тоже не миновать ножа!

— И по ним гильотина плачет!

— На фонарь их!

В один миг группа вожаков термидора становится одинокой, как скала, на которую обрушиваются морские валы, и в один миг она смыкает ряды, стараясь сдержать разъяренный людской поток. В этой ожесточенной самозащите чувствуется ужас перед свершившейся непоправимой катастрофой. Термидорианцы обмениваются с толпой яростными возгласами.

Матьё Реньо. К оружию! Враг прорвался на площадь!
Билло. Революция в опасности! Сюда, Колло! Баррер!
Сюда, Фуше!

Бабеф. Ко мне, якобинцы, кордельеры! Сюда, рабочий люд!

Баррер (*увидев солдат, подает им знак*). К нам, солдаты Республики!

Солдаты (*пробивая себе путь среди враждебной толпы*). Мы с тобой, Баррер! (*Расталкивая мяскаденов*.) Назад, сволочь, вон, королевские псы! Мы отогнали врагов от границ Франции. Мы не дадим им завладеть Парижем.

Гош (*появившись среди солдат, становится рядом с группой якобинцев*). Я — Гош. Я только что из тюрьмы. Я встретил там Сен-Жюста, который заточил меня в крепость. Я обнял его. Мы так горячо любили Республику, что ревновали к ней друг друга. Но сейчас, когда Республике грозит опасность, мы все как один встанем на ее защиту.

Матьё Реньо (*взобравшись на выступ террасы, позади других, громко взывает*). Встанем все как один, живые и мертвые! Сюда, Марат! Восстань из могилы!

Ревущая толпа, потрясенная этим призывом, на мгновение замирает. Реньо продолжает в восторженном порыве.

На помощь, Шалье, Лепелетье, к нам, Верньо, сюда, Шометт, сюда, Дантон, к нам, Сен-Жюст и Робеспьер!
Межан. Вы сами их убили!

Реньо. Сюда, наши мертвецы! В бою они живы. Пока битва продолжается, они с нами. К нам, бессмертная Революция!

Билло. Умрем за нее!

Гош. Она победит.

Матьё Реньо. Народы мира, грядущие поколения, сюда, сюда!

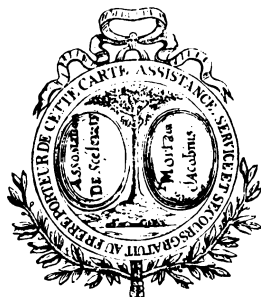
Гош. Пойдем им навстречу!

Бабеф. Они идут, они идут! Я слышу их поступь!..

Матьё Реньо. Вот они!

Гош запеваёт «Марсельезу». И мне бы хотелось, чтобы в музыке Дариюса Мийон или Онеггера, в свободном, страстном и пламенном контрапункте, «Марсельеза» перешла в мощные звуки «Интернационала», который, родившись из «Марсельезы» и все нарастая, затмил бы ее и поглотил. Эта заключительная сцена должна проходить в атмосфере пламенного, самозабвенного порыва, которым охвачен священный отряд якобинцев, сплотившихся вокруг Реньо, Гоша, Билло и Бабефа. Они на несколько ступеней возвышаются над ревущей толпой, а толпа отпрянула, но собирается с силами, готовясь вновь ринуться на них.

Занавес

СЛОВО ПРИНАДЛЕЖИТ ИСТОРИИ

В этой драме, как и во всем цикле моего «Театра Революции», я больше придерживался психологической правды характеров, чем правды исторических фактов. Однако в «Робеспьере» я гораздо ближе следовал фактам, чем в какой-либо другой своей пьесе. Смее надеяться, что истинное лицо истории вернее отражено в «Робеспьере», чем мне удалось это в «Дантоне», написанном слишком рано, еще до того, как история нашей Революции обогатилась новыми плодотворными исследованиями. В числе тех вольностей, весьма редких и, во всяком случае, несущественных, когда я погрешил против истории, есть две, касающиеся Гоша и Бабефа. Гош не мог появиться в Пале-Рояле 22 мая 1794 года, так как в то время уже сидел в тюрьме. Командуя Мозельской армией, он готовился в Тионвиле к новому походу на Германию, когда 10 марта 1794 года его неожиданно заменили Журданом и перебросили на итальянский фронт. Он выехал из Тионвила 18 марта, но, не успев прибыть в Ниццу, был арестован и под усиленной охраной препровожден в Париж. Приказ о его аресте подписали Колло и Карно. 11 апреля его заточили в тюрьму Карм. Оттуда он написал Робеспьеру, заботясь более о его добром мнении, чем о спасении собственной жизни. Но Фукье-Тенвиль перехватил письмо, и Робеспьер так его и не получил. Гоша выпустили из тюрьмы только 17 термидора, а не 10-го, как сказано в моей драме.

Что касается Бабефа, то он был арестован за растрату 24 брюмера (14 ноября 1793 года) и освобожден 30 мессидора (18 июля 1794 года). Даже новейшие его биографы не могли установить, чем он занимался в течение десяти дней между выходом из тюрьмы и 9 термидора. Потеряв направление в шквале событий, этот неустойчивый человек яростно ополчался в те дни на Максимилиана Жестокого, которого прежде превозносил и чьей памяти после термидора воздал должное. Он испытал на себе все невзгоды нищеты и, более чем кто-либо из выдающихся революционеров, был призван отстаивать права угнетенного, обманутого народа, но при своем беспокойном уме вечно попадал впросак и становился игрушкой в руках всевозможных авантюристов: то бывшего плантатора в Сан-Доминго, Фурнье-Американца, то владельца пекарни спекулянта Гарена, то благодушного с виду негодяя депутата Дюфруа и других. Глубина и благородство политических убеждений сочетались в нем с поразительной душевной слепотой. Он был обречен на неудачи.

Я пытался с возможной точностью изобразить роковую трагедию последних месяцев Французской революции, с апреля до июля 1794 года, ибо после 9 термидора революция умерла; термидорианцы убили ее.

Теперь для нас совершенно ясно, что Робеспьер выделялся среди деятелей Французской революции не только цельностью своей натуры, но своим прозорливым умом и непоколебимой преданностью делу народа.

Даже враги его, его убийцы, заговорщики 9 термидора, принуждены были с горечью признать это на другой же день после катастрофы. Я предоставляю слово их беспокойным теням. Прямодушный Б и л л о - В а р е н н, которому уже через год пришлось искупить свою ошибку на каторге в Кайенне, а затем в ссылке на Гаити, где он и умер в 1819 году, писал: «Мы совершили в тот день роковую ошибку... Девятого термидора Революция погибла. Сколько раз с тех пор я сокрушался, что в пылу гнева принял участие в заговоре! Отчего люди, взяв в руки кормило власти, не умеют отделиться от своих безрассудных страстей¹ и мелочных обид?.. Несчастье революций в том, что надо принимать решения быстро; нет времени на размышления, действуешь в непрерывной горячке и спешке, вечно под страхом, что бездействие губительно, что идеи твои не осуществляются... Восемнадцатое брюмера было бы невозможно, если бы Дантон, Робеспьер и Камилл сохранили единство».

Б а р р е р, находясь в изгнании, говорил Давиду Анжерскому: «Я много думал об этом человеке (Робеспьере). И убедился, что его господствующей идеей было установление республиканского строя... Мы не поняли его. У него была душа великого человека, и потомство, несомненно, дарует ему это имя!.. То был человек честный, безупречный, истинный республиканец».

В а дье, прежде чем отправиться в изгнание в 1815 году, призвал к себе одного из друзей и сказал ему: «Прости мне девятое термидора!»

В Брюсселе он часто говорил с горечью: «Мы не оценили Робеспьера, мы убили его».

В возрасте девяноста двух лет он заявил: «За всю мою жизнь я не совершил ни одного поступка, в котором бы после раскаялся, за исключением того, что я не оценил Робеспьера».

К а м б о н: «Девятого термидора мы думали, что убиваем

¹ В другом месте он с проклятием вспоминает о своей «бешеной ненависти» — Р. Р.

только Робеспьера. Но мы убили Республику. Сам того не ведая, я послужил орудием для ненависти кучки негодяев. Зачем не погибли они в тот день и я вместе с ними? Свобода была бы жива и поныне!»

Л е в а с с е р: «Робеспьер! Не произносите при мне его имени. Это единственное, в чем мы раскаиваемся. На Гору нашел туман ослепления, когда она погубила его».

С у б е р б ь е л ь (на смертном одре): «Робеспьер был совестью Революции. Его принесли в жертву, потому что не умели понять».

М е р л е н д е Т и о н в и л ь: «Робеспьер был пламенным другом отчизны: он любил ее так же, как я, быть может, сильнее, чем я».

Даже Леонар Бурдон, арестовавший его, даже Лекуантр, который замышлял заколоть его кинжалом, Амар, Тюрьо — и те признали, что совершили ошибку.

Мало того, даже Баррас, в заметках к своим «Мемуарам», признает величие Робеспьера и объясняет его гибель тем, что он бесстрашно сопротивлялся террору и стремился восстановить в республике принципы справедливости и умеренности.

Как могло случиться, что после стольких свидетельств со стороны его врагов и убийц пришлось ждать свыше столетия, чтобы было наконец пересмотрено отношение к Робеспьеру? Да и пересмотрено ли оно? Нет еще, несмотря на благородные домыслы Ламартина, на слепое поклонение Гамеля, на самоотверженные архивные изыскания Матьеза и его школы. Самому выдающемуся деятелю Французской революции до сих пор не поставлено во Франции ни одного памятника (а следовало бы во искупление содеянного воздвигнуть ему статую). С тех пор как существует Французская Республика, ни одно правительство не осмелилось встать на защиту его доброго имени. Зато ненависть врагов Республики, более прозорливая, никогда не слагала оружия. Я всегда считал, что злобный нюх врага открывает грядущим поколениям величие гения гораздо раньше, чем его признают друзья.

Однако я не имел намерения идеализировать Робеспьера. Умный и пронизательный Баррер ясно понимал, что «его погубило тщеславие, болезненная раздражительность и несправедливое недоверие к своим соратникам. Это большое несчастье...».

Надо добавить, что Робеспьер 1794 года уже был не тем, каким он был между 1789 и 1793 годами. На мой взгляд, его величие ярче всего проявилось в период Учредительного собрания, когда он выступал в роли смелого, прозорливого

и бесстрашного борца. В те времена он поистине олицетворял собой глас народа и его разум. Но революции изнуряют людей. Робеспьер, отличавшийся слабым здоровьем, нес на себе нечеловечески тяжелое бремя. И так уже чудо, что он продержался до июля 1794 года: выступая в Клубе якобинцев, он говорил, что его «истощили четыре года Революции», что он «обессилен длительной лихорадкой». После контрреволюционного мятежа 31 мая, выступая 12 июня у якобинцев, он заявил, что «силы его подорваны». «Я уже не обладаю, — сказал он, — необходимой энергией, чтобы бороться с происками аристократов. Я надорвался за четыре года утомительных и бесплодных трудов, я сознаю, что мои физические и моральные силы уже не находятся на уровне задач великой Революции, и я заявляю, что уйду со своего поста». Его отставку не приняли, больше того: никогда еще его деятельность не была столь напряженной, как в последние страшные месяцы, когда террор был поставлен в «порядок дня». После выступления в Конвенте 5 февраля 1794 года против дантонистов и эбертистов Робеспьер, надорвавшись, отстранился от дел. С 9 февраля по 12 марта он не появлялся ни у якобинцев, ни в Конвенте. Но 22 вантоза (12 марта) он дотащился через силу, совсем больной, на заседание Конвента, чтобы добиться принятия беспощадных декретов по докладу Сен-Жюста, направленных против обеих мятежных партий. Той же ночью эбертисты были арестованы и заговор разгромлен.

«Имейте снисхождение, — говорил он в мае 1794 года, — к тому состоянию усталости и подавленности, в какое меня приводит порою мой непосильный труд».

Постоянное напряжение и изнуряющая работа, вероятно, немало способствовали развитию в нем болезненной подозрительности и пессимизма.

Четырнадцатого июня 1793 года он говорил в Клубе якобинцев: «Смею заверить, что я один из самых недоверчивых, самых печальных патриотов, какие только были с начала Революции». Он видел слишком ясно и глубоко продажность, разложение и предательство, разъедавшие Конвент. Давнишний пессимизм Робеспьера, побудивший его еще в декабре 1792 года утверждать, что «добродетель на земле всегда была в меньшинстве», со временем развился до болезненных размеров. После процесса Ост-Индской компании, разоблачившего мошенников, которых он считал честными республиканцами, он пришел к убеждению, что революция погибла. Однако он боролся до конца — его пессимизм никогда не мешал ему действовать. Он был одарен острым чув-

ством реальности и умением взвесить возможности, меняющиеся день ото дня. Но ему недоставало непоколебимой твердости, которую героический пессимизм Сен-Жюста черпал в абсолютном господстве разума. Сен-Жюст, по его собственным словам, «бросил якорь в будущее». И его пессимизм в настоящем был, в сущности, оптимизмом дальнего прицела. Робеспьер, вероятно, смотрел на будущее так же мрачно, как и на настоящее. Он был вскормлен горьким стоицизмом и находил утешение в божестве Жан-Жака Руссо, в PROVIDENЦИИ. Это еще сильнее способствовало его одиночеству, так как встречало мало сочувствия вокруг. Он слишком обособился, отдалился даже от самых верных друзей и товарищей, даже от Сен-Жюста и Кутона. Опасаясь, что они не одобряют тех или иных его шагов, он не посвящал их в свои планы и часто ставил перед свершившимся фактом. Между Кутонем и Сен-Жюстом также не было прежнего согласия, каждый из них действовал самостоятельно, на свой риск. Девятого термидора все трое оказались разобщенными. Но из чувства верности и солидарности они приняли общий приговор, что соединило их навеки в смерти и в бессмертии.

В одном из своих замечательных и, как всегда, чеканных изречений Сен-Жюст говорит «о человеке, который принужден отрешиться от мира и от самого себя, человеке, который бросает якорь в будущее».

Робеспьер познал это трагическое отрешение от мира; особенно мучительно оно было среди толпы, которая с истерической страстностью отзывалась на его речи, его исповеди и которая завтра — он это знал — неминуемо его предаст. Гораздо труднее было ему «отрешиться от самого себя». Один Сен-Жюст был способен в самый разгар борьбы сохранять гордое бесстрашие юного героя Гиты. Его поддерживала вдохновенная уверенность, что он действует в согласии «с силой вещей, ведущей нас, быть может, к цели, о которой мы и не помышляем» (эта фраза, приписанная мною Робеспьеру, принадлежит Сен-Жюсту), в согласии с великими законами, управляющими историей человечества. Этой чудесной уверенностью он был обязан тому глубокому ощущению природы, которое Жорес подметил в его речи от 23 вантоза (13 марта 1794 года), — той романтической интуиции, что прорезала, словно молнией, туман его подчас непонятных речей. И не успел краткий день его жизни, еще окутанный утренней дымкой, озариться лучами солнца, как юный герой погиб.

Ромен Роллан

СОБЫТИЯ, ДЕКРЕТЫ, ПАРТИИ И ГРУППИРОВКИ ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Бешеные — группа депутатов Конвента, представлявшая крайне левое течение, порожденное недовольством рабочих и мелких ремесленников в связи с нехваткой продовольствия. Требовали массового террора против «аристократии богатства», «аристократии торгашей», в 1793 г. руководили волнениями городской бедноты. Поддержка, оказанная ими якобинцам (см.), в значительной мере определила исход переворота 31 мая — 2 июня 1793 г., в результате которого на смену господству жирондистов пришла якобинская диктатура. Вскоре, однако, бешеные выступили с критикой якобинской конституции как не отвечающей интересам бедноты. В середине 1793 г. они были разгромлены, лидеры их преданы суду и казнены.

Болото — часть депутатов Конвента, главным образом представители торговой и промышленной буржуазии, не входившая ни в одну из его группировок, но поддерживавшая ту из них, которая в данный момент была сильнее» (лидеры — Э. Сийес, П. Баррас). Болото составляло большинство в Конвенте, поэтому каждая из противоборствовавших группировок стремилась добиться его поддержки. В период борьбы якобинцев с жирондистами (см.) Болото постепенно, по мере усиления якобинцев, перешло на их сторону; в период якобинской диктатуры (1793—1794) поддерживало Робеспьера; во время переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.) встало на сторону контрреволюции, что в значительной степени определило успех заговора и падение Робеспьера.

Бриссотинцы — см. Бриссо.

Вандейцы — см. Вандаея.

Вантозские декреты — декреты, принятые 8 и 13 вантоза II года Республики по республиканскому календарю (26 февраля и 3 марта 1794 г.), по которым собственность, конфискованная у врагов революции, должна была распределяться между неимущими патриотами Республики. Эта попытка осуществить на практике идеи Руссо о равенстве не была реализована.

Гора, или монтаньяры (от франц. montagne — гора) — демократическая группировка депутатов Конвента; получила название от того, что представители ее занимали верхние скамьи в зале заседаний. Большинство монтаньяров были членами Якобинского клуба; постепенно слова «монтаньяр» и «якобинец» стали синонимами.

Дантонисты — правое крыло якобинцев; зимой 1793/94 г. объединилось вокруг Дантона в оппозиционную группировку, критиковавшую политику якобинского правительства (в частности Робеспьера) и требовавшую смягчения террора. 2 апреля 1794 г. дантонисты были арестованы, преданы суду, который явился лишь фикцией, и 5 апреля казнены.

Девятое термидора — см. Термидор.

Декрет мессидора — декрет о реквизиции урожая, принятый 8 мессидора II года Республики по республиканскому календарю (26 июня 1794 г.).

Декреты прериала — декреты о «врагах народа», о реорганизации Революционного трибунала и об упрощении судопроизводства, принятые 22 прериала II года Республики по республиканскому календарю (10 июня

1794 г.). Они отменяли предварительный допрос обвиняемых, упраздняли институт защиты и определяли смертную казнь единственной мерой наказания по делам о «врагах народа», подлежащим рассмотрению Революционного трибунала; понятие «подозреваемое лицо» получало самое широкое толкование, создавалась возможность отнести к категории «враг народа» любого обвиняемого без доказательств вины, поскольку присяжные получали право руководствоваться исключительно «моральными доводами» и «внутренним убеждением». Эти террористические законы давали робеспьеристам возможность бесконтрольно карать своих политических противников.

Десятое августа — см. Революция 10 августа 1792 г.

Жирондисты — политическая партия, представлявшая в Законодательном собрании, а затем в Конвенте торгово-промышленную буржуазию, название получила по имени департамента Жиронды, депутаты которого (Верньо, Гаде, Жансонне и др.) составили первоначальное ядро партии. В 1791/92 г. жирондисты входили в состав Якобинского клуба, однако по мере того, как определялись конституционно-монархические позиции жирондистов, углублялось их расхождение с якобинцами (см.). В марте 1792 г. король образовал жирондистское правительство, при котором Франция вступила в войну с коалицией европейских держав. Вторично жирондисты пришли к власти после свержения монархии (10 августа 1792 г.). Стремление задержать дальнейшее развитие революции привело правительство жирондистов к столкновению с якобинцами, возглавившими народное восстание 31 мая — 2 июня 1793 г., в результате которого была установлена якобинская диктатура. Несмотря на то, что их лидеры были казнены, жирондисты вступили в борьбу с якобинской диктатурой (инспирировали убийство Марата, организовали контрреволюционные мятежи в ряде городов) и стали основной движущей силой контрреволюционного переворота 9 термидора, уничтожившего якобинскую диктатуру.

Калуцины — монашеский орден, основанный в 1525 г.

Комитет общественного спасения — орган, осуществлявший функции революционного правительства при якобинской диктатуре и сосредоточивший в своих руках всю полноту власти. Создан 6 апреля 1793 г. Первоначально в Комитете (его возглавлял Дантон) преобладали жирондисты. 26 июня того же года состав Комитета был изменен и во главе его стал Робеспьер. После переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.) Комитет прекратил свое существование.

Комитет общественной безопасности — орган, осуществлявший борьбу с внутренней контрреволюцией. Создан 2 октября 1792 г. В 1794 г. в Комитете сформировалась оппозиция по отношению к Робеспьеру и его сторонникам.

Коммуна — орган парижского самоуправления, образованный в июле 1789 г. В период якобинской диктатуры (1793—1794) являлся влиятельным органом революционной власти, обладавшим значительной самостоятельностью по отношению к Конвенту. В марте 1794 г., после разгрома эбертистов (см.), игравших видную роль в Коммуне, состав ее был почти полностью обновлен за счет робеспьеристов; мэром Парижа стал Флерио-Леско, ставленник Робеспьера. Во время контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.) Коммуна стала на защиту якобинской диктатуры. В результате большая часть ее членов была казнена, а сама Коммуна упразднена.

Кордельеры — члены политического Клуба кордельеров, основанного в июле 1790 г. (назван по месту своих заседаний, происходивших в бывшем монастыре ордена кордельеров; официально назывался «Обществом прав человека и гражданина»). Первоначально преобладающее влияние в клубе принадлежало демократам-радикалам — Дантону, Марату, Демулену, по-

этому кордельеры активно поддерживали якобинцев в их борьбе с жирондистами. В 1793 г. в результате расхождения с эбертистами (см.), обвинявшими их в умеренности («модерантизме»), дантонисты покинули клуб, который после этого превратился в центр эбертистов. После неудавшейся попытки Эбера поднять восстание против якобинской диктатуры (март 1794 г.) и расправы с эбертистами клуб перестал существовать.

Лионская резня, лионские палачи, лионцы — подразумевается контрреволюционное восстание в Лионе (май — октябрь 1793 г.) и жестокая расправа над его участниками, последовавшая после взятия Лиона войсками Республики (расправой руководили Фуше и Колло д'Эбруа).

Максимум заработной платы (твердые ставки) введен декретом от 29 сентября 1793 г., который давал местным властям право мобилизовывать сельскохозяйственных рабочих на уборку хлеба и устанавливал максимум, в пределах которого мог оплачиваться этот труд.

Матуринцы — монашеский орден, основанный в 1199 г.

Модерантисты (от франц. *modération* — сдержанность, умеренность; смягчение) — политический термин, которым во время революции обозначались лица и группировки, стремившиеся остановить ее развитие, — прежде всего, жирондисты, а затем и дантонисты (см.).

Монтаньяры — см. Гора.

Мюскадени — букв. щеголи (франц. *muscadins*). Так в эпоху революции называли отряды молодых дворян, которые во время уличных беспорядков оказывали вооруженную поддержку силам реакции.

Прериальские декреты — см. Декреты прернала.

Революция 10 августа 1792 г. — народное восстание в Париже, завершившееся свержением монархии и провозглашением Республики.

Революция 31 мая — 2 июня 1793 г. — народное восстание в Париже, результатом которого было отстранение от власти жирондистов и установление якобинской диктатуры.

Секции, секционеры. По «муниципальному закону» 1790 г. Париж разделялся на 48 секций, имевших собственное самоуправление — секционеров, подчинявшихся Коммуне Парижа (см.).

Твердые ставки — см. Максимум заработной платы.

Термидор — одиннадцатый месяц года по республиканскому календарю. 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.) был совершен контрреволюционный переворот, завершившийся свержением якобинской диктатуры и казнью Робеспьера и его сторонников. Термидорианцы — организаторы этого переворота (Фуше, Тальен, Баррас и другие).

Тридцать первое мая — см. Революция 31 мая — 2 июня 1793 г.

Федералисты — жирондисты (см.). Это название возникло летом 1793 г., в связи с контрреволюционными восстаниями в Лионе, Марселе, Бордо и других южных городах. Организаторами этих восстаний были жирондисты, которые оправдывали свои действия необходимостью дать отпор «тирании» революционного правительства путем противопоставления ему «федерации департаментов».

Фельяны — политическая группировка, основу которой составили члены политического клуба, заседавшего в 1791—1792 гг. в бывшем монастыре ордена фельянов (отсюда его название — «Общество друзей конституции, заседающее у фельянов»). Клуб возник в результате раскола Якобинского клуба, из которого вышли умеренно настроенные представители буржуазии и либерального дворянства, защищавшие идею конституционной монархии (одним из лидеров фельянов был Лафайет — см.). В 1792 г. фельяны были фактически правящей партией (после отставки жирондистского правительства в июне 1792 г. король образовал правительство фельянов). После свержения монархии (10 августа 1793 г.) фельяны влились в лагерь контрреволюции.

Шуаны — контрреволюционные банды, действовавшие на северо-западе Франции (Мен, Нормандия, Бретань) в 1792—1793 гг. В 1794 г. республиканские войска нанесли шуанам тяжелое поражение, однако движение продолжалось до 1803 г.

Эбертисты — политическая группировка, возникшая в 1793 г. в рядах левых якобинцев (получила название по имени своего лидера — Эбера). Основным требованием эбертистов, отражавших интересы городской бедноты, было ужесточение террора против «аристократии торгашей» и изгнание из Конвента «модерантистов» — правых якобинцев, группировавшихся вокруг Дантона. В марте 1794 г. организовали заговор против якобинского правительства, однако не получили поддержки Конвента, были арестованы и казнены.

Якобинцы — политическая партия, лидером которой был Робеспьер; последовательно боролась за создание демократической республики. Основу ее составили члены «Общества друзей конституции», учрежденного в 1789 г. и тогда же получившего название Якобинского клуба (заседания его происходили в монастыре ордена якобинцев). В ходе борьбы с жирондистами (1792—1793) якобинцы превратились в большую политическую силу. переворот, совершенный ими 31 мая — 2 июня 1793 г., привел к установлению якобинской диктатуры во главе с Робеспьером, просуществовавшей более года и уничтоженной 9 термидора (27 июля 1794 г.).

**СЛОВАРЬ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ,
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ**

Адриан (76—138) — римский император. Украсил римский Пантеон (храм всех богов) статуей своего любимца — красавца Антиноя.

Алкивиад (451—404 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец; ученик Сократа. Военные действия против Персии и Спарты, предпринятые им, возвратили Афинам былое господство на море.

Анакреон (Анакреонт; VI в. до н. э.) — древнегреческий поэт, воспевавший чувственную любовь, вино и прочие радости жизни.

Антоний Марк (ок. 82—30 до н. э.) — политический деятель Древнего Рима, правитель восточных римских провинций. Сблизившись с египетской царицей Клеопатрой, провозгласил ее «царицей царей» и преподнес ей в дар Сирию, Кипр и другие римские владения.

Аристид (ок. 540—467 до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель. Славился своим бескорытием и заслужил репутацию «справедливейшего из афинян».

д'Артуа Карл Филипп (1757—1836), граф — брат Людовика XVI (впоследствии король Карл X). Был известен мотовством и любовными похождениями. Возглавлял реакционную группировку при дворе, сопротивляющуюся реформам и добившуюся отставки Неккера (см.). После восстания 14 июля 1789 г. эмигрировал.

Аспазия (V в. до н. э.) — жена афинского государственного деятеля Перикла. Отличалась замечательным умом и образованностью; вокруг нее группировались афинские художники, поэты и философы, в их числе молодой Сократ, называвший Аспазию своей учительницей. Не без ее влияния Афины превратились в культурный центр древнегреческого мира.

Ахейцы — см. Ахилл.

Ахилл (Ахиллес) — один из героев «Илиады» Гомера. Когда Агамемнон, предводитель ахейцев, осадивших Трои, отнял у него пленницу Бризеиду, Ахилл не простил обиды и удалился от войска. Это стало причиной многочисленных бедствий, которые обрушились на ахейцев и прекратились лишь с примирением Ахилла и Агамемнона.

Бордо — главный город департамента Жиронда. Летом 1793 г. здесь вспыхнуло контрреволюционное восстание, подавление которого сопровождалось беспощадной расправой с его участниками.

Брауншвейгский Карл Вильгельм. (1780—1806), герцог — главнокомандующий австро-прусской армией, в 1792 г. вторгшейся во Францию.

Бретейль Луи Огюст (1730—1807), барон — губернатор Парижа. В 1789 г. входил в контрреволюционную группировку при дворе, добивался отставки Неккера (см.); когда она последовала (11 июля), возглавил новый кабинет. После восстания 14 июля эмигрировал.

Бриссо Жан Пьер (1754—1793) — в 1789 г. примыкал к якобинцам, был членом Якобинского клуба, пропагандировал идею демократической республики, требовал суда над королем. В 1791—1792 гг. — член Законодательного собрания, где занимался вопросами внешней политики и при-

обрел значительное влияние, сплотив вокруг себя группу единомышленников — «бриссотинцев». Постепенно политические взгляды его менялись, и к 1792 г. он стал убежденным сторонником идеи конституционной монархии, что привело его к жирондистам, с которыми слились и бриссотинцы. В марте 1793 г. Бриссо выступил против якобинцев, требуя роспуска Парижской коммуны (см.) и закрытия Якобинского клуба. В ответ на это Демулен обвинил его в предательстве и воровстве (памфлет «Разоблаченный Бриссо»). После переворота 31 мая — 2 июня Бриссо был предан суду и казнен.

Брольи (Бройль) *Виктор* (1718—1804), герцог — маршал Франции. В 1789 г. входил в контрреволюционную группировку при дворе, добивался отставки Неккера (см.); когда она последовала (11 июля), был назначен военным министром в новом кабинете. После восстания 14 июля эмигрировал.

Брут Марк Юний (35—42 до н. э.) — глава заговора против Юлия Цезаря, один из его убийц. В своем стремлении избавить Рим от диктатора и восстановить республику пренебрег дружбой, которую питал к нему Цезарь. Роллан вкладывает в уста Демулена цитату из письма Брута к Цицерону, который был его другом.

Буданже Бодуэн — генерал, депутат Конвента, сторонник Робеспьера. Казнен после переворота 9 термидора.

Вальми — селение во Франции (департамент Марна), вблизи которого 20 сентября 1792 г. французская армия одержала первую победу над австро-прусской коалицией; этой победой была остановлена иностранная интервенция во Францию.

Вандея — департамент на западе Франции. Здесь весной 1793 г. вспыхнул контрреволюционный мятеж. Отряды восставших, выступившие под командованием Шаретта, Катлино и других, объединились в организованную армию, скоро мятеж распространился на соседние департаменты. 17 октября республиканские войска под командованием Вестермана и Клебера разбили основные силы мятежников, однако Гражданская война длилась еще более двух лет.

Великие моголы — так называли в Европе султанов династии бабуридов, основанной в 1526 г.

Венсан Франсуа (1767—1794) — генерал, участник подавления контрреволюционного мятежа в Вандее; затем главный секретарь военного министра. Принадлежал к эбертистам, был казнен вместе с Эбером (см.).

Венесен — графство в департаменте Воклюз.

Венсенн — замок в 3 км. от Парижа; нередко служил тюрьмой.

Верньо Пьер Викторьен (1753—1793) — депутат Конвента от департамента Жиронды. Один из наиболее влиятельных лидеров жирондистов, активный противник Робеспьера. После переворота 31 мая — 2 июня 1793 г. был предан суду и казнен.

Верона, Веронский король — см. Прованский, граф.

Версаль — город в 19 км. к западу от Парижа; с 1672 г. резиденция французских королей. В июле 1789 г. Людовик XVI, его двор и все правительство находились в Версале.

Веста — богиня семейного очага в древнеримской мифологии.

Вимпфен Феликс (1744—1814), барон — в 1793 г. командующий республиканскими войсками в Шербуре; восстал против Республики, был разбит и бежал в Англию.

Виргиний — гражданин Древнего Рима (V в. до н. э.). Не имея возможности защитить свою дочь от посягательств влиятельного патриция, убил ее, чтобы избавить от позора.

Вобан Себастьян (1633—1707) — французский инженер, строитель крепостных сооружений.

*Вожира*р — см. Гренель и Вожира

Воклюз — департамент на юго-западе Франции.

Гаде (Гюаде) *Маргерит Эли* (1755—1794) — один из лидеров жирондистов (см.), сторонник конституционной монархии. Активно боролся против якобинцев. После переворота 31 мая — 2 июня 1793 г. (см.) бежал из Парижа и пытался поднять контрреволюционный мятеж в провинции. Был арестован и казнен.

Гамель Эрнест (1826—1898) — французский историк, автор книг «История Сен-Жюста» (1859) и «История Робеспьера» (1865—1867).

Гармодий (V в. до н. э.) — убийца афинского тирана Гиппарха.

Гейсберг — селение в Эльзасе. Здесь в 1794 г. генерал Л. Гош одержал победу над австрийской армией.

Гелиогабал — римский император в 218—222 гг. до н. э. Узурпировал власть, свергнув своего предшественника; был убит.

Гептестийон — любимец Александра Македонского; умер во время похода в Персию. После смерти по повелению Александра объявлен полубогом.

Грахи, братья *Тибери*й (162—133 до н. э.) и *Гай* (153—121 до н. э.) — народные трибуны Древнего Рима. Добивались введения аграрных законов, отвечающих интересам крестьянства. Сопrotивление аристократов-землевладельцев привело обоих братьев к гибели.

*Гренель и Вожира*р — демократические предместья Парижа на левом берегу Сены (ныне XV округ). В июле 1789 г. между этими предместьями и Версалем были расположены королевские войска.

Давид — согласно библейскому преданию юный пастух, который спас израильтян, сразив непобедимого исполина Голиафа камнем, выпущенным из пращи.

Давид Пьер Жан (прозван Анжерским; 1788—1856) — французский скульптор; в 1828—1834 гг. жил в Германии.

Дантрег (Д'Антрег) *Эммануил* (1755—1812), граф — политический агент и шпион принца Конде.

Демосфен (384—322 до н. э.) — афинский политический деятель и знаменитый оратор; вождь демократической партии.

Диллон Артур (1750—1794), граф — генерал. В 1792 г. участвовал в войне с австро-прусской коалицией. В 1793 г. был арестован по обвинению в попытке организовать побег Марии Антуанетты из тюрьмы; тогда же на его защиту выступил Демулен. В апреле 1794 г., находясь в тюрьме, пытался организовать протест против суда над дантонистами; был предан суду и казнен.

Диоскуры — Кастор и Полидевк (Поллукс), сыновья Зевса; неразлучные братья-близнецы.

Дом инвалидов — см. Марсово поле.

Дофин — см. Карл Людовик.

Дюбайе — вероятно, имеется в виду друг Дантона генерал Эдмон Дюбуа де Кранс (1747—1814). В 1793 г. руководил осадой восставшего Лиона; был обвинен в пассивности и отозван. Робеспьер добивался его ареста; но безуспешно. 9 термидора Дюбайе стал на сторону контрреволюции.

Дюма Рене Франсуа (1757—1794) — председатель Парижского революционного трибунала; якобинец. Казнен после 9 термидора.

Дюмурье Шарль Франсуа (1739—1823) — в 1792 г. член жирондист-

ского правительства. Затем сблизился с якобинцами, особенно с Дантоном; был назначен командующим Северной армией (вместо бежавшего Лафайета — см.) и одержал несколько выдающихся побед над интервентами (в том числе победу при Вальми). В 1793 г. пытался совершить военный переворот с целью восстановления монархии; не получив поддержки со стороны армии, бежал к австрийцам.

Дюфресс Симон Камилл (1753—1833) — генерал. В 1793 г. командовал одной из армий, подавлявших контрреволюционное движение в Вандее, и заслужил репутацию «свирепого террориста». После 9 термидора арестован по обвинению в превышении власти, но сумел оправдаться.

Жансонне Арман (1758—1793) — депутат Конвента, один из лидеров жирондистов, активный противник Робеспьера. После переворота 31 мая — 2 июня 1793 г. обвинен в связи с Дюмурье и казнен.

Жемапп — селение в Бельгии. 18 ноября 1792 г. Северная армия под командованием Дюмурье (см.) одержала здесь победу над австрийцами.

Женевьева (V в.) — святая католической церкви, покровительница Парижа. «Гора св. Женевьевы» — возвышенность в центре города, где стоял храм, в котором она была погребена (в XVIII в. на этом месте воздвигнут новый храм — Пантеон).

Жорес Жан (1859—1914) — французский историк, известный деятель международного социалистического движения; автор «Истории Великой французской революции» (1901—1904).

Журдан Жан Багист (1762—1833) — генерал. В 1794 г. командовал самбр-маасской армией, разбил австрийцев при Флерюсе и одержал ряд других побед.

Журдан Матье (1749—1794) — парижский торговец; в 1789 г. был прозван «Головорезом» за свою исключительную жестокость: во время вторжения народа в Версаль (5 октября) отрубил головы двум телохранителям короля, в июле вырезал сердце у казненного Фулона. В 1791 г. организовал «черные банды», действовавшие в департаменте Воклюз (см.) под видом борьбы с контрреволюцией; грабежи, которые они учиняли, сопровождалась убийствами и изощренными жестокостями. Был предан суду и казнен 27 мая 1794 г.

Иезекииль — библейский пророк; предсказывал пришествие Мессии.

Калигула Гай Цезарь (12—41) — римский император. Установил террористический режим и обожествление императорской власти; был убит.

Калипсо — персонаж «Одиссеи» Гомера; семь лет хитростью удерживала у себя Одиссея.

Камбон Пьер Жан (1756—1820) — депутат Конвента, руководил финансовой политикой Республики. Был противником террора; участвовал в перевороте 9 термидора, содействуя падению Робеспьера.

Капет — см. Людовик XVI.

Карита — *Кондорсе Жан Антуан Карита* (1743—1794) — знаменитый писатель и философ, депутат Конвента; был близок к жирондистам. В 1793 г. обратился к народу с посланием, в котором подверг критике проект конституции, обнародованный Конвентом. За это был обвинен в заговоре «против единства и нераздельности» республики и объявлен вне закона. Некоторое время скрывался, но был арестован. Покончил самоубийством в тюрьме.

Карл Людовик (1785—1795) — сын Людовика XVI, дофин (наследник престола); умер в заключении. После смерти отца был заочно провозглашен эмигрантами-роялистами королем Людовиком XVII. В 1793 г. воз-

никли слухи о его исчезновении из тюрьмы, которые не прекратились, несмотря на то, что Робеспьер официально опроверг их в Конвенте. По-видимому, это мнимое исчезновение ставил в вину робеспьеристам Дантон, угрожая им «припомнить» дофина.

Кастор и Поллукс — см. Диоскуры.

Катилина Люций Сергий (108—63 до н. э.) — политический деятель Древнего Рима, глава политического заговора, организованного им в личных целях (стремился стать одним из двух консулов Рима). Заговор был раскрыт, и после обвинительной речи Цицерона Катилина бежал из Рима.

Клебер Жан Батист (1753—1800) — генерал. В 1793 г. отличился при обороне Майнца, осажденного прусскими войсками. Затем был направлен в Вандею для подавления контрреволюционного мятежа; здесь одержал ряд побед, определивших перелом в ходе Гражданской войны. Отличался глубоким знанием военного дела и личной храбростью.

Клотс (Клоутс) *Жан Батист* (1755—1794) — член Конвента, публицист и оратор; немец по происхождению. В начале революции принял имя древнего мудреца Анахарсиса. Называл себя «оратором рода человеческого» и требовал от Республики вступления в войну со странами Европы, считая, что эта война даст народам возможность «разбить свои цепи» и приведет их ко всеобщему равенству. Высмеивал установленный Робеспьером культ Верховного существа. В 1794 г. был по требованию Робеспьера арестован, предан суду вместе с эбертистами и казнен.

«Клятва в Зале для игры в мяч» — гравюра по рисунку Луи Давида (1790). Изображает эпизод, предшествовавший началу революции: 20 июня 1789 г. Людовик XVI распустил Национальное собрание и приказал закрыть зал его заседаний, тогда депутаты собрались в Зале для игры в мяч и поклялись не прекращать своих заседаний до тех пор, пока не будет выработана конституция. В 1790 г. Национальное собрание заказало Давиду картину на этот сюжет (был выполнен только рисунок, переведенный потом в гравюру).

Коммод (161—192) — римский император. Одной из любимых его забав было участие в гладиаторских боях, причем безопасность его была заранее обеспечена.

Конде Луи Жозеф (1736—1818), принц. — В канун революции проявил себя как непримиримый противник реформ, подписав протест против какого бы то ни было ущемления прав дворянства и духовенства. После восстания 14 июля эмигрировал. В 1792 г. возглавил отряд французских эмигрантов, сражавшихся в составе австрийской армии против революционной Франции.

Корде Шарлотта (1768—1793) — убийца Марата.

Крефельд — город в Пруссии. В 1757 г. здесь произошло одно из сражений Семилетней войны (1756—1763), в котором французские войска потерпели поражение.

Кромвель Оливер (1599—1658) — крупнейший деятель Английской революции XVII в. Руководил военными действиями парламентской армии и в 1649 г. разгромил королевские войска, что привело к провозглашению республики. Эта и другие военные победы Кромвеля принесли ему неограниченное влияние в парламенте. В 1653 г. он был провозглашен протектором Англии, что означало установление единоличной диктатуры Кромвеля.

Кюстин Адам Филипп (1740—1793), маркиз — генерал, в 1792 г. успешно сражавшийся с прусскими войсками на Рейне. В 1793 г. был назначен командующим Северной армией. Неудачные военные действия послужили основанием для обвинения Кюстина в измене. Он был предан суду и казнен.

Лавалетт Луи (1743—1794), маркиз — генерал, участвовавший в сражении при Жемаппе. Казнен вместе с Робеспьером.

Лажаргин Альфонс (1790—1869) — французский политический деятель, историк, поэт; автор «Истории жирондистов» (1847).

Лафайет Мари Жозеф (1757—1834), маркиз — участник американской войны за независимость, генерал. 11 июля 1789 г. предложил Учредительному собранию проект декларации прав, принятый затем за основу «Декларации прав человека и гражданина». После взятия Бастилии командовал Национальной гвардией. В дальнейшем защищал идею конституционной монархии и стал одним из руководителей клуба фельянов (см.). В 1792 г., будучи командующим Северной армией, пытался повернуть ее на Париж с целью восстановления монархии, однако солдаты отказались повиноваться ему, и Лафайет был вынужден бежать за границу.

Лаксес (Лакхет) — афинский полководец, пал на поле боя (418 до н. э.). Выведен в одном из «диалогов» Платона («Лакхет»), где беседует с Сократом о том, что такое истинная храбрость.

Лежандр Луи (1756—1797) — депутат Конвента, один из самых видных ораторов «Горы», член Комитета общественной безопасности. Был близок со всеми вождями левых группировок (Эбером, Дантоном, Робеспьером), своевременно изменяя каждому из них.

Леонид — спартанский царь; погиб в битве при Фермопилах (480 до н. э.), защищая Грецию от нашествия персов. Подвиг Леонида и его сподвижников, которые предпочли смерть позору отступления, вошел в историю как пример высшего проявления чувства долга и воинской доблести.

Ликург (IX в. до н. э.) — древнегреческий законодатель. Ему приписывается создание государственного устройства древней Спарты.

Лион — главный город департамента Роны. В мае 1793 г. здесь возник контрреволюционный мятеж, подавленный 9 октября (см. Лионская резня).

Людовик XVI (1754—1793) — король Франции из династии Бурбонов; свергнут с престола 10 августа 1792 г., предан суду и казнен 21 января 1793 г. Получил в народе прозвище Капет и под этим именем фигурировал на суде (Бурбоны — боковая линия династии Капетингов, основателем которой был первый французский король Гуго Капет).

Мальплаке — деревня во Фландрии, возле которой 11 сентября 1709 г., во время войны за «испанское наследство», французская армия потерпела жестокое поражение.

Марий (157—86 до н. э.) — римский полководец, боровшийся за власть с Суллой (см.). Оба соперника жестоко расправлялись со сторонниками противника.

Мария Антуанетта (1755—1793) — дочь австрийского императора, королева Франции. Расходовала огромные суммы на содержание своего двора, что вызывало возмущение народа. Открыто поддерживала интересы Австрии, участвовала в контрреволюционных интригах придворной аристократии, способствовала отставке Неккера. После свержения монархии была предана суду и казнена.

Марсель — главный город департамента устьев Роны (Буш-дю-Рон). В мае 1793 г. здесь вспыхнул контрреволюционный мятеж. 25 августа Марсель был взят республиканскими войсками, учинившими жестокую расправу над восставшими.

Марсо Франсуа Северен (1769—1796) — генерал. Пользовался исключительной популярностью, чему способствовали не только его успешные действия против австрийской армии, но и личная храбрость и благородство его характера. Был смертельно ранен в бою.

Марсова школа — военный лагерь под Парижем, созданный в 1794 г. для обучения молодежи военному делу.

Марсово поле — площадь в Париже, предназначавшаяся для военных учений и парадов. Здесь находились военная школа для дворян, казармы и Дом инвалидов, где жили бывшие солдаты, там же находились склады оружия.

Матъез Альбер (1874—1932) — французский историк, один из видных исследователей истории Великой французской революции. В ряде своих работ стремился воссоздать облик Робеспьера, в котором видел самого последовательного представителя демократических сил революции.

Медуза — согласно древнегреческой мифологии, страшное чудовище, на голове которого вместо волос вились змеи. Взгляд Медузы обращал человека в камень.

Мирабо Оноре Габриель Рикетти (1749—1791), граф — знаменитый оратор, один из наиболее популярных деятелей Французской революции. Через полтора года после его смерти были обнаружены доказательства сговора Мирабо с королевским двором, тогда прах его был извлечен из Пантеона и похоронен на кладбище преступников.

Монгольфье Жозеф Мишель (1740—1810) — изобретатель воздушного шара (монгольфьера). *Монгольфье Жан Этьен* (1745—1799) — его брат и помощник. Первый полет на монгольфьере был осуществлен в 1783 г.

Мыс Бурь — мыс Малая на южной оконечности Греции. Заключительная песнь «Илиады» повествует, что, когда греки, возвращавшиеся после победы над Троей, огибали этот опасный для мореплавателей мыс, Зевс послал страшную бурю, разметавшую их корабли.

Неккер Жак (1732—1804) — генеральный директор (министр) финансов (1777—1881, 1788—1789). Попытки провести ряд реформ в интересах третьего сословия принесли ему исключительную популярность в среде буржуазии и в народе. Отставка Неккера (11 июля 1789 г.) послужила одним из поводов к восстанию 14 июля. 16 июля он был возвращен в правительство; в 1790 г. вышел в отставку и эмигрировал.

Нерон Клавдий Цезарь (37—68) — римский император, жестокий и лицемерный тиран. Отравил своего сводного брата Британика, опасаясь его как соперника, имевшего больше прав на престол. Этот факт послужил сюжетом трагедии Ж. Расина «Британик», сцену из которого вспоминают персонажи «Робеспьера».

Никомед III (I в. до н. э.) — царь Вифании (государство в Азии).

Овидий Назон (43—18 до н. э.) — знаменитый римский поэт. Был сослан в Скифию.

Октавиан Август (63—14 до н. э.) — первый римский император. Титул Августа получил по воцелствию на престол.

Орлеанский Филипп Жозеф (1747—1793), герцог — принц крови. В 1789 г. вступил в конфликт с королевским двором и присоединился к третьему сословию, завоевав этим большую популярность в среде буржуазии и в народе. В 1792 г. был избран в Конвент, где примкнул к монпаньярам (см.) и голосовал за казнь короля. Отрекся от своего титула и принял фамилию Эгалите (франц. égalité — равенство). В 1793 г. был предан суду по обвинению в измене и казнен.

Пале-Рояль — дворец в Париже. В 1789 г. его владелец, герцог Филипп Орлеанский, предоставил часть помещений дворца под торговые и уве-

селительные заведения. Тогда же сад, окружавший дворец, стал любимым местом народных сборищ и развлечений.

Папаша Дюшен — популярный во Франции комический персонаж, торговец жареными, приправлявший каждую фразу прибаутками и ругательствами. Этим именем Эбер (см.) назвал газету, которую издавал в 1790—1794 гг.; под текстом в ней были изображены жаровни. По аналогии с названием газеты самого Эбера нередко называли Папашей Дюшеном.

Патрю Оливье (1604—1681) — знаменитый французский адвокат; речи его многократно издавались.

Персеполис (Персеполь) — столица древней Персидской монархии. Славилась своей роскошью и распущенностью нравов ее обитателей.

Петюион Жером (1753—1794) — в 1791—1792 гг. мэр Парижа; был близок к якобинцам. Пользовался огромной популярностью в народе (попытка короля отрешить его от должности вызвала демонстрацию); был первым президентом Конвента. В 1792 г. примкнул к жирондистам, начал активно выступать против Робеспьера (памфлет «Речь Жерома Петюиона против Максимилиана Робеспьера»). После переворота 31 мая — 2 июня 1793 г. бежал, некоторое время скрывался и умер, скитаясь в поисках очередного убежища.

Пизистрат (600—527 до н. э.) — афинский тиран, узурпировавший власть.

Пилад — друг Ореста, героя древнегреческих преданий, повсюду следовавший за ним. Имена Ореста и Пилада стали нарицательными для обозначения двух неразлучных друзей.

Питт Уильям Младший (1759—1806) — премьер-министр Англии в 1783—1801 гг. Был организатором австро-прусской коалиции, выступившей против революционной Франции; широко финансировал шпионскую и диверсионную деятельность против Французской республики.

Пишегрю Шарль (1761—1804) — генерал; член Якобинского клуба. В 1793 г. одержал ряд побед над интервентами, в 1794 г. успешно руководил военными действиями в Голландии.

Платон (IV—V вв. до н. э.) — древнегреческий философ; создал проект идеального государственного устройства, где идеал общественного блага ставится превыше всего и следование началам справедливости обеспечивает счастье отдельному гражданину и обществу в целом.

Полиньяк Иоланта Мартина (1749—1793), герцогиня — воспитательница королевских детей, фаворитка Марии Антуанетты. После восстания 14 июля 1789 г. эмигрировала.

Полиоркет (завоеватель городов) — прозвание, которое заслужил македонский царь Димитрий (IV в. до н. э.), изобретатель осадных машин.

Полифем — персонаж «Одиссеи» Гомера; циклоп, питавшийся человеческим мясом. Во время своих странствий Одиссей с товарищами попал в его пещеру.

Понторсон — город в департаменте Ламанш 18 ноября 1793 г. армия вандейцев нанесла здесь поражение войскам Республики.

Прага — подразумеваются события войны за право на австрийский престол: в 1741 г. французо-баварские войска заняли Прагу, однако в 1742 г. подверглись осаде и вынуждены были отступить.

Прованский Станислав Ксаверий (1755—1824), граф — брат Людовика XVI. В 1791 г. эмигрировал и жил в разных государствах под именем графа де Лилль. В 1794 г. жил в Вероне, поэтому персонажи «Робеспьера» называют его «королем Веронским». В 1815 г. вступил на престол под именем Людовика XVIII.

Проли Бальтазар (1752—1794) — побочный сын австрийского канцлера кн. Кауница, возглавлявшего австро-прусскую коалицию против

революционной Франции; секретарь Эро де Сешеля. Был заподозрен в тайных связях с австрийским правительством, отдан под суд вместе с эбертистами (см.) и, хотя обвинение не было доказано, казнен.

«Разоблаченный Бриссо» — см. Бриссо.

Ровер Станислав Жозеф (1748—1798) — член Конвента. В 1794 г. был направлен в Воклюз для осуществления политики террора; отозван за чрезмерные жестокости и преследования республиканцев. Подозревался в связи с М. Журданом (см.). 9 термидора выступил против Робеспьера; затем был одним из вождей реакции.

Ролан де Ла Платьер Жан Мари (1734—1793) — один из лидеров жирондистов, в 1792 г. министр жирондистского правительства. Письмо Ролана королю, содержащее напоминание об обязанностях короля перед народом и предупреждение, что пособничество врагам революции навлечет на него гнев нации, повлекло отставку Ролана, сделав его героем дня в глазах народа. После свержения монархии (10 августа 1792 г.) Ролан вошел в новое правительство жирондистов. В 1793 г. был заподозрен в сношениях с Дюмурье (см.), получил отставку, был предан суду, но бежал за границу. Узнав о смерти жены (см. Ролан Манон), покончил с собой.

Ролан де Ла Платьер Манон Жанна (1754—1793) — жена Ж. Ролана (см.). Обладая выдающимся умом, стала помощницей мужа и направляла его деятельность. Создала салон, в котором собирались лидеры жирондистов, и пользовалась в их среде большим влиянием. Была активной противницей Марата и Робеспьера. После ареста мужа пыталась защитить его перед Конвентом, но была обвинена в связях с жирондистами и казнена.

Ронсен Шарль Филипп (1752—1794) — генерал, один из самых популярных ораторов Клуба кордельеров (см.), эбертист. В 1793 г. — помощник военного министра, затем командующий только что созданной Революционной армией (предназначалась для борьбы с внутренней контрреволюцией); участвовал в подавлении восстаний в Лионе и Вандее. С его назначением в Революционную армию эбертисты получили значительную военную силу, на которую рассчитывали опереться в задуманном ими перевороте. В марте 1794 г. Ронсен был арестован и вместе с другими эбертистами предан суду и казнен.

Росбах — селение в Саксонии. Здесь в 1757 г., во время Семилетней войны (1756—1763) прусские войска нанесли тяжелое поражение французской армии.

Росиньоль Жак Антуан (1759—1802) — парижский ювелир, друг Марата. Выдвинулся благодаря личной храбрости во время революционных событий 1789—1792 гг. и в 1793 г. получил звание генерала. Был направлен для подавления контрреволюционного мятежа в Вандее, командовал армией под Ла Рошелью, проиграл ряд сражений. После термидорианского переворота был арестован, но освобожден по амнистии (1796).

Ру Жак (1752—1794) — один из лидеров «бешеных» (см). После смерти Марата (13 июля 1793 г.) продолжил издание его газеты «Друг народа», в которой выступал с требованиями массового террора против контрреволюционеров и спекулянтов; критиковал якобинскую конституцию как не отвечающую интересам бедноты. За выступления против робеспьеристов был арестован и покончил жизнь самоубийством в тюрьме.

Саблон — долина недалеко от Парижа; здесь находилась так называемая Марсова школа (см.).

Сарданпал — ассирийский царь (IX в. до н. э.). Славился распутством. *Сезострис* — греческое наименование египетского фараона Рамсеса Великого. При нем Египет достиг значительного могущества.

Сен-Жак — подразумеваются кварталы в центре Парижа, расположенные близ церкви Сен-Жак. Здесь жили ремесленники, рабочие, торговцы:

Сент-Антуан — предместье Парижа недалеко от Бастилии.

Сестра Капета — принцесса Елизавета (1764—1794), сестра Людовика XVI (см.). В 1792 г. находилась в заключении вместе с королевской семьей; после казни короля была освобождена. В 1794 г. арестована по обвинению в связи с эмигрантами и казнена.

Сийес — см. Болото.

Силен — согласно древнегреческому мифу, воспитатель Диониса (бога вина) и его постоянный спутник; старый сатир, толстый и лысый, всегда веселый и пьяный.

«*Символ веры доброго пастыря*» — памфлет Демулена, направленный против Робеспьера (1794).

Соломон — царь Израиля (1020—980 до н. э.); ему приписывается «Екклезиаст» — каноническая книга Ветхого Завета, строки из которой перефразирует Демулен в пьесе «Дантон» (ср. «Екклезиаст», VI. 3—4).

Солон (638—558 до н. э.) — древнегреческий политический деятель и законодатель. Его реформы определили государственный строй древних Афин и заложили основы афинской конституции.

Спарта — древнегреческий город-государство, «община равных»; жители его отличались строгостью нравов.

«*Старый кордельер*» — газета Камилла Демулена; выходила в 1793—1794 гг. Сначала была направлена против эбертистов (см.), затем предметом ее нападок стали якобинцы. Последний номер газеты (1794, № 7) содержал памфлет Демулена, направленный против Робеспьера («Символ веры доброго пастыря»).

Сулла (138—78 до н. э.) — древнеримский полководец; в борьбе за власть успешно соперничал с Марием (см.). Став диктатором Рима, ввел проскрипции — списки лиц, объявленных вне закона; эти лица могли быть убиты любым гражданином, а их имущество конфисковано.

Талия — согласно древнегреческой мифологии, Муза Комедии; одна из девяти Муз, покровительствовавших искусствам.

Тарквиний Люций (VI в. до н. э.) — последний римский царь. В 510 г. народ поднял восстание против тирании Тарквиния и в Риме была установлена республика.

Тарпейская скала — скала на Капитолийском холме в Риме; с нее сбрасывали преступников, осужденных на смерть.

Тео Катрин — фанатичка, полусумасшедшая старуха, провозгласившая пришествие нового Мессии; из ее проповедей можно было заключить, что Мессия — это Робеспьер, поскольку Тео называла его «спасителем мира». 15 июня 1794 г. Ваде от имени Комитета общественной безопасности обвинил Тео в контрреволюции. Робеспьер выступил в защиту старухи.

Тиберий Клавдий Нерон Германик (10 до н. э. — 54 н. э.) — римский император, известный своей жестокостью и деспотизмом.

Тимон Афинский (V в. до н. э.) — гражданин древних Афин; мизантроп, живший в уединении.

Торквемада Томас (1420—1498) — великий инквизитор Испании, проявлявший чудовищный фанатизм и жестокость.

Тюильри — королевский дворец в Париже. В день свержения монархии (10 августа 1792 г.) восставший народ захватил Тюильри.

Улисс — римское имя Одиссея, героя поэм Гомера. Проходя мимо острова Сирен, которые волшебным пением завлекали мореходов на смертоносные скалы, Одиссей приказал залепить своим спутникам уши воском и таким образом спас свои корабли от гибели.

Флерюс — селение в Бельгии. Здесь 26 июня 1794 г. самбр-маасская армия под командованием Ж. Журдана (см.) одержала победу над австро-прусскими войсками; победа сильно ослабила коалиционную армию.

Флессель Жак (1721—1789) — последний городской голова (прево) Парижа (1788—1789). 13 июля 1789 г. по его инициативе была организована буржуазная милиция — орудие защиты буржуазной собственности. В день восстания 14 июля, стремясь выиграть время в надежде на то, что скоро подойдут королевские войска, Флессель советовал восставшим вступить в переговоры с комендантом Бастилии. После взятия крепости была обнаружена его записка к коменданту с обещанием подкрепления. Это повлекло за собой убийство Флесселя.

Фрешвиллер — селение в Эльзасе. Здесь 22 декабря 1793 г. Л. Гош одержал победу над прусскими войсками.

Фулон Жозеф Франсуа (1715—1789) — королевский советник, ненавидимый народом за проводимую им финансовую и налоговую политику. В июле 1789 г. был повешен восставшими парижанами.

Цезарь Кай Юлий (100—44 до н. э.) — государственный деятель и полководец Древнего Рима. При поддержке армии был провозглашен диктатором Рима.

Цинна и Никомед — герои одноименных трагедий П. Корнелия (1606—1684), французского драматурга эпохи классицизма. Сюжет «Цинны» — заговор аристократов-республиканцев против императора Октавиана Августа; «Никомед» завершается народным восстанием.

Цинцинат Муций Квинций (V в. до н. э.) — политический деятель Древнего Рима. Во время одной из войн был облечен властью диктатора, которую сложил с себя после победы.

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — политический деятель, прославленный оратор Древнего Рима. В 63 г. был консулом и разоблачил заговор Катилины (см.). Был другом Брута — убийцы Юлия Цезаря.

Шатийон — город в департаменте Де-Севр, где были сосредоточены главные силы вандейцев. В июле 1793 г. генерал Вестерман пытался взять Шатийон, который несколько раз переходил из рук в руки.

Шометт Пьер Гаспар (1763—1794) — член Клуба кордельеров (см.), с 1792 г. прокурор Парижской коммуны, сторонник правительственного террора. В 1794 г. обвинен в участии заговора эбертистов (см.) и казнен.

Эбер Жан Рене (1757—1794) — лидер левых якобинцев (эбертистов — см.), издатель популярной в массах газеты «Папаша Дюшен» (см.), с 1792 г. — заместитель прокурора Парижской коммуны. После установления якобинской диктатуры (1793) начал агитацию против революционного правительства, в марте 1794 г. участвовал в попытке мятежа, за что был предан Революционному трибуналу и казнен.

Эдип — герой древнегреческой легенды. Вопреки его попыткам избежать предсказанных несчастий, свершилось все, что было предназначено ему роком.

Энгиенский Луи Антуан (1772—1804), герцог — принц крови. В июле 1789 г. эмигрировал, в 1792 г. сражался против революционной Франции, затем жил как частное лицо за границей. По подозрению в заговоре против Наполеона был арестован и казнен.

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Могылева
Французская революция
в драмах Ромена Роллана
5

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ
Перевод *Т. В. Ивановой*
19

ДАНТОН
Перевод *Н. Любимова*
121

РОБЕСПЬЕР
Перевод *М. Вахтеровой*
203

Т. Динесман
События, декреты, партии и группировки
эпохи Великой французской революции
401

Словарь имен, географических названий,
художественных произведений
и периодических изданий
405

РОМЕН РОЛЛАН

ДРАМЫ

Редактор *З. М. Пекарская*
Художник *Е. Л. Гольдин*
Художественный редактор *М. Г. Егиазарова*
Технический редактор *А. Н. Ханина*
Корректор *Ю. А. Евстратова*

И.Б. № 3090

Сдано в набор 27.06.88. Подписано в печать 06.03.89. Формат издания 84 × 108/32. Бумага офсетная. Гарнитура школьная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 44,06. Уч.-изд. л. 24,04. Изд. № 12304. Тираж 30 000. Заказ 1472. Цена 2 р. 80 к. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ярославский полиграфкомбинат Госкомиздата СССР. 150014 Ярославль, ул. Свободы, 47.